

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 2(70), 2025

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Молчанова Д.А.</i> Взаимодействие нарратива и перформатива в прозиметрических рассказах И.А. Бунина	5
<i>Семина А.А.</i> Юрий Иваск и «парижская нота»: к проблеме преемственности.....	15
<i>Супрякова А.О.</i> Роман А.Р. Беляева «Чудесное око»: к вопросу о научном контексте и времени написания.....	29
<i>Радионова А.В.</i> Творчество Б. Пастернака и «Доктор Фаустус» Т. Манна. I. Капли и звуки	39
<i>Нагорная Е.В.</i> Маркемная родословная поэзии А.В. Жигулина.....	57
<i>Отургашиева Н.В.</i> Опыт аксиологического изучения художественного текста на примере романа Е.Г. Водолазкина «Брисбен».....	67
<i>Королева И.А.</i> Урбанонимы как часть топонимического пространства Смоленска.....	85
<i>Козлова Е.А.</i> Избыточность алогизмов.....	93
<i>Русакова Ю.Е.</i> Формирование позитивного медиаобраза региона в интернет-СМИ (на примере онлайн-издания «Трамплин»)	107
<i>Белютин Р.В.</i> Футбол как религия: о пересечении двух концептуальных областей в немецкой этнолингвокультуре	123
<i>Коломейцева Е.Б.</i> Жанрово-стилистическая преемственность в романах Джо Хилла	132
<i>Пивоненкова Т.Б.</i> Образные стилистические средства в легендах Вашингтона Ирвинга (на примере «Легенды комьюнипо», «Легенды о двух скрытных статуях», «Легенды о доне Муньо Санчо де Инохоса»)	145

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Метельский А.А.</i> Поддержка Православной церкви мстиславскими князьями	158
<i>Некрашевич Ф.А.</i> Роль зачетных квитанций в исполнении рекрутской повинности (на примере Витебской губернии Российской империи (1794–1861)).....	176
<i>Карушикина Н.В., Кожин В.В.</i> Ценности великих князей Николаевичей после революции	190
<i>Казаков М.М.</i> Новый Рим: у истоков идеи	205
<i>Ходин А.А.</i> Датское королевство и его жители глазами французского дипломата середины XVII века	221

Калашиников А.В. Противостояние «Белых лиг», «Красных рубашек» и «Черных милиций» на юге США в период радикальной реконструкции ... 236

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

Цветков Ю.Л. Немецкая проза: художественные и исследовательские практики XXI в.: 253

Сведения об авторах 257

Д.А. Молчанова

Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

УДК 82-1:81'42

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-5-15

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРРАТИВА И ПЕРФОРМАТИВА В ПРОЗИМЕТРИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА

Ключевые слова: прозиметрия; нарратив; перформатив; лирика; эпос; поэзия; проза; И.А. Бунин.

Статья посвящена изучению взаимодействия лирического и эпического (перформативного и нарративного) в прозиметрическом целом художественного текста. Обращается внимание на аспект влияния лирического дискурса с его особым способом организации художественного целого на эпический дискурс как завершающий и оцеляющий «рассказанное событие» в «событии рассказывания». Включение поэтических вставок в прозаический текст следует рассматривать не только с точки зрения ритмики или в качестве проявления интертекстуальности, но и в плане дискурсивной поэтики, учитывая жанровую специфику поэтического «включения», характер лирической «идентичности», а также «этнос суггестивности», возникающие за счет лиризации эпического целого. Раскрываются содержание понятия и характерные признаки лирического перформатива как модели представления акта автопрезентации, самоактуализации «я», в котором говорящий описывает наблюдаемый им самим в момент речи процесс рефлексии. Проводится анализ прозиметрического художественного произведения, при этом особое внимание уделено жанровой специфике лирических текстов и влиянию, которое система ценностей стихотворения и модус самоактуализации лирического «я» оказывают на рассказ. Автор делает вывод, что динамика сюжета направляется динамикой рефлексии лирического текста, которая находится в зависимости от жанровой специфики последнего. Кроме того, позиция читателя в таком случае двойится: ему отводится не только позиция «неведающего» адресата эпического текста, но и роль солидаризирующегося с лирическим героем реципиента перформативного слова лирики. Наконец, в случае с рассматриваемыми рассказами И.А. Бунина можно говорить о том, что характер эпического события испытывает явное влияние лирического способа

отражения действительности, вследствие чего «рассказанное событие» обретает характеристики «единственного события» лирического текста.

Поскольку термин «дискурс» многозначен и применяется в различных областях научного знания, считаем нужным оговорить: в нашем случае мы понимаем под ним коммуникативное событие встречи двух сознаний – говорящего и слушающего, которые «встретились» по поводу некоторого объекта. В художественном тексте этой системе соответствует триада «автор – читатель – герой», а в зависимости от характера отношений между ними (автором и читателем, автором и героем) представляется возможным разграничить художественные практики на нарративные и перформативные.

Усилиями зарубежных и отечественных ученых (в числе которых К. Фридеман (K. Friedemann), П. Рикер, У. Бут (W. Booth), Ч. Перельман (Ch. Perelman), В. Шмид, В.И. Тюпа, А.Е. Агратин, О.А. Гримова, Г.А. Жиличева и др.) к настоящему моменту весьма развита такая область научных изысканий, как нарратология, объектом которой выступают как раз нарративные, то есть эпические, жанры. Их родовое содержание в самом общем виде можно обозначить как событийный опыт существования «я-в-мире». Нарратив предполагает дистанцию между говорящим и слушающим (рассказчик всегда более осведомлен, нежели читатель), которая преодолевается в самом событии рассказывания; также имеет место временной разрыв между рассказанным событием и событием рассказывания. С лирическими жанрами, то есть с перформативными дискурсивными практиками, дело обстоит иначе.

Сам термин «перформатив» взят из лингвистики, где он называет непосредственные речевые действия, высказывания-поступки, как то: клятвы, заклинания, проклятия, молитвы, мольбу, божбу, обещания и т.п. Все названные действия нельзя совершить иначе, чем произнеся соответствующую речевую формулу. Лирические тексты, чье родство с архаичными заклинаниями (первобытными перформативами) едва ли на данный момент подлежит сомнению (см. об этом: [Лирика: генезис и эволюция, 2007]), обладают высоким потенциалом воздействия, или трансформирующей силой: предполагается, что в лирическом тексте происходит откровение, уяснение собственного состояния, осмысляемого, однако, как универсальное, а читатель, вошедший в солидарность с лирическим героем, способен испытать аналогичное озарение, рождение которого и зафиксировал в своем тексте автор.

В последнее время, таким образом, намечается и разрабатывается смежная с нарратологией область научных изысканий, сосредоточенных на лирических текстах как анарративных, или перформативных, практиках (эта сфера научного знания могла бы именоваться перформативистикой; термин наш. – Д. М.). Категориальное наполнение этой формирующейся научной отрасли намечено преимущественно В.И. Тюпой (см. об этом: [Тюпа, 2013, 112–143]). Так, если нарратив имеет структуру воспоминания, то перформатив – структуру откровения (озарения, догадки); если нарративный текст репрезентирует

реальность, то в перформативном акте осуществляется непосредственная *авт*-топрезентация субъекта речевых действий, происходит «уяснение внутреннего состояния» (Ю.М. Лотман), а речевая ситуация претерпевает переформатирование (открываются, уясняются новые состояния поэтического «я», а также отношения между «я» и «другим»). В.И. Тюпа предлагает соотносимую с нарратологической системой «неэлиминируемых» (Ю.Н. Тынянов) признаков лирического перформатива:

1) «ценностную архитектонику пространственно-временной конфигурации» лирического текста (в противовес картине мира в нарративных высказываниях);

2) модус самоактуализации, то есть типовую позицию лирического субъекта в качестве «линии внутренней направленности... стремящегося “я”»;

3) «этос суггестивности», или «аффективное состояние получателя, которое возникает в результате воздействия на него» текстом [Тюпа, 2013, 122].

С опорой на три обозначенные категории представляется возможным установить жанровую стратегию лирического дискурса, то есть соотнести его с тем или иным базовым перформативом (к числу базовых ученых относит хвалу, хулу, перформативы угрозы и покоя, жалобы и желания). Уяснение дискурсной стратегии лирического перформатива видится продуктивным шагом не только при анализе стихотворных, собственно лирических текстов, но и при интерпретации прозиметрических художественных произведений.

Говоря о прозиметрии, как правило, имеют в виду художественные тексты, включающие в себя стихи и прозу как «два принципиально различных способа организации речевого материала, два разных языка литературы» [Орлицкий, 2008, 11]. Хотя нет строгой связи между родовой спецификой произведения и типом художественной речи (то есть эпические тексты не всегда написаны прозой, а лирические – стихами), однако явление прозиметрии может быть рассмотрено в том числе в аспекте категории рода литературы. И.А. Поплавская в монографии «Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в.» с опорой на научные изыскания М.М. Бахтина отмечает, что «поэзия и проза как архитектурные художественные формы, как формы завершения эстетического объекта создают соответствующие им модели действительности и в этом смысле обнаруживают свое глубинное родство как с лирикой, так и с эпосом, тоже понятыми архитектурно» [Поплавская, 2010, 16–17]. В соответствии с этим нас в прозиметрии интересует не столько то, как взаимодействуют в рамках одного текста два типа художественной речи, сколько то, как влияет на эпический текст (нарратив, репрезентирующий событийный опыт) включение в него лирического текста (перформатива, «речевой автопрезентации», переформатирующей саму ситуацию общения), – то есть результат «соприкосновения» двух принципиально различных типов дискурса.

В этой связи мы обратили внимание на такие рассказы И.А. Бунина, в которых в прозаический текст включены стихотворные фрагменты, однако

анализу подвергли не ритмические и стилистические особенности этих рассказов, не интертекстуальные взаимодействия в них, но нарративную картину мира и систему «нарративных идентичностей» (В.И. Тюпа), чтобы проследить, как включение лирического текста и его жанровая стратегия воздействуют на жанровую и нарративную стратегию эпического целого.

Обратимся к рассказу «В одной знакомой улице» (1944), заглавие которого само по себе является цитатой (начальной строкой) из стихотворения Я. Полонского «Затворница» (1846), что заведомо ставит лирический текст в сильную позицию по отношению к эпическому целому. Кроме того, первое же высказывание внутри текста образовано сочетанием нарративной репрезентации и лирической медитации:

Весенней парижской ночью шел по бульвару в сумраке от густой, свежей зелени, под которой металлически блестели фонари, чувствовал себя легко, молодо и думал:

*В одной знакомой улице
Я помню старый дом
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном... (513)¹*

Симптоматично, что это высказывание с точки зрения грамматики соотносится с двусоставным неполным предложением с пропущенным подлежащим, восстанавливаемым из контекста, то есть субъект высказывания возникает лишь в поэтической вставке. Это заставляет нас еще раз вспомнить, что «в противовес нарративу, репрезентирующему событийный опыт пребывания в мире, перформатив служит *автопрезентацией* субъекта речевых действий» [Тюпа, 2013, 115]. И тогда правомерно предположить, что в первом, гетерогенном высказывании происходит и репрезентация диегетического нарратора, и автопрезентация, самоактуализация лирического «я».

Далее в тексте звучит реплика-«комментарий», вводящая также я-персонажа: *Чудесные стихи! И как удивительно, что все это было когда-то и у меня! Москва, Пресня, глухие снежные улицы, деревянный мещанский домишко – и я, студент, какой-то тот я, в существование которого теперь уже не верится...* (513). Иными словами, мы видим и слышим в рассказе попеременно трех субъектов: диегетического нарратора, идущего *весенней парижской ночью по бульвару*, – в настоящем, персонажа («я, студент, какой-то тот я, в существование которого теперь уже не верится...») – в прошлом и лирического героя стихотворения Я. Полонского – вне временных планов. Далее медитация нарратора (я-в-настоящем) в отношении героя (я-в-прошлом) направляется «всплывающими» в сознании пер-

¹ Здесь и далее текст рассказа цит. по: [Бунин, 1982, 513–515] с указанием страницы в круглых скобках.

вого фрагментами стихотворения, при этом он то отождествляет, то распределяет я-персонажа с лирическим героем, которые тем самым оказываются в отношениях своего рода «нераздельности-неслиянности».

Если принять за отправную точку то, что нарратор и персонаж принадлежат диегетическому миру рассказа, а лирический герой неразрывно связан с ценностной архитектурой лирического текста, то стихотворение будет выступать внутри рассказа источником некоторой системы ценностей, относительно которой ориентируется нарратор. Поскольку стихотворение приводится в рассказе фрагментарно, то для понимания жанровой стратегии лирического перформатива следует обратиться к его целому. В таком случае мы увидим, что перед нами текст, генетически родственная балладе, то есть перформативу тревоги, угрозы (на это указывают такие образы и мотивы лирического текста, как *тайная сила, ночной час, бледная девушка и ее речи о дальней стороне, тревожное колыхание занавески* и т.п. – своего рода топосы балладного жанра). Источником ценностной архитектуры баллады выступает архетипическая бинарная оппозиция «свой – чужой», при этом вторжение пришельца из иного мира в «свой» влечет за собой катастрофу для героя из мира «этого». «Затворница» Полонского, находясь в «своем» мире (об этом говорит его замкнутость, изолированность от всего чуждого), устанавливает контакт с представителем иного мира (горящий огонек в ее комнате легко поставить в один ряд с огоньком гадальной свечи, что влечет за собой ассоциации с балладными героинями, ворожащими на жениха), который представляется ей проводником в «неизведанный», опасный и тревожный, но чрезвычайно заманчивый мир. Однако доступ в эту дальнюю сторону покупается в балладе ценой собственной жизни.

Балладный жанр, таким образом, предполагает «катастрофическую самоактуализаци[ю] лирического субъекта... Речь не идет о катастрофичности общей, хоровой жизни. Сверхъестественные силы балладного мира избирательны в своих пристрастиях. Избирая жертву, они разобщают субъектов существования, разрушают идиллическую родовую общность персонажей» [Тюпа, 2013, 134]. То же мы находим и в рассказе: сначала узнаем, что девушка – «дочь какого-то дьячка в Серпухове, бросившая там свою нищую семью, уехавшая в Москву на курсы» (513), а в финале видим расставание персонажей, усиливающее мотив разобщенности: *Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки, как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов... Больше ничего не помню. Ничего больше и не было* (515).

Однако не расставание влюбленных образует интригу рассказа, а то, что Г.А. Жиличева, одна из авторов коллективной монографии «Поэтика “Доктора Живаго” в нарратологическом прочтении», называет интригой слова, – «систем[а] частных, обладающих коммуникативным воздействием, аналогичным функционированию рифмы (и других элементов стихового ряда)» (см.: [Поэтика «Доктора Живаго», 2014, 138]). Нарратив,

начавшийся как воспоминание некоего господина, идущего по бульвару в Париже, завершается постулатом: «Больше ничего не помню. Ничего больше и не было» (515). Как такое возможно, если читатель только что был свидетелем «события рассказывания», которое было бы невозможно, если бы после «рассказанного события» ничего больше не было?

Вернемся еще раз к первому высказыванию. Как мы отметили ранее, местоимение «я» пропущено в нарративной части высказывания и восстанавливается из перформативного включения. Затем мы указали на отношения ориентации нарратора на фигуру лирического героя. Сначала это ориентирование осуществляется в виде ассимиляции: «...все это было когда-то и у меня!», «И там светил. И мела метель, и ветер сдувал с деревянной крыши снег, дымом развевал его, и светилось вверх, в мезонине, за красной ситцевой занавеской...», «И это было» (513). Затем наступает размежевание, дивергенция: «Распущенной косы не было, была заплетенная», «У нас “убежим” не было» (514).

Одновременно с тем обратным образом изменяется характер цитирования: если первые три из четырех фрагментов приводятся с изменениями («завешанным» вместо «завешенным», «огонек *таинственный*» вместо «огонек, как звездочка», «Ах, что за чудо девушка» вместо «И что за чудо девушка», «Меня встречала в доме том» вместо «Меня встречала, бледная»), то четвертый – дословно:

*Как не по-детски пламенно
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!»* (514)

Хотя первые «комментарии» носят конвергентный характер и имеет место узнавание себя в другом (в лирическом герое), то далее, несмотря на повышение точности цитирования, ситуация из мира персонажа (я-в-прошлом) расходится с ситуацией стихотворения. Мы полагаем, что ценностная архитектура стихотворения и связанный с ней (катастрофический) модус самоактуализации выступают в рассказе в качестве императива, верховного миропорядка. И потому отношение рассказчика к рассказываемому событию в момент «отпадения» последнего от постулируемого порядка (согласие с которым и выражается через повышение точности цитирования) обретает трагическую окраску. На это непосредственным образом влияет формируемая жанром баллады модальность лирического текста: «Катастрофическая самоактуализация лирического субъекта баллады представляет собой откровение неизбежного конца, предопределенной исчерпанности индивидуального бытия, но одновременно – откровение его личности, жертвенной ценности, внеоценочной самодостаточности обреченного “я”» [Тюпа, 2013, 134].

Возрастающая текстуальная (иницированная автором, а не нарратором) солидаризация с текстом лирического стихотворения обостряет, обнажает катастрофичность бытия нарратора, сообщая случаю из его жизни статус

судьбоносного и вообще – единственного события в рамках картины мира, императивно формируемой текстом стихотворения. В рассказе, таким образом, происходит уяснение нарратором собственного статуса, состояния в акте рефлексии, направляемой лирическим текстом. Кроме того, перформатив тревоги «одалживает» рассказу трагическую модальность, уравнивая расставание влюбленных с необратимой гибелью, что и предопределяет бессобытийность, опустошенность дальнейшего существования рассказчика.

Аналогичное уяснение собственного состояния происходит и в рассказе «Холодная осень» (1944), который заканчивается размышлением героини:

Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что я не переживу ее. Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни – остальное ненужный сон (519)².

Лирическое включение в рассказ, помимо опять же цитатного заглавия, образовано строчками из стихотворения А.А. Фета:

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

*Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот...*

*– Капота нет, – сказала я. – А как дальше?
– Не помню. Кажется, так:*

*Смотри – меж чернеющих сосен
Как будто пожар восстает... (516)*

Стихотворение «Какая холодная осень...» (1854) в жанровом плане представляет собой элегию, поскольку ситуация из первой строфы «перформатируется» в воспоминание («Сияние северной ночи / Я помню всегда близ тебя»), а далее манифестируется типично элегический мотив бесприютности: «И светят фосфорные очи, / Да только не греют меня». Если балладная ситуация разворачивается на границе двух миров – своего и чужого, то элегическая – двух времен: настоящего и прошлого, при этом прошлое наделяется повышенной ценностью. Переживание невозвратности прошлого происходит и в рассказе: мир героини разворачивается перед читателем ретроспективно, а нарочитая бессобытийность ее жизни после смерти возлюбленного высвечивает по-настоящему значимое событие – «тот холодный осенний вечер», превратившийся в воспоминание и ценностный ориентир. Наконец, элегическая «светлая грусть» также эксплицирована в тексте рассказа: «Все-таки грустно. Грустно и хорошо» (516).

² Здесь и далее текст рассказа цит. по: [Бунин, 1982, 515–519] с указанием страницы в круглых скобках.

Нам думается, что элегия позволяет «переформатировать» нарративное событие. Художественный мир рассказа благодаря помещенному в него фрагменту элегии воспринимается как окказиональный (а не, скажем, вероятностный), а малозначашее, на первый взгляд, происшествие в свете грядущей смерти обретает статус события: вместо типичного для нарратива перерождения вследствие переживания опыта символической смерти с рассказчицей происходит внутренняя трансформация, касающаяся уяснения сущностных характеристик своего «я» – того, что мы назвали бы смыслом жизни. Такое откровение с гораздо большей вероятностью могло бы стать событием в стихотворении, нежели в рассказе, однако в этом, по-видимому, и состоит своеобразие прозиметрических рассказов И.А. Бунина.

Наконец, обратимся к рассказу «Качели» (1945). Очевидно его сходство с предыдущими текстами: во-первых, он начинается с гетерогенного высказывания с опущенным местоимением-подлежащим, что поначалу затрудняет идентификацию нарратора и провоцирует совмещение фигуры героя рассказа с лирическим героем стихотворения, во-вторых, финальные фразы «Пусть будет только то, что есть... Лучше уж не будет» (525)³ в ценностном плане перекликаются с ранее рассмотренной финальной фразой рассказа «В одной знакомой улице»: «Больше ничего и не было». В качестве существенного различия между рассказами назовем недиегетического нарратора, чье присутствие в тексте, однако, сведено к минимуму.

В-третьих, мы полагаем, что в данном тексте, как и в предшествующих, стихотворение задает систему ценностей, на фоне которой может быть воспринято рассказанное событие. Превращенный в песню фрагмент – это девятая строфа стихотворения «С португальского» («Там звезда зари взошла...») (1825) – вольного перевода стихотворения «Recordações» («Воспоминания») бразильского поэта Томаса-Антонио Гонзага, выполненного А.С. Пушкиным.

В-четвертых, с точки зрения дискурсного анализа этот лирический текст можно отнести к жанру элегии, поскольку она «сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени для отдельного человека» [Теория литературных жанров, 2011, 188]. Примечательно, что 39 из 44 строк стихотворения погружают читателя в мир прошлого, воспоминаний, изображенный с привлечением идиллической картины пастушьей жизни, благодаря чему возникает контраст между идиллическим и элегическим мировосприятием. Включение в текст рассказа строфы, в которой отсутствует указание на прошедшее время происходящего, позволяет соотнести ситуацию рассказа со временем блаженства, и тогда предпоследняя реплика героини («Пусть будет только то, что есть...») воспринимается как попытка остановить «прекрасное мгновенье». Однако лирический пер-

³ Здесь и далее текст рассказа цит. по: [Бунин, 1982, 523–525] с указанием страницы в круглых скобках.

форматив плача сообщает рассказу иную тональность, выявляя в изображенной ситуации субъективную значимость не самого прекрасного мгновения, а его неизбежной утраты, потому рассказ и завершается словами: «Лучше уж не будет». Поскольку для элегии источником ценностной архитектоники выступает перформатив плача, то смерть (или приравненное к ней расставание) как бы полагает непреодолимую границу между прошлым и будущим. Именно это полагание границы мы видим завершающим и оцеляющим рассказ событием.

Заклучим. Если единственное событие лирического текста – преодоление в акте самосознания границ художественного мира (см. об этом: [Теория литературы, 2004, 350–355]), то это справедливо и для рассмотренных нами коротких рассказов И.А. Бунина. Динамика сюжета определяется в них динамикой рефлексии, которая, в свою очередь, моделируется лирическим сюжетом цитируемого и комментируемого нарратором стихотворения. Последнее обретает универсальный характер, мифологизируется.

«В прозе преобладает не “живающая”, а “завершающая” функция художественного слова» [Поплавская, 2010, 15], – пишет И.А. Поплавская. Тем самым введение поэтических (лирических) фрагментов позволяет сделать рассказываемое событие предметом рефлексии со стороны нарратора сквозь призму ценностной архитектоники лирического стихотворения, относящегося к той или иной жанровой модификации (баллады, элегии). Однако природа рассказов в целом эпическая, что позволяет автору превратить специфику лирического мира, его особую архитеконику («есть только то, что названо» – «а больше ничего и не было») в предмет изображения, поместить ее в поле зрения нарратора и укоренить лиризованную точку зрения на мир в самом этом художественном мире.

Наконец, включение поэтического фрагмента в рассказ, помимо прочего, сообщает ему тот или иной модус художественности, помогает установить эстетическую модальность смыслопорождения. Перформативный компонент также позволяет читателю избрать необходимую модель эстетической самоидентификации и предоставляет ему возможность двояко отнестись к нарративу: воспринять рассказанное событие с позиции неведомого слушателя или совпасть с героем в событии ментального единения, как того требует перформативное слово лирики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунин И.А. Повести и рассказы. М.: Правда, 1982. 574 с.
Лирика: генезис и эволюция / сост. И.Г. Матюшина, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2007. 417 с.
Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М.: РГГУ, 2008. 845 с.
Поплавская И.А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 378 с.
Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: коллективная монография / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. 512 с.

Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин [и др.]; под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд. центр «Академия», 2011. 256 с.

Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под ред. Н.Д. Тамарченко. В 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 512 с.

Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

D.A. Molchanova

*PhD in Philology, Senior Lecturer,
Chair of Literary and Artistic Criticism,
Belarusian State University
Minsk, Belarus*

The Interaction of Narrative and Performative in I.A. Bunin's Prosimetric Short Stories

The article presents the study of interaction of the lyrical and the epic (the performative and the narrative) in the prosimetric fictional text. Attention is drawn to the aspect of the impact of lyrical discourse with its special way of organizing the artistic whole on epic discourse which completes «narrated event» in the «storytelling event». Inclusion of poetic inserts in a prosaic text should be considered not only from the point of view of rhythm or as a manifestation of intertextuality, but also in terms of discursive poetics, taking into account the genre specifics of poetic «inclusion», the nature of lyrical «identity», as well as the «ethos of suggestiveness» arising due to the lyricization of the epic whole. Content of the concept and characteristic features of the lyrical performative are revealed as a model for representing the act of self-presentation, self-actualization of «the I», in which the speaker describes the process of reflection observed by himself at the moment of the speech. The analysis of the prosimetric literary text is carried out, and special attention is paid to the genre specificity of lyrical texts and the influence that the value system of the poem and the mode of self-actualization of the lyrical «I» have on the story. The author concludes that the dynamics of the plot is guided by the dynamics of reflection of the lyrical text, which depends on the genre specifics of the latter. In addition, the reader's position in this case is «twofold»: he is assigned not only the position of the «ignorant» addressee of the epic text, but also the role of the recipient of the performative word of the lyrics, who stands in solidarity with the lyrical hero. Finally, in the case of the considered stories by I.A. Bunin, it can be said that the character of the epic event is clearly influenced by the lyrical way of reflecting reality, as a result of which the «narrated event» acquires the characteristics of «the only event» of the lyrical text.

Keywords: prosimetry; narrative; performative; lyrics; epic; poetry; prose; I.A. Bunin.

REFERENCES

- Bunin I.A. Novels and short stories [Povesti i rasskazy]. Moscow: Pravda Publ., 1982. 574 p. (in Russian).
- Lyrics: genesis and evolution [Lirika: genezis i evoliutsiia]. Compiled by I.G. Matiushina, S.Iu. Nekliudov. Moscow: RSUH Publ., 2007. 417 p. (in Russian).
- Orlitskii Iu.B. The dynamics of verse and prose in Russian literature [Dinamika stikha i prozy v russkoi slovesnosti]. Moscow: RSUH Publ., 2008. 845 p. (in Russian).
- Poplavskaiia I.A. Types of interaction between poetry and prose in Russian literature of the first third of the XIX century [Tipy vzaimodeistviia poezii i prozy v russkoi literature pervoi treti XIX v.]. Tomsk: Tomsk University Press, 2010. 378 p. (in Russian).
- The poetics of «Doctor Zhivago» in a narratological reading. Collective monograph [Poetika «Doktora Zhivago» v narratologicheskom prochtenii. Kollektivnaia monografiia]. Edited by V.I. Tiupa. Moscow: Intrada Publ., 2014. 512 p. (in Russian).
- Theory of literary genres: a textbook for students of institutions of higher professional education [Teoriia literaturnykh zhanrov: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniia]. M.N. Darvin, D.M. Magomedova, N.D. Tamarchenko, V.I. Tiupa. Edited by N.D. Tamarchenko. Moscow: Publishing center «Akademiia», 2011. 256 p. (in Russian).
- Theory of literature: a textbook for students of the Faculty of Philology of higher educational institutions [Teoriia literatury: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii]: In 2 vols. Edited by N.D. Tamarchenko. Vol. 1: The theory of artistic discourse. Theoretical poetics [Teoriia khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poetika]. Moscow: Publishing center «Academy», 2004. 512 p. (in Russian).
- Tiupa V.I. Discourse / Genre [Diskurs / Zhanr]. Moscow: Intrada, 2013. 211 p. (in Russian).

А.А. Семина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

УДК 82-1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-15-28

ЮРИЙ ИВАСК И «ПАРИЖСКАЯ НОТА»: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: *Юрий Иваск; поэзия русской эмиграции; «парижская нота»; рецепция; преемственность.*

В литературоведении до сих пор нет единого мнения по поводу того, насколько поэзия эмигранта Ю.П. Иваска (1907–1986) наследует традициям «парижской ноты». Так, Д.В. Бобышев считает, что Иваск был близок к ней начиная со второй книги стихов «Царская осень»: он, по мнению поэта, часто задействовал ее приемы, однако сохранял при этом присущую собственной лирике светлую тональность. О.Ф. Кузнецова, наоборот, называет Иваска поэтом, далеким от принципов парижской поэтики. О.А. Коростелев высказывается по данному вопросу неоднозначно, то записывая автора в ярые адепты «ноты», то признавая, что с данным объединением Иваск был связан

преимущественно как критик, а поэтически школа Адамовича была ему не столь близка. Проанализировав творчество автора, можно прийти к выводу, что апогея влияние «парижской ноты» достигает именно во второй книге стихов Иваска «Царская осень» (1953), часто затрагивающей мотивы увядания, умирания и апеллирующей к опыту поэтов, являвшихся для круга Адамовича эталоном (И. Анненский, Г. Иванов). В первой книге «Северный берег» (1938), напротив, преобладающей можно назвать интонацию Е. Баратынского. В третьем сборнике «Хвала» (1967) отзвук «парижской ноты» слабо различим: ее влияние имеет уже не тотальный, а точечный характер. В следующей книге стихов, «Золушка» (1970), Иваск особенно охотно смешивает высокое с низким и предстает преимущественно как поэт барокко, что уже отмечалось исследователями. Прощание с «парижской нотой», таким образом, завершилось (в сборнике «Золушка» стихотворений, близких парижской поэтике, окажется всего два).

Мнение современного литературоведения о месте поэтического наследия Ю. Иваска по отношению к традициям «парижской ноты» неоднозначно. Так, по словам Д.В. Бобышева, начиная со второго сборника «Царская осень» (1953) стихи Иваска «испытывают влияние “парижской ноты” Г. Иванова, но отличаются от нее общей мажорностью и словесной игрой» [Бобышев, 2005, 89]. В то же время О.Ф. Кузнецова называет Ю. Иваска «поэтом, далеким от “ноты”» [Кузнецова], что, по ее мнению, позволило ему по достоинству оценить авангардистские эксперименты И. Чиннова. Даже О.А. Коростелев то называет Иваска «ярим адептом»¹ школы Адамовича, то замечает, что поэт «имел отношение к ноте лишь отчасти» [Коростелев, 2008, 33]. По мнению исследователя, Иваск, в силу того что он благоговел равно и перед Адамовичем, и перед Цветаевой, разрывался между «двумя принципиально разными поэтиками» [Там же] и «так и не смог ни примкнуть окончательно к тому либо другому полюсу, ни переплавить оба влияния в нечто цельное» [Там же]. В работе ученый приводит также воспоминания самого поэта, который еще в ранней юности осознал правду принципов школы Адамовича, но отметил: «...по существу она была мне чужда, хотя я иногда и звучал в ее тоне» [Иваск, 1979, 95]. В итоге, по мнению исследователя, «в истории “ноты” Иваск остался в большей степени не как поэт, а как критик, литературовед и мемуарист» [Коростелев, 2008, 33–34].

Даже из столь краткого обзора очевидно, что вопрос о влиянии поэтики, восходящей к акмеизму «парижской ноты», на лирику Иваска нуждается в более пристальном рассмотрении, что представляется особенно важным в свете симпатий автора к Мандельштаму (общеизвестно, что Иваск написал предисловие «Дитя Европы» к третьему тому его нью-йоркского

¹ «Один из наиболее ярких адептов и пропагандистов “парижской ноты” – Юрий Иваск – многократно писал, что это не была школа в обычном смысле, но “лирическая атмосфера”...» [Коростелев, 2008, 3–4].

собрания сочинений, а также посвятил ему некоторые стихотворения). Показателен также отзыв о стихах Иваска в письме 1953 года от Г. Адамовича, разглядевшего в них что-то близкое собственным поэтическим критериям: «Я не думаю, чтобы у него был настоящий талант поэта. Но у него есть чувство, чем могут быть стихи, чем должны быть стихи – и есть отблеск этого в том, что он пишет². <...> У многих наших мэтров этого нет и в помине. Иваск – это тень, отражение большой и какой-то патетической³ поэзии...» [«Если чудо вообще возможно за границей...», 2008, 17].

В связи с этим обратимся к стихам второго и третьего⁴ сборников автора («Царская осень» 1953 года и «Хвала» 1967 года). Попробуем выявить в них как черты, восходящие к школе Адамовича, так и особенности, которые идут вразрез с принципами парижской поэтики⁵. Обобщив, первые можно кратко представить следующим образом: это приглушение тона, отказ от патетики, а также попытки максимально адекватно воссоздать в поэтическом тексте интонации разговорной естественной речи с присущими ей фрагментарностью, недосказанностью, неполнотой информации (характерными для реплик в диалоге, когда собеседники погружены в некий контекст и потому не считают необходимым его проговаривать) [Семина, 2022, 7].

Характеризуя основной камертон поэзии «парижской ноты», духовный отец Иваска Г. Федотов заметил: «Парижане ощущают землю скорее как ад и хотят разбивать всякие найденные формы, становящиеся оковами» [Федотов, 2004, 23]. При том, что Иваск-поэт оказался не чужд формальных экспериментов, очевидно, что тональность подавляющего большинства его стихов к подобному мировосприятию имела мало отношения. Так, Г. Адамович в рецензии на сборник Иваска «Золушка» (1970) отмечал: «...радость существования, ненасытное влюбленное любопытство ко всему существующему составляет самую основу его поэзии. <...> Говоря о стихах Чиннова, я употребил слово “трагично”: нет ничего, что было бы более чуждо Иваску, и даже может быть непостижимо ему...» [Адамович, 1970, 285]. В то же время показательны размышления самого Иваска о трагическом в искусстве в связи с анализом стихотворений Г. Иванова, где мажор и минор поэт-критик воспринимает диалектически: «Вообще же, в искусстве всякое отрица-

² Выделено мною.

³ Подчеркнуто Г.В. Адамовичем.

⁴ Первый сборник Иваска, «Северный берег», по замечанию П. Бицилли, наследует Баратынскому: «К Баратынскому преимущественно восходит, как кажется, вся поэзия Иваска: та же “философическая” направленность, те же “гамлетовские” вопросы о смысле жизни и смерти, о значении и правах разума, та же тоска о каком-то “разрешении всех загадок”, о том, что могло бы примирить сознание с действительностью...» [Бицилли, 1938, 476–477].

⁵ Ср. с замечанием Г.П. Федотова: «Я сознаю известную произвольность моего приравнения школы Адамовича и парижской школы, но убежден в его правильности. <...> Молодежь шла за Адамовичем, зачарованная им. Это его влияние сообщает ей единство; люди, свободные от него, жили особняком, “дикими”, вне школ и групп» [Федотов, 2004, 17].

ние есть и утверждение. Так, темный ужас в греческих трагедиях разряжается в светлом катарсисе, освобождающем от ужаса, и утверждающем не смерть, а жизнь. Так и в лирике» [Иваск, 1972, 54]. Показательны суждения Иваска об эффекте, который производят те стихи Г. Иванова, где очень отчетливо различимы обертоны отчаяния и богооставленности: «...скепсис, например, Ходасевича вызывает скуку, равнодушие, тогда как самые отрицательные стихи Георгия Иванова повышают жизненный “тонус”, бодрят, укрепляют, – как электрический шок или ледяной душ» [Иваск, 2002, 182].

Нельзя не отметить, что поэзия в книге «Царская осень» местами изобилует воспеванием красоты увядания и умирания – того, что сам автор, подводя итоги деятельности поэтов первой волны эмиграции, справедливо возводил к художественной практике И. Анненского: «Простота в изложении, размышления о самом главном, тоска и порывы Анненского – вот слагаемые парижской ноты Адамовича и его друзей» [Иваск, 1972, 46]. Само стихотворение, давшее заглавие сборнику, как кажется, родилось из метафоры в стихотворении Г. Иванова «А еще недавно было все, что надо...»: *Где еще не скоро сменится метелью / Золотая осень крепостного права* [Иванов, 1994, 434], – также уподобляющего царскую, дореволюционную Россию осени. Ср. у Иваска:

Сентябрь, сентябрь, великих умиранье
И Юлиев, и Августов земли,
И вот октябрь, последнее сиянье,
И варвары с секирами пришли.
И обреченных венценосцев сада
Он вырубает, дикий человек... [Иваск, 1953, 6–7]

«Варвары» Иваска воскрешают в памяти читателя интуиции Блока, что в очередной раз говорит об авторе как о наследнике традиций Серебряного века: *Чернь, которая волнуется у ног; / Как она звероподобна, суеверна, / И зачем цари не справились с ней в срок?* [Там же, 8]. И хотя стихотворение на первый взгляд о Византии, сквозь ее образ узнаваемо просвечивает Российская империя в дни своего заката (ср. со стихотворением на с. 14 «Что Россия, и что Византия?..»), где обе империи сближаются):

Солнце мертвое есть тоже солнце славы,
Одинокое величество люблю;
Одинокую угасшую державу
Бедной каменной рукой благословлю [Там же, 9].

Стихотворение открывает сборник и является в нем центральным, задавая в качестве магистральной тональности книги упоение гибелью, падением, исчезновением – всем тем, что так любили поэты «парижской ноты».

Сборник Иваска пронизывает острое чувство истории: очевидно, что осень он, вслед за Г. Ивановым, понимает подчеркнуто исторично. Так, сюжетом одного из стихотворений становится казнь короля:

Сияют снова ясени и клены,
И эту смерть во славе я люблю,
И после отречения от короны
Рабов не милую и не гублю [Там же, 12].

«Отречение» короля в данном случае недвусмысленно отсылает читателя к сходному эпизоду русской истории – отречению Николая II, которое повлекло за собой гибель российской монархии. Характерно, что эпизод казни у Иваска показан катарсически – светло и умиротворенно:

И тишина, и нет предсмертной муки,
И топора членоразделен стук [Там же].

Здесь важно вспомнить, как ценил Ю. Иваск соответствующие строки Г. Иванова, считая их одними из самых светлых в его поэзии. «Самое светлое стихотворение Георгия Иванова посвящено Царской Семье. В этом восьмистишии – нет метафор, это почти каталог. Нет и могучих ритмов, но есть свет – светлая грусть. Есть освобождающий вздох, и уж конечно нет никакой монархической “слезы”» [Иваск, 1972, 55], – восторженно комментирует Иваск ивановский «Эмалевый крестик в петлице...». Все эти характеристики полностью приложимы и к процитированному выше стихотворению Иваска.

Почти с парижским аскетизмом Иваск упивается «сиянием и нищетой» в стихотворении «В саду друзей, в саду осеннем...» [Иваск, 1953, 17], и даже тот факт, что они поставлены рядом как контекстные синонимы, говорит о многом. Мотив жалости также присутствует в его лирике этого сборника: *Жаль друзей и немного – Бога, / И себя самого мне жаль* [Там же, 18].

Одним из ключевых стихотворений сборника можно также назвать «Смертью смерть не зови поздней осенью!..», где артикулируется ведущий лейтмотив книги:

Но не знаю я – вечность ли этот
Неизвестно откуда идущий,
Золотистый, негреющий свет?
Нет и прошлого, нет и грядущего,
И светла, и свободно-блаженна
Все забывшая и не ждущая,
Изумленная раем душа [Там же, 19].

Юрий Иваск – поэт глубоко религиозный, и свет его «Царской осени» именно таков: неизвестно откуда идущий, золотистый, негреющий – свет вечности, иного, потустороннего мира, который обещает прощение и забвение всех страданий. В этом отношении осень – метафора пограничного состояния, символизирующая предстоящий переход человеческой души из земного в небесное измерение. В том числе и души казненного императора. И, возможно, души павшего государства – Византии / Российской империи. Исчезновение лирический герой Иваска принимает с благодарностью и без внутреннего протеста. С христианским смирением и поистине пушкинской

мудрой покорностью неизбежному порядку вещей он заявляет: *Знаю: я ничтожен, смертен, / И всегда, везде разлука, / Но когда такой вот воздух: / Чудно жить и умирать* [Там же, 20].

От «парижской ноты» Иваск воспринял здесь фрагментарность, нарочитую отрывочность, незавершенность. Рассматриваемое стихотворение начинается так же, как и многие стихи Г. Иванова, – словно бы продолжающая некогда начатый разговор:

...Чистый воздух
Осени погожей, краткой... [Там же]

Само стихотворение при этом приобретает вид дневниковой записи «для себя»: как в лучших традициях «парижской ноты», читателю придется потрудиться, чтобы мысленно дорисовать недостающие детали, о которых автор предпочел умолчать.

Мирно, тихо и свободно,
Благодарно и смиренно:
Больше ничего не надо,
Только бы глядеть, дышать... [Там же]

Несмотря на общую мажорную интонацию сборника, в стихотворении «Псков» герой Иваска, будучи не в силах изгнать из памяти унылые пригороды, признается: *«Самое, самое милое – / У подворотни завять»* [Там же, 31].

Следующее стихотворение Ю. Иваска интонационно выглядит как гибрид двух известных стихотворений Г. Иванова – «Мелодия становится цветком...» и «Синеватое облако...»:

На рай прекрасная пародия –
Субботний вечер городской.
Свобода, тихое бесплодие
И этой тоненькой тоской
Едва звучащая мелодия.

Они нарядные, приличные,
Не ангелы, хотя в раю:
Про это место – ну, публичное,
Про этот парк я говорю,
Где все-таки все необычное:

Деревья добрые, китайские,
И треугольны листья их,
Да, треугольны, словно райские,
А тоненький, тоскливый стих –
Свое, свое в субботу майскую...
Какой бы ни был – вечер тих [Там же, 32].

Помимо интонационного и мотивного сходства, роднит стихотворение с поэзией Г. Иванова нарочитая фрагментарность; попытка воссоздать

паттерны, присущие естественной речи в ситуации диалога (*Про это место – ну, публичное, / Про этот парк я говорю...; И треугольны листья их, / Да, треугольны, словно райские...*), а также недоговоренность, предполагающая в «провиденциальном собеседнике» способность домыслить недостающее: *А тоненький, тоскливый стих – / Свое, свое в субботу майскую...*

Тема умирания, характерная для поэтов «парижской ноты», обретает у Иваска вторую жизнь в том числе и по отношению к собственному лирическому «я»:

Куда-то бесцельно бреду,
Дыханье слабее, реже,
Но в едко-сером бреду
Все те же они, все те же:
Былых друзей и врагов
Знакомо-юные лица...
А с неба на дымы мхов
Упала мертвая птица [Там же, 38].

В стихотворении очевидны переключки с поэзией И. Анненского (например, стихотворениями «Черная весна», «Дымы»), которого сам Иваск считал ключевым для школы Адамовича автором: «Одним из образцовых учителей поэтов Адамович считает Иннокентия Анненского, “мучительного” поэта с содранной кожей» [Иваск, 1972, 46].

Следующее стихотворение книги продолжает традиции Анненского, у которого неодушевленные предметы и механизмы могут символизировать предсмертную тоску лирического героя (как в стихотворениях «Тоска маятника», «В дороге»):

То телега ли (пыль вздымая),
То кладбищенский ли венок? ...⁶
Дребезжащему звуку внимая,
Понял я – наступает срок.
Что за мука в том дребезжаньи,
Едко-жалобном и живом...
То прощанье ли, обещанье,
Я пойму, пойму ли потом? [Иваск, 1953, 39]

Переключки с Анненским возникают даже на лексическом уровне: *Неразгаданным надрывом / Подоспел сегодня срок...* («Тоска маятника») – *Дребезжащему звуку внимая, / Понял я – наступает срок* (Иваск)⁷. В отли-

⁶ Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация авторские.

⁷ Характерно, что, анализируя одно из стихотворений Анненского, Иваск отмечает: «В этом “дольнике” ощущается задыхание “сердечника”: поэт болел сердцем и в поэзии, и в жизни» [Иваск, 2002, 113].

чие от большинства стихотворений книги, данный текст Иваска практически лишен света: смерть предстает ужасающей и неотвратимой, а лирический герой уже не так уверен в существовании загробной жизни.

Стихотворение на с. 40 также продолжает линию Анненского и, соответственно, может быть рассмотрено как наследующее «парижской ноте»:

Боже мой, где же – что сжато и скошено?
Капает нищенский, жалобный дождь.
Позднее солнце, как сердце, изношено,
Но за равниной, протяжной, брошенной
Веще сияние роц [Там же, 40].

Генетически стихотворение также восходит к ивановскому «Я люблю безнадежный покой...», где упоминаются милые сердцу автора характерные для поэзии Анненского маркеры (...*безнадежный покой*, / *В октябре – хризантемы в цвету*, / *Огоньки за туманной рекой*, / *Догоревшей зари нищету...* / *Тишину безымянных могил*, / *Все банальности «Песен без слов»*... [Иванов, 1994, 419]). Вещее «сияние роц» у Иваска уже ближе к поэзии Г. Иванова, которую Иваск ценил именно за тот свет, который незримо осеняет лирическое «я» даже в минуты самого безысходного отчаяния: «Здесь тоже могучий катарсис, как и в самых нигилистических, но и музыкальных стихах Георгия Иванова. Музыка не спасает, но остается чудом. Ведь, могло и не быть музыки!» [Иваск, 1972, 54].

Стихотворение «Уйти, позабыть, замереть...» наследует «парижской ноте» с точки зрения формы: оно продолжает традицию фрагментарных записей «для себя», часто обрывающихся на полуслове, а также подхватывает линию диалогизма, протягивающуюся от Анненского к Ахматовой, Г. Иванову, Г. Адамовичу и собственно «парижской ноте»:

Тебе ли, оттуда ли весть?
... Сначала вниманье, терпенье,
А то, что останется, – есть [Иваск, 1953, 42].

Таким образом, несмотря на превалирующую мажорную тональность и обилие «света», вторая книга стихов Ю. Иваска «Царская осень» во многом наследует традициям «парижской ноты». Проявилось это как в непосредственной рецепции интонаций, тем и мотивов важнейших для школы Адамовича поэтов – И. Анненского и Г. Иванова, так и в присутствии черт, восходящих к программным установкам парижской поэзии: аскетизма, фрагментарности, диалогизма, попыток уподобить стихи дневниковой записи, а также мотива умирания, понимаемого широко: от увядания природы (осень), смерти человека и прочих живых существ – до гибели империй и их властителей. В силу религиозности Иваска его поэзия, в отличие от лирики «парижской ноты», содержит больше света и надежды: его лирическое «я» обычно твердо убеждено в существовании загробной жизни. Однако в некоторых стихотворениях «Царской осени» лирический герой также

демонстрирует признаки отчаяния и предсмертной тоски, что можно считать несомненной данью школе Адамовича, поскольку в жизни автор придерживался иных убеждений.

Следующий сборник Иваска, «Хвала» (1967), можно в целом охарактеризовать как постепенный отход от традиций парижской поэтики. Само заглавие книги дает читателю установку на то, что данная поэзия будет гимном бытию и Создателю, – а значит, вероятность возникновения пессимистической тональности в ней минимальна. И действительно, созданная по следам путешествий автора, книга буквально пронизана восторгом и пытливым любознательностью лирического героя-туриста, жадно открывающего для себя прежде неизвестные уголки мира. В то же время, хотя сборник и продемонстрировал отклонение от «парижско-нотных» настроений, поэтика школы Адамовича в нем по-прежнему различима – там, где автор прибегает к ее фирменным экспериментам в области формы.

Так, диалогическая доминанта присутствует в первом стихотворении книги «Душу что – убажить, унежить...» (1965), где отчетливо различимы два или более голоса. Однако оно тяготеет к более светлому настроению:

Все слагается в чудо – шипучие волны,
Соловьи и слова, ноздреватые скалы,
И пещеры, и вера, стихи, сапоги,
И пшеница, и грозди, и дни, и труды [Иваск, 1967, 5].

Диалогичны также 3-е и 7-е стихотворения цикла «Афон», где Иваск, подобно Г. Иванову в стихотворении 1955 года «Жизнь продолжается рассудку вопреки...» (*На южном солнышке болтают старики: / – Московские балы... Симбирская погода... / Великая война... Керенская свобода... <...> – Массонский заговор... Особенно евреи... / Печатались? А где? В каком Гиперборе?* [Иванов, 1994, 540]), стремится воссоздать беседу, в которую вовлечено множество лиц:

А после ужина враки –
Такие милые ведь!
Кто пьет и кто запивает
И бродит к т о по ночам:
– Поверите ли, бывает,
– И даже игумен сам...
Вечерние посиделки:
– Тогда я был Иванов,
– И после той переделки
– Мы, значит, вошли во Львов... [Иваск, 1967, 9]

Фамилия Иванова, по-видимому, возникает в тексте Иваска не случайно: это закономерная дань старшему мэтру, преемником которого поэт в данном случае выступает (стоит вспомнить, как сам Иванов любил играть с ударением в собственной фамилии в шуточных стихах вроде цикла «*Raçon de raçonne*»).

Характерные для разговорной речи эллипсисы также напоминают читателю о парижской поэтике – как, например, в 5-м стихотворении цикла «Афон»:

...И черное в голубое
Впадает:
 не здесь, а там,
И солнце, алея – в храм [Там же, 11].

Стихотворение «Венеция» (1960) примечательно попыткой автора мысленно воссоздать собственную смерть, что также очень любили поэты «парижской ноты»:

Выдумываю, например, убийство
 На улице Убийц.
 <...>
 Мои же, смертные останки
 Укачиваемы волной.
Прощайте, разноцветные блудницы,
Еще Венеция мне снится – длится... [Там же, 19]

Настоящим гимном бытию можно назвать стихотворение «Фиезоле» (1964), где, среди прочего, присутствуют и такие строки:

Рай на земле – веселие,
Таинство, труд, игра.
Небо – чистое золото,
А святые – цветник,
Сердце радостью залито,
Радоваться отвык [Там же, 21].

Последняя строка неожиданно приподнимает завесу над прошлым лирического героя, где, судя по тексту, все было не столь радужно.

Стихотворение Иваска «Барселона» (1964) любопытно тем, что рисует лирического героя в пограничной ситуации, столь любимой Г. Ивановым и поэтами «парижской ноты»: *Уже я не живу, еще не умер* [Там же, 26]. Стоит вспомнить, что парижская поэтика тяготеет к подобным полутонам и избегает категоричности, поэтому особенно любимыми для ее приверженцев были состояния на грани бодрствования и сна, жизни и смерти, яви и грезы.

Стихотворение «Толедо» (1964) отличается фрагментарностью, недосказанностью, попыткой адекватно воссоздать внутренний монолог лирического «я». В этом смысле особенно показателен заключительный катрен, оставляющий читателя в легком недоумении:

Что это? – Наваждение?
Неужели спасение?
Или потухший взор,
Догоревший костер? [Там же, 27].

С парижской поэтикой текст сближает попытка Иваска обозначить контуры невыразимого – так, помимо прочего, он отмечал в поэзии «ноты» поистине максималистское стремление к запредельному: «Адамович в критике, как и в поэзии, ориентировался на какое-то чудо, на последнюю правду, которая могла бы изменить мир. Но был он и скептик: знал, что искусство не может выйти из своих пределов. <...> Поэты могут только приближаться к чему-то абсолютному» [Иваск, 2002, 183].

Стихотворение «Алейжадиньо» оказалось чрезвычайно близким «ноте» тематически: в нем Иваск поднимает проблему цены, которой от художника требует его искусство, а страдание и мысль оказываются эквивалентны друг другу. Стихотворение посвящено А.Ф. Лисбоа – великому бразильскому скульптору, большому проказой:

Морщины мысли и страдания,
Плащи, изломанные мощью.
О не ответы – вопрошание:
Что человечнее и проще?
Недоуменье прокаженного –
Не богоборчество, не вызов.
А небо серое, сожженное,
Ослепшее – ваятель Иов! [Иваск, 1967, 30]

Мотивы страдания, человечности, тяжелых жизненных испытаний, при взгляде на которые даже небо слепнет от слез, были особенно любимы Г. Адамовичем и поэтами «парижской ноты». Стихотворение стоит особняком среди других стихотворений Иваска в книге, так как очевидно выбивается из общего «хвалебного» тона.

Стихотворение «Сан Мигель Айенде», посвященное И. Чиннову, содержит признаки внутреннего монолога лирического «я», что также является «визитной карточкой» парижской поэтики: *Желтый домик с синей каемочкой / И зеленой дверцой – забавники! // Дворик внутренний, скрытый – патио – / Раскрывает свои объятия* [Там же, 38].

В стихотворении «Таско», где изображена сцена похорон, все же преобладает светлая, мажорная тональность, поэтому в данном случае Иваск идет вразрез с традициями Адамовича:

Пусть
 пасть
 разинула могила
Внизу, на кладбище, у пальмы –
Еще победу торжествует
 Лазоревое небо
И древний ужас угасает [Там же, 41].

Стихотворение 1965 года, которое выглядит как манифест Иваска, по-видимому, знаменует окончательный отход поэта от «парижской ноты» (что справедливо: в следующем сборнике «Золушка» (1970) стихотворений,

близких парижской поэтике, будет всего два: «Фадос за экьюдош» (1967) и «Гости» (1967)):

Братья, скрывайте сущую правду,
Звезды и бездны – небытие.
Будьте приветливы, здоровы и праздны,
Дурочку жизнь, полюбите ее! [Там же, 60]

Трудно представить, что подобный текст мог появиться в окружении Г. Адамовича в 1930-е годы. В то же время в четверостишии подкупает оптика «двойного зренья», при котором лирическое «я» прозревает небытие за звездами и безднами.

Заключительное стихотворение книги «О иереи и архиереи...» (1965), несмотря на то что затрагивает мотивы прощания и умирания, все же выглядит несколько более торжественным и светлым, чем это было характерно для поэтов круга Адамовича:

...Закат, я знаю, зари мудрее,
Не к тьме, а к свету последний хрип.
Устало солнце, устало сердце,
Сияя, плача, парчу разделим,
А дух оттуда, едва мерцая,
В прорехи дышит, и сплыло время.
Последний шорох истлевшей книги,
И воля вольная вдоль и ввысь. <...> [Там же, 61].

Если сопоставить вторую и третью книги стихов Ю. Иваска, можно сделать вывод, что апогея влияние «парижской ноты» на него достигает именно в «Царской осени», часто затрагивающей мотивы увядания, умирания и апеллирующей к опыту поэтов, являвшихся для круга Адамовича эталоном. В сборнике «Хвала» данное влияние уже слабо различимо, и по большей части оно присутствует именно на формальном уровне (это тяготение Иваска к диалогизму, недосказанности, формату дневниковой записи «для себя», попытки использовать конструкции, характерные для разговорной речи). В следующей книге стихов, «Золушка» (1970), Иваск особенно охотно смешивает высокое с низким и предстает как поэт барокко, о чем уже не раз говорили исследователи. Прощание с «парижской нотой», таким образом, завершилось.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович Г.В. Рец. на кн.: Игорь Чиннов. «Партитура». Стихи. Изд. «Нового Журнала». 1970. Юрий Иваск. «Золушка». Стихи. Изд. журнала «Мосты». 1970 // Новый Журнал. 1970. № 102. С. 282–286.

Бицилли П. Рец. на кн.: Юрий Иваск. Северный берег. Варшава, 1938 // Современные записки. 1938. № 66. С. 476–477.

Бобьшев Д.В. Иваск Юрий Павлович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. С. 88–89.

- «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2008. 816 с.
- Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. 656 с.
- Иваск Ю.П. Похвала российской поэзии / сост. Уно Шульц, Таллинн: Aleksandra, 2002. 252 с.
- Иваск Ю.П. Поэзия «старой» эмиграции // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 45–69.
- Иваск Ю.П. Разговоры с Адамовичем (1958–1971) // Новый журнал. 1979. № 134. С. 92–101.
- Иваск Ю.П. Хвала. Вашингтон, 1967. 61 с.
- Иваск Ю.П. Царская осень. Париж: Рифма, 1953. 46 с.
- Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–50.
- Семина А.А. О поэтике Сергея Рафальского // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 4(60). С. 4–15.
- Федотов Г.П. О парижской поэзии // Федотов Г.П. Собр. соч. В 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004. С. 16–24.
- Кузнецова О.Ф. Критики русского зарубежья о поэзии Игоря Чиннова // Звезда. 2019. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/9/kritiki-russkogo-zarubezhya-o-poezii-igorya-chinnova.html?ysclid=lrs61fuh5p205359997>.

Anna A. Semina

*PhD in Philology, Teaching Fellow,
Chair of the History of Modern Russian Literature
and Contemporary Literary Process,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Yuri Ivask and the «Paris Note»: to the Problem of Continuity

In literary criticism there is still no consensus on the extent to which the poetry by the emigrant Yu.P. Ivask (1907–1986) inherits the traditions of the «Paris note». So, D.V. Bobyshev believes that Ivask was close to it, starting with the second book of poems “The Royal Autumn”: he, according to the poet, often used its techniques, but at the same time retained the major tonality inherent in his own lyrics. O.F. Kuznetsova, on the contrary, calls Ivask a poet who is far from the principles of Parisian poetics. O.A. Korostelev speaks ambiguously on this issue, either recording the author as an ardent adherent of the “note”, or admitting that Ivask was associated with this association mainly as a critic, and poetically the Adamovich school was not so close to him. After analyzing the author’s work, we can come to the conclusion that the influence of the «Paris note» reaches its apogee precisely in Ivask’s second book of poems, «The Royal Autumn» (1953), which often touches on the motifs of withering, dying and appealing to the experience of poets who were the standard for Adamovich’s circle (I. Annensky, G. Ivanov). In the first book, «The Northern Shore» (1938), on the

contrary, E. Baratynsky's intonation can be called predominant. In the third collection, «The Praise» (1967), the echo of the «Paris note» is already faintly discernible: its influence is not total, but localized. In the next book of poems, «Cinderella» (1970), Ivask is especially willing to mix the high with the low and appears primarily as a Baroque poet, which has already been noted by researchers. The farewell to the «Paris note» was thus completed (in the collection «Cinderella» there are only two poems close to Parisian poetics).

Keywords: Yuri Ivask; Russian émigré poetry; «Paris note»; reception; continuity.

REFERENCES

- Adamovich G.V. A book review: Igor' Chinnov. The Score: poems [Partitura. Stikhi]. 1970. Iurii Ivask. Cinderella: poems [Zolushka. Stikhi]. 1970. *New Journal*, 1970. No 102, pp. 282-286 (in Russian).
- Bitsilli P. A book review: Iurii Ivask. The Northern Shore [Severnyi bereg]. Varshava, 1938. *Contemporary Papers*, 1938. No 66, pp. 476-477 (in Russian).
- Bobyshev D.V. Ivask Iurii Pavlovich [Ivask Yuriy Pavlovich]. *Russian Literature of the XX century. Prose writers, poets, playwrights*. Biobibliographic dictionary. In 3 vols. Moscow, 2005. Vol. 2, pp. 88-89 (in Russian).
- «If a miracle abroad is at all possible...»: The period of the 1950s in the correspondence of Russian émigré writers [«Esli chudo voobshche vozmozhno za granitse...»: Epokha 1950-kh gg. v perepiske russkikh literatorov-emigrantov]. Compiled and foreword notes by O.A. Korostelev. Moscow, 2008, 816 p. (in Russian).
- Ivanov G.V. *Collected Works*. In 18 vols. Vol. 1 [Sobr. soch. V 3 t. Vol. 1]. Moscow, 1994. 656 p. (in Russian).
- Ivask Iu.P. A Praise to the Russian Poetry [Pohvala rossiiskoi poezii]. Tallinn, 2002. 252 p. (in Russian).
- Ivask Iu.P. The poetry of the «old» emigration [Poeziia «staroi» emigratsii]. *Russian literature in emigration. Collected works*. Pittsburg, 1972. pp. 45-69 (in Russian).
- Ivask Iu.P. Dialogues with Adamovich (1958-1971) [Razgovory s Adamovichem (1958-1971)]. *New Journal*, 1979. No 134, pp. 92-101 (in Russian).
- Ivask Iu.P. The Praise [Khvala]. Vashington, 1967. 61 p. (in Russian).
- Ivask Iu.P. The Royal Autumn [Tsarskaia osen']. Paris: Rifma, 1953, 46 p. (in Russian).
- Korostelev O.A. «Paris Note» and the Confrontation of Youth Poetic Schools of the Russian Literary Emigration [«Parizhskaia nota» i protivostoianie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii]. *Literary journal*, 2008. No 22, pp. 3-50 (in Russian).
- Semina A.A. About the Poetics of Sergey Rafalsky [O poetike Sergeia Rafal'skogo]. *Issues of Smolenk State University*, 2022. No 4 (60), pp. 4-15 (in Russian).
- Fedotov G.P. About the Paris poetry [O parizhskoi poezii]. *Fedotov G.P. Collected Works*. In 12 vols. Vol. 9. Moscow, 2004, pp. 16-24 (in Russian).
- Kuznetsova O.F. Critics of Russian diaspora about the poetry by Igor' Chinnov [Kritiki russkogo zarubezh'ia o poezii Igoria Chinnova]. *The Star*, 2019. No 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/9/kritiki-russkogo-zarubezhya-o-poezii-igorya-chinnova.html?ysclid=lrs61fuh5p205359997> (in Russian).

А.О. Супрякова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-29-39

РОМАН А.Р. БЕЛЯЕВА «ЧУДЕСНОЕ ОКО»: К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ И ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ

Ключевые слова: Беляев; научная фантастика; телевидение; видеонаблюдение; проблема датировки.

В статье рассматривается проблема значимости для понимания произведения сведений об изобретениях в области телевидения и видеонаблюдения, показанных в романе А.Р. Беляева «Чудесное око». Роль, которую играют научные и технические факты и явления, как реальные, так и выдуманые, в произведениях Беляева, еще мало изучена. Однако ее понимание может помочь современному читателю и исследователю текстов прозаика-фантаста полнее воспринять авторский замысел, отличить фантастическое в его творчестве от существующего и существовавшего исторически. Основное внимание автор акцентирует на связи факта изобретения и времени написания романа, года его публикации, исторических и культурных реалий. Важной частью статьи является попытка доказательно обосновать предположение, что роман «Чудесное око» мог быть написан до 1934 года. Подчеркивается значимость научных трудов Б.Л. Розинга как основы для научно-фантастической идеи данного произведения, отмечается гиперболизация скорости внедрения в жизнь новых изобретений, свойственная Беляеву. В заключение уделяется внимание предсказанной им новой социальности, сделан акцент на возможности манипуляции массами с помощью показа или блокировки передач.

Актуальность данного исследования обусловлена сравнительно малой изученностью того, как описываются технические проблемы и достижения в фантастических произведениях Беляева, какую роль они играют в развитии сюжета, какие источники использует писатель для подбора такого материала. Среди научных работ, посвященных Беляеву, можно выделить биографическую книгу З. Бар-Селлы «Александр Беляев» (2013), в которой имеется ряд ссылок на важные для творчества фантаста научные источники, в том числе говорится о профессоре Б.Л. Розинге, впечатление от гипотез которого нашло отражение в «Чудесном оке». Также есть статьи, в которых упомянуты некоторые научные аспекты отдельных произведений Беляева: «А.Р. Беляев: фантастика, медицина, болезнь» (2017) Л.М. Медведевой, «Особенности проблематики романа А.Р. Беляева “Властелин мира”» (2012)

Р.А. Гусейнова, «Феномен гениальности: к вопросу о возникновении и развитии идеи искусственного кровообращения» (2019) С.П. Глянцева. Отдельно следует выделить статью С.А. Билял «Фантастика А.Р. Беляева и эпоха НТР в России первой трети XX века» (2020), в которой дан краткий обзор научных тем, затронутых Беляевым в романах.

Цель исследования – выяснить значение для уточнения года создания романа «Чудесное око» упомянутых в нем изобретений в области телевидения и видеонаблюдения. Для достижения данной цели были поставлены следующие *задачи*: основываясь на тексте романа, на фактах биографии Беляева и на имеющихся сведениях о реалиях начала XX века, установить приблизительное время написания романа, отделить существовавшее в то время от придуманного, фантастичного в предлагаемых Беляевым изобретениях.

Научная новизна исследования состоит, с одной стороны, в выборе объектом исследования малоизученного произведения «Чудесное око», с другой – в акцентировании внимания на изобретениях и предвидении Беляева в области телевидения, а также в освещении проблемы установления точного года написания данного романа.

Теоретическая значимость исследования заключается в пополнении знаний о научно-технической образованности Беляева, об источниках, которыми он мог пользоваться, об условиях и историко-культурном контексте создания романа «Чудесное око». *Практическая значимость исследования* обусловлена тем, что для понимания того, почему «Чудесное око» можно считать фантастическим произведением, нашему современнику необходимо знать об уровне развития телевидения в момент его написания.

Насколько фантастическими были показанные в романе изобретения в момент его создания, понять сложно. Это зависит от того, в какой год (или годы) писалось произведение. Возможно, оно было опубликовано с задержкой. Беляев отдал рукопись «Чудесного ока» в киевское издательство «Молодий більшовик», которое в первой половине 1930-х годов, как и многие другие украинские издательства, не печатало произведения на русском языке [Кравклис, Левитин, 2009]. Время передачи рукописи неизвестно, а в 1935 году, когда состоялась публикация уже переведенного романа, только что были пущены в ход многие значимые изобретения в области телевидения. Таким образом, если роман писался за два-четыре года до публикации, можно говорить о большей степени предвидения в нем технических достижений, чем если он был создан в 1934–1935 годах.

Так, например, электронное телевидение, в романе названное «катодным», в 1930-е годы существовало наряду с механическим. Первая пробная телепередача в СССР была осуществлена в 1930 году именно с помощью механического телевидения, и на его же основе в 1934 году в СССР состоялась первая из ставших регулярными телепередач со звуком [Голядкин, 2001]. Даже первые серийные советские телевизоры также были механическими. Однако осведомленность в научных вопросах и художественное

предвидение Беляева помогают ему предположить, что будущее – за электронным телевизором. Именно это изобретение, применяемое повсеместно, является одной из двух главных научно-фантастических идей романа. Важное значение имеет постоянное звуковое сопровождение телепередач (по сути, видеотрансляций). В 1935 году оно было более знакомо советскому человеку, в 1933 году могло удивить.

Биографы Беляева расходятся во мнениях о том, к какому периоду следует отнести создание «Чудесного ока». С.А. Беляева, дочь писателя, в мемуарах «Звезда мерцает за окном...» (1982) пишет так: «В декабре 1928 года родители обменяли две московские комнаты на ленинградскую <...>. Александр Романович <...> занимался только литературой, продолжал сотрудничать в московских издательствах. Здесь он написал роман “Властелин мира”, “Подводные земледельцы”, “Чудесный глаз” и рассказы из серии “Изобретения профессора Вагнера”, “Гость из книжного шкафа”, “Хойти-Тойти”, “Человек, который не спит”» [Беляева, 1982]. Следовательно, роман то ли был создан в ленинградский период творчества до октября 1929 года, то ли был создан в Ленинграде, но неизвестно в каком году. С.А. Александровский в личном блоге отмечает: факт публикации романа в киевском издательстве может объясняться тем, что он был написан в киевский период творчества писателя с октября 1929 года по октябрь 1931 года [Александровский, 2021]. Бар-Селла не пишет о том, когда роман создавался, лишь вслед за Александровским отмечает, что оригинальную рукопись на русском языке украинское издательство утеряло, и делает предположение, что Беляев отобразил в нем свои мурманские впечатления 1932 года (впрочем, всего в нескольких абзацах и приукрасив выдуманными фактами), а фамилии двух персонажей могли быть позаимствованы у реальных людей, о которых в том же году имел возможность слышать Беляев [Бар-Селла, 2013].

Ряд упомянутых в романе исторических фактов может помочь установить приблизительную дату его написания. Так, в нем сказано о создании в 1928 году корпорации Дженкинса с капиталом в десять миллионов, после чего, считает повествователь, развитие телевидения в Америке и Европе остановилось из-за финансового кризиса [Беляев, 2018, 240]. Последний известен нам сейчас как Великая депрессия 1929–1933 годов. В тексте произведения не сказано, кончился ли кризис, возможно, что писатель не знал об этом. Зато его персонажи с помощью первого варианта подводного чудотелевизора находят траулер «Пикша», затонувший в декабре 1931 года [Беляев, 2018, 164]. Это дает возможность предположить, что роман был создан не ранее 1932 года, если истинен факт гибели «Пикши» в указанное время. Вероятность этого велика, так как в 1930–1933 годах по причине расправы над «вредителями» и замены их малоопытными кадрами в короткие сроки погибло много (вероятно, более девяти) рыболовных траулеров, причем в 1932 году в газете «Полярная правда», сотрудником которой был тогда Бе-

ляев (в том году он жил в Мурманске), появилась публикация о показательном суде над капитанами 15 затонувших судов [Гибель рыболовных траулеров в 1930–1933 г.]. Среди них могла быть «Пикша», но точной информации о гибели этого корабля нам найти не удалось. Однако, если роман был написан в 1932 году или позже, причина публикации его в Киеве и время, прошедшее от написания до публикации, остаются неизвестными, так как Беляев уже не жил там.

Также в романе есть указания на факты, случившиеся в 1933 году: некий доктор Гартман открыл с помощью телеглаза затонувший город между Сицилией и Африкой [Беляев, 2018, 244–245], а водолазы-эпроновцы спустя 10 лет после создания ЭПРОНа в 1923 году владеют тысячетонными понтонами и десятками небольших понтонов и подняли множество кораблей, перечисленных списком [Беляев, 2018, 298]. Однако «телеглаз» появился только в романе Беляева, а эпроновцы в год своего юбилея, отмеченного шумными поздравлениями в советской прессе [Усов, 2021], тем не менее еще не подняли, например, упомянутую Беляевым легендарную «Патагонию» – отдельные ее части были подняты лишь в 1939 году [Гибель судов в Черном море]. Не было в 1933 году у СССР и множества тяжелых ледоколов, которые в романе эпроновцы якобы уже подняли со дна [Митрофанов, 2018], в частности, не было названного там же ледокола «Иван Сусанин» (ледокол дореволюционного производства с таким названием уже был переименован [Митрофанов, 2018], а серия одноименных советских ледоколов начала выпускаться с 1960-х годов). Эти выдуманные факты могли появиться в тексте потому, что он был написан до 1933 года.

Если «Чудесное око» было написано до 1933 года или хотя бы до осени 1934 года, Беляев проявил большую степень предвидения. Ведь в то время телепередача осуществлялась еще без звука, а достижения в области электронного телевидения были незначительными.

Чтобы понять уровень знаний о телевидении того времени, мы обратились к книгам, опубликованным в 1929 и 1930 годах, где упоминается данный термин. В томе шестом «Технической энциклопедии» (1929) «телевидение» используется как синоним основного термина «дальновидение», который понимается как «передача на расстояние движущихся предметов посредством электрич. сигналов, распространяемых по проволоке или через радиостанцию» [Дальновидение. Техническая энциклопедия, 1929]. Описание телемеханизма в энциклопедии подобно тому, которое дает Беляев, однако еще ничего не говорится о проецировании изображения на экран (оно наблюдается лишь через крошечное окошко на аппарате) и тем более о каком-либо звуковом сопровождении передаваемых изображений. В книге «Звучащая фильма в СССР и за границей» (1930) «телевидением» называется «отдел» радиотехники, занимающийся «вопросами передачи изображения на расстояние» [Анощенко, 1930]. А. Любке, автор книги, переведенной

с немецкого, «Техника и человек в 2000 году» (1929), предполагает, что в XXI веке телевидение сможет очень многое, но не разбирает его механизм подробно, только прикладывает фотографии современных ему приемного и посылочного аппаратов, подобных тем, которые описаны в «Технической энциклопедии» [Любке, 1929]. Также он считает, что впоследствии появится возможность увидеть телевизионные изображения на излучающем свет небольшом пюпитре, покрытом пластинкой молочного стекла, или на белой матовой дощечке у телефона. Может быть, это будут даже движущиеся картины. Как и другие его современники, телевизионные достижения он связывает с областью радиотехники.

В случае, если роман был написан в 1932 году, можно также предположить, что одной из целей Беляева была попытка помочь ссыльному профессору Б.Л. Розингу, пионеру электронного телевидения в СССР, который умер только в апреле 1933 года [Бар-Селла, 2013]. Книги Розинга, вероятно, были хорошо знакомы Беляеву. Само название фантастического аппарата «телеоком», «чудесным глазом» отсылает читателя к работам Розинга, где использовалось выражение «электрический глаз» («Электрический глаз», 1910; «Видение на расстоянии: ближайшие задачи и достижения электрической телескопии», 1923). Описание повсеместного применения телевидения в будущем у Беляева также сходно с предположениями Розинга. (Стоит отметить, что в ряде случаев то, что фантаст называет телевидением, впоследствии будет названо видеонаблюдением.)

В других книгах того времени, где речь идет о телевидении, его возможности изображаются в более ограниченном диапазоне. Автор книги о звучащей фильме Н.Д. Анощенко вслед за политиками видит предназначение звукового кино в том, чтобы осуществлять агитацию, пропаганду и распространение среди трудящихся масс технических и других знаний, помогать в заочном обучении, способствовать проведению культурной революции [Анощенко, 1930]. Любке предполагает, что телевидение в будущем поможет увидеть в любом месте события, происходящие на другом конце мира, по требованию в специальных учреждениях можно будет созерцать любую часть света, также можно будет увидеть лицо друга во время телефонного разговора, прочитать газету и получить чек посредством беспроводной передачи изображения, а военные смогут удаленно следить за ходом военных действий и руководить аэропланами без летчиков [Любке, 1929].

Розинг пишет о том, что «наступит, наконец, такое время, когда электрическая телескопия распространится повсеместно и станет столь же необходимым прибором, каким является в настоящее время телефон. Тогда миллионы таких приборов, таких “электрических глаз”, будут всесторонне обслуживать общественную и частную жизнь, науку, технику и промышленность <...>. Нам откроются богатства большей части поверхности нашей планеты, которая до сих

пор скрыта под покрывающей ее водой <...> Врач будет в состоянии пользоваться таким электрическим глазом при исследовании внутренностей больного, находясь далеко от него. Инженер, не выходя из своего кабинета, будет видеть все, что делается в мастерских, в складах, на работах» [Розинг, 1923]. «Телеоко» Беляева используется именно так, повсеместно, в повседневной работе: позволяет найти подводный город, затонувшие корабли и их груз, рыбаки с его помощью отыскивают косяки рыб и ловят глубоководных рыб благодаря применению инфракрасного телевидения, телеглазами вооружены пилоты и капитаны судов, они помогают провести удаленную консультацию во время операции, показывают обывателям достижения советских строителей и ученых и процесс работы над их созданием и даже служат для охраны границ. Однако, когда герои романа рассуждают об истории изобретения телевидения, имя Розинга не упоминается, вероятно, из-за того, что он уже осужден и сослан [Бар-Селла, 2013].

Не случайным могло быть подробное описание работы героя-водолаза и разговор об истории ЭПРОНа в конце романа: появление такого героя могло быть приурочено к юбилею организации в 1933 году и выступать своеобразной рекламой и поздравлением для советских водолазов.

История названия телевидения «катодным» также неясна. С одной стороны, так называет его в своих книгах один из первых разработчиков, «отец электронного телевидения» Зворыкин. С другой – он совершил первый визит в СССР лишь в 1933 году [«Телевидение Сибири», 2010], и в том же году советское издательство напечатало его доклад «Телевидение при помощи катодных трубок» (1933). Зато в книгах 1920-х и начала 1930-х годов неоднократно рассказывается об устройстве применявшейся на радио катодной (или «круковой») трубки («лампы») (например, в работе Г. Баркхаузена «Катодные лампы (электронные трубки)» (1925), К.А. Круга «Основы электротехники» (1926), Б.Н. Меншуткина «Из истории химии: (Атом и частица)» (1926), Н.А. Рынина «Кинематография» (1924) и др.), в том числе при описании приборов, предшествовавших знакомому нам телевидению. Возможно, Беляев воспользовался термином, изобретенным кем-то из своих современников, но может быть также, что он применил его сам, исходя из того, какой механизм (катодная трубка) будет играть ключевую роль для нового типа телевидения.

По сюжету книги механизмы, осуществляющие телепередачу, совершенствуются стремительно, что также является одним из любимых Беляевым фантастических приемов. Проходит несколько месяцев с тех пор, как читателю представили экран размером со спичечный коробок, на котором видны мутные контуры рыб, – и уже вахтер наблюдает с помощью экрана (размеры не указаны, но, очевидно, большего) за ходом подводных поисков экспедиции за многие километры от него. Спустя еще немного времени участники экспедиции и ученые в Москве налаживают массовую передачу того же, что видит вахтер, в советские кинотеатры, сообщают о предстоящем

сеансе в газеты. Только запущена и еще идет первая телепередача с советского парохода – а на американском уже создана подобная телевизионная установка. Результаты работы советского «телеглаза» демонстрируются как будто впервые, но в передаче сообщается о том, что такими же «телеглазами» уже снабжены пилоты, их применяют для глубоководного лова, для навигации судов в опасных местах... Юный вахтер мечтает о том времени, когда человек сможет увидеть так же четко, как бы своими глазами, любое место земного шара, услышать из него радиопередачу и ощутить свои возможности многократно увеличенными, себя же – человеком-великаном. Впрочем, эта чудо-экскурсия проводится уже через пару месяцев, в конце романа, для приехавшего в СССР из Америки инженера. Подобную фантастическую скорость совершенствования изобретений и трансформаций общественной жизни в соответствии с ними можно наблюдать в таких произведениях Беляева, как «Вечный хлеб» (1928), «Подводные земледельцы» (1930) и др.

В наши дни телевидение и видеонаблюдение давно достигли того уровня, о котором мечтали герои романа, хотя и гораздо медленнее, чем у Беляева, однако в 1930-е годы такие предположения давали возможность признать роман фантастическим. В то же время в книге представлены сведения из истории телевидения, которые отражают реалии его развития, имевшие место и до 1935 года. В частности, просмотр телепередач с советских пароходов идет в кино, куда толпами стекается простой народ, и на экранах телевизоров сотен радиолюбителей [Беляев, 2018, 238], так как в 1930-е годы личных телевизоров у каждой семьи не было.

По А.Ф. Бритикову, научная фантастика может способствовать распространению в обществе понимания «существенно иной социальности науки и техники» [Бритиков, 2005], того, как она меняется с открытием тех или иных научных закономерностей, появлением новых технологий. И действительно, в данном романе можно наблюдать предвидение Беляевым того, какую огромную притягательную силу будет иметь телевидение для общества (множество зрителей «кидается» к экранам в момент начала передачи [Беляев, 2018, 256]), какой силой информационного воздействия оно будет обладать (Америка в романе заглушает советские трансляции на своей территории [Беляев, 2018, 287–288]). Один из персонажей прямо заявляет: «...вы <...> создали новое могучее оружие вашей мирной пропаганды ваших достижений» [Беляев, 2018, 287].

В результате исследования мы обнаружили в тексте романа «Чудесное око» реальные и вымышленные факты, которые указывают на то, что он мог быть написан после 1929 года, но до 1934 года, однако точная дата написания остается неизвестной. В то же время фантастическим допущением в данном произведении, очевидным при сравнении с современной ему литературой о телевидении, является всеохватное и постоянное применение телевидения в повседневной жизни людей: ученых, школьников, инженеров, пилотов, простых

граждан. Такие идеи Беляев мог позаимствовать у профессора Розинга, выдающегося ученого в данной области, который, однако, в 1931 году был сослан, а в 1933 году в ссылке умер. Возможность помочь Розингу через освещение его идей как перспективных для развития СССР и шанс поздравить с десятилетним юбилеем водолазов ЭПРОНа, на наш взгляд, являются косвенными факторами, которые также свидетельствуют в пользу того, что «Чудесное око» могло быть написано не позднее 1933 года. Мы считаем, что скорость, с которой происходят и внедряются в жизнь новые достижения в области телевидения и видеонаблюдения, в романе сильно преувеличена и способна удивить читателя. Вместе с тем в произведении представлены и реалии жизни современников Беляева: популяризуются приборы-достижения тогдашнего телевидения, о которых редко говорят сейчас, просматривать телепередачи могут радиолюбители и публика, пришедшая в кино, так как личных телевизоров нет. Они увеличивают достоверность изображаемого для читателя той эпохи, нашим же современникам, для которых фантастические изобретения «Чудесного ока» стали реальностью, скорее могут показаться непонятными эти подробности из прошлого. Наконец, мы утверждаем, что «Чудесное око» показывает читателю специфику социальных отношений, изменившихся в результате внедрения изобретений в области телевидения в повседневную жизнь.

Таким образом, значение для романа упомянутых в нем изобретений в области телевидения и видеонаблюдения определяется во многом тем временем, в котором живет его читатель: в зависимости от него отдельные приборы и факты представляются фантастическими, реальными или устаревшими.

Наличие непроясненных фактов в биографии Беляева, таких как непонятно чем обусловленная публикация романа в киевском издательстве, отсутствие достоверных сведений о времени написания «Чудесного ока» могут стимулировать научное сообщество более детально изучить имеющиеся сведения о его жизни. Различение анахронизмов, исторических научных фактов и фантастических допущений в сведениях о телевидении, телепередачах и видеонаблюдении, представленных в романе «Чудесное око», позволяет современному читателю определить степень художественной условности, которую использует автор. Данная статья может послужить основой для брошюр, источником для предисловий, биографических книг и статей о Беляеве. Это исследование будет значимо и в дальнейшем, поскольку интерес к произведениям Беляева у наших современников и у подрастающего поколения сохраняется, а сведения об истории возникновения и развития телевидения в XX веке уже сейчас не являются общеизвестными.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский С.А. Око за око. URL: <https://proza.ru/2021/06/27/1023?ysclid=lfh9lly76j48396884> (дата обращения: 08.05.2023).

Анощенко Н.Д. Звучащая фильма в СССР и за границей. М.: Теакинопечать, 1930. 103 с.
Бар-Селла З. Александр Беляев. М.: Молодая гвардия, 2013. 428 с.

- Беляев А.Р. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М.: Терра: Книжный клуб «Книговег», 2018. 381 с.
- Беляева С.А. Звезда мерцает за окном... URL: <https://litmir.club/br/?b=36800&p=6> (дата обращения: 08.05.2023).
- Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Кн. 1: Фантастика – особый род искусства. СПб.: Борей-Арт, 2005. URL: https://royallib.com/read/britikov_anatoliy/otechestvennaya_nauchno_fantasticheskaya_literatura_1917_1991_godi_kniga_pervaya_fantastika_osobiya_rod_iskusstva.html#36705 (дата обращения: 03.02.2023).
- Гибель рыболовных траулеров в 1930–1933 г. URL: http://www.famhist.ru/famhist/zap_vred/00040fd9.htm?ysclid=lh6fntxh2301682168 (дата обращения: 09.05.2023).
- Гибель судов в Черном море. URL: <https://profdiver.ru/gibel-sudov-v-chyornom-more/?ysclid=lh9lnm19p833140386> (дата обращения: 09.05.2023).
- Голядкин Н.А. Краткий очерк становления и развития отечественного и зарубежного телевидения. М.: Изд-во Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2001. Ч. 2. 73 с.
- Дальновидение. Техническая энциклопедия. Т. 6: Графические методы. Доменная печь. М.: Советская энциклопедия, 1929. 482 с.
- «Есть сигнал!» Как к нам пришло телевидение. URL: <https://histrf.ru/read/articles/oks?ysclid=lhgmme1eqp979105290> (дата обращения: 09.05.2023).
- Зворыкин В.К. Телевидение при помощи катодных трубок. Л.; М.: Энергоиздат, 1933. 36 с.
- Кравклис Н., Левитин М. Три жизни писателя // Наука и жизнь. 2009. № 10. С. 126–132. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/16565/?ysclid=lhf9pr4ksy50166327> (дата обращения: 08.05.2023).
- Любке А. Техника и человек в 2000 году / сокращ. пер. с нем. Д.М. Страшунского. Л.: Прибой, 1929. 179 с.
- Митрофанов А.Ф. Крушащие льды. Ледоколы России. ЛитРес: Самиздат, 2018.
- Розинг Б.Л. Видение на расстоянии: Ближайшие задачи и достижения электрической телескопии. Петербург: Academia, 1923. 64 с.
- Строительство первых советских арктических ледоколов. URL: <https://topwar.ru/97230-stroitelstvo-pervyh-sovetskih-arkticheskikh-ledokolov.html?ysclid=lh9lumdp13765041806> (дата обращения: 30.08.2023).
- Телевидение Сибири: монография / под ред. А.Е. Ярославцевой. Томск: ТГУ, 2010. 210 с.
- Усов А.В. «Героический ЭПРОН спас и отбуксировал...» Формирование образа Экспедиции подводных работ особого назначения как символа успехов социалистического строительства в СССР 1930-х годов // The Newman in Foreign policy. 2021. № 59(103). С. 39–44.
- Электрический глаз // Смоленский вестник. 1910. № 263. С. 4.

А.О. Supriakova
*Postgraduate Student,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

The A. R. Belyaev's Novel «The Wonderful Eye»: to the Question of Scientific Context and Time of Writing

In the given article it is shown how important it is to know the difference between the cultural realities of periods of time, when Belyaev wrote his novel «The Wonderful Eye», when it was published and when it is read by our contemporaries, including the features of inventions in the sphere of television and video surveillance,

for better understanding this novel. The role of scientific and technical facts, events in Belyaev's prose is a little-studied object. Knowledge of the cultural realities in the sphere of technique is a key to differentiate between the fantastic and the real inventions in «The Wonderful Eye» for our contemporaries. It highlighted the connection between the facts of some inventions and the times when the novel was written and later published and the historical and cultural realities of given time periods. It is important for that article that «The Wonderful Eye» might be written before 1934. The author lays emphasis on scientific and technical works of B.L. Rozing as the basis for the science-fiction idea of the novel, it is also noticed that the Belyaev's speed of putting in place new technologies is fantastically exaggerated. In addition, it is mentioned that Belyaev predict some new features of future society connected with new inventions, he also emphasized how it'll become possible to manipulate the masses by showing or blocking some TV programs.

Keywords: *Belyaev; science fiction; television; video surveillance; the problem of correct date.*

REFERENCES

Anoshchenko N. D. A Sounding Film in the USSR and abroad [Zvuchashchaya filma v SSSR i za granicej]. Moscow: Teakinopechat, 1930. 103 p. (in Russian).

Bar-Sella Z. Aleksander Belyaev [Aleksandr Belyaev]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2013. 428 p. (in Russian).

Kravklis N., Levitin M. The Three Lives of a Writer [*Tri Zhizni Pisatelya*]. *Science and life*. 2009; No 10, pp. 126–132. Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/16565/?ysclid=lfh9pr4ksy50166327> (accessed on May 8, 2023) (in Russian).

Golyadkin N. A. The Brief Overview of Progressive Development for Soviet and Foreign Television [Kratkij ocherk stanovleniya i razvitiya otechestvennogo i zarubezhnogo televideniya]. Moscow: Publishing House of the Institute for Advanced Studies in Television and Radio Broadcasting, 2001. Ch. 2. 73 p. (in Russian).

«We have a signal!» How we had got the television [«Est signal!» Kak k nam prishlo televidenie]. Available at: <https://histrf.ru/read/articles/oks?ysclid=lhgmme1eqp979105290> (accessed on May 9, 2023) (in Russian).

Belyaeva S.A. The star shining over the window [Zvezda mertsaet za oknom]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=36800&p=6> (accessed on May 8, 2023) (in Russian).

Aleksandrovskij S.A. Eye for eye [Oko za oko]. Available at: <https://proza.ru/2021/06/27/1023?ysclid=lfh9lly76j48396884> (accessed on May 8, 2023) (in Russian).

Belyaev A.R. Collected works [Sobranie sochinenij]. In 6 vols. Vol. 2. Moscow: Terra: Book Club «Knigovek», 2018. 384 p. (in Russian).

The Destruction of Fishmen's Trawlers in 1930–1933 [Gibel rybolovnyh traulerov v 1930–1933 g]. Available at: http://www.famhist.ru/famhist/zap_vred/00040fd9.htm?ysclid=lfh6ftntxh2301682168 (accessed on May 9, 2023) (in Russian).

Usov A.V. «The Heroic Expedition for Special Underwater Operations saved and dragged...» Formation of the image of the Special Purpose Underwater Works Expedition as a symbol of the successes of socialist construction in the USSR in the 1930s [«Geroicheskij EHPRON spas i otuksiroval...» Formirovanie obraza Ekspedicii podvodnyh rabot osobogo naznacheniya kak simvola uspekhev socialisticheskogo stroitel'stva v SSSR 1930-h godov]. Available at: https://dzen.ru/a/ZCkmX0VpmFdh_JwL (accessed 9 May 2023) (in Russian).

The Destruction of Ships in the Black Sea [Gibel sudov v Chernom more]. Available at: <https://profdiver.ru/gibel-sudov-v-chyornom-more/?ysclid=lh9lnm19p833140386> (accessed on May 9, 2023) (in Russian).

Mitrofanov A.F. Who Are Wrecking Ice. Icebreakers of Russia [Krushashchie ldy. Ledokoly Rossii]. Litres: Samizdat, 2018. 144 p. (in Russian).

The Building of the First Soviet Arctic Icebreakers [Stroitelstvo pervyh sovetskikh arkticheskikh ledokolov]. Available at: <https://topwar.ru/97230-stroitelstvo-pervyh-sovetskikh-arkticheskikh-ledokolov.html?ysclid=lh9lumdpl3765041806> (accessed on May 9, 2023) (in Russian).

The Long Distance Vision. Technic Encyclopedia. Vol. 6. The Graphic Method. The Blast-Furnace [Dalnovidenie. Tehnicheskaya ehnciklopediya. T. 6. Graficheskie metody. Domennaya pech]. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1929. 922 p. (in Russian).

Lyubke A. Technics and Human Being in the 2000 [Tehnika i chelovek v 2000 godu]. Leningrad: Priboj, 1929. 179 p. (in Russian).

The Electric Eye [Ehlektricheskij glaz]. *Issues of Smolensk State University*, 1910. No 263, p. 4 (in Russian).

Rozing B.L. The Far Distance Vision: the Closest Tasks and Goals of Electric Telescopy [Videnie na rasstoyanii: Blizhajshie zadachi i dostizheniya ehlektricheskoy teleskopii]. Saint-Peterburg: Academia, 1923. 64 p. (in Russian).

The Siberia's Television [Televidenie Sibiri]. Tomsk: TGU, 2010. 208 p. (in Russian).

Zvorykin V.K. The Television by Cathod-Ray Tubes [Televidenie pri pomoshchi katodnyh trubok]. Leningrad; Moscow: Ehnergoizdat, 1933. 36 p. (in Russian).

Britikov A.F. The National Science-Fiction Literature (in 1917–1991s). Book 1. Science Fiction as special art [Otechestvennaya nauchno-fantasticheskaya literatura (1917–1991 gody). Kniga pervaya. Fantastika – osobiy rod iskusstva]. Saint-Petersburg: Borej-Art, 2005. Available at: https://royal-lib.com/read/britikov_anatolij/otchestvennaya_nauchno_fantasticheskaya_literatura_1917_1991_godi_kniga_pervaya_fantastika_osobiy_rod_iskusstva.html#36705 (accessed on February 3, 2023).

А.В. Радионова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-39-56

ТВОРЧЕСТВО Б. ПАСТЕРНАКА И «ДОКТОР ФАУСТУС» Т. МАННА. I. КАПЛИ И ЗВУКИ

Ключевые слова: *поэтико-философский метатекст; Б. Пастернак; Т. Манн; С. Кьеркегор; Ф.Г. Клопшток; И. Гете.*

В статье рассматриваются точки соприкосновения романа «Доктор Фаустус» Т. Манна и творчества Б. Пастернака. Дается анализ того, как во-круг общих тем формируется метатекстовое поле, актуальное для литературного процесса первой половины XX века и базирующееся на европейской литературной традиции предшествующих эпох. В центре внимания два мотива, которые Манн объединил в одном фрагменте и которые представляют собой образно-мотивный и семантический комплекс: капля, ведущая себя как живой

организм, и песок, под воздействием звука принимающий формы упорядоченных фигур. Аллегорический микросюжет, который в «Докторе Фаустусе» повторяется несколько раз, связан у Т. Манна с творческими системами Ф.Г. Клопштока, И. Гете и С. Кьеркегора. Обнаруживается влияние этих авторов и на Б. Пастернака. В границах сложившегося метатекста рассматриваемые образы-аллегии связаны. Каждый автор вносит свои акценты в их семантическое наполнение, но можно выделить и общее основание метатекста. Капля являет начало и модель творения, отражение всего мироздания, звук создает предметный мир, осуществляет переход внутреннего во внешнее.

В литературоведении хорошо разработаны вопросы о связи творчества Б. Пастернака с текстами Гете, выявлены общие мотивы и темы романов «Доктор Живаго» и «Фауст». Но влияние другого «Доктора» – «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, который был написан в 1943–1947 годах, обходят стороной. Возможно, потому что Пастернак негативно отзывался о писательской манере Т. Манна. Это отмечала, например, Галина Нейгауз в воспоминаниях, относящихся к 1957 году¹. Татьяна Эрастова описала беседу с Пастернаком, когда девочкой-семиклассницей из круга знакомых поэта брала у него читать неоконченный роман. При встрече она задала вопрос: «Вы читали “Доктор Фаустус” и “Избранник”?». И получила утвердительный ответ. А дальше – пространные пояснения о несовершенстве стиля Манна². Евгений Пастернак, сын поэта, также вспоминал, что в феврале 1959 года молодое поколение и Генрих Нейгауз горячо восхищались немецким писателем, а Пастернак, споря с ними, его ругал³. Наиболее полный критический отзыв содержится в письме Т.-С. Элиоту 1960 года⁴. И все-таки в том же письме Пастернак отметил: «Т. Манн – величайший голос Германии и Европы на рубеже веков, – он один удостоился чести понять и пере-

¹ «В это время у него испортились отношения с Генрихом Густавовичем – они часто спорили из-за “Доктора Фаустуса” Томаса Манна, которого боготворил Нейгауз и большие куски из романа читал наизусть, что Пастернака раздражало и он бывал даже резок. Нас всех это очень огорчало. Генрих Густавович стал редко бывать на даче» [Пастернак, 2005b, 563].

² «Манн, он талантливо пишет, очень, но его работы похожи на очень талантливые черновики» [Пастернак, 2005b, 589].

³ «...Я все-таки скажу, что не понимаю Томаса Манна и когда пробовал его читать, – а меня все уверяли, что это великолепно, – не мог продрасть сквозь его описания и многочисленные подробности, ненужные, на мой взгляд, отвлекающие от существа, которое он хочет передать» [Пастернак, 2005b, 688].

⁴ «...Его искусство не покоряет меня. В нем нет сконцентрированного воплощения поражающей новизны реальной жизни и ошутимой сути того, что было пережито и увидено, выстрадано и преодолено. Он слишком облегчал себе писание книг. Из пяти или более подходящих прилагательных в своем тексте он ни разу не пожертвовал четырьмя и не вычеркнул их, чтобы оставить единственное – необходимое. <...> Но почему ничего подобного Вагнеру нет в самом Т. Манне, ничего от того осязаемого волшебства или алхимии, когда произведение искусства кажется не рассуждением о жизни или ее описанием, а случайно выломанным куском самой плотности бытия, формообразующей сути существования» [Пастернак, 2005a, 568].

дать очарование недавнего прошлого, воздать благодарность озарениям девятнадцатого столетия и попрощаться с ним. Он ближе всех подошел к тому, чтобы приветствовать изменения и нововведения нашего времени, чтобы обличить, оплакать и заклеить его преступления, судить и оправдать его. Надо следовать его нравственным положениям, его окрыленной и возвышенной мысли» [Пастернак, 2005а, 567–568].

Мы видим, что, в оценке Пастернака, Томас Манн чувствовал, чем жила эпоха, знал, о чем надо писать, верно определил актуальные темы. Но не добился чистоты художественного стиля, мало заботился о том, чтобы найти единственное нужное слово, точно выражающее суть, и убрать из текста все лишнее: распространенные описания, эпитеты и подробности, без которых можно было бы обойтись. Однако, как мы считаем, этот спор не прошел бесследно для творчества самого Пастернака. И «Доктор Живаго» в некоторой степени стал ответом Т. Манну, творческим диалогом, демонстрацией того, как надо писать литературное произведение о сложных философских вопросах, растворяя философию в поэтике и не допуская пространных избыточных рассуждений. В круг общих для Т. Манна и Б. Пастернака тем и проблем включены другие авторы: Ф.Г. Клопшток, И. Гете и С. Кьеркегор. Таким образом, в точках соприкосновения творческих систем немецкого и русского писателей формируется метатекстовое поле, актуальное для литературного процесса первой половины XX века, основанное на европейской литературной традиции. Рассмотрим несколько таких точек соприкосновения. Во-первых, это два мотива, которые Манн объединил в одном фрагменте и которые представляют собой образно-мотивный и семантический комплекс: капля, ведущая себя как живое существо, и песок, принимающий формы упорядоченных фигур.

Тема капли в «Докторе Фаустусе» разрастается до аллегорического сюжета. Повествование обращается к ней несколько раз. Первый раз в детстве героев – гениального дарования Леверкюна и его друга-рассказчика. Им папаша Леверкюн, имеющий склонность к естествознанию, демонстрирует опыт, в процессе которого висящая на стенке стакана капля поглощает материю и ведет себя как живое существо: «Как волнующе-странно сливается одно царство природы с другим, поучала нас “питающаяся капля”, которую папаша Леверкюн нередко потчевал на наших глазах. Кто мог бы поверить, что капля, ну, скажем, парафина или эфирного масла – не помню уж точно, каплей чего была “наша капля”, кажется, впрочем, хлороформа, – словом, что капля, не будучи ни животным, хотя бы примитивнейшим, ни даже амебой, могла чувствовать аппетит, принимать пищу, поглощать подходящую и отвергать неподходящую? Тем не менее наша капля все это проделывала. Она одиноко висела на стенке стакана с водой, куда помещал ее Ионатан с помощью тонкого шприца» [Манн, 1960, 29–30] (оригинал: [Mann, 1947, 32–33]).

Заметим, что рассказчик перечисляет несколько веществ, которые могли быть «каплей», отмечает, что капля одинока. Дальше эта капля сопровождает

Леверкюна в процессе развития его личности и гениального дара. Взрослея, друзья снова и снова просят повторить опыт с питающей каплей и с фигурами Хладни: «...они совершали бесконечные прогулки и наблюдали хладниевы звуковые фигурки и питающуюся каплю, которые показывал Ионатан, уступая настояниям сына» [Манн, 1960, 166] (оригинал: [Mann, 1947, 170]).

Песок, принимающий разные формы, также связан с образом капли. Эрнст Хладни – немецкий физик, который в начале XIX века изучал влияние звуковых волн на мелкодисперсные частицы твердой материи [Еремеева, 2006]. Он проводил опыты, воздействуя на пластины с песком или порошком звуками разных тонов, и в результате получал орнаменты разной конфигурации. Опыты Хладни оказали большое влияние не только на развитие физики, но и на философию, литературу, искусство. Первых свидетелей этого опыта удивляло, что неживая материя демонстрирует самостоятельное осмысленное поведение. Все это возбуждало воображение. Проблема соотношения звука и формы направляла художников в поисках взаимосвязи звука и цвета, чем начали заниматься П. Клее и В. Кандинский. Проявления бытия, которые кажутся различными по природе, на самом деле неразрывно связаны на физическом уровне и призывают наше сознание к синестезии.

Т. Манна и Б. Пастернака объединяет уважение к Кьеркегору, которого Пастернак неоднократно упоминал в своих работах. Он говорил, что датскому философу «выпала миссия оказать глубокое влияние на наш век» [Карлайл, 1993, 652]. Манн в «Докторе Фаустусе» в трех фрагментах прямо указывает на Кьеркегора как на выразителя христианского мировоззрения. В первый раз о нем говорит второстепенный персонаж Конрад Дейчлин, инициирующий важную дискуссию о сущности искусства. Этот персонаж играет небольшую по объему, но значимую роль. Имя его переводится с немецкого как «храбрый советник» (Konrad) и «маленький немец» (Deutschlin). Он заявляет: «Религиозность, пожалуй, это сама юность, отвага и глубина жизни отдельного человека, воля и способность к действию, естественность и демоническое начало бытия, и Кьеркегор вновь довел это до нашего сознания, заставил нас всем существом это почувствовать и усвоить» [Манн, 1960, 155] (оригинал: [Mann, 1947, 186]).

И Пастернак в том же ключе писал, что Ницше уступает Кьеркегору: «...Его сверхчеловек извлечен и почерпнут из той глубочайшей струи Евангелия, которая уживается в учении Христа рядом с другой, человеколюбиво нравоучительной его стороной, как мог он забыть, где он прочел и откуда пропитался чувством единственности и драматизма души и личности, ее божественной жертвенности, и отчего все это так хорошо понимал более бедный и скромный Киркегор?» [Пастернак, 2005а, 534]. Манн, как и Пастернак, подчеркнул в Кьеркегоре умение оценить значение отдельной личности в общем существовании: «Я отлично знаю, что лишь самые способные из вас, лишь те, что читали Кьеркегора, правду, в том числе и этическую, це-

ликом перелагают в область субъективно-индивидуального и отрицают понятие паствы» [Манн, 1960, 156–157] (оригинал: [Mann, 1947, 160–161]). Суть учения Кьеркегора Манн изложил в речи Мефистофеля, обращенной к Леверкюну: «Если я не ошибаюсь, ты тут читал книгу влюбленного в эстетику христианина? Он был дока и отлично понимал мое особое отношение к сему изящному искусству – христианнейшему искусству, по его мнению, – с отрицательным знаком, разумеется, введенному и развитому, правда, христианством, но осуждаемому и отвергаемому как демоническая стихия...» [Манн, 1960, 315–316] (оригинал: [Mann, 1947, 322–323]).

И образ капли, и образ фигур Хладни являются концептуальными у Кьеркегора. Он неоднократно употреблял выражение «нодальные фигуры» (звуковые фигуры – «Klangfigur» [Kierkegaard, 1901, 35], эстетические нодальные фигуры – «æsthetisk Klangfigur» [Kierkegaard, 1901a, 35]) «в метафорическом смысле: как “запечатление” мимолетных энергетических колебаний» [Исаева, Исаев, 2011, 146]. «...Песок образовывал так называемые “нодальные” линии на металлических пластинках, вибрировавших в резонансе с акустическим сигналом. Это были одни из первых опытов по созданию “звуковых картинок”, то есть по записи звука. Для Кьеркегора в этом образе важна сама возможность своеобразного “овеществления”, реальной “объективизации” преходящей волны страсти» [Там же, 505].

Пастернак в «Людах и положениях» также отметил факт обсуждения подобных опытов, волнующих общество интеллектуалов: «Доклад основывался на соображении о субъективности наших восприятий, на том, что ощущаемым нами звукам и краскам в природе соответствует нечто иное, объективное колебание звуковых и световых волн» [Пастернак, 2004а, 318]. Аллюзию на эти открытия можно увидеть в ранней редакции «Высокой болезни». Это сложная метафора сохранения событий в истории через образы пылинок, распределяемых в пространстве звуком. Высокая болезнь гения позволяет ему слышать вещества и пространства, преобразуя ощущения в слова. Пыль подслушивает мир, а вдохновение оживляет звук и материю:

Обваливайся, мир, и сыпья,	Оштукатурены це-дуром;
Тебя подслушивает пыль.	Для них – пустая процедура
Историк после сложит быль	Произношенье звуков вслух.
О жизни, извести и гипсе.	К такой щекотке мусор глух.
Ведут свой собственный архив	Но вдохновенья, чей объем
Пылинки, забиваясь в уши	Одушевляет даже бревна.
Органых труб и завитушек.	Улавливает он любовно
Лепные хоры и верхи	Всепожирающим чутьем.

[Пастернак, 2003, 405]

Строфа из стихотворения «В пучинах собственного чада...», которая была опущена при публикации, также содержит образ звука, имеющего объем: *И звуки кажутся с горы / Фигурами доски шахматной, / (Как башни на доске*

шахматной) / И эхо движется обратно / За каждым шагом их игры [Пастернак, 2004, 492]. Еще более точно он проявляется в «Охранной грамоте»: «Была непрогляднейшая тьма, но эхо наполняло ее выпуклою скульптурой звуков» [Пастернак, 2004а, 197]. Прибегая к образу обгоняющих друг друга волн разной природы, Пастернак раскрывал свои философские размышления в эпистолярной форме, объясняя динамику развития души от потери себя до обретения через творческое состояние на грани бытия и небытия, сна и пробуждения: «Когда человек, вместо того чтобы потерей самого себя участвовать в совершенно невообразимой пропаже каких-то красочных, звуковых, тепловых и иных волн, обгоняющих друг друга, вместо небытия среди небытия – имеет вокруг себя предметы, это значит, что все участки сна он обнес пробуждениями, это значит, что он окружен драмой; во всех очерках, и названиях, и формах предметов, во всем этом человек вскочил со сна. Лучше мысль, а не человек. Потому что человек – это тоже доля сновидения, с которым справилась мысль. Разбуженный Богом, скажет он затем» [Пастернак, 2005а, 466–467].

В фигурах Хладни, в том, как этот образ используют Кьеркегор и Манн, важно влияние звука на мельчайшие элементы материи, из которых состоит мироздание. Воздействием, имеющим волновую природу, правильно упорядоченные элементы приобретают эстетическую ценность, оживают, сохраняются для бытия. И мы видим, что для Пастернака это также актуально.

Кьеркегор доказывал, что слух – главное чувство, а ухо – инструмент обретения откровения [Kierkegaard, 1901, 29]. Парадигма восходит к образу звука животворящего. В «Докторе Живаго» Пастернак использовал тему звука, формирующего пространство, как маркер ключевых ситуаций. Звуки преобразуют пространство: звуки и звуковые галлюцинации превращают лес и овраг в храм, в котором маленький Юра переживает смерть матери и одновременно – духовное рождение при осознании ее перехода в вечность [Пастернак, 2004b, 14–15]; под звуки революционной стрельбы в разделанном под орех пространстве Лара рвет со своим прошлым [Там же, 54]. Доктор Живаго, работая в ординаторской, писал художественное произведение «“Игру в людей”», мрачный дневник или журнал тех дней, состоявший из прозы, стихов и всякой всячины, внушенной сознанием, что половина людей перестала быть собой и неизвестно что разыгрывает» [Там же, 183]. Это совершенно кьеркегоровская тема, поскольку «Или – или», а также большинство других трудов датского мыслителя строятся вокруг этой проблемы: человек теряет себя, свою душу, свое бессмертие, стараясь быть кем-то, так и не отважившись быть собой и даже не приблизившись к пониманию себя. И вот в момент постижения этой проблемы Живаго испытывает особое состояние мира вокруг себя: «Повышается видимость и слышимость всего на свете, чего бы то ни было. Расстояния передают звук в замороженной звонкости, отчетливо и разъединенно. Расчищаются дали, как бы открывши вид через всю жизнь на много лет вперед» [Там же].

Третий раз в «Докторе Фаустусе» Манна о пожирающей капле говорит Мефистофель в своем ключевом искушающем диалоге с Леверкюном. Он указывает на то, что капля обнаруживает диффузию понятий, и не только живого и мертвого, но в этом же контексте больного и здорового: «Что значит “мертвы”, если капля обнаруживает такой здоровый аппетит? Где здоровье и где болезнь, об этом, мальчик мой, судить не деревенщине... Item, кому-то, наверно, всегда приходилось быть больным и сумасшедшим, чтобы избавить других от этой необходимости. И когда сумасшествие становится болезнью, определить не так-то легко... Что же это: сумасшедшее здоровье, нормальное сумасшествие или дело уже дошло до мозговых оболочек? Кому-кому, а обывателю этого не решить; во всяком случае, он не скоро приметит здесь что-то особенное, потому что, мол, художники всегда с заскоком» [Манн, 1960, 307–308] (оригинал: [Mann, 1947, 315] (...*Кто, творя, с самим безумьем дружит...*) [Гете, 1975, 334]).

Отметим, что Леверкюну дается болезнь для обострения его чувствительности. От природы ему свойственны сильнейшие мигрени. А следствием его желания спасти падшую женщину стала французская болезнь. Гениальность музыки, которую сочиняет Леверкюн, в том, что она сочетает восторг и грусть, тоску, меланхолию. И опять обратившись к «Высокой болезни» Пастернака в ее ранней редакции, мы видим музыканта, поющего про высокую болезнь: *Мы тут при том, что в театре террор / Поет партеру ту же песнь. / Что прежде с партитуры тенор / Пел про высокую болезнь. / Про то, что белая горячка / Цемент крепче и белей...* [Пастернак, 2003, 410]. Под высокой болезнью понимается сотворение мира как результат слезы Бога, капли, висящей на Его глазах. Из этой капли вырастают миры: *Про то, как вдруг, в конце недели / На слепнувших глазах творца, / Родятся стены цитадели / Иль крошечная крепостца* [Там же, 410].

Концепт дождя хорошо исследован в лирике и прозе Пастернака⁵. Но в особую подпарадигму можно выделить тему капли. Мы считаем, что в формировании данной подпарадигмы большую роль играл «немецкий текст». В границах этого метатекста связаны темы капли и пространства. В «Истории одной контроктавы» Пастернак описал, как из звуков возникает объем, который затем превращается в капли росы: «Ни души не было на призрачных, непрозревших улицах городка... когда среди всех прочих бестелесных <зданий> родилось новое, в этот миг только на свет Божий появившееся и более всех прочих бестелесное здание: это было здание из <звуков>, оно простонало, заволакиваемое неодолимой отдаленностью, и

⁵ Начало этой теме положила поэтико-импрессионистическая по стилю изложения статья Марины Цветаевой «Пастернак и дождь» [Цветаева, 1994]. И после того в серии статей и монографий литературоведы рассматривали вопрос с разных сторон, раскрывая значение мотивов и образов, связанных с темой дождя, например: [Жолковский, 2011; Франк, 1990; Ли, 2020; Кадзияма, 2013; Таркан, 2022].

отстонало затем. Отстонало не потому, чтобы оно ушло в землю, как где-то воздвиглось оно, выйдя из земли. Но уловить его можно было только в его появлении и только как нечеловеческую попытку заживо похороненных – сдвинуть с места тишину. И только одно мгновение фантом этой осторожной стройности отличался от призрачного воздуха, призрачных крыш и призрачной росы. По истечении этого мгновения – он перестал от росы отличаться и его негде уже было искать» [Пастернак, 2004а, 370–371].

В неоконченной прозе «Вторая картина. Петербург» исполнение музыки показано как перемещение жидкости звуком: «Музыкант... старался так, не перелив ни капли и не нарушив двух глубин, – переместить их звуком; и затем играть на самых низких и успокоительных, – как бром, тупящих нотах. И тотчас же вас усыпить, не дав почувствовать всей остроты падения» [Пастернак, 2004а, 392]. Наконец, и в «Докторе Живаго» появляются капли воды, их звук перерастает в пространство: «Ночь была полна тихих, таинственных звуков. Рядом в коридоре капала вода из рукомыльника, мерно, с оттяжкой. Где-то за окном шептались. Где-то, где начинались огороды, поливали огурцы на грядках, переливая воду из ведра в ведро, и гремели цепью, набирая ее из колодца» [Пастернак, 2004б, 140].

Созидание из звука объемов и пространств наряду с живой каплей у Пастернака, как и у Манна, представляет собой единый семантический комплекс, сложившийся гораздо раньше «Доктора Живаго». В свое время Кьеркегор описал особое состояние свободного человека, осознающего свои возможности, свою отделенность от мира и социума, и от этого испытывающего состояние тревоги. Чем больше осознания свободы, тем больше склонность человека к творчеству и тем глубже ощущение тревоги, переходящей в рефлексивную тоску – тоску непрерывной рефлексии⁶.

⁶ «Когда рефлексивная печаль отступает вовнутрь, она в конце концов всегда находит себе укрытие, – самое внутреннее из всего, где только можно спрятаться; тут она и начинает свое однообразное движение. Она раскачивается взад и вперед, как маятник часов, но так и не может найти себе покоя. Она все время начинает сначала, сызнова взвешивая все, выслушивая свидетелей, сравнивая и проверяя их разнообразные показания, как уже сотни раз делала прежде, но так никогда не завершает свою работу. Однообразие становится с течением времени чем-то усыпляющим. Капли воды, что размеренно падают с крыши, жужжание веретена, что продолжает крутиться, постоянные шаги жильца этажом выше, что ходит взад и вперед по своей комнатухе, – вот так и рефлексивная печаль находит себе в конце концов выход в подобном движении; оно становится для нее необходимостью, пусть и иллюзорной. Наконец наступает некое равновесие; теперь, даже если к этому располагает случай, потребность дать печали внешний выход полностью исчезает: внешне все тихо и спокойно, но глубоко внутри, в своем маленьком укрытии, печаль живет подобно надежно охраняемому узнику в подземной темнице, – здесь она и проводит год за годом в однообразном движении, бродя взад и вперед в своем убежище, неустанно прокладывая долгий или краткий путь своей тоске» [Кьеркегор, 2011, 204–205] (оригинал: [Kierkegaard, 1901, 148–149]). Хорошо раскрыл кьеркегоровскую интерпретацию понятия тревоги американский психолог и психотерапевт Ролло Рис Мэй. Оттолкнувшись от нее, Мэй представил свою теорию экзистенциальной психологии [Мэй, 2001].

Именно в этом фрагменте «Или – или», который мы упомянули выше и к которому вернемся ниже, он объединил темы тоски и падающих капель.

У Пастернака в его ранней прозе таким рефлектирующим героем становится Реликвимини. В первых прозаических опытах писатель соединил мотивы сотворения мира Богом и висящих капель, которые то падали, то не могли оборваться⁷. Этот комплекс восходит к еще одному источнику формирования метатекста, указание на который мы находим и в «Докторе Фаустусе». Это знаменитая ода Клопштока «Весенний праздник» («Die Frühlingsfeier»), Манн назвал ее песней о «Капле на ведре». Капля Клопштока является вариацией темы поедоющей капли и также появляется на страницах «Доктора Фаустуса» в пятикратном повторе: «Ода Клопштока “Весенний праздник”, его знаменитая песнь о “Капле на ведре”, с небольшими купюрами, – вот на какой текст сочинил Леверкюн пьесу для баритона, органа и струнного оркестра...» [Манн, 1960, 344] (оригинал: [Манн, 1947, 352]; см продолжение темы: [Манн, 1947, 353–354, 356, 359, 361], в переводе: [Манн, 1960, 346, 348, 351, 353]).

Заметим, что творчество Кьеркегора также связано с Клопштоком. Но особенно философа привлекал образ жены Клопштока Меты. Эта выдающаяся женщина была блестяще образованна, знала греческий, латынь, говорила на четырех языках [Schumann, 1960; Jameson, 1879]. Она оставила значительное эпистолярное наследие. Ее остроумные и откровенные письма друзьям, подругам, Сэмюэлю Ричардсону были опубликованы в XIX веке и очень активно обсуждались в литературных кругах. Она вышла замуж за поэта в 26 лет и была влюблена не только в самого Клопштока, но и в его творчество. После свадьбы чета переехала в Данию. Через четыре года Мета умерла в родах. А поэт прожил в Дании без малого 20 лет. Он тяжело пережил смерть любимой жены и младенца. История их отношений стала образцом соединения романтических и религиозных чувств, что оказало большое влияние на литературу не только сентиментализма, но и последующих эпох.

⁷ Из первых опытов: «Город слишком часто становился иным. Или, лучше, он ничем не становился, он выходил из себя, переставал быть собою. За городом... Но за городом была, вероятно, весна, которую можно было бы застроить так же, на пример родного. И сменяя заставы за заставами, выстраивая все новое, можно было бы застроить всю землю, не находя ничего, кроме пустырей, ожидающих закладки. Так что неправы были те, которые утверждали, что за заставой, тут же, за окраиной, можно встретить Бога. <...>

Десять крупных весенних капель не могли никак оборваться. Пять весенних капель коснулись руки Реликвимини.

Грусть... это когда нами запасается что-то, что должно наступить» [Пастернак, 2004а, 437–438].

«А весна и сама едва, едва держалась. Она висела в несчетных каплях темных, полных предчувствия земли, и обрывалась и пропускала, пропускала душу.

<...>

Реликвимини у открытого окна присутствовал при том, как отдельные возгласы и звуки двора намечали территорию его великой тоски. Не окинуть взглядом моей грусти!...» [Пастернак, 2004а, 446].

В своей работе «Виновен – не виновен» [Kierkegaard, 1968] Кьеркегор обратился к образу Меты Клопшток. Эти черновики, опубликованные в пятом томе собрания сочинений, стали затем третьей частью книги «Этапы на дороге жизни», написанной в жанре дневника и отражающей обстоятельства любви Кьеркегора и Регины Олсен. Дважды Кьеркегор сделал отсылку к словам Меты «таа jeg see at finde» («Мне нужно увидеть, чтобы найти») [Kierkegaard, 1968, 177, 182]. Кьеркегор видит близость волнующих его вопросов в родстве поэтических мотивов Гете и Клопштока: «...saaledes smiler Goethe fornemt ad Klopstock, fordi det beskæftigede ham saa meget, om Meta, hans første Kjærlighed, der havde giftet sig igjen, vilde tilhøre ham i et andet Liv» [Kierkegaard, 1902, 145] («Гете элегантно улыбается Клопштоку, потому что того также волновало, будет ли Мета, его первая любовь, после того как у него был второй брак, принадлежать ему в другой жизни»⁸).

Р. Сальваторе посвятила свою работу анализу точек соприкосновения творческих систем Пастернака и Клопштока, в частности в стихотворении «Цельною льдиной из дымности вынут...». Она начала характеристику с честной оговорки: «У нас нет сведений, подтверждающих знакомство Пастернака с поэзией Клопштока вообще и с этими стихотворениями в частности. Насколько мы знаем, немецкий поэт не упоминается ни в произведениях, ни в письмах Пастернака» [Сальваторе, 2017, 470–471]. Мы, однако, можем указать на один документ, в котором рукой Пастернака написано «Клопшток». Это перевод из Жана Поля Рихтера, выполненный в 1919 году (опубликован Е.Н. Пенской). В нем как раз и содержится та истина, которую спустя годы будет выражать Пастернак, критикуя Т. Манна: философ-поэт должен соблюдать законы эстетики, не жертвуя «музыкой сфер» в пользу словесной проповеди. Именно в этом контексте первым в ряду справившихся с такой задачей назван Клопшток: «В конце концов и чистый философ, являющийся только проповедником слова, а не его исполнителем, и в тайном прикрытии своих эстетических деяний мнимыми законами прекрасного не нуждающийся, должен сознаться, что и он находится в сходном положении. Вкус к прекрасному созрел у него до его ученья о вкусе, и его эстетические Федоры в его эстетического Юстиниана руку запускали. Но даже и это все же лучше того, что делают глухие дирижеры, знакомые со всею поэтической музыкой сфер лишь по немой нотной партитуре [многих] эстетиков, из которых они выводят свой генералбас. Вот почему испокон века исполнительная власть была наилучшим восполнением законодательной. Клопшток, Гердер, Гете, Виланд, Шиллер, Лессинг были поэтами, прежде чем стать защитниками собственных вкусов» [Пенская, 2022, 225].

Но дальше в своей статье Сальваторе выказала личное убеждение, что Клопшток Пастернаку был знаком: «Все же это предположение остается вполне вероятным, учитывая глубокое знание Пастернаком немецкого языка и

⁸ Перевод наш.

культуры. В юности поэт дважды достаточно долго бывал в Германии: сначала вся его семья прожила семь месяцев в Берлине в 1906 г., а потом он один провёл в Марбургском университете летний семестр 1911 г. В своих воспоминаниях А. Пастернак утверждает, что во время первого совместного пребывания в Берлине “брат начал увлекаться чтением немецких классиков – стихов главным образом”: возможно, именно к этому периоду и относится знакомство Пастернака с интересующими нас произведениями Клопштока» [Сальваторе, 2017, 471]. Она же отметила ещё один путь Пастернака к оде Клопштока «Весенний праздник» – через Гете, его автобиографию и роман «Страдания юного Вертера». В романе Гете связывает восторг Шарлотты и Вертера перед состоянием природы после дождя, назвав имя Клопштока. Контекст делает отсылку на его указанное произведение⁹. Мы видим литературную традицию, в рамках которой Гете прочно связан с именем Клопштока ситуацией переживания весенней грозы, ливня и любовного чувства. Он назвал своего предшественника в знаменитой сцене «Страдания юного Вертера»¹⁰. И для русской литературы, от Карамзина и до Серебряного века, имя Клопштока в первую очередь ассоциируется с одним лирическим произведением, его одой «Весенний праздник» [Сибирцева, 2024], к которой отсылает Гете и пять эпизодов романа Манна. Ода начинается так:

⁹ «В частности, внимание к одам немецкого поэта могло вызвать в нем то место гетевской автобиографии “Dichtung und Wahrheit”, где писатель изображает увлечение ночным катанием, внушенное ему Клопштоком. Здесь Гете описывает внутреннее единство природы, стихов и вдохновения, которые плавно переходят друг в друга: впечатления от ночного катания напоминают оссиановскую атмосферу и вызывают в памяти соответствующие стихи Клопштока; этот восхитительный опыт, в свою очередь, вдохновляет молодого Гете к созданию новых произведений. Клопшток упоминается также в романе “Die Leiden des jungen Werther”. В известном эпизоде Шарлотта, любящая красоту природы после дождя, передает свой восторг Вертеру простым восклицанием “Клопшток!”, что является верным намеком на его популярнейшую оду “Früh lingsfeier”. К тому же, хотя Гете довольно быстро затмил Клопштока, седьмая строфа стихотворения “Der Eislauf” считается одной из вершин немецкой лирики, так что вряд ли этот текст остался вне круга чтения Пастернака. Наконец, поскольку многие известные композиторы создавали музыкальные переложения стихов Клопштока, маловероятно, что имя немецкого поэта могло остаться незамеченным молодым Пастернаком, готовящимся к музыкальной карьере» [Сальваторе, 2017, 471–472].

¹⁰ «Мы подошли к окну. Где-то в стороне ещё громыхало, благодатный дождь струился на землю, и тёплый воздух, насыщенный живительным ароматом, поднимался к нам. Она стояла, облокотясь на подоконник и вглядываясь в окрестности; потом посмотрела на небо, на меня; я увидел, что глаза ее подернулись слезами; она положила руку на мою и произнесла: “Клопшток!” Я сразу же вспомнил великолепную оду, пришедшую ей на ум, и погрузился в поток ощущений, которые она пробудила своим возгласом. Я не выдержал, я склонился и с блаженными слезами поцеловал ее руку. А потом снова взглянул ей в глаза. Великий! Дай бог тебе увидеть благоговейный восторг в этих глазах, а мне никогда не слышать твоего имени из кошачьих уст!» [Гете, 1978, 24].

Die Frühlingsfeier

Nicht in den Ocean der Welten alle
Will ich mich stürzen! schweben nicht,
Wo die ersten Erschaffnen, die Jubelchöre der
Söhne des

Lichts,
Anbeten, tief anbeten und in Entzückung ber-
gehn.

Nur um den Tropfen am Eimer,
Um die Erde nur, will ich schweben und
anbeten,
Halleluja! Halleluja! Der Tropfen am Eimer
Rann aus der Hand des Allmächtigen auch.

Da der Hand des Allmächtigen
Die größeren Erden entquollen,
Die Ströme des Lichts rauschten,
und Siebengestirne
wurden,
Da entrannest du, Tropfen, der Hand des
Allmächtigen!

Da ein Strom des Lichts rauscht', und unsre
Sonne
wurde,
Ein Wogensturz sich stürzte wie Vom Felsen
Der Wolk herab und den Orion gurtete,
Da entrannest du, Tropfen, der Hand des
Allmächtigen!

Wer sind die tausendmal tausend,
Die Myriaden alle, hundert tausend,
Welche den Tropfen bewohnen und be-
wohnten? Und wer

bin ich?
Halleluja dem Schaffenden! mehr, wie die
Erden,
die
quollen!
Mehr, wie die Siebengestirne, die aus Strahlen
zusammenströmten! [Klopstock, 1841, 101]

Весенний праздник

Совсем не в океан всех миров
Я хочу броситься, не плыть,
Где впервые был создан, где ликующие
хоры сынов

света,
Чтобы поклоняться, глубоко поклоняться и
уйти в экстаз.

Лишь вокруг капли на ведре,
вокруг одного мира, хочется парить и по-
клоняться!
Аллилуйя! Аллилуйя! Капля в ведро
стекала с руки Всемогущего.

Рукой Всемогущего,
Великие земли возникли
Потоки света неслись,
и стали се-
мизвездьем,
Тогда ты, капля, сбежала с руки Всемогу-
щего!

Когда хлынул поток света, и появилось
наше солнце,
Волна обрушилась, словно со скалы
Спустилось облако и опоясало Орион,
Когда ты, капля, соскользнула с руки Все-
вышнего!

Кто они тысячи тысяч,
Все мириады, сто тысяч,
Населяющих каплю и обитающих в ней? И
кто

я такой?
Аллилуйя Создателю!
больше похоже на миры, которые расширя-
ются!
Больше похоже на семь звезд, сливающихся
вместе
в сиянии! (11)

Капля творения – центральный образ оды Клопштока, она же стано-
вится центральным образом двух стихотворений Гете, посвященных рожде-
нию искусства, вдохновенного божественным творением.

Капли нектара

Раз, в угоду Прометею,
Своему любимцу, с неба
Чашу, полную нектара,
Унесла Минерва людям,
Чтобы созданных титаном
Осчастливить и вложить им
В грудь святой порыв к искусствам.
Шла она стопой поспешной,
Чтоб Юпитер не заметил,
И в золотой плескалась чаше
Влага, и на зелень луга
Несколько упало капель.

Рой прилежных пчел примчался,
Все нектар усердно пили;
Озабоченный, спустился
Мотылек – добыть хоть каплю;
Сам урод-паук приплелся,
Пил нектар что было мочи.
Так сподобились блаженства
Эти крохотные твари,
Счастье высшее – искусство –
С человеком разделив.
[Гете, 1975, 165]

Используя миф о падающей животворящей капле, Гете соединил в этом стихотворении мотивы рождения природы и искусства. А в стихотворении «В пучину капля с вышины упала» он подчеркнул ее необыкновенную прочность, которая дается Творцом за верность своей форме, за то, что она сумела не слиться с другими подобными каплями:

В пучину капля с вышины упала.
Ходили волны, ветер выл.
Но Бог, узрев смиренной веры пыл,
Дал капле твердость высшего закала.

Ее в себя ракушка приняла,
И вот в венце властителя державы,
Признаьем доблести и славы,
Блестит жемчужина прекрасна и светла.
[Гете, 1975, 403]

Бог каплю превращает в жемчужину, так и художник превращает мелкие проявления бытия, которые тем не менее выражают его суть, в искусство.

И Пастернак, продолжая эту парадигму в описании весеннего утра и висящей капли божественного первотворения, отождествлением капли и лирического субъекта близок к Гете, но еще ближе к Клопштоку:

Я вишу на пере у Творца
Крупной каплей лилового лоска.
Под домами – загадки канав.
Шибко воздух ли соткой и коксом
По вокзалам дышал и зажегся,
Но, едва лишь зарю доконав,
Снова розова ночь, как она,
И забор поражен парадоксом.

Вешний ветер, шевьот и грязца,
И гвоздильных застав отголоски,
И на утренней терке торца
От зари, как от хренной полоски.
Проступают отчетливо слезки.

Я креплюсь на пере у Творца
Терпкой каплей густого свинца.

[Пастернак, 2003, 203–204].

И бормочет: прерви до утра
Этих сохлых белил колебанье.
Грунт убит и червив до нутра.
Эхо чутко, как шар в кегельбане.

Повторяющаяся сцена с опытами в романе Т. Манна согласуется и с фрагментом «Страданий юного Вертера», в котором Шарлотта и Эдуард обсуждают научные опыты соединения разных материй и форму жидкостей,

называя при этом дождевую каплю, ртуть и свинец (для сравнения: [Манн, 1960, 13; Гете, 1975, 249]). Эти вещества станут важными темами лирики и прозы Пастернака. В устойчивый тематический комплекс слов-спутников 'капли' входят наименования металлов: стали («Эхо»), меди («Мельницы», «Рудник», «Оттепелями из магазинов...»), железа («Как усыпительная жизнь!...»), свинца («Я вишу на пере у Творца...», «Пространство»), олова («Я тоже любил. И за архипелаг...»), ртути и серебра («Спекторский»). Конкретно гетевский комплекс 'капля – ртуть – свинец' в его лирике имеет наиболее стойкий характер. Свинец так или иначе определяет воду: дождь («Mein liebchen, was willst du noch mehr?», «Имелось», «Пространство», «Передышка»), гладь озера («Как у них»), море («Вариации. 2. Подражательная»), грозовые облака («Мне в сумерки ты все – пансионеркою...»). То же относится и к ртути («Маргарита», «Близнец на корме», «Какая горячая кровь у сумерек...», «Спекторский»). Эти металлы своим цветом, а также тяжестью, легкоплавкостью, текучестью точно передают состояние тяжелой, обволакивающей человека экзистенциальной тоски, находящее разрядку в акте творения. В описании акта творения накладываются друг на друга, сливаются и переплетаются ситуации словотворчества, рождения нового дня, весеннего возрождения природы или, наоборот, ее скорого увядания. Поэтому чернила (словотворчество), белила (как художественный материал они тоже свинцовые), слезки дождя, свинец сливаются в единой животворящей капле.

Итак, аллегорический микросюжет, который в «Докторе Фаустусе» повторяется несколько раз, связан у Т. Манна с творческими системами Ф.Г. Клопштока, И. Гете и С. Кьеркегора. Обнаруживается влияние этих авторов и на Б. Пастернака. Клопшток построил произведение на одном базовом образе животворящей капли. Гете развил его в нескольких вариациях, причем в поэзии и прозе. Кьеркегор иллюстрировал свое философское учение об особых состояниях человека, побуждающих к трансформациям духовного роста, художественными развернутыми метафорами, сочетая образы капли и звуковых фигур. Т. Манн свел этот комплекс в повторяющемся микросюжете. Б. Пастернак в значительной степени построил на системе названных метатропов свое поэтическое и прозаическое творчество. И у Пастернака, и у Манна в границах сложившегося метатекста рассматриваемые образы-аллегии животворящей капли и жизнеобразующих звуков связаны. Можно выделить общее основание: капля являет начало и модель творения, отражение всего мироздания в материи, сознании субъекта и в искусстве; звук создает предметный мир, осуществляет переход внутренней жизненной энергии во внешнюю форму.

ЛИТЕРАТУРА

- Гете И.В. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1975. 528 с.
 Гете И.В. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6: Романы и повести. М.: Худож. лит., 1978. 480 с.
 Еремеева А.И. Беспокойный гений Эрнста Хладни: к 250-летию со дня рождения // Природа. 2006. № 12. С. 58–66.

Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.

Исаева Н., Исаев С. Примечания // Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии: Амфора. ТИД Амфора, 2011. 823 с.

Кадзияма Ю. Образ воды в творчестве Б.Л. Пастернака («Февраль. Достать чернил и плакать!...», «Повесть» и «Доктор Живаго») // Новый филологический вестник. 2013. № 4(27). С. 54–63.

Карлайл О. Три визита к Борису Пастернаку // Воспоминания о Борисе Пастернаке. Антология. М.: Слово/Slovo, 1993. С. 646–641.

Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни. В 2 ч. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии: Амфора. ТИД Амфора, 2011. 823 с.

Ли С. Концепт «Дождь» в художественной картине мира Б.Л. Пастернака // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1(92). С. 274–275.

Манн Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5: Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом / пер. с нем. С. Апта и Н. Ман. М.: Худож. лит., 1960. 696 с.

Мэй Р. Смысл тревоги / пер. с англ. М.И. Завалова и А.И. Сибуриной. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 384 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М.: Слово/Slovo, 2003. 576 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959. М.: Слово/Slovo, 2004. 528 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 3: Проза. М.: Слово/Slovo, 2004a. 632 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 4. Доктор Живаго. М.: Слово/Slovo, 2004b. 760 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7: Письма 1905–1926. М.: Слово/Slovo, 2005. 824 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 10: Письма 1954–1960. М.: Слово/Slovo, 2005a. 680 с.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 11: Борис Пастернак в воспоминаниях современников. М.: Слово/Slovo, 2005b. 824 с.

Пенская Е.Н. Неопубликованный перевод Б.Л. Пастернака из Жан Поля Рихтера // Русская литература. 2022. № 4. С. 217–226.

Сальваторе Р. Пастернак и Клопшток (о стихотворении Б. Пастернака «Цельною льдиной из дымности вынут...») // Slověne: международный славистический журнал. 2017. Вып. 6, № 2. С. 456–481.

Сибирцева В.Г. Пути формирования литературной репутации: Ф.Г. Клопшток в России XIX века // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1(65). С. 102–119.

Таркан Н.Е. Образ воды в поэтике Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте VII: сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова. Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 2022. С. 321–325.

Франк В.С. Водяной знак: поэтическое мировоззрение Пастернака // Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1962. 240–252.

Цветаева М.И. Световой ливень // Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. С. 231–245.

Jameson A. Loves of the poets. Biographical sketches of women celebrated in ancient and modern poetry. Boston: Ticknor and Fields, 1845. С. 369–387.

Kierkegaard S. Forord – fire opbyggelige taler – tre taler ved tænkte lejligheder // Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. V. bind. Kjøbenhavn: Reitzelske Forlag (George C. Grøn), 1902. 467 s.

Kierkegaard S. Skyldig – Ikke Skyldig // Kierkegaard S. Papirer. Udgivne af P.A. Heiberg og V. Kuhr. 5 bind: Søren Kierkegaards optegnelser 1844 fra marts til December. København: Gyldendalske boghandel. Nordisk forlag, 1968. C. 171–261.

Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. I. Bind. Enten-eller, 1. Del. Kjøbenhavn: Gyldendalske boghandel nordisk forlag, 1901. 420 s.

Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. II. Bind. Enten-eller, 2. Del. Kjøbenhavn: Gyldendalske boghandel nordisk forlag, 1901a. 326 s.

Klopstock F.G. Oden. Familien: Bibliothef der Deutschen Classiker. Eine Anthologie in 100 Bänden. Siebenter Band. Klopstock's Oden. Hildburghausen und Amsterdam: Druck und Verlag vom Bibliographischen Institut, 1841. 208 s.

Mann T. Doktor Faustus. Das Lebendes deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn erzählt von einem Freunde. Stockholm: Bermann Fischer Verlag, 1947. 784 p.

Schumann D.W. Review of Meta Klopstock, geborene Moller: Briefwechsel mit Klopstock, ihren Verwandten und Freunden, by H. Tiemann // The Journal of English and Germanic Philology. 1960. No. 59(1). P. 106–111. URL: <http://www.jstor.org/stable/27707417>.

Jameson A. Klopstock and Meta // The loves of the poets. Boston: Houghton, Osgood and company. She Riversite Prees, Cambridge, 1879. 2 v. S. 369–388.

A.V. Radionova

*PhD in Philology, Doctor, Associate Professor,
Chair of literature and journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Works of B. Pasternak and «Doctor Faustus» by T. Mann.

I. Drops and Sounds

The article examines the points of contact between the novel «Doctor Faustus» by T. Mann and the work of B. Pasternak. An analysis is given of how a meta-textual field is formed around common themes, relevant to the literary process of the first half of the 20th century and based on the European literary tradition of previous eras. The focus is on two motifs that Mann combined in one fragment and which represent a figurative-motivic and semantic complex: a drop behaving like a living organism and sand, which under the influence of sound takes the form of ordered shapes. The allegorical micro-plot, which is repeated several times in Doctor Faustus, is connected by T. Mann with the creative systems of F.G. Klopstock, J. Goethe and S. Kierkegaard. The influence of these authors on Boris Pasternak is also revealed. Within the boundaries of the established metatext, the allegory images under consideration are connected. Each author brings his own accents to their semantic content, but it is possible to single out the general basis of the meta text. The drop is the beginning and model of creation, a reflection of the entire universe, the sound creates the objective

world, carries out the transition from the inner to the outer.

Keywords: *Poetic and philosophical metatext; B. Pasternak; T. Mann; S. Kierkegaard; F.G. Klopstock; I. Goethe.*

REFERENCES

Goethe I.V. Collected Works in 10 volumes. Poems [Sobranie sochinenii v 10-ti tomakh. Stikhotvoreniia]. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. Vol. 1. 528 p. (in Russian).

Goethe I.V. Collected Works in 10 vols. Novels and novellas [Sobranie sochinenii v 10-ti tomakh. Romany i povesti]. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1978. Vol. 6. 480 p. (in Russian).

Eremeeva A.I. The Bespokoinyi Genii Ernsta Khladni: Towards the 250th Anniversary of His Birth [Bespokoinyi genii Ernsta Khladni: k 250-letiiu so dnia rozhdeniia]. *Nature*, 2006. No. 12, pp. 58–66 (in Russian).

Zholkovskii A.K. Pasternak's Poetry: Invariants, Structures, Intertexts [Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie, 2011. 608 p. (in Russian).

Isaeva N., Isaev S. Notes [Primechaniia]. *Kierkegaard S. Either or. A fragment from Life: in 2 parts*. Saint-Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy: Amfora, 2011. 823 p. (in Russian).

Kadziiama Iu. An Image of Water in the Works of B. L. Pasternak («February. Get some ink and cry!...», «The Novel» and «Doktor Zhivago») [Obraz vody v tvorchestve B.L.Pasternaka («Fevral'. Dostat' chernil i plakat'!...», «Povest'» i «Doktor Zhivago»)]. *New Philological bulletin*, 2013. No 4 (27), pp. 54–63 (in Russian).

Karlail O. Three visits to Boris Pasternaku [Tri vizita k Borisu Pasternaku]. *Memories of Boris Pasternak. Anthology*. Moscow: Slovo, 1993, pp. 646–641 (in Russian).

Kierkegaard S. Either or. A fragment from Life: in 2 parts [Ili – ili. Fragment iz zhizni: v 2 ch.]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy: Amfora, 2011. 823 p. (in Russian).

Li S. The concept of «Rain» in the artistic picture of the world of B.L. Pasternak [Kontsept «Dozhd'» v khudozhestvennoi kartine mira B.L. Pasternaka]. *World of science, culture, education*, 2022. No. 1 (92), pp. 274–275 (in Russian).

Mann T. Collected Works in 10 volumes. Doctor Faustus: The Life of the German Composer Adrian Leverkühn, Told by a Friend [Sobranie sochinenii v 10-ti tomakh. Doktor Faustus. Zhizn' nemetskogo kompozitora Adriana Leverkuiuna, rasskazannaia ego drugom]. Translated from German. S. Apta and N. Man. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1960. Vol. 5. 696 p. (in Russian).

Mei R. The meaning of worries [Smysl trevogi]. Translated by English M.I. Zavalova and A.I. Siburinoi. Moscow: Nezavisimaia firma «Klass», 2001. 384 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Verse and Poems 1912–1931 [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Stikhotvoreniia i poemy 1912–1931]. Moscow: Slovo, 2003. Vol. 1. 576 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Spektorsky. Poems 1930–1959 [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Spektorskii. Stikhotvoreniia 1930–1959]. Moscow: Slovo, 2004. Vol. 2. 528 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Prose [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Proza]. Moscow: Slovo, 2004a. Vol. 3. 632 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Doctor Zhivago [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Doktor Zhivago]. Moscow: Slovo, 2004b. Vol. 4. 760 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Letters 1905–1926 [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Pis'ma 1905–1926]. Moscow: Slovo, 2005. Vol. 7. 824 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Letters 1954–1960 [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Pis'ma 1954–1960]. Moscow: Slovo, 2005a. Vol. 10. 680 p. (in Russian).

Pasternak B.L. Complete works in 11 volumes. Boris Pasternak in memories of modern people [Polnoe sobranie sochinenii v 11 t. Boris Pasternak v vospominaniakh sovremennikov]. Moscow: Slovo, 2005b. Vol. 11. 824 p. (in Russian).

Penskaia E.N. Unpublished translation by B.L. Pasternak from Jean Paul Richter [Neopublikovannyi perevod B. L. Pasternaka iz Zhan Polia Rikhtera]. *Russian literature*. 2022, No 4, pp. 217–226 (in Russian).

Salvatore R. Pasternak and Klopstock (on B. Pasternak's poem «They took a whole piece of ice out of the smoke...») [Pasternak i Klopshtok (o stikhotvorenii B. Pasternaka «Tsel'noiu l'dinoi iz dymnosti vynut...»)]. *Slověne: International Slavic journal*, 2017. Issue 6. No 2, pp. 456–481 (in Russian).

Sibirtseva V.G. Ways of forming a literary reputation: F.G. Klopstock in Russia of the XIX century [Puti formirovaniia literaturnoi reputatsii: F.G. Klopshtok v rossii XIX veka]. *Proceedings of the Smolensk State University*, 2024, no. 1(65). pp. 102–119 (in Russian).

Tarkan N.E. An Image of Water in the Poetry of B. Pasternaka «Doktor Zhivago» [Obraz vody v poetike B. Pasternaka «Doktor Zhivago»]. *Vostochnoslavianskie iazyki i literatury v evropeiskom kontekste VII: sb. nauch. st.* [East Slavic languages and literatures in the European context VII: collection of scientific articles]. Mogilev: MGU named after A.A. Kuleshova, 2022. pp. 321–325 (in Russian).

Frank V.S. Watermark: the poetic worldview of Pasternak [Vodianoi znak: poeticheskoe mirovozzrenie Pasternaka]. *Collection of articles devoted to the work of Boris Leonidovich Pasternak*. Munich: Institute for the Study of the USSR, 1962. pp. 240–252 (in Russian).

Tsvetaeva M.I. Light Shower [Svetovoi liven']. *Tsvetaeva M.I. Collection of works in 7 vols. Vol. 5. Autobiographical Prose. Articles. Essays. Translations*. Moscow: Ellis Lak, 1994, pp. 231–245 (in Russian).

Jameson A. Loves of the poets. Biographical sketches of women celebrated in ancient and modern poetry. Boston: Ticknor and Fields, 1845, pp. 369–387 (in English).

Kierkegaard S. Preface-four edifying speeches – three speeches on imaginary occasions [Forord – fire opbyggelige taler – tre taler ved tænkte lejligheder]. *Kierkegaard S. Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. V. bind*. Kjøbenhavn: Reitzelske Forlag (George C. Grøn), 1902. 467 p. (in Danish).

Kierkegaard S. Guilty – Not Guilty [Skyldig – Ikke Skyldig]. *Kierkegaard S. Papirer. Udgivne af P.A. Heiberg og V. Kuhr. 5 bind: Søren Kierkegaards optegnelser 1844 fra marts til December*. København: Gyldendalske boghandel, Nordisk forlag, 1968, pp. 171–261 (in Danish).

Kierkegaard S. Collected Works published by A.B. Drachmann, J.L. Heiberg et H.O. Long. I. Volume. Either-or, 1. Part [Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. I. Bind. Enten-eller, 1. Del]. Kjøbenhavn: Gyldendalske boghandel nordisk forlag, 1901. 420 p. (in Danish).

Kierkegaard S. Collected Works published by A.B. Drachmann, J.L. Heiberg et H.O. Long. I. Volume. Either-or, 1. Part [Samlede værker udgivnb af A.B. Drachmann, J.L. Heiberg og H.O. Lange. I. Bind. Enten-eller, 1. Del]. Kjøbenhavn: Gyldendalske boghandel nordisk forlag, 1901a. 326 p. (in Danish).

Klopstock F.G. Odes [Oden]. Hildburghausen und Amsterdam, Druck und Verlag vom Bibliographischen Institut, 1841. 208 p. (in German).

Mann T. Doctor Faustus. The Life of the German Composer A drian Leverkuhn As Told by a Friend [Doktor Faustus. Das Lebendes deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn erzählt von einem Freunde]. Stockholm: Bermann Fischer Verlag, 1947. 784 p. (in German).

Schumann D.W. Review of Meta Klopstock, nee Moller: Correspondence with Klopstock, her relatives and friends, by H. Tiemann [Review of Meta Klopstock, geborene Moller: Briefwechsel mit Klopstock, ihren Verwandten und Freunden, by H. Tiemann]. *The Journal of English and Germanic Philology*, 59(1). 1960, pp. 106–111. (in German).

Jameson A. Klopstock and Meta. *The loves of the poets*. Boston: Houghton, Osgood and company, She Riversite Prees, Cambridge, 1879, pp. 369–388 (in English).

Е.В. Нагорная

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 81-114.2

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-57-67

МАРКЕМНАЯ РОДОСЛОВНАЯ ПОЭЗИИ А.В. ЖИГУЛИНА

Ключевые слова: язык поэзии; Анатолий Владимирович Жигулин; маркема; маркемология; сопоставительный анализ; коэффициент корреляции.

Предметом изучения в статье являются 49 маркем поэтических текстов А.В. Жигулина в их отношении к маркемам 90 поэтов XVIII–XX веков. Цель анализа – определение литературно-генеалогических отношений А.В. Жигулина по принципу «от детей» к «отцам», то есть на кого из писателей предшествующего хронологического среза указывала маркемная близость корпусов авторских поэтических текстов как на ближайшего, то есть на «отца», относительно данного автора. Задача исследования состоит в том, чтобы через анализ маркем установить близость авторов конца XVIII – начала XX века по линии А.В. Жигулина, то есть в выявлении его поэтических «предков». Для сравнения авторов выбранного периода или среза сопоставляются данные, основанные на коэффициентах корреляции этих авторов между собой. Проведенное на основе маркемного анализа исследование опирается на концепции и методики Воронежской маркемологии. Получена маркемная родословная А.В. Жигулина на основании посрезовой преемственности маркемных списков. Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением лексикографии и маркемологии.

В современном мире лингвист сталкивается с проблемой изучения крупных массивов художественных текстов. Спасением в данной ситуации является маркемология, или маркемный анализ, который по праву можно назвать универсальным средством для изучения крупных массивов текстов.

В основе маркемологии, разработанной А.А. Кретовым и А.А. Фаустовым [Кретов, 2010; Фаустов, 2017], лежат:

- индекс текстуальной маркированности словоформ (ИнТеМ), который зависит от соотношения частоты словоформы с ее длиной в звуках;
- маркемы – существительные, прошедшие ряд грамматических, лексических и стилистических фильтров [Кашкина, 2012].

Кроме выделения и сопоставления маркемных списков авторов, в маркемном анализе играет важную роль и активно используется элемент статистики, благодаря которому можно наглядно представить степень сход-

ства между выбранными представителями русской художественной литературы. Для сравнения авторов выбранного периода или среза сопоставляются данные, основанные на коэффициентах корреляции этих авторов между собой. Для вычисления коэффициента корреляции двух авторов берется произведение нормированных ИнТеМ их совпадающих маркем.

Вычисление ИнТеМ описано в статье [Кретов, 2007, 81].

Целью нашего исследования является определение литературно-генеалогических отношений А.В. Жигулина по принципу «от детей» к «отцам», то есть на кого из писателей предшествующего хронологического среза указывала маркемная близость корпусов авторских поэтических текстов как на ближайшего, то есть на «отца», относительно данного автора. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы через анализ маркем установить близость авторов конца XVIII – начала XX века по линии А.В. Жигулина, то есть в выявлении его поэтических «предков».

Нас интересует ответ на вопрос: кто является литературным «отцом», «дедом» и «прадедом» А.В. Жигулина вплоть до XVIII века?

Для ответа на данный вопрос мы отобрали материал исследования. Он состоит из шести хронологических срезов (выделение этих срезов принято в работе А.В. Кашкиной [Кашкина, 2013]): (1) XVIII век, (2) первая треть, (3) вторая треть и (4) третья треть XIX века, (5) первая треть, (6) вторая треть XX века – и содержит маркемы 90 авторов.

Мы опирались на исследования, описанные ранее в работах А.В. Кашкиной, А.А. Кретова, О.Г. Артемовой [Кашкина, 2013; Кретов, 2010; Артемова, 2020].

Требуется выяснить, сколько и каких общих маркем у данного автора с каждым из авторов предшествующих хронологических срезов.

«Предком» признается такой автор, у которого наибольшее количество общих с данным автором маркем с максимальным «коэффициентом корреляции». Значение этого коэффициента отражает степень похожести списка маркем двух авторов с учетом веса (НормИнТеМа) каждой маркемы у каждого автора. Максимальное значение коэффициента корреляции – 1, что соответствует сравнению автора с ним же самим, а минимальное значение – 0 [Кретов, Катов, Фаустов, 2010, 120].

Исследование выполнено на материале произведений русских поэтов конца XVIII – XX века. Списки поэтов по хронологическим срезам представлены в таблице 1.

Стоит заметить, что маркемы всех авторов, кроме Жигулина и И.С. Тургенева, взяты из приложения к диссертации А.В. Кашкиной [Кашкина, 2013]. Маркемы поэзии И.С. Тургенева выделены А.А. Кретовым.

Таблица 1

Списки авторов по хронологическим срезам

Середина XX века	Начало XX века	Конец XIX века
Асеев Н.А.	Анненский И.Ф.	Апухтин А.Н.
Багрицкий Э.Г.	Белый Андрей	Барыкова А.П.
Берггольц О.Ф.	Блок А.А.	Жемчужников А.М.
Введенский А.И.	Брюсов В.Я.	Лохвицкая М.А.
Заболоцкий Н.Н.	Бунин И.А.	Минский Н.М.
Исаковский М.В.	Волошин М.А.	Надсон С.Я.
Кедрин Д.Б.	Гумилев Н.С.	Пальмин Л.И.
Кирсанов С.И.	Есенин С.А.	Плещеев А.Н.
Ручьев Б.А.	Иванов В.И.	Полонский Я.П.
Светлов М.А.	Клюев Н.А.	Романов К.К.
Сельвинский И.Л.	Маяковский В.В.	Случевский К.К.
Симонов К.М.	Мережковский Д.С.	Соловьев В.С.
Твардовский А.Т.	Пастернак Б.Л.	Суриков И.З.
Хармс Д.И.	Сологуб Ф.К.	Фофанов К.М.
Шаламов В.Т.	Цветаева М.И.	Чюмина О.Н.
Середина XIX века	Начало XIX века	XVIII век
Аксаков К.С.	Баратынский Е.А.	Дмитриев И.И.
Бенедиктов В.Г.	Батюшков К.Н.	Бобров С.С.
Григорьев А.А.	Вяземский П.А.	Богданович И.Ф.
Майков А.Н.	Гнедич Н.И.	Державин Г.Р.
Мей Л.А.	Дельвиг А.А.	Кантемир А.Д.
Михайлов М.Л.	Жуковский В.А.	Карамзин Н.М.
Некрасов Н.А.	Козлов И.И.	Княжнин Я.Б.
Середина XIX века	Начало XIX века	XVIII век
Никитин И.С.	Кольцов А.В.	Крылов И.А.
Огарев Н.П.	Кюхельбекер В.К.	Ломоносов М.В.
Плещеев А.Н.	Лермонтов М.Ю.	Майков В.И.
Толстой А.К.	Мерзляков А.Ф.	Муравьев М.Н.
Тургенев И.С.	Милонов М.В.	Петров В.П.
Тютчев Ф.И.	Пушкин А.С.	Сумароков А.П.
Фет А.А.	Рылеев К.Ф.	Третьяковский В.К.
Хомяков А.С.	Языков Н.М.	Херасков М.М.

Предметом исследования являются 49 маркем поэтических текстов А.В. Жигулина: *беда, берег, береза, бурьян, ветер, ветла, вода, воздух, война, время, горечь, дорога, душа, дымок, жизнь, закат, запах, заря, звезда, земля, калина, камень, костер, лебеда, любовь, небо, осень, память,*

печаль, победа, поле, польнь, правда, работа, радость, речка, рябина, свет, сердце, слава, слеза, снег, солнце, судьба, тишина, трава, туман, хлеб, холод в их отношении к маркемам 90 поэтов XVIII–XX веков.

Выделение маркем А.В. Жигулина и их классификация описаны в статье [Нагорная, 2024, 114].

Сравнение маркем А.В. Жигулина с маркемами поэтов второй трети XX века, представленное на рисунке 1, показывает, что литературным «отцом» А.В. Жигулина является А.Т. Твардовский. Значительно уступают ему в духовном «родстве» с А.В. Жигулиным Д.Б. Кедрин и Д.И. Хармс.

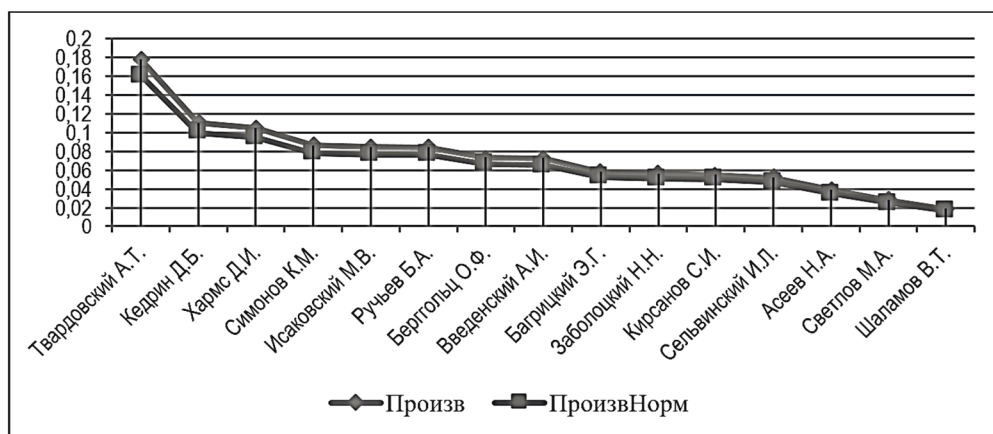

Рис. 1. Вторая треть XX века

Разность НормИнТеМ совпадающих маркем у А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского, представленная на рисунке 2, показывает, что «радость» и «земля» у данных авторов имеют совпадающие индексы тематической маркированности. Но в поэтическом творчестве А.В. Жигулина «беда», «снег» и «вода» занимают лидирующие позиции. В то же время у А.Т. Твардовского на первом месте стоит «дорога».

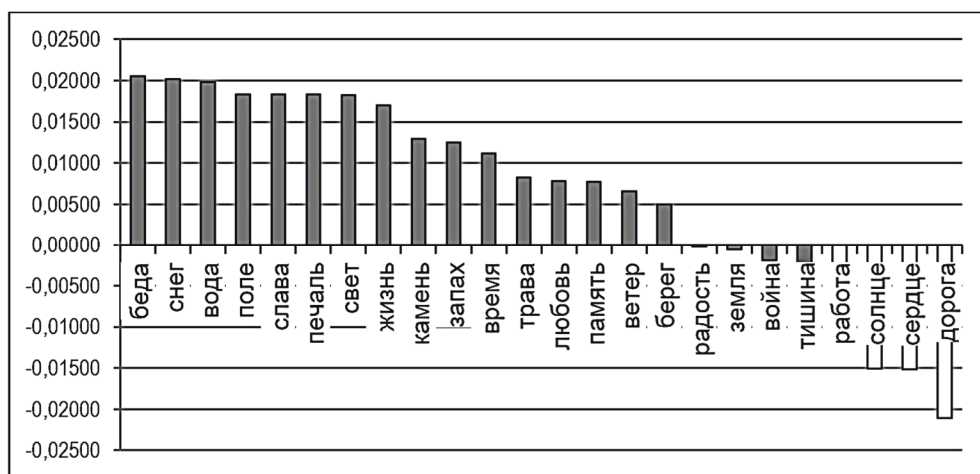

Рис. 2. Разность НормИнТеМ маркем А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского

Сопоставление А.Т. Твардовского с маркемами поэтов первой трети XX века, представленное на рисунке 3, дает нам понять, что литературным «отцом» А.Т. Твардовского является С.А. Есенин. А с В.Я. Брюсовым и В.И. Ивановым совпадения маркем А.Т. Твардовского незначительны.

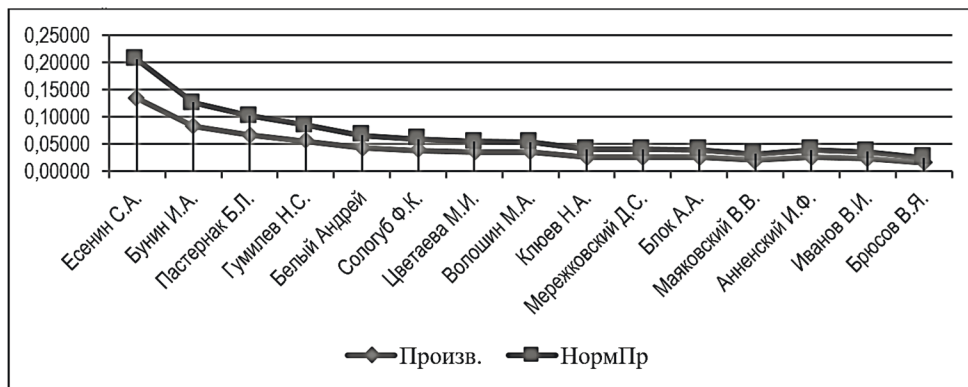

Рис. 3. Первая треть XX века

Разность НормИнТеМ совпадающих маркем А.Т. Твардовского и С.А. Есенина, представленная на рисунке 4, показывает, что «ветер», «любовь» и «камень» у данных авторов имеют почти совпадающие индексы тематической маркированности. Но в поэтическом творчестве А.Т. Твардовского «человек», «страна» и «счастье» занимают лидирующие позиции. А у С.А. Есенина на первом месте стоит «радость».

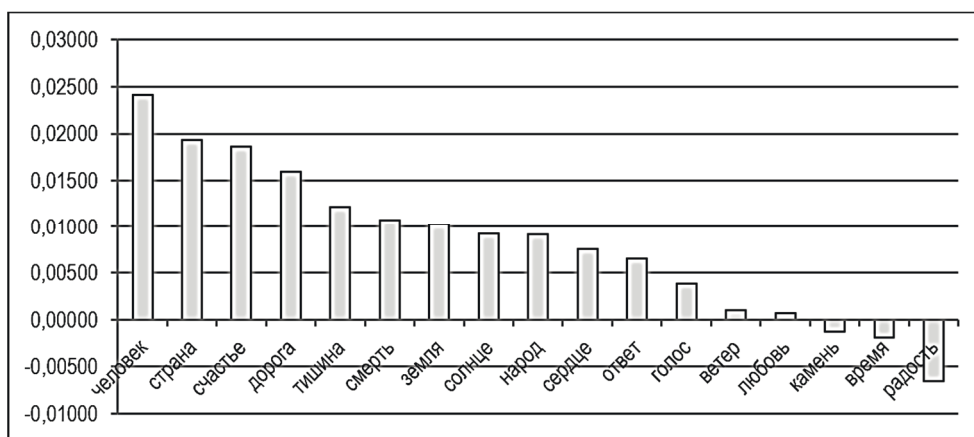

Рис. 4. Разность НормИнТеМ маркем А.Т. Твардовского и С.А. Есенина

На следующем этапе нашего исследования сравниваем маркемы С.А. Есенина с маркемами поэтов последней трети XIX века. Результат можем увидеть на рисунке 5. Анализ данного хронологического среза показывает, что литературным «отцом» С.А. Есенина является И.З. Суриков, опережая О.Н. Чюмину и А.Н. Плещеева.

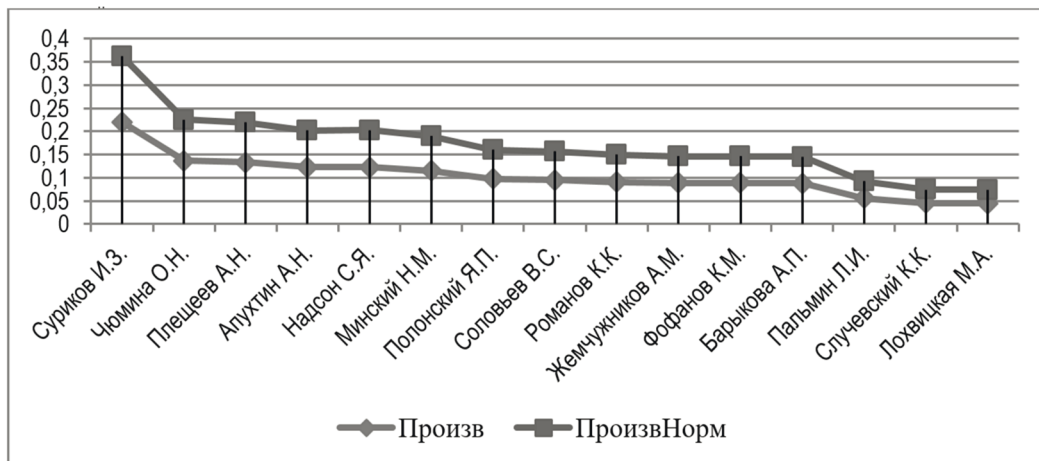

Рис. 5. Последняя треть XIX века

Анализируя разность НормИнТеМ совпадающих маркем С.А. Есенина и И.З. Сурикова, изображенную на рисунке 6, заметим, что «праздник» в творчестве С.А. Есенина играет важную роль. А И.З. Суриков больше ценит «молодость». «Смерть», «вьюга», «человек» и «земля» у данных авторов имеют почти совпадающие индексы текстуальной маркированности.

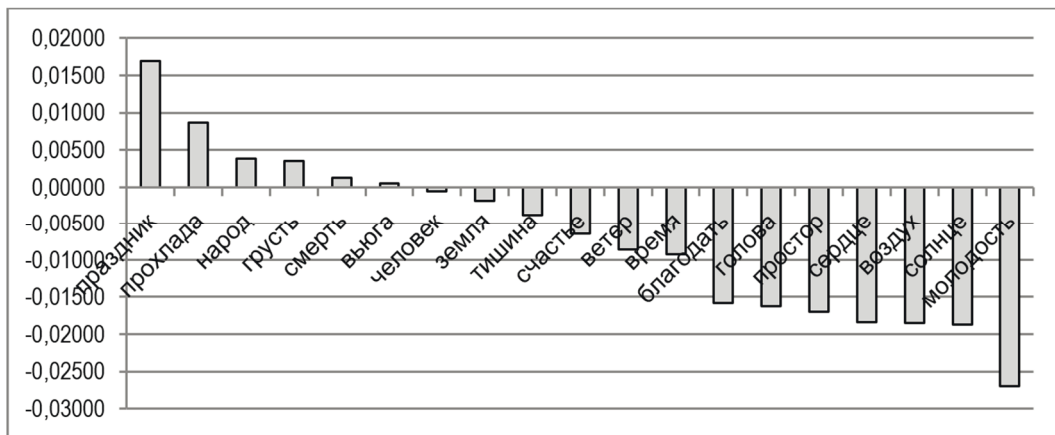

Рис. 6. Разность НормИнТеМ маркем С.А. Есенина и И.З. Сурикова

Сравним маркемы И.З. Сурикова с маркемами поэтов второй трети XIX века (рис. 7). Без сомнения можем сказать, что литературным «отцом» И.З. Сурикова является И.С. Никитин.

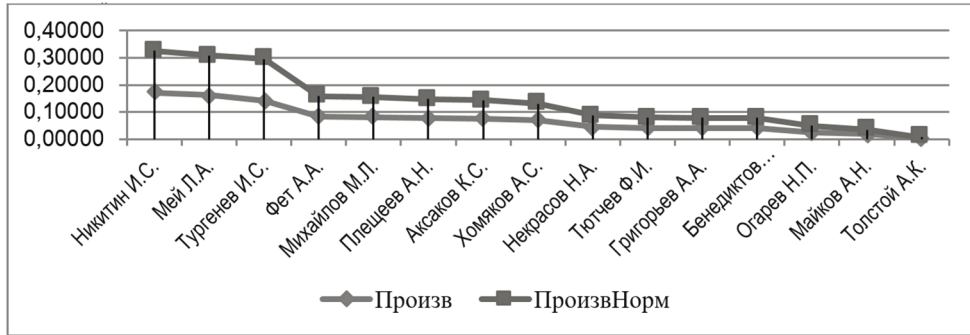

Рис. 7. Вторая треть XIX века

Среди совпадающих маркем И.З. Сурикова и И.С. Никитина (рис. 8) маркемы «счастье», «молодость», «солнце» и «сердце» в творчестве И.З. Сурикова являются основными. А для И.С. Никитина важнее «мгновение».

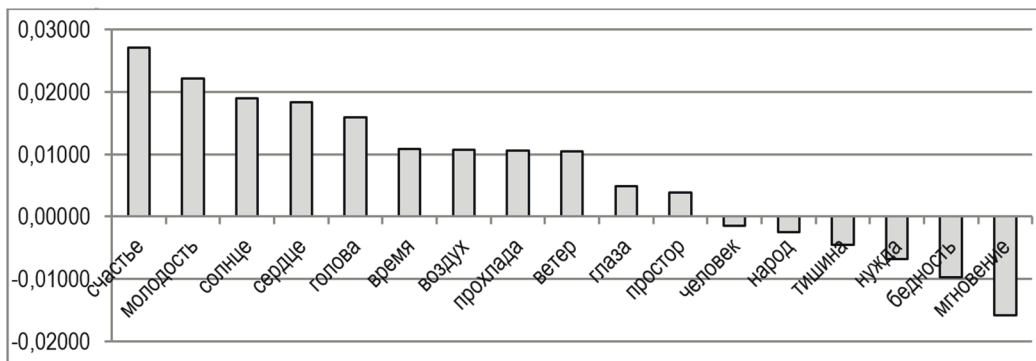

Рис. 8. Разность НормИнТеМ маркем И.З. Сурикова и И.С. Никитина

Благодаря анализу хронологического среза первой трети XIX века можем сказать, что духовным наставником И.С. Никитина является И.И. Козлов (рис. 9).

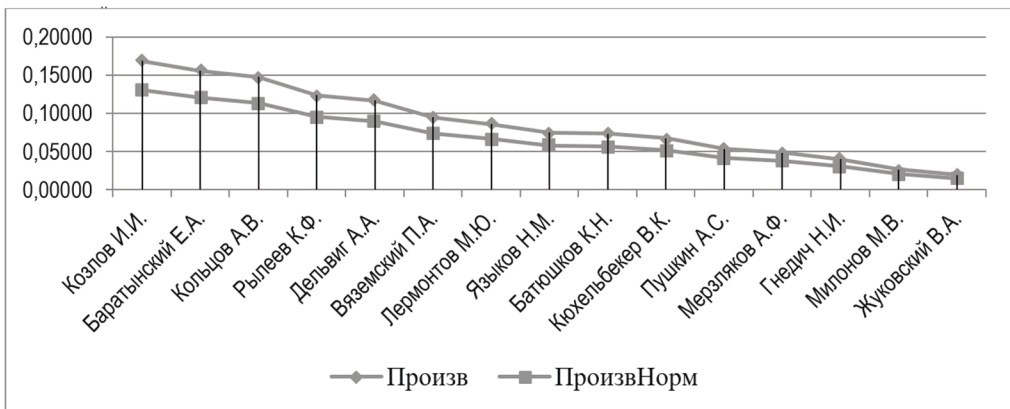

Рис. 9. Первая треть XIX века

Разность НормИнТеМ совпадающих маркем И.С. Никитина и И.И. Козлова, представленная на рисунке 10, показывает, что «месяц», «счастье», «любовь» и «страдание» у данных авторов имеют совпадающие индексы тематической маркированности. Но в поэтическом творчестве И.С. Никитина «молодость» и «тишина» занимают лидирующие позиции. А у И.И. Козлова на первом месте стоит маркема «воспоминание».

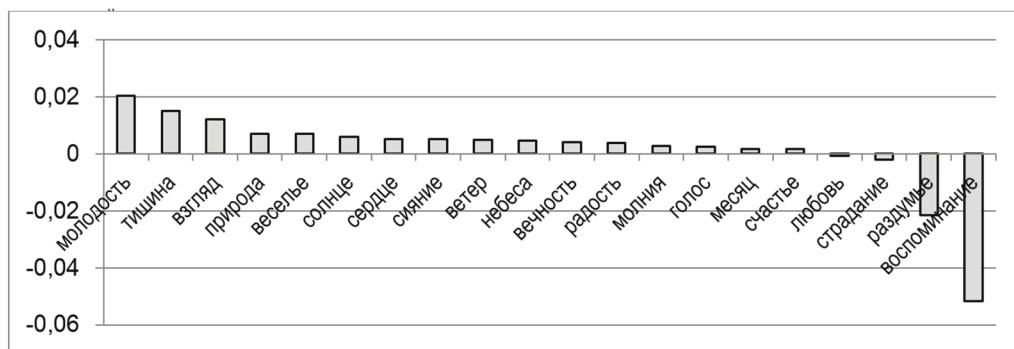

Рис. 10. Разность НормИнТеМ маркем И.С. Никитина и И.И. Козлова

Сравнение маркем И.И. Козлова с маркемами поэтов конца XVIII века, представленное на рисунке 11, показывает, что литературным «отцом» И.И. Козлова можем считать И.И. Дмитриева. Значительно уступают ему в маркемной близости к И.И. Козлову Н.М. Карамзин, С.С. Бобров и В.П. Петров.

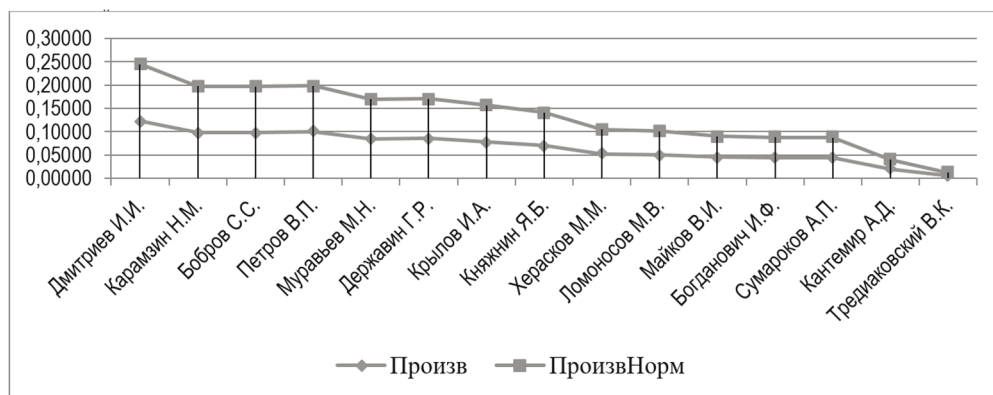

Рис. 11. Конец XVIII века

Опираясь на индекс корреляции совпадающих маркем И.И. Козлова и И.И. Дмитриева, представленный на рисунке 12, видим, что «надежда» и «пламя» – это маркемы, играющие важнейшую роль в творчестве И.И. Козлова. А «природа», «блаженство», «взгляд» и «восторг» занимают лидирующие позиции у И.И. Дмитриева.

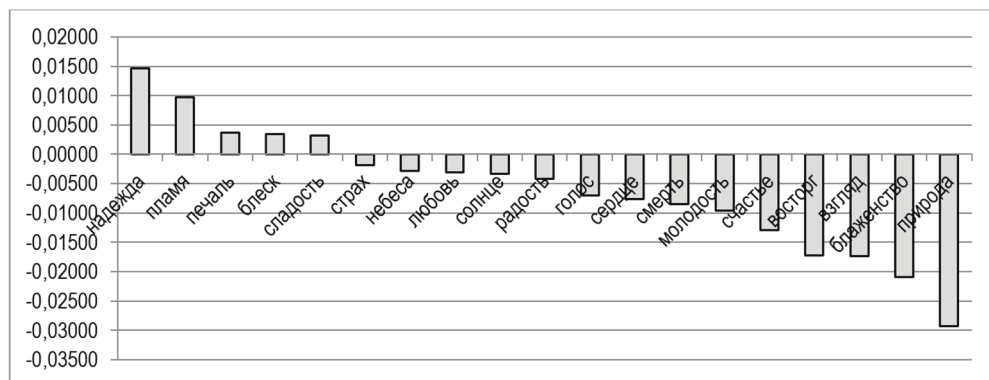

Рис. 12. Разность НормИнТеМ маркем И.И. Козлова и И.И. Дмитриева

Обратим внимание, что маркемы «сердце» и «солнце» встречаются во всех хронологических срезах, объединяя все поэтическое направление.

В итоге получаем следующую маркемную родословную по линии А.В. Жигулина на основании преемственности маркемных списков (рис. 13).

Жигулин А.В. Твардовский А.Т. Есенин С.А. Суриков И.З. Никитин И.С. Козлов И.И. Дмитриев И.И.

Рис. 13. Маркемная родословная поэзии А.В. Жигулина

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О.Г. Маркемный анализ языка английской художественной прозы XVII–XX веков: монография. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 596 с

Кашкина А.В. Критерии выделения маркем в русских поэтических текстах // Среди нехоженых путей: сб. науч. статей к юбилею д-ра филол. наук, проф. А.А. Кретова. Воронеж, 2012. С. 300–306.

Кашкина А.В. Маркемная специфика русской поэзии 60–80-х годов XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 90–94.

Кашкина А.В. Маркемный анализ языка русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 353 с.

Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2007. № 1. С. 81–90.

Кретов А.А., Селезнев Г.Д. Кластерный анализ массива маркем русских писателей // Проблемы компьютерной лингвистики: сб. науч. трудов. Воронеж, 2010. Вып. 4. С. 272–280.

Кретов А.А. Отцы и дети русской классической литературы (опыт маркемной генеалогии). Статья первая: Свидетельство авторов второй половины XVIII века // Филологические записки: вестник литературоведения и языкознания. 2019. Вып. 33, ч. 1. С. 134–138.

Кретов А.А., Катов М.В., Фаустов А.А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Проблемы компьютерной лингвистики. 2010. Вып. 4. С. 114–125.

Кретов А.А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалии русской литературы. 2010. № 2. С. 138–153.

Нагорная Е.В. Классификация маркем поэзии А.В. Жигулина // Распоповские чтения 2024: сборник научных статей / науч. ред. С.А. Чуриков. Вып. 10. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. С. 114–119.

Фаустов А.А., Кретов А.А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 16–31.

E.V. Nagornaya

*Postgraduate Student, Lecturer,
Chair of Theoretical and Applied Linguistics,
Voronezh State University
Voronezh, Russia*

Markem Family Tree Poetry of A.V. Zhigulin

The subject of the study in the article is 49 markems of A.V. Zhigulin's poetic texts in their relation to the markems of 90 poets of the XVIII–XX centuries. The purpose of the analysis is to determine the literary and genealogical relations of A.V. Zhigulin on the principle of «from children» to «fathers», i.e., which of the writers of the previous chronological section was indicated by the markemic proximity of the author's poetic texts as the closest, i.e., the «father» relative to this author. The task of the study is to explore through Markham's analysis the proximity of the authors of the late XVIII – early XX centuries along the line of A.V. Zhigulin, i.e. the identification of his poetic «ancestors». To compare the authors of the selected period or cross-section, data based on the correlation coefficients of these authors are compared with each other. The study conducted on the basis of markemic analysis is based on the concepts and methods of Voronezh Markemology. The markemic pedigree of A.V. Zhigulin was obtained on the basis of the cross-section succession of markemic lists. The results of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities related to the study of lexicography and markemology.

Keywords: the language of poetry; Anatoly Vladimirovich Zhigulin; markema; markemology; comparative analysis; correlation coefficient.

REFERENCES

Artemova O.G. Markemic analysis of the language of English fiction of the XVII–XX centuries [Markemnyi analiz iazyka angliiskoi khudozhestvennoi prozy XVII–XX vekov]. *Monograph*. Voronezh.: NAUKAYUNIPRESS, (Series: Library of Markemology. Vol. 4), 2020. 596 p. (in Russian).

Kashkina A.V. Criteria for the markem selection in Russian poetic texts [Kriterii vydeleniia markem v russkikh poeticheskikh tekstakh]. *Among the untrodden paths: collection of scientific works. articles dedicated to the anniversary of Dr. Phil. sciences, prof. A.A. Kretova*. 2012, pp. 300–306 (in Russian).

Kashkina A.V. Markemic specificity of Russian poetry of the 60-80s of the XX century [Markemnaia spetsifika russkoi poezii 60–80-kh godov XX veka]. *Bulletin of the Voronezh State University*. Series: Linguistics and intercultural communication. 2013. No 2, pp. 90–94 (in Russian).

Kashkina A.V. Markemic analysis of the language of Russian poetry [Markemnyi analiz iazyka russkoi poezii]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Voronezh: Voronezh State University, 2013. 353 p. (in Russian).

Kretov A.A. Method of formal allocation of thematically neutral vocabulary: (using the example of Old Slavic texts) [Metod formal'nogo vydeleniia tematicheski neutral'noi leksiki: (na primere staroslavianskikh tekstov)]. *Issues of Voronezh State University*. Series: System analysis and information technology. 2007. No 1, pp. 81–90 (in Russian).

Kretov A.A., Seleznev G.D. Cluster analysis of the array of markem Russian writers [Klasternyi analiz massiva markem russkikh pisatelei]. *Problems of computational linguistics: collection of scientific works*. Voronezh, 2010. Issue 4, pp. 272–280 (in Russian).

Kretov A.A. Fathers and children of Russian classical literature (the experience of markemic genealogy). Article One: The testimony of the authors of the second half of the XVIII century [Ottsy i deti russkoi klassicheskoi literatury (opyt markemnoi genealogii). Stat'ia pervai: Svidetel'stvo avtorov vtoroi poloviny XVIII veka]. *Philological notes: bulletin of literary studies and linguistics*. 2019. Issue 33: at 2 p.m.1, pp. 134–138 (in Russian).

Kretov A.A., Katov M.V., Faustov A.A. Linguistic and statistical genealogy in Russian literature of the XVIII – early XX centuries. [Lingvostatisticheskaia genealogiia v russkoi literature XVIII – nachala XX vv.]. *Problems of computational linguistics*. 2010. Issue 4, pp. 114–125 (in Russian).

Kretov A.A. The concept of markem: the methodology of identification and practice of use [Poniatie markemy: metodika vyiavlennii i praktika ispol'zovaniia]. *Universals of Russian literature 2*. 2010, pp. 138–153 (in Russian).

Nagornaya E.V. Classification of markem poetry by A.V. Zhigulin [Klassifikatsiia markem poezii A.V. Zhigulina]. *Raspopov readings 2024*, pp. 114–119 (in Russian).

Faustov A.A., Kretov A.A. The concept of markeme and preliminary results of markeme analysis of Russian literature [Poniatie markemy i predvaritel'nye itogi markemnogo analiza russkoi literatury]. *Issues of VSU. Linguistics and Intercultural Communication series*. 2017, No 4, pp. 16–31 (in Russian).

Н.В. Отургашева

*Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственного управления при Президенте РФ
Новосибирск, Россия*

УДК 82.09

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-67-85

**ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»**

Ключевые слова: аксиосфера; категория красоты; ценностные ориентации; художественный текст; Е.Г. Водолазкин; «Брисбен».

Предметом изучения в статье выступает аксиосфера Е.Г. Водолазкина, воплощенная в системе персонажей романа «Брисбен» – носителей определенных ценностных установок. Анализ текста осуществляется в

рамках аксиологического подхода с опорой на работы В.Е. Хализева, при этом автор использует литературоведческий и эстетический инструментарий, делая центром исследования категорию красоты и ее интерпретацию на уровне критического и художественного осмысления.

Цель работы состоит в описании взаимодействия этического и эстетического начал в системе ценностных координат авторского миропонимания с учетом характера читательского запроса. В качестве вывода определено значение эстетического метасюжета в художественной концепции произведения. В дополнение к типологии литературных героев предложен созерцательно-творческий тип персонажа, актуальный, по мнению автора, для русской литературы; дана его характеристика и обозначена роль в передаче читателям позитивного опыта своей эпохи.

Аксиологический подход в литературоведении имеет давние и прочные традиции. Заимствованные из социологии термины *ценность*, *ценностная ориентация*, *ценностная доминанта* со временем приобрели общегуманитарный статус и стали использоваться академическим сообществом в исследованиях как литературного процесса в целом, так и отдельного художественного произведения в частности (М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, В.Е. Хализев и др.).

Опыт «сопряжения литературоведения с аксиологией» предпринял выдающийся теоретик литературы В.Е. Хализев в работе, примечательно названной им «Ценностные ориентации русской классики». Своей задачей он видит анализ отечественной литературы с позиций ценностных ориентаций, которыми обладают, будучи уникальными личностями, и автор произведения, и его герои. С этим связана исходная установка ученого в подходе к литературному процессу: «отечественная классика не только преломила и запечатлела ценностные ориентации самих авторов, но и выявила в реальности ... то, что было позитивно значимо в опыте разных “кругов” общества и нации как таковой» [Хализев, 2005, 8].

Принципы аксиологического подхода к литературным произведениям развивает ученик В.Е. Хализева В.И. Тюпа в рамках созданной им теории парадигм художественности [Тюпа, 2018]. Он подчеркивает, что ценностные ориентации охватывают и тех, кто создает произведения искусства, и тех, кто их воспринимает, поэтому такие представления могут выступать в качестве аксиологических универсалий.

А.В. Филатов, научный сотрудник ИМЛИ РАН, в статье, посвященной основным направлениям ценностного анализа, опираясь на работы М.М. Бахтина, Н.О. Лосского, В.Е. Хализева, Л.Ю. Фуксона и др., выделяет, с одной стороны, универсальные характеристики категории «ценность», а с другой – возможные уровни аксиологического изучения литературы. Автор справедливо указывает, во-первых, на необходимость учитывать ценностные факторы (от вкусов и идеалов эпохи до национальных и ментальных характеристик) при анализе литературного процесса и, во-вторых, на

субъектно-объектную природу ценности как на одну из универсальных ее характеристик [Филатов, 2019, 136].

Вслед за М.М. Бахтиным исследователь подчеркивает невозможность существования в культуре аксиологически нейтрального бытия, поскольку все явления, с которыми взаимодействует человек, неминуемо приобретают ценностную окраску [Там же, 132, 134]. При этом в субъективном плане ценность реализуется в акте оценивания предмета или явления, которые, будучи наделенными ценностным значением, становятся для субъекта благом [Риккерт, 1998, 22–23].

Настоящая статья представляет собой попытку аксиологического анализа художественного текста с выделением центрального феномена красоты в качестве ключевой категории эстетического мировосприятия.

Понятие «красота» является универсальным концептом в мировой культуре, содержание которого меняется в зависимости от эпохи и взглядов мыслителя. При этом понимание красоты обладает определенной двойственностью и вбирает в себя явления как внешнего, природного, объективного мира, так и мира внутреннего, духовного, субъективного.

В каждой национальной концептосфере образ красоты наполняется и обогащается собственными смыслами и наделяется специфическими чертами, которые проявляются в языке народа, фразеологическом фонде и художественном наследии.

В пословицах и поговорках русского народа раскрывается обыденное понимание человеческой красоты, а также различные соотношения данной категории с другими качествами человека. Исследователи отмечают многообразие трактовок концепта в контексте русской фразеологии: красота без доброго нрава не обладает ценностью (*родилась пригожа, да по нраву негожа*)¹, она может быть обманчива (*снаружи мило, а внутри гнило*). Большую ценность для людей имеет красота внутренняя, а не внешняя, поступки человека, а не его внешность. Эти антитезы поддерживаются внушительным количеством паремий: *не пригожа, да пригодна; не гляди на лицо, а гляди на обычай*. Красоте как качеству временному и преходящему часто противопоставляют характеристики личности, которые не теряют с годами своей ценности: ум, доброту, трудолюбие.

Категория прекрасного является базовой для развития искусства и литературы. В силу своей эстетической значимости понимание красоты зачастую становится предметом полемики – именно так случилось в 60–70-е годы XIX века, когда художники-передвижники сделали сюжеты и образы национальной истории и народной жизни предметом художественной ре-

¹ Пословицы приведены по изданию: Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 612 с.

флексии. Именно в эти годы в публицистике и художественной критике разгорается спор о соотношении искусства и действительности, о реализме в живописи, о значении красоты в жизни человека.

Многие писатели и художники прямо высказывали свои эстетические воззрения, отмечая всеобъемлющий масштаб и огромную значимость красоты для человечества: *Красота спасет мир*, – утверждал Ф.М. Достоевский; *В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли*, – поддерживал его А.П. Чехов.

Вместе с тем в некоторых эстетических декларациях обозначена внутренняя (или потенциальная) оппозиционность понятия: так, по замечанию К.С. Станиславского, *не всякая правда – красота, но всякая красота – правда*, а по мнению Л.Н. Толстого, красота и вовсе противостоит добру: *Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра*. Поэтому искусство, являясь, по мысли писателя, формой выражения и представления прекрасного, должно соединять в себе этическое и эстетическое начала: *чтобы быть уважаемым, должно производить доброе* [Толстой, 1985, 414, 305].

Мысль о соотношении доброго и прекрасного в аксиосфере общества развивает Н. Гартман, замечая, что *эстетические ценности могут быть присущи всему, что только существует, этические – только человеку* [Гартман, 2004, 458].

На особую роль искусства в духовном преображении мира указывали многие русские философы и писатели. *...Если красота некогда спасет мир, то искусство должно явиться орудием этого спасения, хотя искусство не спасает, не утоляет тоски земного бытия, а только утешает...* – подчеркивает С. Булгаков [Девдараидзе, 2006].

Для Достоевского красота – это сила, которая привлекает человека на путь добра и не нарушает при этом его свободы, это *необходимая потребность организма человеческого*, особенно сильная в периоды разлада с действительностью и борьбы, потому что в красоте есть *гармония и спокойствие* [Достоевский, 1997].

Однако красота может быть и разрушительной, ниспровергающей человека в нравственную бездну – об этом мучительно размышляет Дмитрий Карамазов: *Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей* [Там же]. Красота, по мысли писателя, обладает и возвышающей силой, и трагической раздвоенностью.

Не случайно некоторые религиозные мыслители подвергают критике «христианский натурализм» Достоевского, полагая, что *не красота спасет мир, но красоту в мире нужно спасать, – вечную, изначальную красоту в Боге* [Зеньковский, 1994, 224–225], поскольку мирская красота не способна

к духовному преображению мира. Способно ли преобразить мир само искусство – вот вопрос, актуальность которого сохраняется на протяжении многих столетий.

В данной статье автор представляет свои размышления об аксиологических универсалиях современного общества сквозь призму романа Е.Г. Водолазкина «Брисбен».

Читатель XXI века живет в определенной системе ценностных координат, часто дисгармоничной и нестабильной в силу объективных, экзистенциальных причин, среди которых назовем кризис идентичности, осознание фундаментальных противоречий бытия, сложность поиска смыслообразующих основ жизни и конструирования позитивного образа будущего в условиях тотального пересмотра традиционных ценностей и провозглашенной относительности любой истины. Закономерно, что современная литература включается в процесс осмысления экзистенциальных, этических и эстетических проблем, волнующих сегодня человека и общество.

Главный герой романа Е. Водолазкина «Брисбен» (2019) Глеб Яновский – музыкант-виртуоз, поэтому для него жизнь постигается через звуки, музыкальные образы и ассоциации. Текст изобилует музыкальной терминологией, именами композиторов и названиями их сочинений и, по мнению исследователей, сам организован по законам музыкального произведения, в частности полифонии [Жулькова, 2021].

Хронотоп романа опирается на «узловые станции» движения героя во времени и пространстве: киевское детство, учеба в Ленинграде (Петербурге), жизнь в Мюнхене. Именно там происходит открытие и усвоение ценностных констант (аксиологем), определивших отношение героя к миру, к искусству и к самому себе.

Одна из таких констант – время, обозначенное в начале каждой главы в качестве ее заголовка, и уже сама датировка периода становится важной характеристикой времени: в детстве и юности оно длится долго и измеряется годами (1971, 1972, 1974, 1981–1982), в зрелости летит быстрее, ценится дороже и требует более детального указания (09.11.12; 28.02.13; 16.06.14). Меняется не только ритм повествования, но и сами нарративы, два временных потока – прошлое, запечатленное повествователем, и настоящее, представленное дневниковыми записями Яновского, – устремляются навстречу друг другу, создавая панорамное видение судьбы героя в контексте времени.

Система этических и эстетических представлений маленького Глеба складывается в детстве. Персонажи киевских глав образуют большое и пестрое единство (в детстве мир велик и разнообразен), населенное многочисленными родственниками, друзьями, учителями, каждый из которых вносит свою лепту в формирование личности героя. Бабушка Антонина Павловна учит честности: это она повела его в кафе возвращать унесенную домой пластмассовую ложечку, это вина перед ней терзает его в электричке, когда, уезжая в Москву повидаться

с Анной Лебедь, он впервые обманывает бабушку *по-крупному*. Именно бабушка дает ему пример всепрощения, терпения, принятия, понимания и любви. Тогда как Анна не дает не только чашки молока приехавшему к ней больному и грезившему о любви Глебу, но даже простого участия и теплого слова.

Особую роль в жизни мальчика играет отец Федор, который уже не живет в семье, но именно его признания ждет и добивается сын. Федор – музыкант, он покупает Глебу его первые инструменты, сначала домру, потом гитару, дает первые советы и оценки, выступает своеобразным камертоном (*фальшь – не ерунда*). После выпускного экзамена в музыкальной школе среди многих поздравлений выпускник «по-настоящему ждал» отцовской скупой оценки: *Гарно, синку* [Водолазкин, 2023, 85]².

По сути, вместе с музыкой Глеб открывает для себя и ценность, и сложность любви: любовь как страдание к Клавдии Васильевне (учитель *депрессивного сольфеджио*), любовь как наслаждение к Елене Марковне (преподавала *захватывающую музыкальную литературу*). Мальчик угадывает дихотомию внутреннего и внешнего, небесного и земного сначала в музыке (*Воздушный корабль, на котором пустился в плавание Глеб, имел, оказывается, довольно мрачное машинное отделение... [31]*), а позднее и в любви, когда зов плоти он сделал *основанием для высокой, ведущей в небеса лестницы* [119]. Эта дихотомия будет не единожды отзываться не только в историях романских персонажей, но и в судьбе главного героя (*волнуюсь не за пальцы твои, а за бессмертную душу [398]*).

Музыка становится для мальчика способом переживать и воспринимать жизнь, она постигается им через звуки, музыкальные образы и ассоциации. По-особому звучат для него все окружающие предметы и явления: скрип калитки и половиц в доме, стук падающих на землю яблок, шум моторных лодок на реке, ножовка, вонзившаяся в двери его комнаты с короткой грустной мелодией, напомнившей Глебу *Историю любви* Франсиса Лея (курсив Е. Водолазкина).

В полифонической структуре романа образы-концепты *музыка, жизнь и смерть* образуют плотное, глубоко переживаемое главным героем пространство, в котором доминирует *музыка*, поскольку именно она соединяет жизнь и смерть, преходящее и вечное, бытовое и метафизическое. О. Арязмова подсчитала количество упоминаний данных образов, которых, по свидетельству исследователя, оказалось 224, 166 и 64 соответственно [Арязмова, 2019].

Искусство, по наблюдениям героя, преображает людей не только духовно, но и физически, меняя их телесный облик: например, начиная рассказывать о музыке, преподаватель в музыкальной школе Павел Петрович Сергеев *становился выше, моложе, опрятнее, и очки на его носу сидели уже заметно ровнее [159]*. Музыка меняет и Тадеуша Поляковского, когда он

² Здесь и далее роман цитируется с указанием страниц в квадратных скобках по изданию: Водолазкин Е.Г. Брисбен. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 410 с.

поет под аккомпанемент пани Марии: *будто лягушка-царевна, с первыми нотами он сбрасывал свою обветренность, мозолистость и восстанавливал родовое изящество* [97].

Музыкальные занятия помогают Глебу сформировать свою систему эстетических предпочтений. Неудача с исполнением Турецкого марша Моцарта во время выступления в Пушкинском парке заставила его надолго разлюбить красивые вещи и полюбить те, которые *на первый взгляд казались некрасивыми... Любовь эта была... тягой к красоте через сложность, потому что в сложности есть своя красота* [60]. Гитарист – виртуоз, он с неизбежностью обращен к вопросам сочетания исполнительской техники и эстетического совершенства и с детства интуитивно понимает, что технический просчет может возникнуть как *вынужденная жертва во имя красоты* [36]. А красота для него связывается с нюансировкой и сложностью не только музыкального произведения, но и человеческого характера, как у отца, и межличностных отношений, возникающих у него с женщинами.

Глеб задумывается о трагической мимолетности женской красоты, когда остается на пляже наедине с утонувшей девушкой: он находил лицо ее прекрасным, но в остановившемся взгляде уже была смерть. Нужно было *какое-то усилие души*, чтобы спасти ее, – но никого рядом уже не было. Он понимает необратимость произошедшего: *чтобы увидеть это лицо живым, всего-то нужно было – забежать вперед и посмотреть*, но Глеб шел по дорожке сзади и видел Арину только со спины. Эта необратимость и неотвратимость смерти так потрясают мальчика, что он кричит на бабушку, поскольку ее, как он думает, *не трогают красота и смерть* [107–108]. Красота связана не только с жизнью и смертью, но и с любовью: *Глеб думал о том, как мало любви получает человек при жизни... Может, вода затягивает тех, кого не держит ничье чувство* [107–109].

Онтологическое измерение романа – сближение / противостояние жизни и смерти, здоровья и болезни – раскрывается в том числе через музыкальную историю Глеба, который отказывается продолжать уроки с Верой Михайловной в силу их бессмысленности в условиях конечности жизни: *зачем же нужны дела, если все умрут?* [138]. Открытие личной причастности к смерти после гибели Арины на пляже заставляет героя усомниться в целесообразности мироздания и ценности не только музыки, но и самой жизни: *смерть не просто прекращала прекрасную жизнь: она делала бессмысленным уже прожитое и достигнутое* [134].

Восстановить внутреннюю гармонию в душе подростка призваны персонажи, отмеченные особым даром связывать бытовое время с бытийным, люди веры: дед Мефодий, отец Петр, отец Георгий, отец Нектарий. Это их усилиями в сознании Глеба выстраивается новая аксиологическая иерархия, имеющая выраженный телеологический аспект и прямо обозначенная отцом Петром во время крещения как неразрывная связь музыки с

вечностью и в конечном счете с Богом: *Работай, друг мой, во славу Божию! Помня о том, что впереди вечность, не пренебрегая и временем, ибо добиться чего-то можно лишь во времени* [148–149].

Разговор о душе начинал с сыном еще Федор (*грають не рукою – душею*), в свое время пронизательно отметивший наличие у Глеба не абсолютного, но внутреннего слуха, *который позволяет проникнуть в самую суть вещи* [84]. Однако именно призванный Федором для преодоления мировоззренческого кризиса подростка дед Мефодий и его друзья-священники помогли открыть Глебу новое духовное пространство для бытования и его музыки, и его самого: *смерть – это дверь в вечность. Двери ли бояться?* [156]. Именно связанный с ними духовный опыт помог юному музыканту научиться видеть в музыке *не отражение жизни, а ее продолжение, высшую, что ли, часть* [160–161] и позволил впоследствии предъявить миру *сверхмелодию Яновского*, связывающую исполняемую им музыку с небесной матрицей, которая только и может быть идеальной.

Вместе с персонажами, относящимися в типологии В.Е. Хализева к житийно-идиллическому сверхтипу, в роман входят библейские аллюзии и образы, размыкающие художественное пространство в сферу духа, веры и вечности. Федор вспоминает ветхозаветную легенду о Рахили и Лии, Глеб учит «музыкальные» фразы Символа веры и цитирует Серафима Саровского, Франц-Петер задает лектору вопросы о распятии Христа и жизни после смерти, а возле Неаполя, где Яновские хотят купить виллу, когда-то *высаживался апостол Павел по дороге в Рим* [279].

Отец Петр самым непосредственным образом вводит Глеба в новое для него аксиологическое пространство христианской веры: он вручает ему религиозные тексты, а затем совершает над ним обряд крещения. Ценностная вертикаль (земное и небесное, телесное и духовное, человек и Бог) раздвигает реальный временной и пространственный континуум, поскольку *с точки зрения вечности нет ни времени, ни направления* [399]. Эта духовная вертикаль начинает выполнять функцию камертона при оценке полифонического звучания и жизни, и музыки. На своем долгом пути герой встречает приобщенных к этой сфере людей, под влиянием которых совершает важные шаги (возвращается к своему призванию, преодолевает страх смерти) и открывает для себя новые истины: *по-настоящему значимо лишь то, что человека возвышает* [382], *те, кто думают о небесном, хорошо организуют и земное* [345]. В конечном счете своим духовным опытом он наполняет классические произведения, и это одухотворение чувствуется в его исполнении, как *в февральском дне чувствуется несомненный запах весны* [382].

В романе возникает образ небесной музыки, которую продолжает слушать юный музыкант во время затянувшейся паузы в своих занятиях, при этом *не испытывая привязанности к земному ее исполнению, которое всегда несовершенно*, и понимая, что только *в гармонии с тишиной и может*

существовать музыка [255]. Мотив несовпадения идеальной мечты, небесной матрицы с ее земным и, значит, несовершенным воплощением отзовется в судьбе многих персонажей романа (Ирины, Веры, Глеба), соединив мир Божественного промысла с реальностью человеческой жизни.

Приобщение к пространству духа помогает Глебу преодолеть страх смерти, когда, присутствуя на воскресной службе отца Георгия, он испытывает *полное освобождение от смерти* [156], физически ощущая через боль в ногах движение в вечность.

Антиномия жизни и смерти, болезни и здоровья актуализирует онтологические ценности бытия, которые реализуются в повторяющемся мотиве одиночества перед лицом смерти и недополученной любви, которая, как кажется герою, могла бы удержать человека на последнем рубеже. Так было с утонувшей Ариной, с Антониной Павловной (Глеб *оставил ее наедине со смертью* [260]), дедом Мефодием, с Верой (*мы не успели ее ничего сказать... мы ее поцеловать не успели* [393]).

Онтологическая парадигма опирается на концепты жизни и смерти, противостоящие друг другу в границах физического существования, но неизбежно сопряженные друг с другом в пространстве духовном. О феномене смерти в романе размышляют и говорят многие персонажи: для Франца-Петера, душевнобольного обитателя коллегиума Святого Фомы, *жизнь – это долгое привыкание к смерти* [363], для деда Мефодия смерть – это *дверь в вечность*. В толпе на Исаакиевской площади Глеб остро почувствует, что *смерть наполнена одиночеством, она разрывает любые руки* [285].

Однако в метафизическом пространстве смерть не прерывает общения живых и мертвых, Глеб «поддерживает контакт» с матерью, отвечает на ее звонки, а Вере, уже после ее гибели, рассказывает о прозрачной воде Неаполитанского залива. Христианская аксиология как бы отменяет физическую смерть, превращая ее в начало новой, вечной жизни: *Двери ли бояться?*

Любовь оказывается той силой, которая преодолевает конечность физического ухода и расширяет границы возможного до горизонтов вечности, в том числе и поэтому Глеб *не считает свою мать умершей* [410]. Этого чувства, по мысли профессора Рихтера, не хватало и технически совершенной музыке Яновского, чтобы стать одухотворенной.

Однако любовь как ценность не является врожденным чувством, и даже родительская любовь не безусловна, чему свидетельством выступают сложные отношения Кати Яновской с ее родителями. Любовь – категория духовная, она постигается через неустанный душевный труд и способность к самоотдаче, как у отца Георгия, который был *как бы общим дедом всем – одинаково близким и любящим* [154].

И в этом, христианском смысле любовь сильнее законов природы, поэтому у не имеющих детей четы Яновских появляется приемная дочь

Вера – талантливая, трогательная, неизлечимо больная и бесконечно любимая. Любящая и преданная Катя испытывает *невероятное ощущение* материнства: *Меня впервые в жизни мамой назвали* [395]. Для завершающего свою карьеру музыканта дочь становится новым смыслом жизни, в чем он и признается журналистам на встрече перед совместным с Верой концертом. Благодаря любви боязнь собственной болезни и смерти меркнет, уступая место *ледяному страху, что рука этой девочки выскользнет из наших рук, и Вера, одинокая, отправится во тьму* [377].

Оппозиция жизни и смерти разрешается финальным аккордом в диалоге уже зрелого и больного музыканта с отцом Нектарием, русским священником, в старинной византийской часовне, расположенной на горе в средневековой части итальянского городка Скалеи.

Эта часовня входит в хронотоп романа в качестве завершающей доминанты (и физической, и духовной), уравнивающей недостижимую мечту о Брисбене. В Скалею мечтали приехать Яновские с Верой, и они приехали – без нее, «отправившейся», по версии для ее безумной матери, в австралийский город Брисбен. Все остальное освоенное героем физическое пространство и прожитая им жизнь начинает восприниматься сквозь призму бытийного времени: *Будущее легко отнять, потому что его не существует. Это всего лишь мечтание. Трудно отнять настоящее, еще труднее – прошлое. И невозможно, доложу я вам, отнять вечность* [405].

Связующим звеном аксиосферы романа выступает музыка: она сопрягает физическое и духовное состояние человека, любовь и страдание, жизнь и смерть, наконец. Так, отец объясняет Глебу, что *отличительная черта музыканта – это не беглость пальцев, а постоянная память о смерти, что настоящее творчество должно балансировать между жизнью и смертью*, давая возможность заглянуть за горизонт видимого мира [143]. И самому Глебу музыкальные упражнения напоминают о течении времени и конечности жизни: *настоящее тремоло для него было таким же ровным и поглощало ноты так же, как время – события* [94]. Даже болезнь воспринимается героем через музыкальную терминологию: *Тремор... Почти тремоло. Такое себе нескончаемое тремоло* [358].

Границы жизни и искусства оказываются взаимопроницаемыми, а естественные пределы земного существования человека преодолеваются метафизической безграничностью музыки, поэтому, как говорит ректор коллегияма святого Фомы патер Петер, *настоящему богослову без прекрасного не обойтись* [345].

Художественная оппозиция идеального и реального, мечты и ее воплощения отражает телеологический подход в аксиологии, предполагающий анализ роли ценностей в историческом процессе и обоснование смысла жизни [Можейко, 2025]. Данный подход находит свое художественное воплощение в системе персонажей, мотивов, аксиологических констант:

смыслообразующим концептом для Глеба и Веры становится музыка, для деда Мефодия – Бог, для Ирины – Брисбен. У каждого персонажа, по сути, есть своя мечта как обоснование смысла жизни (Бергамот мечтает о славе, Франц-Петер грезит о Даниэле).

От матери, *легко все воспринимающей, отдающей явное предпочтение солнечной стороне жизни* [18], Глеб наследует способность ценить жизнь во всей полноте ее проявлений, когда *счастье возникает от запаха реки, от осознания того, что впереди целая жизнь* [114], от быстрой езды на велосипеде, от гармонии созвучий в опере «Евгений Онегин».

Именно от Ирины он впервые услышал название города ее мечты – далекого Брисбена – и, единственный, не удивился обоснованию такого выбора: *звучит красиво*. Эстетическая матрица восприятия мира, усвоенная мальчиком от матери, делает вполне достаточным обоснованием мечты красивое и необычное звучание топонима. Гораздо позднее, в разговоре с писателем Нестором, маэстро Яновский, уже долго живущий в Мюнхене, замечает, что смена места жительства вряд ли способна реализовать мечту и что *даже рай – во многом внутреннее состояние* [75].

Мечта становится смыслом жизни Ирины: она копит деньги на путевку, проходит (в итоге безрезультатно) сложное собеседование, знакомится с австралийцем Джеймсом и собирается выйти за него замуж. Город Брисбен эхом отзывается в разговорах героя с Нестором, Федором, Верой, даже с Егором. Мотив отъезда в Брисбен, звучащий в начале как сокровенная мечта, способная придать смысл существованию, постепенно обрастает сомнениями (*здесь пишут, что Австралии нет* [351]), дополняется сниженным вариантом идеального путешествия (*У нас теперь вместо Сибири – Австралия; страна каторжников* [302]) и разрешается трагическим аккордом: физическая жизнь Ирины оборвалась по дороге в аэропорт. Но звонки от матери герой все же получает в пространстве иной, метафизической реальности, и притом она *всегда звонит вовремя*.

Далекий австралийский город придает пространственно-временной организации текста новое – метафизическое – измерение, он, в отличие от реальной топонимики, существует только в виде чистой идеи, которая, так же как несыгранная музыка, остается небесным эйдосом и принадлежит прекрасному будущему, надежды на реализацию которого у героев нет.

Музыкальным эхом зыбкой мечты (*трепетная небыль*) и своеобразным центром музыкального сюжета романа становится детально представленная (со словами и нотами) песня про уток, которую собираются дуэтом исполнять Глеб и Вера. В коротком тексте заявлены ключевые антиномии пространства (озеро и небо, *будто в небе озеро такое точно*), достижимого и недостижимого (*поплывут в безветрии те, кто добрались, для симметрии головами вниз*), эмоционального регистра (*Разомлеют после от своей удачи. Ну, а то, что бросили, все оплачут*) [336].

Мечта как цель и ценность, помещенная сознанием в светлое будущее, не приносит героям счастья: реальность нарушила планы Ирины, Веры, Бергамота, да и самого маэстро Яновского. В размышлениях умирающего деда Мефодия будущее как ценностная категория поставлено под сомнение: *Будущее – свалка фантазий. Или – еще хуже – утопий: для их воплощения жертвуют настоящим. Все нежизнеспособное отправляют в будущее* [399].

Мотив несовпадения, разлада между мыслимым идеалом и его воплощением возникает еще в образе несыгранной музыки, когда Глеб меняет инструменты и, дорожа «чистотой стиля» и не решаясь осваивать гитару самостоятельно, водит рукой по верху струн, исполняя, таким образом, лучшую в его жизни музыку, поскольку она являлась *чистой идеей*, лишенной проклятия воплощения [86]. Эхом такого проклятия отзовется судьба Ирины.

Искусство неизбежно оказывается на стыке бинарных оппозиций, организующих художественное пространство романа и систему его ценностных координат. Постигаемые Глебом законы музыки оказываются и законами жизни: интерес к музыкальной полифонии позволяет ему понять, что полифоничен весь мир с его шумом деревьев и разговорами в очереди, а неизбежность, из-за болезни, конца музыкальной карьеры приоткрывает метафизический горизонт: *совершенное не кончается – просто преобразуется во что-то иное* [251].

Тема полифонии захватывает не только Глеба-музыканта, но и уже повзрослевшего Глеба-филолога, который *видел полифонию не только в параллельных голосах героев, но и в противопоставленных сюжетах, в разновременных линиях повествования, точка соединения которых может находиться как в тексте произведения, так и вне его – в голове читателя* [209–210]. По законам полифонии построен и сам роман, его мотивы и образы перекликаются в историях, поступках и разговорах самых разных персонажей, расходясь широкими кругами во времени и пространстве, а затем собираясь в отчетливую аксиологически маркированную систему представлений.

В качестве примера укажем на семантический анализ слова «успех», который провела на занятии с заочниками Лиза, дальняя родственница Антонины Павловны, указав на утрату в современном бытовании важнейшего средневекового значения слова, связанного с духовной пользой. Причины этой утраты Лиза соотнесла с деформацией ценностной системы общества, в результате чего *персональные права, поставленные выше нравственности, превратили современного человека в машину для удовольствий* [173]. Тема развивается в контексте педагогической деятельности Глеба, когда, достигнув своего звездного часа в работе с девятиклассниками, он вдруг осознал, что *успех одновременно может быть концом* [277]. Позднее герой, уже всемирно известный музыкант, в беседе со своим «летописцем» Нестором заметит, что *жизнь никогда не бывает историей успеха... Моя – особенно* [204].

Язык, так же как и музыка, становится в романе способом оценки человека, его признания (*дивная речь* Лизы) или отторжения (язык Ивасика, речь Ганны, слыша которую *хочется отойти от нее еще дальше* [141]). В сфере речевой коммуникации проявляется сложность мира (родители говорят на разных языках, в прямом и переносном смысле), а в грамматических толкованиях категории рода в русском и украинском языках (в интерпретации Федора) отражается назревающий политический конфликт. И сам язык становится объектом оценки: в Петербурге Глеба *потрясла русская речь, какой он еще никогда не слышал* [170], он влюбился в музыку русского языка, *в отдельные его звуки, общие интонации, ритм*. Музыка и язык, совпадающие для Глеба Яновского, гитариста и филолога, по своим выразительным возможностям (*музыка была языком, а язык – музыкой* [348]), выступают в аксиологической концепции романа гранями эстетической матрицы и реализуют субъектно-объектную природу ценности.

Такая система переключек, пересечения голосов включает в себя и «антиголоса» персонажей, попирающих нравственные основы жизни, которые являются базовыми истинами для Глеба Яновского и его духовных наставников.

Мир антигероев не связан с определенной социальной группой, он растворен во всех стратах общества и представлен школьными учителями (Леся Кирилловна), университетскими педагогами (Чукин с его «синдромом Моськи», Бурцев), фанатиками различных идей (Егор, Микола). Объединяющая их черта – нравственная ущербность, способность унижать и убивать, выпадение из бытийного контекста в плоскость бытового существования. Они не способны к любви и состраданию, но любой ценой стремятся реализовать личные амбиции и легко оправдывают творимое ими зло. Данные персонажи создают противоположный полюс этической аксиологии, центром которой является проблема соотношения добра и зла, морали и антиморали. Художественное воплощение эта проблема получает в образе и судьбе Егора Яновского, пасынка Федора с зачатками убийцы в душе (по словам его матери Галины), отданного семьей в интернат после попытки убить маленького брата. Склонность к насилию и жестокость, проявившиеся еще в детстве, приводят его на майдан, где выстрелом в спину обрывается его жизнь. У Егора, в отличие от многих персонажей, мечты и цели нет, смыслообразующих основ жизни он не ищет и случайно встреченному Глебу замечает, что о его, Егора, жизни лучше тому не знать (*Этого, честное слово, лучше не слышать* [301]).

Исаакиевская площадь в Петербурге 1991 года и киевский Крещатик 2014 года – важные точки в хронотопе романа, поскольку они связаны с попыткой героя и автора осмыслить актуальные политические ценности свободы, долга, соотношения персонального и социального начал, которые на разных витках романной истории повторяются и сопрягаются друг с другом. Театральный, постановочный характер митингующего Крещатика (*музей под*

открытым небом; декорации к какой-нибудь пьесе с плетнем, валенками, тулупами, петухом и горящими кострами) оборачивается реальной жестокостью фанатичного Миколы (к слову, бывшего актера), мрачным предупреждением Егора Глебу (*Уходи подальше, иначе я сам тебя пристрелю* [302]) и гибелью самого Егора. Семантическим центром данных глав становится концепт смерти, включающий в себя не только конец физического существования, потрясение от которого испытал маленький Глеб еще на днепровском пляже, но и внятное повзрослевшему герою чувство неизбывного одиночества даже в толпе собравшихся на Исаакиевской площади людей.

Вспоминая «стояние» на площади в разговоре с Нестором уже в следующей главе романа (в то время как фабула разводит событие и разговор о нем на значительную временную дистанцию в 23 года), маэстро Яновский высказывает убеждение в необходимости защищать идею в себе, а не на площади: *...не надо решать проблемы народа... Пусть каждый решит свою, и все у народа будет в порядке* [287]. В полемике с Нестором, возвращаясь к проблеме соотношения цели и способов ее достижения, он замечает, что ради «хорошего стейка» надо не систему менять, а учиться хорошо готовить [288]. Не случайно Глеб кажется Кате *человеком внутренним, к сфере общественного равнодушным* [278]. Точно так же и Катя была для него *человеком вне ряда, персоной особенного склада*.

Мотив персональной и коллективной ответственности снова зазвучит в важном разговоре Глеба с братом Олесем о судьбе Украины накануне похорон отца – соотношение «мы» и «я» в контексте политических коллизий братья решают по-разному. Опираясь на духовный авторитет Серафима Саровского, герой утверждает, что *мир между людьми начинается с мира в человеке* [310]. Олесь подвергает авторитет святого сомнению в силу его принадлежности к России. Объектом раскола и поводом к нему становятся не только политические реалии, но и нравственные устои, веками цементирующие единство двух славянских народов (*я не очень разделяю эти народы, – заметит Глеб* [63]). Маркером такого ментального разлада становится и язык, о судьбе которого рассуждает главный герой, отвечая на вопрос Нестора о проблеме билингвизма на Украине времен его детства: *русский был престижнее, а вопрос престижа стоит выше национального самоощущения. Вот когда это самоощущение становится вопросом престижа, тогда – другое дело* [63]. Тогда язык получает функцию манифестации политической позиции и превращается в инструмент борьбы за чистоту крови: *...нащо ти нашу мову вивчив?* – пытается Глеба на Крещатике бывший артист Микола [299].

Ощущение распада прежде единой страны – своей родины – глубоко и сильно переживает уехавший в Германию Яновский, чувствуя себя над бездной, готовой его поглотить. Экзистенциальная раздвоенность героя обусловлена фактом его рождения (родители принадлежат к близким, но разным

национально-культурным почвам), местом проживания в чужой стране (домов в его жизни было так много, что *они потеряли свое домовое качество и стали местом жительства* [33]), политическими потрясениями и разрывами кровных связей. Преодоления этой раздвоенности Глеб ищет в искусстве и в сфере высших смыслов, куда его направляет, в частности, патер Петер: *Когда такое происходит под ногами, лучше держаться за небо* [353].

Собеседники Глеба – носители разных взглядов, позиций и опыта – задают полифоническое звучание размышлениям о ключевых истинах жизни. Писатель Нестор – умный, ироничный, точный, умеющий держать дистанцию постоянный собеседник главного героя в дневниковых главах и автор создаваемой о нем книги – выполняет функцию персонажа, провоцирующего Глеба договорить недоговоренное. Его интересует позиция Яновского по многим актуальным вопросам, в том числе политической жизни. Отвечая на один из них, Глеб признается, что о мультикультурализме не думает ровным счетом ничего, а сам этот вопрос из редакции немецкой газеты считает проявлением *праздности ума* [65].

В жизнь музыканта Яновского Нестор входит не только как его «летописец», но и как друг: он рядом в трудные минуты, его советы своевременны и уместны, его поддержка необходима и важна. Концепт дружбы открывает себя в романе разными, подчас противоположными гранями – через взаимоотношения Глеба с Егором, Клещуком, Красимиром Дуйчевым (Дуней), Францем-Петером, Нестором. Одно неизменно: в решающую минуту друг не может стать предателем. Поэтому, по мнению Франца-Петера, *о дружбе надо заботиться* [361]. Именно блаженному обитателю коллегияма Святого Фомы автор доверяет высказывать некоторые истины, кажущиеся очевидными, однако, по меткому замечанию музыкального продюсера Майера, от того, что *все главные истины банальны, они не перестают быть истинами* [373].

В диалоге Глеба с Нестором реализуется эстетический метасюжет романа, когда персонажи, профессионально связанные с творчеством, рассуждают о границах и потенциале разных видов искусства. Если для Глеба музыка и живопись *существуют только потому, что существует слово* [45], то для писателя Нестора эта взаимосвязь выглядит иначе, по его мнению, *там, где кончается слово, начинается музыка. Или... живопись. Или вообще молчание...* [Там же].

Эта альтернатива творчеству – молчание – будет сюжетно реализована в финале романа, который связан, по мысли Е.А. Селютиной, с «трагическим развоплощением» героя [Селютина, 2019, 285], обладающего уникальным даром «мистической полифонии» и потерявшего из-за болезни способность играть. Однако великий дирижер Санторини в интервью, посвященном последнему выходу на сцену Глеба Яновского, называет молчание *идеальной музыкой* [409], ибо только в молчании постигается прообраз музыки, *небесный эйдос*, та небесная матрица, *с которой отливалась играемая им музыка* [163]. В силу

данного обстоятельства *одно лишь молчание обладает полным совершенством* [251], к которому устремляется искусство.

Роман Е.Г. Водолазкина «Брисбен» в контексте ценностного рассмотрения представляет собой систему этических и эстетических взглядов, репрезентированных в сложно и гармонично организованном художественном пространстве.

Добро, красота и благо – ключевые константы аксиологии романа – соединяются для главного героя в музыке, которая связывает небесное и земное, открывает человеку сферу божественного духа. Эстетический мета-сюжет произведения посвящен пониманию границ человеческой жизни и размышлениям о возможности искусства эти границы преодолеть.

Ценностные ориентации в тексте реализуются через его полифоническую организацию (переключку мотивов и образов) и систему бинарных оппозиций жизни и смерти, духовного и физического, идеального и реального.

Аксиологические универсалии находят художественное воплощение в системе персонажей и пространственно-временной организации романа, они актуализируют проблемы свободы выбора и персональной ответственности за него, взаимоотношений отцов и детей, соотношения личного и общественного пространства, причастности человека к судьбе отечества.

Аксиосфера романа, обладая качествами полярности и иерархичности, реализуется в рамках субъектно-объектного, онтологического и телеологического подходов.

Наложение этической матрицы (добро, душа, Бог) на эстетическую (красота, искусство) происходит благодаря персонажам – носителям традиционных и, по большей части, религиозных взглядов. Такое наложение позволяет автору выстроить ценностную иерархию, подчеркнув значимость телеологического подхода и приоритет нравственной шкалы в процессе оценивания персонажей, явлений или событий. Многомерность и глубина оценок обеспечивается сменой повествователей.

На противоположном полюсе этической парадигмы размещаются антигерои, стоящие по ту сторону добра и зла, не различающие границ дозволенного и потому легко их переступающие. Отсутствие подобных границ свидетельствует о деградации общества и потому опасно для его существования.

Опираясь на созданную Хализевым типологию литературных героев (авантюрно-героических, житийно-идиллических, антигероев), представляется возможным выделить еще один тип персонажа – творчески созерцательного, обладающего художественным дарованием и в силу этого обостренным восприятием мира. Таков музыкант-виртуоз Глеб Яновский. Созерцательность для него более характерна, чем действительное участие в событиях, эстетическая оценка мира часто превалирует над этической, а сосредоточенность на собственных проблемах порой мешает быть внимательным к «каждому другому».

Он наблюдает жизнь через призму искусства, а искусство, позволяющее человеку воспринимать и ценить красоту, является, по мысли Н. Лосского, конкретно-чувственным постижением мирового смысла [Лосский, 1998, 338]. Соответственно, литературные персонажи, репрезентирующие искусство как его непосредственные творцы-демиурги, раскрывают читателю позитивно значимый опыт такого постижения и актуализируют понятия красоты, добра и блага в качестве главных и взаимосвязанных истин в системе ценностных ориентаций своего поколения.

В художественном мире романа в сложно организованной системе сопоставлений и противопоставлений реализуется глубинная оппозиция жизни и смерти, предельности земного существования и беспредельности духа. Попытки преодолеть данные противоречия образуют эгонарратив, в рамках которого автор-повествователь устремляет своего героя к преодолению его экзистенциальной раздвоенности на пути служения искусству, которое способно открыть дверь в одухотворенное пространство божественной вечности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арязмова О.В. Композиционно-речевая организация романа Е.Г. Водолазкина «Брисбен»: традиции и новации // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 2. С. 249–252.
- Водолазкин Е.Г. Брисбен. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 410 с.
- Гартман Н. Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004. 640 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 612 с.
- Девдараидзе Е.А. Умозрение в красках (Проблема красоты в русской философской традиции) // Омский научный вестник. 2006. № 9(47). С. 73–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umozrenie-v-kraskah-problema-krasoty-v-russkoy-filosofskoy-traditsii>.
- Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев; науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. 272 с.
- Жулькова К.А. Роман Е.Г. Водолазкина «Брисбен»: особенности поэтики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2021. № 3. С. 167–178.
- Зеньковский В.В. Проблема Красоты в миросозерцании Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 222–236.
- Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., 1998. 416 с.
- Телеология / М.А. Можейко [и др.] // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7361?ysclid=map2wigs6b852050376>.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
- Селютина Е.А. Бинарные оппозиции как основа поэтики романа Е. Водолазкина «Брисбен» // Семнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы международной научно-практической конференции. Челябинск: ЧГИК, 2019. С. 281–285.
- Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 21. М.: Худож. лит., 1985. С. 305–414.
- Тюпа В.И. Литература и ментальность. М., 2018. 231 с.
- Филатов А.В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 130–140.
- Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.

N.V. Oturgasheva
*PhD in Philology, Associate Professor,
 Chair of International Relations
 and Humanitarian Cooperation,
 Siberian Institute of Management-Branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Novosibirsk, Russia*

**The Experience of Axiological Study of a Literary Text
 on the Example of E.G. Vodolazkin's Novel «Brisbane»**

The subject of the study in the article is the axiosphere of E.G. Vodolazkin, embodied in the system of characters in the novel «Brisbane» – carriers of certain value attitudes. The analysis of the text is carried out within the framework of an axiological approach based on the works of V.E. Khalizev, while the author uses literary and aesthetic tools, making the category of beauty and its interpretation at the level of critical and artistic understanding the center of research.

The purpose of the work is to describe the interaction of ethical and aesthetic principles in the system of value coordinates of the author's worldview in connection with and taking into account the nature of the reader's request. As a conclusion, the significance of the aesthetic meta-plot in the artistic concept of the works is determined. In addition to the typology of literary heroes, a contemplative and creative type of character is proposed, which, in the author's opinion, is relevant for modern Russian literature; his characteristic is given and his role in conveying to readers the positive experience of his era is indicated.

Keywords: axiosphere; category of beauty; value orientations; artistic text; E.G. Vodolazkin; «Brisbane».

REFERENCES

- Arzjamova O. V. Compositional and speech organization of the novel by E. G. "Brisben": traditions and innovations [Kompozicionno-rechevaja organizacija romana E. G. «Brisben»: tradicii i novacii]. *Issues of VGPU. Philological sciences*, 2019. No 2, pp. 249–252 (in Russian).
- Vodolazkin E. G. Brisbane [Brisben]. Moscow: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2023. 410 p. (in Russian).
- Gartman N. Aesthetics [Jestetika]. Kiev: Nika-Centr, 2004. 640 p. (in Russian).
- Dal' V. I. Proverbs of the Russian people [Poslovicy russkogo naroda]. Moscow: ÈKSMO-Press, 2000. 612 p. (in Russian).
- Devdaraidze E.A. Speculation in colors (The problem of beauty in the Russian philosophical tradition) [Umozrenie v kraskah (Problema krasoty v russskoj filosofskoj tradicii)]. *Omsk scientific issues*, 2006. No 9(47), pp. 73–76 (in Russian).
- Dostoevskij: Dostoevsky: Aesthetics and Poetics [Jestetika i poetika]. *Dictionary-reference book*. Compiled by G.K. Shhennikov, A.A. Alekseev. Edited by G. K. Shhennikov. Cheljabinsk: Metall, 1997. 272 p. (in Russian).

Zhul'kova, K.A. E.G. Vodolazkin's novel «Brisbane»: features of poetics [Roman E.G. Vodolazkina «Brisben»: osobennosti poetiki]. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Criticism*, 2021. No 3, pp. 167–178 (in Russian).

Zen'kovskij V.V. The Problem of Beauty in Dostoevsky's worldview [Problema Krasoty v mirovosozrenii Dostoevskogo]. *Russian emigrants about Dostoevsky*. Saint-Petersburg, 1994, pp. 222–236 (in Russian).

Losskij N.O. The world as the realization of beauty. The basics of aesthetics [Mir kak osushhestvlenie krasoty. Osnovy jestetiki]. Moscow, 1998. (in Russian).

Mozhejko M.A., Kirilenko G.G., SHEvcov E.V., Simonov A.I. Teleologiya [Teleology]. *Humanitarian portal*. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7361> (in Russian).

Rikkert G. Natural sciences and cultural sciences [Nauki o prirode i nauki o kul'ture]. Moscow: Respublika, 1998. 413 p. (in Russian).

Selyutina E.A. Binamye oppozicii kak osnova poetiki romana E. Vodolazkina «Brisben» [Binary oppositions as the basis of the poetics of E. Vodolazkin's novel «Brisbane»]. *The Seventeenth Slavic Scientific Council «Ural. Orthodoxy. Culture». The world of Slavic writing and culture in Orthodoxy, socio-humanitarian knowledge: materials of the international scientific and practical conference*. Chelyabinsk: CHGIK, 2019. pp. 281-285 (in Russian).

Tolstoj L.N. Collected works in 22 vols [Sobr. soch. v 22 tt. T. 21]. Moscow: Hud. lit., 1985, pp. 305–414 (in Russian).

T]upa V.I. Literature and mentality [Literatura i mental'nost']. Moscow, 2008 (in Russian).

Filatov A.V. Axiology in Literary Theory: the main directions of value analysis [Aksiologija v teorii literatury: osnovnye napravlenija cennostnogo analiza]. *Siberian philological journal*. 2019. No 4, pp. 130–140 (in Russian).

Halizev V.E. Value orientations of Russian classics [Cennostnye orientacii russkoj klassiki]. Moscow: Gnozis, 2005. 432 p. (in Russian).

И.А. Королева

Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-85-92

УРБАНОНИМЫ КАК ЧАСТЬ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СМОЛЕНСКА

Ключевые слова: *топоним; урбаноним; антропоним; название улицы; семантическая классификация смоленских улиц с антропонимами в названиях; культурно-историческая память.*

В статье рассматривается топонимическое пространство русского города на примере одного из самых древних городов России – Смоленска. Показано, что топонимическое пространство структурируется: можно выявить его фрагменты, или сегменты, одним из которых является урбанонимное пространство, весьма значимое для функционирования городской топонимической системы. В составе урбанонимов важное место занимают названия улиц, переулков, проездов и других линейных объектов.

Описываются принципы их номинации, которые ложатся в основу классификации. Для анализа взята группа улиц, в названия которых входят антропонимы, то есть именованья людей. Это своеобразные названия-появляющиеся, являющиеся частью культурно-исторической коллективной памяти региона. Особое внимание уделяется названиям, в основу которых положены имена военных деятелей разных эпох. Значительное количество таких названий – специфика Смоленского региона, который во все времена являлся участником всех войн в силу своего пограничного положения. Делается вывод, что названия-посвящения – это показатель своеобразного патриотизма жителей города-героя Смоленска.

Термин «топонимическое пространство» ввел в ономастику В.Н. Топоров. Он представил его как совокупность имен собственных, обозначающих географические и иные объекты, значимые для человека [Топоров, 1969, 141]. Далее к этому понятию обращались многие исследователи [Суперанская, 2009; Супрун, 2000; Мезенко, 2012 и др.]. Мы приведем одно из последних определений: «Топонимическое пространство (ТП) представляет собой системную совокупность топонимов, которая обладает чертами устойчивости, стабильности и изменчивости, отражая универсальные процессы человеческого познания и языковой интерпретации географической действительности в индивидуальном сознании говорящих» [Заонегина, 2023, 7]. Естественно, это очень общее представление. Во-первых, для рассмотрения и анализа необходимо определить территорию изучения. Во-вторых, следует вычлнить тот или иной фрагмент конкретных именованний, входящих в топонимическое пространство. В-третьих, нужно определить, какие объекты будут рассмотрены: реальные или вымышленные, современные или исторические. Так выявляется объект для конкретного исследования.

В настоящей статье мы выбрали для рассмотрения урбанонимное современное региональное пространство города Смоленска. Урбаноним (латинское *urbanus* «городской» и *onoma* «имя») – это имя любого внутригородского объекта (улицы, площади, парка, бульвара и пр.), способного выполнять адресную функцию. Таким образом, можно выявить урбанонимное пространство [Мезенко, 2012, 78]. Один из главных разрядов урбанонимов – названия улиц, или годонимы. Правда, последний термин носит чисто научное толкование и нечасто используется в работах. Отметим, что некоторые исследователи и термин «урбаноним» предпочитают опускать, именуя улицы как «городские топонимы» [Заонегина, 2023], включая их в ядерную зону городского топонимического пространства.

Мы, как указано и в названии статьи, будем пользоваться термином «урбаноним», вычлняя из урбанонимного пространства только названия улиц, переулков, проездов, линий, бульваров, то есть линейных объектов. Укажем, что урбанонимика как раздел топонимики оформилась в 90-е годы XX века, в первую очередь в работах белорусской исследовательницы

А.М. Мезенко [Мезенко, 2008]. По ее мнению, в складывании урбанонимной системы города действуют несколько признаков. Так, номинация улиц осуществляется по отношению к другим городским объектам, например, учебным заведениям, торговым точкам, культовым сооружениям, различным службам города: Студенческая улица, Базарный переулок, Госпитальная улица и др. Второй, очень активный признак – номинация улиц по связи с именованием человека: улица Пушкина, Тургенева, проспект Гагарина и пр. Третий принцип – номинация объекта по присущим ему свойствам и качествам: Каштановая аллея, улица Солнечная, улица Большой конец и др. Четвертый принцип – связь объекта с абстрактным понятием: улица Свободы, Коммунистическая улица, Интернациональный проезд и т.д. Похожую классификацию предлагает и В.В. Заонегина. Она выделяет улицы, названные по присущим объекту свойствам и качествам; по связи объекта и человека; по связи объекта с другими значимыми объектами; по связи объекта с абстрактными понятиями; по связи объекта со словом-классификатором [Заонегина, 2023, 11].

Мы проанализируем группу названий улиц Смоленска по связи с именованием человека: в современной урбанонимии это, пожалуй, самая большая группа объектов.

По мнению А.М. Мезенко, так называемая группа именованной-посвящений, то есть именованной в честь кого-либо, активизируется после 1917 года. В своих исследованиях она выделяет четыре категории подобных именованной.

1. Названия, основанием для которых послужили имена различных политических деятелей: Ленина, Маркса, Энгельса, К. Цеткин, Р. Люксембург и др.

2. Именованной, основанием для которых послужили имена различных военных деятелей: Жукова, Конева, Багратиона, Кутузова и др.

3. Названия, основанием для которых послужили имена людей искусства: Пушкина, Лермонтова, Чайковского, Репина и т.д.

4. Именованной улиц, в основу которых положены имена региональных, местных, неизвестных за пределами определенного ареала людей из разных сфер деятельности [Мезенко, 2012, 99–103].

Внутри такой классификации имеет место более мелкое деление на подгруппы. Так, имена политических деятелей можно делить по временным срезам, на российские и зарубежные; имена военных деятелей – по событиям и эпохам; имена деятелей искусства делятся на подгруппы писателей и поэтов, музыкантов, художников и пр. Таким образом, показывается широкий охват сфер жизнедеятельности, в которых известны те или иные личности, в честь которых номинированы улицы [Жучкевич, 1979].

Обратимся к анализу смоленских урбанонимов. Учитывая славную историю нашего города, мы отметили одну особенность смоленской номинации: сразу же бросается в глаза обилие названий улиц, в основу которых

положены имена военных деятелей. Это вполне объективно: Смоленск – участник многих войн, происходивших в России, приграничный город-воин, город-щит, город-ключ. Именно этот фрагмент урбанонимного сектора смоленских улиц, в название которых входит антропоним, мы и рассмотрим в настоящей статье, чтобы детальнее проанализировать специфику смоленских наименований. Основным источником исследования послужил библиографический справочник «Улицы Смоленска», выпущенный информационно-библиографическим отделом Смоленской областной универсальной библиотеки имени А.Т. Твардовского.

Так, в Смоленске много названий улиц, посвященных героям 1812 года, что вполне естественно, так как именно в ту эпоху Смоленск сыграл огромную роль в военных действиях против французов: улицы Багратиона, Баркляя де Толли, Дохтурова, Паскевича, Кутузова, Раевского, Неверовского. Эти названия отражают историческую память о генералах, героях, военные судьбы которых связаны со Смоленском. Например, генерал от инфантерии Багратион командовал обороной города. Генерал-фельдмаршал Барклай де Толли руководил соединением под Смоленском 1-й и 2-й Западных русских армий. Пехотный корпус под руководством генерала от инфантерии Дохтурова героически оборонял город в августе 1812 года. Генерал-фельдмаршал Кутузов удостоен почетного титула «Смоленский». Пехотная дивизия генерал-лейтенанта Неверовского успешно сдерживала наступление Мюрата, потом, отойдя от Красного, участвовала в обороне Смоленска. Одна из новых улиц в микрорайоне Соловьиная роща носит имя генерала-фельдмаршала Паскевича, участника обороны Смоленска. Генерал от кавалерии Раевский также героически защищал Смоленск, потом Красный.

Отметим, что даже в Москве нет такого количества улиц, названных в честь героев 1812 года. Есть знаменитый Кутузовский проспект, улица Генерала Дохтурова и Дохтуровский переулок, а также Багратионовский проезд [Смолицкая, 1997]. В Томске, городе, который не испытывал тягот Отечественной войны 1812 года, подобных наименований нет вовсе [История названий, 1998].

Проанализируем состав смоленских улиц, названных в честь героев Великой Отечественной войны. Это улицы генерала Лукина, маршалов Еременко, Жукова, Конева, Соколовского. Генерал Лукин оборонял Смоленск, является почетным гражданином города. Маршал Еременко воевал под Смоленском, освободил город Велиж. Имя маршала Жукова, всенародного героя, связано с Ельней – он получил звание «Почетный гражданин города Ельни». Маршал Соколовский командовал войсками Западного фронта, в 1943 году освободившего Смоленск. Есть и другие имена героев Великой Отечественной войны, запечатленные в названиях улиц города. Герой Советского Союза Мария Октябрьская похоронена в Смоленске. Партизан Володя Кури-

ленко погиб на Смоленщине и похоронен в Смоленске. Летчица Марина Раскова участвовала в боях под Смоленском. Герой Советского Союза летчик Воробьев Иван Григорьевич родился в Кардымовском районе Смоленской области. Попов Борис Иванович – руководитель подпольной партийной группы в оккупированном во время Великой Отечественной войны Смоленске. Для сравнения: в Томске, городе, где война не оставила следов разрушения, улиц, в названия которых входят имена героев Великой Отечественной войны, нет. В Москве есть улицы Маршала Жукова и Маршала Конева.

Теперь обратимся к рассмотрению урбанонимов, в названия которых входят имена деятелей революции 1917 года. Естественно, таких названий немало – это была государственная политика увековечивания памяти героев революции. Смоленщина не исключение, но и в этой группе в значительной части мы видим имена людей, так или иначе связанных со Смоленщиной.

Улица Войкова. Войков Петр Лазаревич – революционный деятель, дипломат, многое сделал для установления дипломатических отношений с Польшей. Неоднократно бывал в Смоленске. *Улица Гарабурды.* Гарабурда Евгений Иосифович – один из организаторов комсомола на Смоленщине, председатель губкома. *Улица Кашена.* Кашен Марсель – один из организаторов Французской коммунистической партии. Проезжал через Смоленск. *Улица Ковтюха.* Ковтюх Епифаний Иович – герой Гражданской войны, комкор. Он несколько лет жил в Смоленске, где начал писать свою повесть «Таманцы», посвященную легендарному походу Таманской армии. *Улица Румянцева.* Румянцев Иван Петрович – участник Гражданской войны. После ее окончания многое сделал для восстановления и развития смоленской промышленности и сельского хозяйства. *Улица Соболева.* Соболев Василий Захарович, уроженец Смоленска, руководитель Смоленского губкома партии РСДРП(б). *Улица Смольянинова.* Смольянинов Вадим Александрович – участник организации смоленской большевистской группы в годы Первой мировой войны. *Улица Тухачевского.* Тухачевский Михаил Николаевич – уроженец Смоленщины, кадровый военный, известный военком, репрессированный и расстрелянный в 1937 году. Реабилитирован посмертно. *Улица Фрунзе.* Фрунзе Михаил Васильевич – видный военный и политический деятель революции, бывал в Смоленске в 1924 году. *Улица Чаплина.* Чаплин Николай Павлович – смолянин, организовал одну из первых в Смоленске молодежных ячеек, ставшую впоследствии комсомольской.

Безусловно, есть в Смоленске и улицы, в названия которых входят имена всемирно известных политических и военных революционных деятелей: Ленина, Маркса, Энгельса, Бакунина, Кирова, Дзержинского, Куйбышева, Котовского, Щорса. Конечно же, улицы Ленина, Маркса, Энгельса, Дзержинского есть практически в каждом городе. Это наша история, наша историческая память, которую, наверное, уничтожать не стоит, хотя сегодня уже другая действительность.

В соседней Республике Беларусь отмечаются схожие процессы номинации. Так, многие улицы в своих названиях содержат имена деятелей революции 1917 года: Дзержинского, Бакунина, Кирова, Войкова, Воровского, Кржижановского, Крупской, Орджоникидзе и др. В эту мемориальную группу включены и имена военных революционных деятелей. Многие урбанонимы имеют в составе имена военных деятелей Великой Отечественной войны: Соколовского, Черняховского, Конева, Панфилова и т.д. А вот названия улиц в память героев 1812 года относительно немногочисленны: Кутузова, Суворова, Раевского. Зато есть улицы, в названиях которых сохраняются имена героев более ранних эпох: Александра Невского, Степана Разина, Пугачева, Минина, Пожарского и др. [Мезенко, 2012, 99–102]. В последние годы в Смоленске также появляются названия улиц, в которые входят имена героев ранних эпох. Так, часть улицы Соболева переименовали в улицу Шейна – значимой фигуры XVII века.

В Смоленске чтят военных героев разных эпох, возможно, потому, что смоленская земля – «многострадальная». Так ее называют из-за приграничного, постоянно порубежного расположения. В городе много памятников военным деятелям, названия которых также входят в урбанонимное пространство города. Многие памятники как бы «закрепляют» историко-культурную память о том или ином герое. Так, в центре города есть Аллея героев, на которой расположены бюсты героев 1812 года: Барклая де Толли, Багратиона, Дохтурова, Неверовского, Раевского. Красивый памятник Кутузову-Смоленскому стоит недалеко от Успенского собора. Напротив парка Блонье находится памятник Володе Куриленко.

Естественно, на центральной площади Ленина стоит памятник вождю революции. О героической обороне Смоленска от польских захватчиков свидетельствуют памятники, увековечившие ту эпоху: памятник Федору Коню, строителю знаменитой смоленской крепостной стены, «ожерелья Всея Руси Великой», служившей защитой города. О войне с Наполеоном свидетельствуют знаменитый памятник «с орлами», памятник Софийскому полку, памятник героям 1812 года. О Великой Отечественной войне вспоминаем на Кургане бессмертия в парке Реадовка, возле памятника Скорбящей матери. Смоляне чтут своих героев, свое славное военное прошлое, и урбанонимное пространство города тому свидетельство.

Итак, урбанонимное пространство города Смоленска многопланово. Значимый его фрагмент – названия улиц и переулков, то есть линейных объектов, важных для функционирования города. В составе этого фрагмента первое место занимают названия-посвящения, то есть названия, основой которых являются антропонимы. В смоленском урбанонимиконе очень много названий улиц, посвященных героям разных войн. Это специфика региона, который во все времена был порубежной территорией, форпостом России на западе. Особенно активно сохраняется в урбанонимах память о героях

Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны. Большое количество памятников и бюстов героям сражений поддерживает историческую память. Практически все герои связаны со Смоленском.

Таким образом, названия смоленских улиц – урбанонимы – являются своеобразными памятниками культурно-исторической памяти жителей города, свидетельством его духовного патриотизма во все времена.

ЛИТЕРАТУРА

Жучкевич В.А. Улицы помнят: История, события, люди в названиях улиц и площадей города-героя Минска. Минск: Наука и техника, 1979. 175 с.

Заонегина В.В. Моделирование топонимического пространства малого русского города (на материале топонимии города Торжка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2023. 18 с.

История названий томских улиц: коллективная монография / отв. ред. Г.Н. Старикова. Томск: Водолей, 1998. 320 с.

Мезенко А.М. Белорусская ономастика. Топонимия. Минск: Элайда, 2012. 260 с.

Ильин В.В. Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Сверхшения. Перспективы // Творчество М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова в контексте русской и мировой культуры. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 3–16.

Мезенка Г.М. Віцебшчына у назвах вуліц. Віцебск: ВДУ ім. П.М. Машэрава, 2008. Ч. 1. 363 с.; Ч. 2. 254 с.

Смолицкая Г.П. Названия московских улиц. М.: Изд. дом «Муравей», 1997. 239 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2009. 368 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: ВГПУ, 2000. 76 с.

Топоров В.Н. О палийской топонимике // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М.: Наука, 1969. С. 5–58.

ИСТОЧНИКИ

Перлин Б.Н. Смоленск и его улицы. Смоленск: Смядынь, 2003. 184 с.

Смоленская область: энциклопедия. Т. 1: Персоналии. Смоленск: СГПУ, 2001. 303 с.

Улицы Смоленска: библиографический справочник / сост. О.В. Назарова. Смоленск: Смоленская областная универсальная библиотека им. А.Т. Твардовского, 2008. 227 с.

Inna A. Koroleva

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of the Russian language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Urbanonyms as Part of the Toponymic Space of Smolensk

The article examines the toponymic space of a Russian city using the example of one of the most ancient cities in Russia, Smolensk. It is shown that the toponymic space is structured: it is possible to identify its fragments, or segments, one of which is the urbanonymic space, which is very important for the functioning of the urban toponymic system. The names of streets, alleys, driveways, and other linear items are an important part of urbanonyms. The principles of their

nomination, which form the basis of classification, are described. For the analysis, a group of streets was taken, the names of which include anthroponyms, that is, the names of people. These are peculiar names, which are part of the cultural and historical collective memory of the region. Special attention is paid to the names based on the names of military figures from different eras. A significant number of such names are specific to the Smolensk region, which has always been a participant in all wars due to its border position.

Keywords: *toponym; urbanonym; anthroponym; street name; semantic classification of Smolensk streets with anthroponyms in names; cultural and historical memory.*

REFERENCES

Zhuchkevich V.A. Streets are remembered: History, events, people in the names of streets and squares of the hero city of Minsk [Ulicy pomnyat: Istoriya, sobytiya, lyudi v nazvaniyah ulic i ploshchadej goroda-geroya Minska]. Minsk: Science and technology, 1979. 175 p. (in Russian).

Zaonegina V.V. Modeling of the toponymic space of a small Russian city (based on the toponymy of the city of Torzhok) [Modelirovanie toponimicheskogo prostranstva malogo russkogo goroda (na materiale toponimii goroda Torzhka)]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology*. Tver. 2023. 18 p. (in Russian).

The history of Tomsk street names: A collective monograph [Istoriya nazvanij tomских ulic: kollektivnaya monografiya]. Edited by G.N. Starikov. Tomsk: Aquarius Publishing House, 1998. 320 p. (in Russian).

Mezenko A.M. Belarusian onomastics. Toponymy [Belorusskaya onomastika. Toponimiya]. Minsk: Elaid, 2012. 260 s. Ilyin V.V. *Smolenskaya poetic school in action. The eve. Achievements. The prospects. The works of M.V. Isakovsky, A.T. Tvardovsky, N.I. Rylenkov in the context of Russian and world culture*. Smolensk: SSPU, 2000, pp. 3–16 (in Russian).

Mezenka G.M. V1tsebschyna u namovakh vulits [Vicebschyna u nazvah vulic]. Vitebsk: VDU Im. P.M. Masherava, 2008. Ch.1.363 p.; Ch.2. 254 p. (in Belorussain).

Smolitskaya G.P. Names of Moscow streets [Nazvaniya moskovskih ulic]. Moscow: Muravey Publishing House, 1997. 239 p. (in Russian).

Superanskaya A.V. General theory of proper names [Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo]. Moscow: Librocom Publishing House, 2009. 368 p. (in Russian).

Suprun V.I. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential [Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potencial]. Volgograd: VGPU, 2000. 76 p. (in Russian).

Toporov V.N. On Pali toponomastics [O palijskoj toponomastike]. *Toponymy of the East. Research and materials*. Moscow: Nauka, 1969, pp. 5–58 (in Russian).

SOURCES

Perlin B.N. Smolensk and its streets [Smolensk i ego ulicy]. Smolensk: Smyadyn Publ., 2003. 184 p. (in Russian).

Smolensk region. Encyclopedia [Smolenskaya oblast'. Enciklopediya]. Vol. 1. Personalities. Smolensk: SSPU.2001. 303 p. (in Russian).

Streets of Smolensk. Bibliographic reference [Ulicy Smolenska: Bibliograficheskij spravochnik]. Compiled by O.V. Nazarova. Smolensk: Smolensk Regional Universal Library named after A.T. Tvardovsky, 2008. 227 p. (in Russian).

Е.А. Козлова

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия

УДК 81-114

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-93-106

ИЗБЫТОЧНОСТЬ АЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: речевая избыточность; алогизм; антонимия; разновидности противопоставленных слов; развитие лексико-семантической системы языка.

Предметом изучения в статье является лексическая избыточность, рассмотренная на материале современной русской речи. Цель анализа состоит в обнаружении лексической избыточности в алогизмах, основу которых составляют слова с антонимичной семантикой. Проведенное на основе структурно-семантического подхода исследование опирается на концепцию Б. Потье. В статье исследуются семантические возможности алогизмов, включающих слова с противопоставленными значениями. Рассматриваются эвфемизмы официально-деловой речи, разговорные фразы, термины и терминологические сочетания. Выявлены случаи лексически избыточного использования слов с противоположными значениями, однако обнаружено, что часто употребление слов-антонимов приводит к возникновению новых значений, то есть развитию лексико-семантической системы языка. Полученные выводы дополняют знания о семантике высказываний: 1) алогизмов, состоящих из слов с противопоставленными компонентами значений, в языке отмечается значительное количество, стало быть, данное явление требует внимания ученых; 2) в случае возникновения лексической избыточности алогизмы на основе антонимии не имеют коммуникативной ценности, так как семантика высказывания равна нулю, а значит, язык в этом случае не выполняет свою основную функцию; 3) часто алогизм, состоящий из слов с антонимичной семантикой, несет в себе новый смысл, что говорит об отсутствии избыточности как «формальной пустоты»; это подтверждается активным использованием таких новообразований в качестве терминов и терминологических сочетаний в самых разных областях человеческой жизни, что способствует развитию языка. Результаты исследования, описанного в настоящей статье, могут быть использованы в научной и преподавательской деятельности, связанной с лексикологией и семантикой.

Слова «избыточность», «избыточный» в русском языке в связи с традицией сочетаемости сопровождаются, как правило, отрицательными коннотациями, как и слово «лишний», ср.: *избыточный / лишний вес, контроль.*

Глава ЦИКа демонстрирует избыточный оптимизм. Уж он-то лучше, чем кто-либо, знает, что реальные расходы партий на избирательную кампанию в отчеты все равно не попадут (В. Выжutowич. Совершенно не секретно // «Московские новости», 2003).

Очиткам противопоказан избыточный полив, от которого возможно загнивание корневой шейки (С. Кляцов. Ниже травы // «Сад своими руками», 2003.07.15).

Таким образом, надо ожидать, что генетический код – избыточный (иногда это называют заимствованным из квантовой физики термином «вырожденный») (С. Ястребов. От атомов к дереву. Введение в современную науку о жизни, 2017).

А информационный шум и избыточный выбор заглушают востребованные знания (А. Иванов. Комьюнити, 2012).

Применительно к языку слово «избыточность» следует использовать в номинативной функции, терминологически, без оценочности, присущей ему в иных сферах употребления, в связи с тем, что избыточность – неотторжимое свойство русского языка. Доказательством этому могут служить тексты фольклора, которые демонстрируют разнообразие видов избыточности. Это и лексический повтор (*от добра добра не ищут; век живи – век учись; любишь кататься – люби и саночки возить; дружба дружбой, а служба службой; цапля цахла, цапля сохла, цапля сдохла* и т.п.), и тавтология (*сослужить службу, видать виды, всякая всячина, сидеть сиднем, чудо чудное, диво дивное, думу думать, набить битком, полным-полно, пропадать пропадом, дело делается, горе горькое, горе горевать, есть поедом, видом не видывал, ходить ходуном, белым-бела, слыхом не слыхивала, жить-поживать; хороша обнова, но снову; скороговорун скороговорил скоровыговаривал, что всех скороговорок не перескороговоришь не перескоровыговариваешь; у ежа – ежата, у ужа – ужата* и т.п.), и плеоназм (*жил-был, говори-рассказывай, царство-государство, спать-почивать, лишь только, грусть-тоска, ходит-бродит, путь-дорога* и др.). Громадные просторы России располагают к неторопливому повествованию, а значит, и к естественной ретардации речи; как следствие, развивается целая система замедления повествования, в которую, конечно, входят и средства избыточности. В нашей статье мы рассмотрим нетипичный вид избыточности, отнесение которого в данную группу особенностей речи обуславливается законами коммуникации, так как он создает коммуникативный шум [Pottier, 1973, 239].

Актуальность исследования обосновывается, во-первых, тем, что ранее алогизмы не анализировались на наличие лексической избыточности, во-вторых, тем, что материалом, на котором проводится исследование, является современная речь.

Объектом изучения выбраны сочетания слов с антонимичной семантикой, предметом – лексическая избыточность.

Целью исследования является обнаружение лексической избыточности в алогизмах, основу которых составляют слова с антонимичной семантикой. Цель определяет следующие задачи:

- уточнить терминологический инструментарий;
- отобрать алогизмы, состоящие из слов с антонимичной семантикой;
- проанализировать примеры с позиций семантики.

В процессе исследования применялись следующие методы: семантический анализ, анализ словарных статей, классификация фактов языка, индукция, математическое моделирование.

Новизна работы определяется принципиально новым взглядом на алогизмы как на возможный источник речевой избыточности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут дополнить знания о семантике, которыми располагает наука; в практическом отношении данные сведения могут применяться в преподавании лексикологии, семантики, а также использоваться в лексикографии.

В нашей статье мы не рассматриваем средства художественной выразительности, в которых используются слова с антонимичной семантикой.

Исходным положением настоящего исследования является следующее утверждение Б. Потье: «Лишние и бесполезные для передаваемой информации знаки являются избыточными» [Pottier, 1973, 239]. В лингвистике, как отмечает М.Х. Иевлева [Иевлева, 2000], наблюдаются две тенденции осмысления этого явления: во-первых, *обвинение*, то есть неприемлемая борьба с разными видами избыточности в речи (И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь, Л.В. Хуранова, И.В. Кузьмина, Т.А. Ковалева, В.Ю. Светличная и мн. др.), во-вторых, *оправдание*, то есть узаконивание фактов избыточности в языке текста (А. Мартине, Б. Потье, И.Р. Гальперин, Е.В. Грудева, И.М. Некипелова, А.Н. Еремин и мн. др.). Мы воздерживаемся от оценок данного явления, так как установление нормативности языковых фактов не входит в наши задачи. Гипотеза нашего исследования такова: речевые алогизмы с использованием слов-антонимов порождают лексическую избыточность при семантической недостаточности.

1. Уточнение терминологического инструментария

1.1. Использование алогизмов в речи не является особенностью мышления современного человека, новаторством или признаком исключительно современного языка. Широко известны парадоксы (апории) Зенона (V век до н.э.), Аристотеля (ок. 355 года до н.э.), Эвбулида из Милета (IV век до н.э.), Вольтера (XVIII век), Ницше, Б. Шоу (XIX век) и мн. др., часто парадоксы встречаются и в науке: парадоксы Рассела, Банаха – Тарского, Смейла, Хаусдорфа; ЭПР-парадокс; космологические парадоксы. В художественной литературе алогизм лежит в основе часто используемых средств выразительности: оксиморона, антитезы, катахрезы и др. Алогизмы помогают передать многообразие мира, причудливость сочетаний его явлений.

Под алогизмом, согласно словарю лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой, принято понимать 1) нечто нелогичное, противоречащее логике и 2) стилистический прием намеренного нарушения логических связей в целях комизма, иронии [СЛТ]. Мы будем использовать термин «алогизм» в первом значении (нечто нелогичное, противоречащее логике).

1.2. «Антонимы (греч. *anti* “против” и *онима* “имя”) – слова одной части речи, имеющие противоположные или близкие к противоположным соотносительные по семантике значения. Основой антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрастать или убывать и доходить до противоположного» [Еремин, 2002, 58–59]. Л.А. Новиков выделяет такие разновидности противопоставленных слов: *контрарную* (можно представить в виде некоей шкалы, крайние члены которой стремятся к так называемой «истинной антонимии»), *контрадикторную* (между крайними членами которой нет промежуточных звеньев) и *векторную* (отражает противоположность разнонаправленных действий) [Новиков, 1973]. Таким образом, истинными антонимами можно считать только контрадикторные антонимы, остальные являются квазиантонимами. Н.Н. Каринкина отмечает, что для современной семантики характерно широкое понимание антонимии [Каринкина, 2004, 151–154], ср.: «Антонимия – семантические отношения языковых единиц, в основе которых лежат ассоциации по контрасту» [БРЭ]. Например, в современном онлайн-словаре антонимов к слову «глубокий» 30 «прямых» (*маленький, близкий, легкий, пустой, мелкий, крохотный, поверхностный, крошечный, ничтожный, неполный, незаметный, легкомысленный, заурядный, несовершенный, несерьезный, несущественный, мизерный, беззаботный, пустяковый, посредственный, бездумный, немудреный, грошовый, неосновательный, мелководный, некрепкий, ерундовый, смехотворный, неглубокий, плоский*) и 206 «непрямых» антонимов, среди которых *сухой, возбужденный, невозможный, больной...* [Словарь антонимов].

По мнению А.Н. Еремина, «в разговорном языке граница между антонимами и квазиантонимами часто бывает размытой» [Еремин, 2002, 58–63]. Поскольку объектом нашего рассмотрения является преимущественно разговорная речь, мы, следуя тенденциям современной семантики, будем использовать термины «антонимы», «антонимичная семантика» в широком смысле, включая в данную группу квазиантонимы и учитывая противопоставленность компонентов значений слов разных частей речи, а также их морфем.

2. Лексическая избыточность при семантической недостаточности

У Л.Г. Смирновой читаем: «Антонимия часто предполагает включение в лексическую единицу оценочного компонента. Если в паре антонимов одно слово содержит компонент оценки, то второе чаще всего включает оценку противоположного знака, это свойственно и переносным значениям

лексем: правда – ложь, белое – черное, день – ночь, нравственный – безнравственный, вежливо – невежливо, содействовать – препятствовать и т.п.» [Смирнова, 2022].

2.1. Применяя математическую модель, где «+» означает положительные компоненты значения слова, а «-» – отрицательные, можно допустить, что при использовании сочетаний слов с противоположными значениями семантика высказывания в сумме равна нулю. В качестве доказательства можно привести следующие примеры.

В целом наблюдается отрицательный спад устойчивого роста уменьшения подъема числа заболевших на душу не справившихся с выздоровлением (из новостей, 2020). Антонимы: спад / уменьшение – подъем / рост; заболеть – выздороветь [Словарь антонимов].

Тем временем в Москве наблюдается постепенное усиление полной приостановки частичной отмены карантинных мер (с сайта Министерства здравоохранения г. Москвы, 2020). Антонимы: полный – частичный [Словарь антонимов]. Квазиантонимы: усиление – отмена.

Кроме примеров эвфемизации речи официальных сообщений подобную лексическую избыточность при нейтрализации семантики можно наблюдать и в живой речи, например:

Бескультурье меня, по-хорошему, угнетает (из речи ректора университета, 2021). За словом «по-хорошему» тянется шлейф значения производящей основы, что делает сомнительной возможность его употребления со словом «угнетает», имеющим ярко выраженную негативную оценку.

Благотворительный полумарафон «Беги, герой!» проводится в Нижнем Новгороде ежегодно (<https://runhero.ru/>). Название полумарафона вызывает недоумение, так как звание «герой» не ассоциируется с бегством.

Как видите, картина преподавания истории у нас оптимистична, но достаточно печальна (из доклада на педагогическом совете школы). Антонимы: оптимистична – печальна [Словарь антонимов]. Оценка качества преподавания истории так и остается непроясненной.

Выступаем завтра вечером на рассвете (из армейской речи, 2020). Антонимы: вечером – на рассвете (утром). Рассвет – «1. Время перед восходом солнца, начало утра. 2. перен. Ранний период, начало чего-н. (книжн.)» [Ожегов, Шведова]. Так когда же в бой?

Возьмите уставы и перепишите все наизусть (из армейской речи). Не вполне ясно, что требуется от солдата: переписать, а затем выучить все наизусть или только выучить.

В этом году у нас в детском саду значительно меньшее увеличение количества больных (с сайта детского сада, 2021). Можно только предположить, что в детском саду болеет меньше детей, чем в прошлом году.

Родители Иванова проявляют активное равнодушие к поведению сына (из речи педагога на родительском собрании, 2017). Похожее впечатление вызывают примеры «воинствующее равнодушие», «пассивная агрессия». Очевидно, родители активно «прячутся» от педагогов, которые требуют, чтобы они начали воспитывать своего ребенка, воспринимая действия учителей как угрозу собственному душевному равновесию и безмятежному существованию. Однако это догадки – что же на самом деле происходит в семье Ивановых, остается под вопросом.

Максимов исключен из колледжа из-за отсутствия наличия признаков старания (из отчета на педсовете, 2020). Создается впечатление, что Максиму достаточно было продемонстрировать признаки старания (стараться, собственно, не обязательно!), чтобы остаться студентом колледжа. Но это ли хотел сказать выступающий?

Она не слышала от него ни одного ласкового слова, кроме слова «дура» (из личной беседы, 2025). Инвективы действительно могут использоваться в качестве похвалы, взять хотя бы широко известное «ай да Пушкин! Ай да сукин сын!», однако в данном контексте слово «дура» не выглядит положительной характеристикой и уж тем более не может являться гипонимом к гиперонимическому сочетанию «ласковое слово» (парадигматические отношения, которые предполагаются при употреблении предлога «кроме»). Печальной рисуется судьба этой женщины, если слово «дура» она считает ласковым.

Организуем дружеские провокации (из рекламы ивент-агентства, 2025). Вероятно, имеются в виду дружеские розыгрыши, но слово «провокация» навеивает мысли о драматических и, возможно, трагических последствиях, которых никто не пожелает своим друзьям, ср.: провокация – «1. Предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, к-рые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [Ожегов, Шведова].

Хуже водки лучше нет! (из речи В.С. Черномырдина). Трудно понять, что именно хотел Виктор Степанович подчеркнуть: значимость этого напитка для русской культуры или его пагубное влияние на здоровье.

В некоторых словах значение приставки входит в конфликт с определением, например:

Планируется полная приостановка работы предприятия (Калужские новости от 25.01.2025). Приостановить – «временно остановить, задержать, прекратить» [Ожегов, Шведова]. Значение приставки существительного вступает в конфликт со значением прилагательного «полная».

Присесть – «1. Согнув колени, опуститься. 2. Сесть на короткое время или в недостаточно удобной, спокойной позе» [Ожегов, Шведова].

«Похоже, Селихов доказал всем очевидную вещь – он номер один! И Максименко надолго присел!» – написал Радимов в твитере (<https://football.kulichki.net/rusnews/news.htm?677939>).

Чувствую я надолго присел на это мероприятие (https://vk.com/wall-197696179_666).

Надолго присел (на нары) – актуализируется жаргонное значение «быть заключенным под стражу» [Зугумов, 2018, 480]:

Подлый уголек присел надолго (с форума, обсуждающего заключение афроамериканца под стражу, <https://yaplakal.com/forum1>).

2.2. В ряде случаев информация доходит до адресата сообщения, но восприятие в значительной степени затруднено наличием коммуникативного шума, созданного столкновением антонимичных значений.

Более маленькие пассажиры должны ездить с родителями (из речи кондуктора троллейбуса, 2022). Конечно, имеются в виду дети, однако основное значение слова «большой» мешает верному восприятию слова «маленький» во вторичном значении, ср.: Большой – «1. Значительный по размерам, по величине, силе. 3. Взрослый (с точки зрения ребенка), а также (о ребенке) вышедший из младенческого возраста, подросток» [Ожегов, Шведова]. Маленький – «1. Небольшой по размерам, по количеству. 3. То же, что малолетний» [Ожегов, Шведова].

Более мелкие подразделения... (из армейской речи, 2019) – формальный показатель сравнительной степени выполняет свою функцию: демонстрирует большее дробление подразделений по сравнению с означенными в предыдущем высказывании. Однако прямое значение слова «большой» вступает в конфликт со значением слова «мелкий» как синонима «маленький», «некрупный». Аналогично – *более мелких коммун* (П. Басинский «Страсти по Горькому», 407).

Меланхолики же в силу слабости нервной системы реагируют просто вяло (<https://kartaslov.ru>). Слабость – «недостаток физических сил, энергии» [Ожегов, Шведова]. Производный предлог «в силу» используется в значении «по причине», однако под влиянием семантики исходного существительного препятствует восприятию слова «слабость».

В феврале снижение надоев возрастает с каждым днем (из отчета сельхозпредприятия, 2012). Антонимы: снижаться / возрасти [Словарь антонимов]. Очевидно, что надоев снижаются, но добыть эту информацию из сообщения непросто.

Альпинисты карабкались вниз по скале (из школьного сочинения, 2005). Карабкаться – «подниматься, цепляясь ногами и руками» [Ожегов]. Вниз – противоположное направление, при этом смысл высказывания понятен за счет сильной семантики наречия, однако создается коммуникативный шум, мешающий восприятию информации.

Она безумно начитанная и образованная (из личной беседы, 2019). В разговорной речи слово «безумно», как «страшно», «жутко», имеет значение наречия меры и степени. В данном примере слово «безумно» характеризует,

скорее, не объект размышлений, а говорящего: вызывает сомнения в достаточности его квалификации для высказывания подобного рода суждений – что само по себе будет затруднять дальнейшую коммуникацию.

Если больной принимает это лекарство, то сила заболевания бывает намного легче (из интервью начальника медицинской службы, 2022). Антонимы: сильный / легкий [Словарь антонимов]. Можно, но сложно понять, что состояние больного улучшается.

При достаточно высоких минусовых температурах тяжело дышать не только людям, но и животным (из выступления школьника на защите проекта, 2022). «Минусовые» в данном контексте может быть заменено синонимом «низкие». Возникает конфликт значений: высокие / низкие температуры. Однако догадаться, что речь идет о температуре ниже –30, –40 и далее, можно.

3. Семантические новообразования

Как показывает языковой материал, при использовании сочетаний слов с противоположными значениями семантика предложения не всегда будет равна нулю. Это демонстрируют и следующие примеры: информация беспрепятственно доходит до адресата.

3.1. *Декларация саммита НАТО отражает нулевой интерес (= безразличие) к миру на Украине (электронный портал «Сакс», дата обращения: 11.07.2024).*

Отмечается отрицательный рост зарплат и экономики в целом (=снижение зарплат и уровня экономического развития) (из аналитической программы).

Студенты этих групп имеют ярко выраженную отрицательную одаренность (=недоразвитость) (из речи руководителя института, 2022).

Такое явление отмечается не только в эвфемизмах:

Мем смешной, ситуация страшная (из сети Интернет). Данное устойчивое выражение используется тогда, когда тревожное / страшное / трагическое сообщение сопровождается забавным изображением, ассоциативно связанным с событием.

Семантика приведенных высказываний стремится к отрицательной оценке события или явления.

3.2. В следующей группе примеров отмечается превалирование положительной семантики.

Созидательное разрушение (из политико-аналитической передачи). Имеется в виду разрушение с благой целью дальнейшего созидания.

Смех сквозь слезы = смех, так как, когда человеку действительно плохо, он утрачивает способность смеяться.

Праздник со слезами на глазах. Такое описательное название Дня Победы актуализирует положительно-торжественный эмоциональный фон проводимых мероприятий.

3.3. Отмечаются языковые факты, в которых чаша весов оценки не склоняется ни в одну из сторон, однако вместо нейтрализации полярных значений рождается новый смысл – как правило, это термины или терминологические сочетания.

Трагикомедия – «один из жанров драмы, совмещающий в себе признаки трагедии и комедии» [СЛТ]. Поэт и литературовед Баттиста Гварини в 1601 году в своем «Компендиуме трагикомической поэзии» писал об этом жанре: «Сочинитель трагикомедии берет от трагедии высокопоставленных героев, но не великие события, правдоподобную, но не историческую фабулу, возбуждение чувств, но не потрясение их, наслаждение (присущее трагедии), но не ее мрачность, опасность, но без гибели; от комедии он берет смех, но не чрезмерный, скромное развлечение, вымышленные осложнения, счастливый конец, а главным образом, комический лад» [Луцкер, Сусидко, 1998].

Лирико-эпический жанр – «жанр, в котором сочетаются черты эпического и лирического родов литературы, исторически сложившийся тип художественного произведения, для которого характерны отчетливо выраженные мысли и чувства автора-повествователя, вызванные картинами жизни, характерами и поведением действующих лиц (А.С. Пушкин “Медный всадник”, “Евгений Онегин”, А.Т. Твардовский “Василий Теркин”, малая лирико-эпическая форма – баллада)».

Лирико-эпическое произведение – «сюжетное произведение, повествование о событиях, поступках, переживаниях героя, написанное в стихотворной форме» [СЛТ].

Лирико-драматический жанр – «1) жанр смешанной формы, сочетающий в себе особенности изображения действительности, присущие лирике и драме (А.П. Чехов “Вишневый сад”); 2) произведение, написанное в форме драмы, но не рассчитанное на сценическое исполнение (так называемая драма для чтения) (В. Корвин-Пиотровский “Ночь”)» [СЛТ].

Роман в стихах – «лирико-эпический жанр. Сохраняя все признаки романа, отличается стихотворной формой, которая неразрывно связана с содержанием: имеет развитый сюжет, систему персонажей, обращен к сложным проблемам взаимоотношений людей, человека и общества, но помимо эпических средств изображения действительности использует лирические» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин», Дж. Байрон «Дон Жуан», Б. Пастернак «Спекторский» и др.) [СЛТ].

Черный юмор – «юмор, обнаруживающий предмет своей забавы в опрокидывании моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» [Словарь мировых литературоведческих терминов, 1979, 350]. Иными словами, это смех над тем, над чем смеяться нельзя.

Пример. *Санер-неудачник* — это собирательный образ (<https://anekdotovstreet.com/chernyy-yumor/>). Удручающий эффект, скрашиваемый юмором.

Прижигание холодом (криотерапия) – «метод лечения кожных новообразований» (<https://old.bigenc.ru/medicine>).

Холодный огонь – «одна из низкотемпературных разновидностей пламени в химии» (https://vk.com/wall-153979390_4996).

Сухой душ – «это гигиенический набор, в состав которого входит одноразовое полотенце и губка из агроволокна дорнит, пропитанная специальным медицинским средством. При небольшом количестве воды (30–50 мм) она дает обильную пену, которая очищает кожу и не требует смывания водой» (https://vk.com/wall-216264731_1771).

Эмоциональный интеллект – «это способность отслеживать свои эмоции, а также эмоции и чувства других людей, различать их и использовать для руководства своим мышлением и действиями» (<https://skillbox.ru/media>).

Старый Новый год – сочетание называет дату празднования наступления нового года по так называемому «старому стилю» (14 января). Смена дат произошла в 1918 году и связана с переходом летоисчисления с юлианского календаря на григорианский. Поскольку изменение произошло сравнительно недавно, в России многие люди отмечают наступление нового года по новому, а потом и по старому стилю.

Взрывчатая релаксация. «В медицине даже появилось такое понятие, как взрывчатая релаксация, – через взрыв страстей (пьянство, наркомания, блуд) успокоить стресс» (<https://www.raifa.ru/vestnik/prproved/?id=2485>).

В.Н. Ключева считает, что «полярными являются понятия, связанные с биологическим полом, мужским или женским» (мужчина-женщина, сын-дочь, брат-сестра, дядя-тетя и под.) [Ключева, 1956], ср.:

Женственный мужчина – «типичный пассивно-женственный характер. Пациент всегда был дружелюбен и покладист; он извинялся по любому, даже самому незначительному, поводу. Кроме того, он был робок, неловок и зависим от обстоятельств» (В. Райх «Сексуальная революция», http://www.bim-bad.ru/docs/reich_sexual_revolution.pdf).

Мужественная женщина. «Мужественные женщины. Какие они? Сильные, независимые, смелые. Те, кто не боится трудностей, кто привык полагаться только на себя. Те, кто разбивает стереотипы и идет своим путем» (<https://www.b17.ru/article/543304/>).

Мужественная женщина – «та, которая не боится брать на себя ответственность, принимать сложные решения и действовать решительно. Она не боится высказывать свое мнение и защищать права. <...> Мужественность не означает отказ от женственности. Мужественная женщина может быть красивой, элегантной и утонченной. Она может носить платья и украшения, но при этом оставаться сильной и независимой» (https://vk.com/wall-215317149_285).

Репрессивная толерантность. Герберт Маркузе в 1965 году издал книгу «Репрессивная толерантность», в которой писал, что «реализация

объективной *толерантности* *требует нетолерантного* отношения к господствующим формам политики, установкам, мнениям, а также распространения принципа толерантности на политику, установки и мнения, которые подавляются или даже объявлены вне закона» (<https://dzen.ru/a/YFNRGJs23eb7Diz>).

3.4. В современном русском языке вследствие утраты семантической связи между производным и производящим [Сунцова, 2020] некоторые сочетания слов уже не воспринимаются как алогизм, например: *полный половник, красные чернила, зеленая краска, красное белье* и под.

Ср.:

Мне супу не надо, – замахала, будто поперхнулась, когда лейтенант понес полный половник к ее глубокой тарелке с таким же трактором, как на фаянсовой кружке (В. Корнилов. Демобилизация (1969–1971)). В НКРЯ только один пример употребления словосочетания «полный половник», что свидетельствует о том, что выражение не стало узуальной нормой, не говоря уже о кодификации.

Чернила, краски и белье сейчас могут быть любого цвета.

Ср.:

Диктант принесет – просто безобразие – одни красные чернила, кол и вместо подписи слово обидное (Т. Барботина. Пешков // «Волга», 2011).

До этого года на основных красителях готовили обычные фиолетовые и синие чернила, а в чернила для авторучек, исключая самые популярные – синие, входили кислотные красители (Чернильное пятно // «Химия и жизнь», 1967).

Блекло-зеленая краска свисала с него мертвыми сырыми листьями (М. Тарковский. Тойота-Креста, 2009).

Кобальт — это синяя краска, только она не совсем синяя, а голубая (Л.Г. Матвеева. Продленка, 1987).

Желтая и черная краска на табличках местами облупилась, но слова еще можно было где прочитать, где угадать: «Стой. Запретная зона», «Стой. Злые собаки», «Стой. Стреляют без предупреждения» (А. Троицкий. Удар из прошлого, 2000).

Как показалось буфетчику, на артисте было только черное белье и черные же остроносые туфли (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)).

– Ванечка, а я думала, что ты эстет! – засмеялась Валя. Красное белье... Сейчас, наверное, какие-нибудь другие модные тенденции (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч, 2004).

Эту группу словосочетаний с большой долей условности можно отнести к алогизмам на основе антонимии еще и потому, что истинные антонимы для этих слов не всегда возможны, например, *полный – пустой; красный – ?* В живописи пару для красного составляет *зеленый* цвет (<https://render.ru/ru/>

SmirnovSchool/post/22197), в цветовом спектре – фиолетовый; *черному* традиционно противопоставляется *белый*, но всегда ли, если предмет не черный, он обязательно белый? В синхронии целесообразно рассматривать существительные в таких словосочетаниях как непроеизводные единицы.

В результате анализа алогизмов, в состав которых входят слова с антонимичной семантикой, были получены следующие данные: 1) таких фактов в языке отмечается значительное количество, стало быть, данное явление требует внимания ученых; 2) в случае возникновения лексической избыточности алогизмы на основе антонимии не имеют коммуникативной ценности, так как семантика высказывания равна нулю, а значит, язык в этом случае не выполняет свою основную функцию; 3) часто алогизм, состоящий из слов с антонимичной семантикой, несет в себе новый смысл, что говорит об отсутствии избыточности как «формальной пустоты». Это подтверждается активным использованием таких новообразований в качестве терминов и терминологических сочетаний в самых разных областях человеческой жизни. Таким образом, наша гипотеза о том, что речевые алогизмы с использованием слов-антонимов неизбежно порождают лексическую избыточность при семантической недостаточности, отчасти опровергнута: алогизмы, включающие слова-антонимы, не всегда представляют собой семантический вакуум, часто такие явления, возникая ненамеренно (в отличие, например, от алогизма в значении «стилистический прием»), несут в себе смыслы самые разнообразные: оценку объекта размышлений или описываемых событий, оценку личности говорящего, кроме того, могут называть новое явление или предмет. В случае, когда семантика антонимичных слов нейтрализуется, вероятно, следует говорить о речевой ошибке и необходимости ее устранения, однако данный тезис требует верификации в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Еремин А.Н. Современный русский язык: лексика, лексическая семантика, фразеология. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2002. 160 с.
- Каринкина Н.Н. Антонимия как понятийная категория и вопрос выражения противоположности в языке // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 150–154.
- Клюева В.Н. Проблема антонимов // Ученые записки 1-го Московского пединститута иностр. яз. М.: Изд. Моск. ун-та, 1956. Т. 9. С. 75–86.
- Козлова Е.А. Избыточность языковых единиц в современной русской прозе // Вестник Калужского университета. Серия 2: Исследования по филологии. 2024. № 4(10). С. 55–63.
- Козлова Е.А. Русский язык. Культура речи: учебник. Калуга: Эйдос, 2024. 372 с.
- Луцкер П.В., Сусидко И.П. Итальянская опера XVIII века. М., 1998. Т. 1: Под знаком Аркадии. С. 99–100.
- Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположностей). М.: Просвещение, 1973. 170 с.
- Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира / авт.-сост. З.М. Зугумов. М.: Книжный мир, 2018. 728 с.
- Словарь мировых литературоведческих терминов / авт.-сост. Л.И. Тимофеев. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1979. 349 с.

Словарь литературоведческих терминов / авт.-сост. А.А. Инджиев. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 224 с.

Смирнова Л.Г. Оценочная дихотомия в русском языке и ее отражение в художественном тексте // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3(39). С. 53–67.

Сунцова М.В. Коннотации у слов с конкретно-предметным значением // Казанская наука. 2020. № 12. С. 82–85.

Pottier V. Les langues dans le monde // Le langage. Paris: Ed. SELAF, 1973. P. 226–249.

Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/> (дата обращения: 02.02.2025).

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.02.2025).

Словарь антонимов. URL: <https://antonymonline.ru/> (дата обращения: 06.02.2025).

СЛТ – Словарь лингвистических терминов / авт.-сост. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. URL: https://D_E_Rozental_M_A_Telenkova_Slovar-spravochnik_lingvisticheskikh_terminov.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

Ожегов, Шведова – Толковый словарь русского языка / авт.-сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).

Е.А. Kozlova

PhD in Philology; Associate Professor,

Chair of the Russian language

Kaluga State University by K. Tsiolkovsky

Kaluga, Russia

Redundancy of Alogisms

The subject of the article is lexical redundancy considered on the basis of modern Russian speech. The purpose of the analysis is to detect lexical redundancy in alogisms based on words with antonymous semantics. The study, conducted on the basis of the structural-semantic approach, is based on the concept of B. Pottier. The article examines the semantic possibilities of alogisms that include words with opposed meanings. Euphemisms of official business speech, colloquial phrases, terms and terminological combinations are considered. Cases of lexically redundant use of words with opposite meanings are revealed, however, it is found that the use of antonymous words often leads to the emergence of new meanings, i.e. the development of the lexical-semantic system of the language. The findings supplement the knowledge of the semantics of statements: 1) there are a significant number of alogisms consisting of words with opposed semantics in the language, therefore, this phenomenon requires the attention of scientists; 2) in case of lexical redundancy, alogisms based on antonymy have no communicative value, since the semantics of the statement is zero, which means that the language in this case does not perform its main function; 3) often an alogism consisting of words with antonymous semantics carries a new meaning, which indicates the absence of redundancy as a "formal emptiness", which is confirmed by the active use of such new formations as terms and terminological combina-

tions in various areas of human life, which contributes to the development of language. The results of the study described in this article can be used in research and teaching activities related to lexicology and semantics.

Keywords: *speech redundancy; alogism; antonymy; types of contrasting words; development of the lexical-semantic system of language.*

REFERENCES

- Eremin A.N. Modern Russian language: vocabulary, lexical semantics, phraseology [Sovremennyi russkii iazyk: leksika, leksicheskaia semantika, frazeologiya]. Kaluga: KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2002. 160 p. (in Russian).
- Karinkina N.N. Antonymy as a conceptual category and the question of expressing opposition in language [Antonimiia kak poniatinaia kategoriia i vopros vyrazheniia protivopolozhnosti v iazyke]. *Bulletin of the Chuvash University*, 2004. No 1, pp. 150–154 (in Russian).
- Kliueva V.N. The problem of antonyms [Problema antonimov]. *Scientific notes of the 1st Moscow Pedagogical Institute of Foreign Languages*. Moscow: Moscow University Press, 1956. Vol. 9, p. 81 (in Russian).
- Kozlova E.A. Redundancy of linguistic units in modern Russian prose [Izbytochnost' iazykovykh edinit v sovremennoi russkoi proze]. *Bulletin of Kaluga University. Series 2: Research in Philology*, 2024. No (10), pp. 55–63 (in Russian).
- Kozlova E.A. Russian language. Culture of speech: textbook [Russkii iazyk. Kul'tura rechi (uchebnik)]. Kaluga: Eidos. 2024. 372 p. Vol. 1. Pod znakom Arkadii, pp. 99–100 (in Russian).
- Novikov L.A. Antonyms in Russian (semantic analysis of opposites) [Antonimiia v russkom iazyke (semanticheskii analiz protivopolozhnosti)]. Moscow: Prosveshchenie, 1973. 170 p. (in Russian).
- Russian-language jargon. Historical and etymological, explanatory dictionary of the criminal world [Russkoiazychnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii, tolkovyi slovar' prestupnogo mira]. Compiled by Z.M. Zugumov. Moscow: Knizhnyi mir, 2018. 728 p. (in Russian).
- Dictionary of World Literary Terms [Slovar' mirovykh literaturovedcheskikh terminov] Compiled by L.I. Timofeev. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 1979. 349 p. (in Russian).
- Dictionary of literary terms [Slovar' literaturovedcheskikh terminov]. Compiled by A.A. Indzhiev. Rostov n/D: Feniks, 2007. 224 p. (in Russian).
- Smirnova L.G. Evaluative dichotomy in the Russian language and its reflection in the literary text [Otsenochnaia dikhotomiia v russkom iazyke i ee otrazhenie v khudozhestvennom tekste]. *Issues of the Smolensk State University*, 2022. No 3(39), pp. 53–67 (in Russian).
- Suntsova M.V. Connotations of words with specific subject meanings [Konnotatsii u slov s konkretno-predmetnym znacheniem]. *Kazan science*. 2020. No 12, pp. 82–85 (in Russian).
- Pottier B. Les langues dans le monde. Le langage. Paris: Ed. SELAF, 1973, p. 226–249 (in French).
- The Great Russian Encyclopedia (GRE) [Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (BRE)] Available at: old.bigenc.ru/linguistics/ (accessed on February 2, 2025) (in Russian).
- National Corpus of the Russian Language [Natsional'nyi korpus russkogo iazyka]. Available at: ruscorpora.ru/ (accessed on February 3, 2025). (in Russian).
- Dictionary of Antonyms [Slovar' antonimov]. Available at: antonymonline.ru/ (accessed on February 6, 2025) (in Russian).
- Dictionary of linguistic terms [Slovar' lingvisticheskikh terminov]. Compiled by D.E. Rozental', M.A. Telenkova [SLT]. Available at: D_E_Rozental'_M_A_Telenkova_Slovar-spravochnik_lingvisticheskikh_terminov.pdf (accessed on February 6, 2025) (in Russian).
- Explanatory Dictionary of the Russian Language [Tolkovyi slovar' russkogo iazyka]. Compiled by Ozhegov, N.Iu. Shvedova. Available at: slovarozhegova.ru/ (accessed on February 1, 2025) (in Russian).

Ю.Е. Русакова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия

УДК 81–11

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-107-122

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНА В ИНТЕРНЕТ-СМИ (на примере онлайн-издания «Трамплин»)

Ключевые слова: *интернет-СМИ; медиаобраз региона; метонимическая модель; позитивный медиаобраз региона.*

В статье рассматривается специфика конструирования позитивного медиаобраза региона на примере омского интернет-издания «Трамплин». Материал исследования – более 4000 медиатекстов, опубликованных на сайте издания в период с 1 декабря 2020 года по 10 января 2025 года.

Цель статьи – характеристика тематической специфики и концепции интернет-издания «Трамплин», выявление базовых метонимических моделей, посредством которых «Трамплин» интерпретирует разные сферы жизни Омской области, создавая позитивный медиаобраз региона в сознании аудитории. При написании статьи использованы следующие методы: когнитивное моделирование, контент-анализ, интерпретативный, тематический, стилистический анализ текстов интернет-СМИ.

Сделаны выводы о том, что позитивный медиаобраз региона формируется посредством системы метонимических моделей с означаемым «Омск»: «Омск – город художников», «Омск – город искусства», «Омск – театральный город», «Омск – это киногород», «Омск – музыкальный город»; «Омск – центр перспективных научных разработок»; «Омск – кофейная столица»; «Омск – город женского предпринимательства»; «Омск – хоккейная столица», «Омск – спортивный город»; «Омск – город, стремящийся вернуть статус города-сада», «Омск – город эоактивистов»; «Омск – солнечный город», «Омск – город, в котором хорошо жить».

СМИ, в том числе и региональные, оказывают значительное влияние на восприятие адресатами различных событий. При этом, как отмечает Е.П. Прохоров, они должны давать полную картину действительности. Исследователь подчеркивает: публикация объективных данных свидетельствует о «семантической адекватности», то есть целеустремленной работе журналистов по конструированию «такой информационной модели действительности, которая позволяла бы массовой аудитории точно, глубоко, всесторонне ориентироваться в явлениях, процессах, тенденциях и закономерностях социальной жизни» [Прохоров, 2011, 49–50]. Очевидна и важность распространения в СМИ политематического контента, поскольку

«каждый слой аудитории, отбирая часть релевантной ему информации, должен получить все необходимые ... сведения» [Там же].

Эти требования соблюдаются далеко не всегда, в том числе из-за растущей ангажированности СМИ в цифровой среде, следствием которой становится сокращение полноты отображения действительности, распространение определенных точек зрения [Лазутина, 2018]. Вместе с тем термин «идеологическая ангажированность СМИ» не всегда связан с негативной оценкой: если транслируемые массмедиа смыслы в общем совпадают с преобладающими чертами общественного сознания и подкрепляются умонастроениями, формируется положительная тенденция, способствующая динамическому продвижению в рамках избранного курса [Олешко, 2000, 33].

В статье предпринята попытка реконструкции позитивного медиаобраза региона. Создание такого медиаобраза является актуальным для Омской области, так как на протяжении длительного времени назревала необходимость изменения стереотипных представлений об Омске с помощью нетривиальных методов информационной политики. Так, в 2016 году при реконструкции медиаобраза Омска не было обнаружено ни одной позитивной метонимической модели; в результате анализа были выделены только отрицательные модели, такие как «Омск – город-смерть», «Омск – город-помойка», «Омск – город без дорог», «Омск – город, который мы потеряли» и т.д. [Мальшева, 2016, 101]. Уже при первичном анализе интернет-издания «Грамплин» становится очевидным, что подобные модели в нем не являются актуальными.

Теоретическое обоснование исследования. Исследователи дают следующие определения термину «медиаобраз»:

– «особый образ реальности», который медиаиндустрия представляет массовому реципиенту [Богдан, 2007, 124];

– совокупность «эмоциональных и рациональных представлений», которые основаны на сведениях, получаемых из медиатекстов [Марущак, 2012, 93];

– «образ, который создается СМИ в сотрудничестве с разными сферами духовного творчества», выражая общественное сознание [Морозова, 2017, 18].

Очевидно, что понятие «медиаобраз» не имеет четких параметров и часто трактуется через термин «образ». И хотя понятийно-терминологический и методологический аппарат исследования медиаобраза еще не устоялся, интерес ученых к этому феномену продолжает расти. Так, становятся востребованными работы, посвященные реконструкции медиаобраза России [Богдан, 2007; Ермошина, 2014; Черничкин, Кривенко, 2023] и других стран [Нагибина, 2023; Фэй 2023; Юйси 2021], а также исследования, связанные с медиаобразами регионов и городов [Всеволодова, 2013; Солопова, Кошкарова, Сибиряков, 2022; Котелевская, Телевинова, 2023 и др.]. Отдельно выделим работы, в которых

осуществляется реконструкция медиаобраза Омской области, создание медиаобразов глав региона [Гриднев, 2016; Терских, Маленова, 2015; Малышева, 2016; Малышева, Рогалева, 2019 и др.].

Большинство исследователей обращается к пониманию медиаобраза с позиций когнитивной лингвистики, поскольку такой подход позволяет проводить комплексный анализ изучаемого объекта. Исходя из этого, в качестве рабочего определения мы принимаем следующее: **медиаобраз** представляет собой репрезентированный в текстах СМИ фрагмент информационной картины мира; относительно устойчивую и постоянно изменяющуюся модель объекта или явления реальности [Малышева, Гриднев, 2017, 58].

Медиаобраз конструируется посредством устойчивой системы медиатопиков, или **тематических доминант** – «тематических структур, вокруг которых естественно организуются все тексты массовой информации, или медиаконтент» [Добросклонская, 2008, 43]. Содержательно-аксиологический аспект регионального медиадискурса проявляется в **гипертемах** и **субтемах**, представленных в медиатекстах. Под гипертемой понимается основная тема, которая «может быть эксплицитно названа говорящим, но также может быть сформулирована на основе частных описаний» [Филиппов, 2003, 163]. При этом гипертемы репрезентированы спектром более частных тем – субтем, «которые задаются автором и детерминированы актуальными информационными поводами и/или представлениями» создателей определенного контента о содержательной специфике тематической доминанты – гипертемы [Малышева, Рогалева, 2022, 789].

Характеристика эмпирического материала и методологии исследования. Эмпирическую базу исследования составили более 4000 медиатекстов, созданных преимущественно в жанрах информационной заметки и информационной статьи и опубликованных на сайте издания «Трамплин» в период с 1 декабря 2020 года по 10 января 2025 года.

Предлагаемая методика исследования включает несколько этапов.

Первый этап – выявление гипертем и субтем, представленных в изучаемом издании, посредством контент-анализа тематических рубрик и поиска по ключевым словам. Частотный анализ позволяет классифицировать тематические доминанты, структурирующие дискурс медиаиздания, и представить их в виде системы тематических доминант СМИ.

Второй этап – описание содержательных, лексико-семантических и стилистических особенностей интерпретации тематических доминант в медиатекстах.

Третий этап – на основе выявленных тематических доминант реконструкция базовых когнитивных метонимических моделей, которые интерпретируют медиаобраз Омска, создаваемый в медиатекстах изучаемого медиа. В ходе анализа используется в числе прочих метод лингвокультурологического комментария.

Тематическая специфика регионального интернет-СМИ как основа для формирования медиаобраза региона. Интернет-издание «Трамплин» основано в 2020 году. Концепция СМИ представлена в следующей характеристике медиа: *Мы верим в будущее нашего города и его жителей.* Интернет-издание «Трамплин» характеризуется постоянными тематическими рубриками: «Город»; «Образование и наука»; «Культура»; «Подкасты».

При выделении **тематических доминант** важным критерием становится актуализация языковых единиц, которая осуществляется через частотность их употребления и разнообразие экспликации в текстах, репрезентированных в рамках исследуемого дискурса [Малышева, 2016, 30].

Тематические доминанты интернет-издания «Трамплин» представлены гипертемами *культура, бизнес, спорт, экология и наука.*

Наиболее частотными являются *культура, наука и бизнес*, что подтверждается наибольшим количеством публикаций по данным гипертемам – 2067, 755 и 520 соответственно.

Тематические доминанты *спорт* и *экология* менее частотны – 496 и 211 публикаций соответственно. Тем не менее эти темы значимы с точки зрения создания позитивного медиаобраза Омска.

Гипертема *культура* характеризуется набором таких субтем, как *искусство, театр, кинематограф и музыка.*

Самая частотная субтема отражает развитие *искусства* в регионе. Поиск по ключевому слову «искусство» выдал 621 медиатекст, опубликованный на сайте издания «Трамплин». Редакция популяризирует творчество местных художников, информирует аудиторию о мероприятиях: *В Омске впервые за 20 лет показывают картины Станислава Белова* (21.12.2022); *Сын омской художницы Августы Молодцовой открыл выставку ее работ* (10.08.2023). Такие материалы помогают формировать культурную идентичность и культурные тренды в регионе. «Трамплин» архивирует наследие Омской области, создавая ценный ресурс для будущих поколений.

Не менее востребована субтема, в которой интерпретируется *театральная жизнь* региона. Контент-анализ медиатекстов позволил выявить 496 публикаций с ключевым словом «театр». Частотность употребления этой лексемы свидетельствует о том, что редакция издания активно формирует образ Омска как города с развитой театральной культурой. Публикации «Трамплина», связанные с театром, представляют собой анонсы премьер, заметки о юбилейных датах, рецензии на постановки: *Омский музыкальный театр открывает 77-й творческий сезон премьерой музыкальной притчи* (08.09.2023); *Лицейский театр объявил о своем ребрендинге* (06.09.2024).

Еще одной востребованной **субтемой** на сайте проекта «Трамплин» является *кинематограф*. В ходе контент-анализа было выявлено 454 материала с ключевым словом «кино». Поясним, что речь идет как о публика-

циях, которые непосредственно связаны с развитием кинодела в Омской области, так и о материалах культурно-просветительского характера. Однако для нас наибольший интерес представляют контексты, связанные с городом: *Режиссер из Омска одним кадром за 4 ночи снял полнометражный фильм «MINSK»* (03.06.2021); *Фильм омского режиссера вошел в конкурсную программу фестиваля уличного кино* (11.07.2022).

Журналисты «Трамплина» освещают и **музыкальную жизнь региона**: информируют о концертах, альбомах местных групп, публикуют интервью с известными и восходящими звездами. Поиск по ключевому слову «музыка» выдал 438 публикаций, что свидетельствует о популярности данной субтемы. Все материалы характеризуются положительным аксиологическим модусом. Редакция целенаправленно продвигает мысль о том, что в Омске много талантливых музыкантов и молодых коллективов: *«Эрмитаж-Сибирь» приглашает на концерт по итогам большого отбора* (25.08.2022); *Омский Цой. Музыкант дает концерты, точь-в-точь повторяя манеру легенды* (22.01.2024).

В ходе анализа было выявлено 58 публикаций, которые опосредованно связаны с тематической доминантой *культура*. Эти материалы посвящены вопросам локального туризма, сохранению историко-культурного наследия и развитию моды в регионе.

Медiateксты, принадлежащие гипертеме *культура*, представлены преимущественно такими жанрами, как анонсы, заметки, репортажи и интервью. На уровне лексики публикации насыщены терминами художественной, музыкальной, театральной сферы и сферы кино (*экспозиция, живопись, выставка-конкурс, пластичный спектакль, полнометражный фильм* и др.). Вместе с тем журналисты используют эмоционально-оценочные слова и выражения: *яркие, воздушные работы, особенный юбилейный выпуск, захватывающий рассказ о фильмах, настоящее приключение* и т.д. В текстах, посвященных культурному развитию Омского региона, нередко применяются метафоры и эпитеты, усиливающие эмоциональное воздействие (*хрупкость бытия, огонь вдохновения, культурный мост, особый мир*). Синтаксис медiateкстов отличается разнообразием: сложноподчиненные конструкции обеспечивают логичность изложения; прямая речь экспертов придает публикациям живость и динамичность. Стилистически материалы ориентированы на широкую аудиторию, в них сочетаются разговорные и публицистические элементы. Разговорный стиль выражается в использовании личных обращений к аудитории (*Всем привет!, Мы творим для вас*), сленговых выражений и неологизмов, характерных для молодежной речи (*зумеры, бумеры, тусовка, крутой гоу-дэнс*).

Гипертему наука характеризуют такие **субтемы**, как *научные исследования и разработки омичей* (350 публикаций), а также *победы омских ученых в конкурсах* (248 публикаций). «Трамплин» акцентирует внимание на вкладе

омичей в развитие города как научного центра. Журналисты подчеркивают уникальность проводимых в городе исследований: *Омские беспилотники удивили экспертов – собственные электродвигатели и минимум импортных деталей* (26.01.2023); *Омские ученые придумали холтер-монитор, которому нет аналогов в мире* (18.03.2024). Остальные публикации в рамках гипертемы *наука* (155 публикации) представляют собой анонсы мероприятий, статьи об IT-индустрии, заметки об открытии программ дополнительного образования.

Характеризуя научное развитие Омской области, журналисты интернет-издания используют специальную терминологию (*ионное облучение, кристаллизация, химические соединения, пероксид водорода*). В ряде медiateкстов наблюдается избыточное количество научной лексики, что затрудняет восприятие информации (*Возможность применения метода «пассивации» оценивалась с помощью математического моделирования в программном продукте AnsysFluent*). Стилистически публикации ориентированы на информативность и четкость изложения фактов. В целом журналисты стремятся к научно-популярному повествованию.

Рассмотрим структуру гипертемы *бизнес*. В рамках данной гипертемы наиболее частотная *субтема* – *кофейный бизнес* (214 публикаций). «Трамплин» регулярно информирует о развитии предпринимательства в регионе, при этом самыми читаемыми являются публикации о работе кофеен в Омске. В последние годы в городе действительно наблюдается резкий рост числа специализированных кофеен. Омск становится площадкой для проведения кофейных фестивалей, что помогает ему поддерживать репутацию центра кофейной культуры Сибири: *В Skuratov Coffee проходит Матча Фест* (19.02.2021); *Кофейня COFFEE ANYTIME везде и повсюду, а стаканчик из «Эника» стал отличительной чертой омича* (25.09.2024).

Внутри гипертемы *бизнес* актуальной также является *субтема женского предпринимательства* (120 публикаций). Редакция напоминает читателям о важной роли женщин в бизнесе, опровергая существующие стереотипы о том, что мужчины более успешны в этой сфере. Интернет-издание освещает инициативы, направленные на развитие женского бизнеса, публикует кейсы омичек-предпринимательниц: *Уйти от работы по найму и открыть свое дело Анара Едыгенова и Алена Васильева смогли полгода назад* (28.09.2023); *Омичка Анна Каказей стала лидером американской международной компании по производству терапевтических эфирных масел* (05.01.2024); *Омички вошли в финал авторитетной национальной премии «Женщины России»* (23.11.2024). Еще 186 публикаций относятся к разным аспектам бизнеса: истории семейного бизнеса, материалы о ключевых отраслях региональной экономики, перспективных стартапах.

Тексты, связанные с бизнес-сферой, принадлежат преимущественно таким жанрам, как новостная заметка и интервью. Если новостные заметки отличаются использованием нейтральной лексики, то в интервью были выявлены

различные лексические и стилистические особенности. Например, активное использование личных местоимений с целью имитации диалога с адресатом (*Нам рассказывают, И сегодня мы будем говорить о развитии брендов*). Преобладает лексика, иллюстрирующая социально-экономические достижения (*премия, лауреаты, поддержка, активное участие*). В некоторых медиатекстах прослеживаются элементы аналитики. Для этой цели используются, например, сравнения (мужское и женское предпринимательство рассматриваются как *два разных полюса*). Частотны эпитеты и метафоры (*бережное отношение к традициям, самое минимальное вложение, творческий подход, культурный код, мы сами – бренд, идея фикс* и др.), риторические вопросы (*Почему появились все эти проекты?*). Тексты полны описания эмоций героинь: *Женский бизнес многогранен, как и сама женщина; Мы хотим что-то новое привнести в свою жизнь. Вдохновляемся сами и вдохновляем общество*.

Тематические доминанты *спорт* и *экология* являются менее частотными в «Трамплине», но их интерпретация также влияет на формирование позитивного медиаобраза Омска. Спортивную жизнь города журналисты связывают прежде всего с омской командой «*Авангард*» (226 публикаций), а также с *индивидуальными достижениями омских спортсменов на крупных турнирах и соревнованиях* (207 публикаций): *Кто хозяева Сибири? «Авангард» ждет горячий старт в матчах Кубка Гагарина* (27.02.2023); *«Авангард» возвращает себе статус топ-клуба КХЛ* (24.08.2023); *Омичка Елизавета Торубара наравне с сильнейшими автогонщиками страны успешно покоряет гоночные треки* (22.02.2024). Деятельность ХК «Авангард» оценивается в положительном свете, журналисты подчеркивают его значимость как символа региона. Победы команды приравниваются к успехам Омской области в целом, а неудачи воспринимаются в качестве стимула для работы. Что касается индивидуальных достижений омских спортсменов, о них адресатов, как правило, лишь кратко информируют, но инфоповоды выбираются исключительно позитивные.

Медиатексты, посвященные спорту, ожидаемо насыщены специализированной тематической лексикой: *КХЛ, плей-офф, трансферы, форвард*. Структура спортивных текстов всегда логична: сначала, как правило, описываются основные проблемы (*Звягин – это далеко не Хартли; Американец Коул Кэсселс совершенно не впечатлил*), затем формируются выводы и возможные пути решения сложностей (*Нашей команде явно предстоит делать целую серию кадровых решений, если она хочет затем выдать не один и не два победных матча кряду*). Публикации, связанные со спортом, насыщены экспрессивно-оценочной разговорной лексикой (*промахнулся, поплыли, разжился, плохо играет, залихорадило*).

Охарактеризуем тематическую доминанту *экология*, реализующуюся через субтемы *экоактивизм* (86 публикаций) и *озеленение города* (57 публика-

ций). На сайте «Трамплин» регулярно поднимаются вопросы, связанные с «зеленым» развитием региона. Журналисты проводят интервью с экоактивистами, освещая их проекты. Особое внимание уделяется темам озеленения территорий, реконструкции парков и скверов, борьбы с загрязнениями: *Однажды оличам удалось построить город-сад, и теперь главная задача – использовать этот опыт и создать новые условия для развития города* (28.08.2021); *Любопытная акция – «Бумага на дерево». Инициаторы принимают макулатуру и сдают на переработку. На вырученные средства покупают саженцы. В Омске уже появилось две небольших аллеи* (04.07.2024).

В остальных медиатекстах (68 публикаций) рассматриваются вопросы влияния экологии на здоровье людей, опыт других городов и стран по улучшению экологической ситуации.

Несмотря на общую тенденцию позитивной подачи информации, «Трамплин» все же указывает на наличие экологических проблем в регионе. Однако, согласно публикациям, власти осознают эти проблемы, разрабатывают меры для их урегулирования. Такой подход напоминает советскую журналистику, когда сложности порой признавались, но при этом подчеркивалось, что меры для их разрешения уже принимаются.

Представим фрагменты из материалов, в которых говорится о том, что экологические проблемы есть, но их либо уже решают, либо можно будет решить в будущем совместными усилиями: *Решением экологических задач в нашем городе занимаются инициативные группы, отдельные активисты, специалисты по устойчивому развитию, ученые, которые направляют силу научного знания для защиты экологических интересов горожан* (25.11.2020); *Город-сад возможен только тогда, когда каждый выйдет к себе во двор и поработает ручками* (29.06.2023).

В публикациях, где происходит констатация экологических проблем, чаще всего доминирующей является все же позитивная повестка, поскольку продвигается мысль о том, что жители вновь пытаются превратить Омск в «город-сад».

В текстах экологической направленности прослеживается употребление терминов, связанных с охраной природы (*особо охраняемые природные территории (ООПТ), природный рекреационный комплекс*), с биоразнообразием (*экосистема, антропогенное воздействие*). При этом часто используются эпитеты, метафоры и олицетворения (*заброшенная территория, зеленое наследие, зеленый уголок, настоящий город-сад, город оживает*). Встречаются и риторические вопросы: *Зачем забирать эту территорию у людей?; Почему люди путают парки с ООПТ?; Каким образом этот сад помогал Омску?* Во многих материалах наблюдается эмоционально-воздействующая составляющая – призывы журналистов к заботе о природе (*Каждый из нас может сделать мир чище*).

Нами также были выявлены медиатексты, объективирующие восприятие Омска его жителями. Так, регулярно публикуются мнения известных омичей, которые отмечают, что Омск является одним из лучших городов России с точки зрения перспектив личного и профессионального развития: *Представителем местного бизнеса на дискуссии стал Виктор Скуратов. Он считает, что Омск – самый лучший город на Земле: «В Омске огромное количество супер-талантливых людей»* (02.10.2021); *Сколько у нас художников в Омске, сколько вообще творческих известных людей из Омска... И Омск прекрасен, совершенно прекрасен* (01.03.2023); *...в Омске живет очень много людей, которые любят этот город и хотят в нем жить* (09.08.2021).

В ряде материалов Омская область характеризуется как регион с большим количеством солнечных дней в году. Этот фактор – один из элементов, повышающих привлекательность региона: *В Омске практически всегда светит солнце!* (02.02.2022); *Город красивый, солнечный и комфортный* (18.10.2023).

Итак, в тематической концепции интернет-издания акцент делается на темах, которые ориентированы на создание позитивных представлений аудитории о месте проживания. При этом отсутствуют тематические доминанты, способствующие негативизации медиаобраза. Такой подход характеризует стратегию, направленную на укрепление положительного восприятия региона (см. рис. 1).

■ Культура ■ Наука ■ Бизнес ■ Спорт ■ Экология

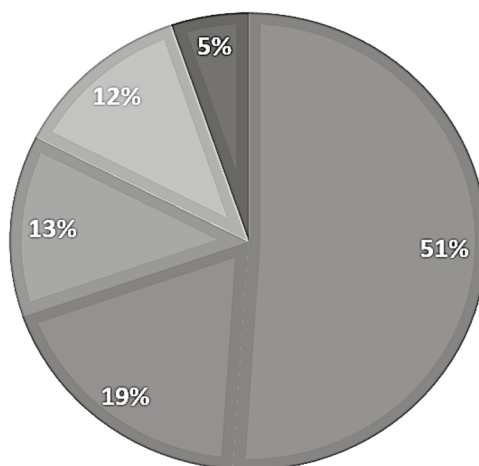

Рис. 1. Частотный анализ тематических доминант интернет-издания «Трамплин»

Система метонимических моделей с означаемым «Омск», объективированная в медиатекстах омского интернет-издания «Трамплин». Тематическая организация издания позволяет перейти к следующему этапу исследования репрезентации медиаобраза региона – выявлению и анализу

системы метонимических моделей, языковая экспликация которых позволяет создать медиаобраз с определенным аксиологическим модусом.

Под **метонимической моделью** мы вслед за Е.Г. Малышевой понимаем двухкомпонентную когнитивную структуру, организованную по принципу общеутвердительного (или частноутвердительного) атрибутивного логического суждения («S – это P», «S есть (суть) P»), где концепт-означаемое и концепт-означающее вступают в тождественные отношения, отношения перекрещивания или субординации [Малышева, 2016, 96].

Метонимическое моделирование медиаобраза Омска начнем с культурной сферы, ведь она наиболее широко представлена в изучаемых медиатекстах. Самой частотной субтемой здесь является искусство, следовательно, считаем возможным выделить метонимические модели **«Омск – город художников»** и **«Омск – город искусства»**. Многие омские СМИ избегают публикации большого количества материалов, посвященных искусству, ведь данный тип контента демонстрирует низкую востребованность среди читателей. Тематические доминанты многих региональных СМИ связаны с ДТП, криминалом, социальными проблемами. В этом контексте «Трамплин» приобретает уникальные характеристики: вопреки доминирующим тенденциям регионального медиадискурса, журналисты интернет-издания освещают темы творчества.

В результате частотного анализа выявлена метонимическая модель **«Омск – театральный город»**. Публикации о театре встречаются и в других СМИ региона, но в большинстве случаев акцент в таких материалах делается на громких премьерах. Отличительная черта «Трамплина» – расширение границ тематического освещения театральной сферы. Публикуются материалы о подготовке к спектаклям, создании сценического оформления, развитии молодых театров. «Трамплин» предоставляет аудитории принципиально новую информацию, которая либо полностью отсутствует, либо представлена в ограниченном количестве на других ресурсах.

Формируется еще одна метонимическая модель: **«Омск – это киногород»**. Такая концепция заложена в заголовок 50-го выпуска рубрики «ПРОкино»: *Почему Омск – это киногород? В анонсе к видеоматериалу сказано: Как оказалось, наш город не только театральный, но и кинематографический, и здесь регулярно снимаются новые картины* (20.09.2024). Тема омского кинематографа почти не освещается на сайтах других СМИ региона (более того, она не представлена в системе рубрики омских онлайн-изданий), в то время как «Трамплин» регулярно ведет рубрику «ПРОкино». В публикациях раскрывается малоизвестная широкому читателю информация, например, о том, как в Омске снимали фильмы ужасов и драматические кинокартины.

Издание «Трамплин» создает образ Омска как центра музыкальной культуры; формируется модель **«Омск – музыкальный город»**. Журналисты

уделяют внимание не только общеизвестным музыкальным мероприятиям, такими как «СимфоПарк» Омской филармонии, но и менее привычным явлениям. Так, в интернет-издании освещаются выступления малоизвестных музыкальных коллективов Омска («Печатная машина», «Янтарный оттенок», «Твоя бывшая») и проекты по созданию фолк-электроники.

Изучив публикации, посвященные научной жизни региона, считаем целесообразным выделение метонимической модели **«Омск – центр перспективных научных разработок»**. «Трамплин», в какой-то мере нарушая установленные правила региональной повестки дня, уделяет большое внимание научно-образовательным темам, подчеркивая, что в Омске есть множество перспективных разработок.

На основе частотного анализа гипертемы *бизнес* выделены метонимические модели **«Омск – кофейная столица»** и **«Омск – город женского предпринимательства»**. Многие омские интернет-СМИ регулярно подчеркивают экономический потенциал Омской области, но лишь «Трамплин» уделяет значительное внимание развитию кофейного бизнеса в регионе. Издание последовательно формирует образ Омска как кофейной столицы. Кроме того, уникальная особенность «Трамплина» – пристальное внимание к теме женского предпринимательства. Редакция поддерживает стремление все большего числа омичек создавать бизнес.

Тема спорта, безусловно, влияет на создание привлекательного медиаобраза региона. Рассмотрим выявленные нами метонимические модели **«Омск – хоккейная столица»** и **«Омск – спортивный город»**. Журналисты позитивно оценивают ХК «Авангард». При этом редакция избегает чрезмерной критики в случае неудач «Омских ястребов», внимание переносится на надежды, связанные с улучшением результатов в будущем. Интернет-издание формирует представление о том, что хоккей для Омска не просто вид спорта, а часть образа жизни многих жителей. «Трамплин» приводит конкретные имена и спортивные результаты омичей. Такая политика редакции направлена на популяризацию спорта среди жителей.

В рамках «экологического дискурса» формируются метонимические модели **«Омск – город, стремящийся вернуть статус города-сада»**, **«Омск – город эоактивистов»**. Их объективация в медиатекстах менее частотна. Тем не менее редакция интернет-издания популяризирует идеи озеленения и возвращения Омску статуса «города-сада». Журналисты утверждают, что «зеленое» развитие региона возможно лишь благодаря неравнодушным эоактивистам, деятельность которых преподносится как модная и востребованная.

Анализ частотных контекстов, в которых отражается общественное мнение об Омске, позволил выделить метонимические модели **«Омск – солнечный город»** и **«Омск – город, в котором хорошо жить»**. Данные модели редко транслируются другими региональными СМИ. Еще несколько лет назад

общественное восприятие города ассоциировалось с лозунгом «Не пытайтесь покинуть Омск», а журналисты акцентировали внимание на проблеме оттока из региона молодых и перспективных омичей. В «Трамплине» можно наблюдать изменение этого нарратива на более позитивную повестку.

Выявлено, что конструирование позитивного медиаобраза региона в СМИ требует комплексного подхода.

Важную роль в формировании медиаобраза играет система тематических доминант медиаизданий. Привлекательный медиаобраз региона создается за счет регулярной актуализации гипертем, характеризующихся положительным аксиологическим модусом. Установлено, что темы **культуры, науки, бизнеса, спорта и экологии** являются ключевыми для интернет-издания «Трамплин» и оказывают значительное влияние на конструирование позитивной повестки дня.

При этом медиаобраз Омска, конструируемый в «Трамплине», характеризуется фрагментарностью. Эта особенность объясняется избирательностью в освещении инфоповодов, поскольку редакция акцентирует внимание прежде всего на событиях с положительным аксиологическим модусом. Такой подход, с одной стороны, способствует формированию несколько предвзятого взгляда на Омскую область, но с другой – побуждает читателей сконцентрироваться на достоинствах региона, а не на недостатках.

Концепция, выбранная «Трамплином», представляется нам перспективной, ведь издание сознательно проектирует позитивный медиаобраз, чтобы удержать молодежь в регионе, акцентировать внимание адресата на привлекательности Омска.

На заключительном этапе исследования была выявлена система метонимических моделей с означаемым «Омск», объективированная в медиатекстах различной тематической направленности (см. рис. 2). Подчеркнем: регулярная трансляция данных моделей способствует конструированию специфической картины мира, когда у адресата медиаиздания формируется позитивный медиаобраз региона, в котором он проживает.

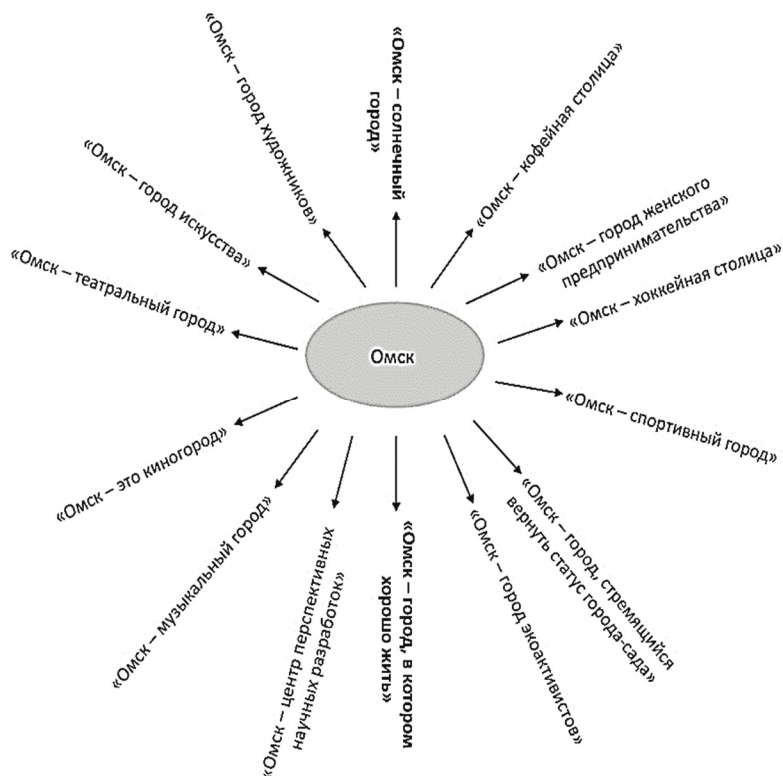

Рис. 2. Система метонимических моделей с означаемым «Омск»

ЛИТЕРАТУРА

- Богдан Е.Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 219 с.
- Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
- Ермошина С.И. Медиаобраз России в японских интернет-СМИ // Медиаисследования. 2014. № 1. С. 148–159.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
- Котелевская А.А., Телевинова Д.С. Медиаобраз Красной Поляны // Вопросы студенческой науки. 2023. № 3(79). С. 147–156
- Лазутина Г.В. Журналистика в информационном поле России: должное и реальное. М.: Аспект Пресс, 2018. 176 с. URL: <http://www.mediascope.ru/2447> (дата обращения: 12.12.2024).
- Мальшева Е.Г. Дискурс российских спортивных СМИ: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 272 с.
- Мальшева Е.Г. Моделирование медиаобраза Омска по данным современной блогосферы // Коммуникативные исследования. 2016. № 4(10). С. 92–106.
- Мальшева Е.Г., Гриднев Н.А. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиа-логия») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4(17). С. 57–61.
- Мальшева Е.Г., Роголева О.С. Спортивные подкасты в аспекте диалогической коммуникации // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9, № 4. С. 782–799.

Мальшева Е.Г., Рогалева О.С. Трансформация медиаобраза «Губернатор» в массово-информационном региональном дискурсе Омской области (2003–2019 гг.) // Политическая лингвистика. 2019. № 4(76). С. 45–53.

Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93–96.

Морозова О.В. Речевые способы формирования образа России в российских и американских СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 150 с.

Нагибина И.Г. Медиаобраз США в китайских СМИ: стратегия дискредитации политического противника // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 4. С. 109–118.

Олешко В.Ф. Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 194 с.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.

Солопова О.А., Кошкарова Н.Н., Сибиряков И.В. Медиаобраз Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 9–26.

Терских М.В., Маленова Е.Д. Медиаобраз Сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск: ЛИТЕРА, 2015. 160 с.

Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 336 с.

Фэй Л. Медиаобраз Китая в российской прессе (на примере материалов «Российской газеты») // Медиа@льманах. 2023. № 6. С. 60–69.

Черничкин Д.А., Кривенко А.И. Медиаобраз России в казахстанских телеграм-каналах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т.19, № 4. С. 565–586.

Юйси Му. Языковые средства формирования медиаобраза Китая в русскоязычных интернет-текстах (на примере блогов о китайской опере) // Филология и человек. 2021. № 1. С. 169–177.

ИСТОЧНИКИ

<https://tramplin.media/> (дата обращения: 09.11.2024).

Y.E. Rusakova

Postgraduate Student,

Chair of Journalism of Media Linguistics,

Omsk State University F.M. Dostoevsky

Omsk, Russia

Formation of a Positive Media Representation of the Region in Online Media (Based on the Example of the Online Edition «Tramplin»)

The article explores the construction of a positive media representation of the Omsk region using the online publication «Tramplin» as a case study. The research is based on over 4,000 media texts, primarily news notes, interviews, articles, and reports, published between December 1, 2020, and January 10, 2025.

The goal is to characterize the thematic features and concept of «Tramplin» and identify the key metonymic models through which it interprets aspects of life in the Omsk region, shaping a positive media representation in the audience's perception.

Methods include cognitive modeling, content analysis, and interpretative and thematic analysis. The study progressed through the following steps: analyzing the concept of «Tramplin», identifying thematic dominants, forming a text corpus, determining metonymic models, and interpreting these models.

Conclusions were made that a positive media representation of the region is formed through regular reference to the following metonymic models such as «Omsk is a city of artists», «Omsk is a city of art», «Omsk is a theater city», «Omsk is a film city», «Omsk is a music city»; «Omsk is a center of promising scientific developments»; «Omsk is the coffee capital»; «Omsk is a city of female entrepreneurship»; «Omsk is the hockey capital», «Omsk is a sports city»; «Omsk is a city striving to regain the status of a garden city», «Omsk is a city of eco-activists»; «Omsk is a sunny city», «Omsk is a city where it is good to live».

Keywords: *Internet media; media representation of a region; metonymic models; positive media representation of the region.*

REFERENCES

Bogdan E.N. Media image of Russia as a means of consolidation of society: structural and functional characteristics [Media obraz Rossii kak sredstvo konsolidacii obshchestva: strukturno-funkcional'nye harakteristiki]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2007. 219 p. (in Russian).

Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: a systematic approach to studying the language of the media (modern English media speech) [Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya anglijskaya media rech)]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 263 p. (in Russian).

Ermoshina S.I. Media image of Russia in Japanese online media [Media obraz Rossii v yaponskih internet-SMI]. *Media research*, 2014. No 1, pp. 148–159 (in Russian).

Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi]. Moscow: LKI, 2008. 288 p. (in Russian).

Kotelevskaya A.A., Televinova D.S. Media image of Krasnaya Polyana [Media obraz Krasnoj Polyany]. *Questions of student science*, 2023. No 3(79), pp. 147–156 (in Russian).

Lazutina G.V. Journalism in the information field of Russia: due and real [Zhurnalistika v informacionnom pole Rossii: dolzhnoe i real'noe]. Moscow: Aspect Press, 2018. 176 p. Available at: <http://www.mediascope.ru/2447> (accessed on December 12, 2024) (in Russian).

Malysheva E.G. Discourse of Russian sports media: monograph [Diskurs rossijskih sportivnyh SMI: monografiya]. Omsk: Publishing house of Omsk State University, 2016. 272 p. (in Russian).

Malysheva E.G. Modeling the media image of Omsk based on data from the modern blogosphere [Modelirovanie mediaobraza Omska po dannym sovremennoj blogosfery]. *Communicative research*. 2016, No 4(10), pp. 92–106 (in Russian).

Malysheva E.G., Gridnev N.A. Reconstruction of the media image of Omsk (based on the texts of regional television mass information discourse and data from the resource «Medialogy») [Rekonstrukciya media obraza Omska (na materialte kstovregional'nogotelevizionnogomassovo-informacionnogodiskursaidannyh resursa «Medialogiya»)]. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities research*. 2017, No 4 (17), pp. 57–61 (in Russian).

Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Sports podcasts in the aspect of dialogical communication [Sportivnye podkasty v aspekte dialogicheskoj kommunikacii]. *Communicative studies*. 2022. Vol. 9. No 4, pp. 782–799 (in Russian).

Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Transformation of the media image «Governor» in the mass information regional discourse of the Omsk region (2003-2019) [Transformaciya mediaobraza «Gubernator» v massovo-informacionnom regional'nom diskurse Omskoj oblasti (2003–2019 gg.)]. *Political linguistics*, 2019. No 4(76), pp. 45–53 (in Russian).

Marushchak A.V. Political and social image of Russia in the American media space [Politiko-social'nyj obraz Rossii v amerikanskom media prostranstve]. *Journalistic yearbook*, 2012. No 1, pp. 93–96 (in Russian).

Morozova O.V. Speech methods of forming the image of Russia in Russian and American media [Rechevye sposoby formirovaniya obraza Rossii v rossijskih i amerikanskih SMI]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Saratov, 2018. 150 p. (in Russian).

Nagibina I.G. Media image of the USA in Chinese media: strategy of discrediting a political opponent [Media obraz SSHA v kitajskih SMI: strategiya diskreditacii politicheskogo protivnika]. *Terra Linguistica*. 2023. Vol. 14. No 4, pp. 109–118 (in Russian).

Oleshko V.F. Modeling in journalism: theory, practice, experience [Modelirovanie v zhurnalistike: teoriya, praktika, opyt]. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2000. 194 p. (in Russian).

Prokhorov E.P. Introduction to the Theory of Journalism [Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki]. Moscow: Aspect Press, 2011. 351 p. (in Russian).

Solopova O.A., Koshkarova N.N., Sibiryakov I.V. Media image of Chelyabinsk in the British media discourse of the first half of the 20th century [Media obraz Chelyabinska v britanskom media diskurse pervoj poloviny XX veka]. *Bulletin of RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2022. Vol. 13. No 1, pp. 9–26 (in Russian).

Terskih M.V., Malenova E.D. Media image of the Siberian region: linguocognitive modeling [Media obraz Sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie]. Omsk: LITERA, 2015. 160 p. (in Russian).

Filippov K.A. Text linguistics [Lingvistika teksta]. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2003. 336 p. (in Russian).

Fei L. Media image of China in the Russian press (based on materials from the RossiyskayaGazeta newspaper) [Mediaobraz Kitaya v rossijskoj presse (na primere materialov «Rossijskoj gazety»)]. *Media@lmanakh*. 2023. No 6, pp. 60–69 (in Russian).

Chernichkin D.A., Krivenko A.I. Media image of Russia in Kazakhstani telegram channels [Media obraz Rossii v kazahstanskih telegram-kanalah]. *Political expertise: POLITEX*. 2023. Vol. 19. No 4, pp. 565–586 (in Russian).

Yuxi Mu. Linguistic means of forming the media image of China in Russian-language Internet texts (using blogs about Chinese opera as an example) [Yazykovye sredstva formirovaniya media obraza Kitaya v russkoj azychnyh internet-tekstah (na primere blogov o kitajskoj opere)]. *Philology and Man*, 2021. No 1, pp. 169–177 (in Russian).

Р.В. Белютин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-123-132

ФУТБОЛ КАК РЕЛИГИЯ: О ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДВУХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ В НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: *дискурс; спортивный дискурс; футбол; религия; метафора; коммуникация.*

В статье рассматриваются точки пересечения спортивного и религиозного дискурсов в немецкой этнолингвокультуре. В качестве примера берется концептуальная сфера «Футбол», поскольку данный вид спорта остается в Германии самым популярным и «культовым» – как по количеству играющих в футбол, так и по числу представителей футбольной фанатской субкультуры. На примере фактов, представленных в немецкой этнолингвокультуре (поведенческая модель фанатов, включая ее вербальную составляющую, религиозизация спортивных реалий в медийном дискурсе, клубная философия и др.), обосновывается правомерность утверждения, что футбол в Германии фактически оказывается одним из вариантов религии, берет на себя ряд ее значимых функций. Представленные примеры показывают, что в немецком индивидуальном и коллективном сознании прочно укоренилась базовая когнитивная модель «Футбол – это Религия», обладающая вариативным пулом денотативных и сигнификативных дескрипторов. Помимо этого, обращает на себя внимание присутствие сакральных элементов в самых разных текстотипах, организующих порядок спортивного (футбольного) дискурса: спортивных комментариях, репортажах, аналитических обзорах, дневниках футбольных фанатов, футбольных анекдотах и др. В заключение обозначаются перспективы дальнейшего исследования проблематики – выход в другие спортивные коммуникативные пространства, контрастивный анализ, предполагающий параллельное изучение вопроса в разных языках с целью установления универсальных и специфических признаков интеграции концептуальных областей «Спорт» и «Религия».

В последние годы не ослабевает интерес специалистов разных научных областей к изучению феномена спорта и примыкающих к нему коммуникативных пространств. В одной из своих публикаций социолог О.В. Кильдюшов пытается обратить внимание научного сообщества на то, что «тематический комплекс “спорт”, телесные практики модерна и связанные с ними социальные среды и контексты представляют собой предметные

поля, важные и интересные с точки зрения социально-теоретического анализа жизни современных обществ в целом» [Кильдюшов 2013]. Разделяя данную точку зрения и проецируя сказанное ученым на проблематику настоящего исследования, выведем в отдельный профиль и религиозные практики модерна, которые в эксплицитной или имплицитной форме влияют на конститутивные параметры многих социальных институтов и обслуживающих их дискурсивных практик.

Продолжает активно обсуждаться вопрос о корреляциях спорта и религии, масштабах религиозизации спорта и спортизации религиозного дискурса. С.А. Абдуллкаримов, детально изучивший истоки зарождения и развития спорта, сформулировал идею, послужившую, по сути, отправной точкой для нашего исследования: «Как свидетельствуют многие исследования, на Западе для многих спортсменов и заядлых болельщиков спорт уже давно стал своеобразной формой религии, а крупные спортивные состязания превратились в своего рода религиозное священнодействие, которое способно привлекать на спортивные арены и к экранам телевизоров и компьютеров миллионы болельщиков и зрителей, превращая весь мир на некоторое время в одну “глобальную деревню”» [Абдуллкаримов, 2007].

О самих массах, наполняющих стадионы, зарубежный исследователь Х.-У. Гумбрехт также говорит через религиозные аллюзии: «Die manchmal Hunderttausende von Menschen, die zusammenkommen, um etwa einer Papst-Messe beizuwohnen, verbindet gewiss eine Reihe von Affinitäten mit den Stadion-Massen»¹ (Те сотни тысяч человек, которые иной раз собираются вместе, чтобы присутствовать на мессе Понтифика, несомненно, обнаруживают целый ряд общих черт с теми, кто приходит созерцать футбольные матчи) [Gumbrecht, 2020, 28].

Достаточно убедительно звучат слова В.А. Корнеевой и А.В. Волкова, утверждающих, что «эти формы социального бытия обладают большими перспективами и выгодами сотрудничества», «факты сотрудничества и транзакций очевидны» [Корнеева, Волков].

В данной статье мы рассмотрим случаи пересечения спортивного и религиозного дискурсов в немецкой этнолингвокультуре, выбрав в качестве иллюстративного примера футбольный дискурс, обладающий, по нашим наблюдениям, наибольшим количеством религиозных проекций, аллюзий, интертекстуальных вкраплений.

О стремлении немцев соотносить футбол и религию свидетельствуют многие факты, причем не только лингвистические.

С 2003 года в Германии благодаря клубу «Унион» и его болельщикам зародилась традиция с названием «Рождественские встречи». Суть ее в том, что каждый год 23 декабря футбольные фанаты собираются на стадионе и

¹ Здесь и далее пер. мой.

поют рождественские гимны. Длится мероприятие 90 минут, как футбольный матч. На первом мероприятии присутствовало 89 человек, вход был свободный. Сейчас «Унион» из-за невероятного ажиотажа вынужден продавать билеты и разыгрывать часть из них в лотерею. Идея оказалась настолько популярной, что проводить свои Рождественские встречи стали и другие немецкие клубы.

О масштабности этого футбольно-религиозного проекта говорит созданная «тематическая» карта Германии, на которой нанесены города и стадионы – места проведения Рождественских встреч в 2024 году (<https://www.pro-medienmagazin.de/weihnachtssingen-adventssingen-2024im-stadion-diese-vereine-machen-mit-liste-uebersicht/>).

Своеобразной конвенцией, ритуалом становятся в Германии литургии, которые по договоренности с представителями футбольных клубов священнослужители проводят для игроков, болельщиков перед стартом чемпионата, принципиальными поединками (дерби и т.п.), кубковыми встречами и т.п.

Рассмотрим информационный контент, размещенный на официальном сайте администрации Кельнского собора:

«Wir freuen uns auf alle, die mitbeten und mitfeiern möchten, egal ob katholisch oder evangelisch, FC- oder Schalke-Fans. Unsere Domschweizer heißen selbst Bayern-Fans herzlich willkommen» (Мы будем рады приветствовать в соборе всех, кто хотел бы вместе с нами молиться и разделить праздничное настроение, независимо от того, какую веру вы исповедуете – католическую или евангелическую, являетесь ли вы фанатом «Кельна» или «Шальке». Служители нашего собора самым радушным образом встретят даже фанатов «Баварии»).

«einige Stunden vor dem ersten FC-Heimspiel der neuen Bundesliga-Saison versammeln sich am Sonntag, 7. August, um 13.30 Uhr wieder vor allem FC-Fans in Trikots und Schals im Dom – zur traditionellen “Andacht für alle Fußballfreunde”» (За несколько часов до первой игры «Кельна» в новом сезоне бундеслиги, в воскресенье, в 13.30, в соборе соберутся наши фанаты – с символикой клуба – в футболках и с шарфами на традиционный молебен для всех, кто любит футбол).

Религиозными мотивами и мировидением пропитана клубная философия «Шальке 04».

Стадион, на котором «Шальке» проводит свои домашние матчи, именуется не иначе как «футбольный храм» (Fußballtempel). При стадионе есть часовня, а папа римский Иоанн Павел II был официальным членом клуба.

За последние годы практически бестселлерами стали книги популярного журналиста и телевизионного ведущего Д. Каделя – многолетнего поклонника команды из Гельзенкирхена.

Рис. 1. «С Богом на нашем стадионе»

Рис. 2. «Библия Шальке»

В этих книгах (рис. 1, 2) («С Богом на нашем стадионе» и «Библия Шальке») есть свой, клубный Ветхий и Новый завет, молитвы, исповеди футбольных функционеров, футболистов, фанатов о своем отношении к Богу и т.п.

Обращает на себя внимание название фэнзина, издаваемого фанатами «Шальке 04» (Schalke unser), в котором нетрудно декодировать реминисценцию первой строки главной молитвы верующего человека «Отче наш» (Vater unser).

Завершая перечисление связанных с «Шальке» религиозных сценариев, нельзя не выделить еще один сакральный элемент в клубной истории. Дело в том, что с недавнего времени примерно в одном километре от домашнего стадиона «королевских синих» открыто клубное кладбище. Площадь кладбища, оформленного в виде стадиона с бело-синей символикой, составляет около 4 тысяч квадратных метров. На нем будут расположены ровно 1904 могилы – магическое число, отсылающее к дате основания «Шальке». Особо преданные поклонники клуба из Гельзенкирхена, желающие продемонстрировать связь с командой после своей смерти, могут резервировать себе места стоимостью более пяти тысяч евро. Особенным «спросом» пользуется номер могилы «597»: в мае (пятом месяце) 1997 года «Шальке», не так часто радуя своих фанатов победами в больших турнирах (а сейчас команда играет во втором дивизионе без особых шансов на повышение в классе и борьбу за европейские клубные титулы), завоевал престижный трофей – кубок УЕФА.

Вообще, в продолжение разговора о немецких футбольных фанатах, подчеркнем, что их коллективная картина мира особенно выделяется на общем «футбольном» фоне своей религиозностью, элементами магического, трансцендентального и т.п.

Исследователи П. Кардоф и К. Веттгер обращаются к далекому 1958 году и размещают фотографию, на которой болельщики одного из футболь-

ных клубов, которому предстояло сразиться в решающем поединке за повышение в классе, проходят на стадион с плакатом «Es ist Gottes Wille, der Sieger kommt von der Bille» (Воля Господа такова, что победителем будет команда, чей город расположен на реке Билле).

Фактически прецедентной считается в Германии ситуация коммуникативного «вмешательства» фанатов немецкого клуба «Шальке 04» в дискурс известного евангелиста-проповедника Б. Грэма, который в 60-х годах прошлого столетия прибыл в Рурский регион с религиозной миссией. На рекламных плакатах, информировавших жителей Гельзенкирхена о визите Грэма, можно было прочесть его знаменитую фразу «An Gott kommt keiner vorbei» (Никто не избегнет Бога, каждый испытает его).

Судя по всему, организаторы данного мероприятия были не в курсе того, что в Гельзенкирхене уже сотворили своего кумира, Бога (Flankengott) – игрока местного клуба Р. «Стэн» Либуду – за мощные фланговые прорывы, филигранную технику паса, фантастический дриблинг. Поэтому мало кто в Гельзенкирхене удивился, когда на афише чьей-то болельщицкой рукой к «божественной» фразе было добавлено «Außer Stan Libuda» (Только одному Стэну Либуде это под силу).

Оригинальным по своему оформлению и содержанию является баннер (рис. 3), размещенный на одном из сайтов болельщиков «Боруссии». В данном случае для «расправы» со своими визави фанаты из Дортмунда решили обыграть лексему, обозначающую название города «Gelsenkirchen», задействуя ресурсы религиозного дискурса. Дело в том, что второй компонент слова «Gelsenkirchen» в своей звуковой и графической оболочке омонимично отсылает к религиозной тематике (Kirchen – церкви). Коммуникативная интенция фанатов видится в следующем: они будут толерантно относиться к любому из понятий, коррелирующих с «Kirchen» и обозначающих ту или иную веру (католическая, евангелическая, новоапостольская), но никогда не примут «сектантское» движение, зародившееся в Гельзенкирхене.

Рис. 3. Баннер на сайте болельщиков «Боруссии»

Большой популярностью в фанатской среде пользуются анекдоты, создаваемые, как правило, самими фанатами для высмеивания отдельных игроков, команды, судей, «чужих» болельщиков и др. Нередко футбольные темы осмысляются через религиозные контексты.

«“Herr Pfarrer”, fragt Lothar Matthäus, “ist es eine Sünde, wenn ich sonntags Fußball spiele?” – “Das nicht, aber wie Du spielst!”» (– Господин священник, – спрашивает Лотар Маттеус, – а является ли грехом то, что по воскресеньям я играю в футбол? – Нет, сын мой, то, что ты играешь, – нет, а вот то, как ты играешь, – да!).

«Der erfolglose Mittelstürmer steht im Himmel vor Petrus. Fragt ihn der ganz erstaunt: “Wie hast Du denn das Tor gefunden?”» (Полузащитник, у которого затянулась безголевая серия, оказывается в Царствии небесном и предстает перед апостолом Петром. Апостол спрашивает его, очень сильно удивляясь: «Как ты вообще нашел ворота?»).

«Wann wurde Schalke 04 zum ersten Mal schriftlich erwähnt? – Schon im alten Testament! Sie trugen seltsame Gewänder und irrten planlos umher» (Die besten Schalke-Witze, <https://deine-mutter-witze.net/schalkewitze.html>) (– Когда состоялось первое письменное упоминание о «Шальке 04»? – Да уже в Ветхом Завете. Вот послушай: «Они были облачены в странные одеяния и бесцельно бродили по местности»).

Креативность немецких футбольных фанатов в создании религиозных метафор и их адаптации в спортивном дискурсе практически не знает границ. Благодаря своей фантазии и лингвистическому чутью фанаты находят точки соприкосновения футбола с религией даже в Библии.

Так, немецкий теолог и преданный поклонник футбольного клуба «Айнтрахт» Д. Шторк отыскал в Библии и «приспособил» к футбольной тематике следующую фразу:

«Psalm 133.1. Seht doch, wie gut und schön ist es, wenn Brüder miteinander in Eintracht wohnen» (Псалом 133:1 Как хорошо и приятно, когда братья меж собой в согласии живут).

В речевках фанатов также не обходится без религиозной тематики:

«FC Union, du sollst leuchten! Wie der hellste Heiligenschein!» (ФК Унион, ты должен светить, и это должно быть самое мощное духовное сияние!).

«Carlo Werner – Fußballgott» (Карл Вернер – наш футбольный Бог!)

Другие участники футбольного дискурса, в частности спортивные СМИ, стараются поддерживать «религиозную» линию в отношении футбола и околофутбольных реальностей и реалий, поэтому не случайными, а прочно укоренившимися в языковом сознании метафорами можно считать следующие концептуальные наложения:

«Eines ist so sicher wie das Amen in der Kirche: Alle zwei Wochen pilgert der eiserne Anhang durch die Republik, scheut dabei keine Kosten und Mühen» (Это такой же ритуал, как «Аминь» в церкви: каждые две недели фанаты

«Унион» отправляются (букв. совершают паломничество) в другие города Германии на матчи, их не пугают расходы, им не страшна усталость).

«Die Allianz Arena in München ist ein wahrer Fußball-Tempel» (Альянц-Арена в Мюнхене – это настоящий футбольный храм).

Представленный обзор был бы неполным без оригинального по замыслу и исполнению «произведения» одного из фанатов футбольного клуба «Боруссия» (Дортмунд). Фасцинированность текста в том, что в нем все футбольные реалии (имена игроков, тренеров, менеджеров, обозначение статуса соревнования и пр.) осмысливаются и репрезентируются через религиозные понятия, вследствие чего стандартное футбольное событие рассматривается с перспективы сакрального, божественного, трансцендентного.

Из-за ограничений, накладываемых на объем статьи, приведем фрагмент данного текста.

«**Weißer Rauch** über dem Westfalenstadion. Angeführt werden die hiesigen Teilnehmer von **Vorsteher** Roman I., der in Abwesenheit von Abt Sebastian V., dessen Rippe aus Fortpflanzungsgründen zurzeit nicht zur Verfügung steht, die Bürde der **religiösen Führung** der Dortmunder **Tempelritter** übernimmt. Ihm zur Seite in der Verteidigung des **Glaubens** steht unter anderem der brasilianische **Hohepriester** Felipe XXVII., der sich zuletzt in der Auseinandersetzung mit Vertretern einer prunkvoll ausgestatteten **Ostkirche** auch offensiv wuchtig einzusetzen wusste. Mit Spannung erwartet wird daneben der erste Auftritt der berühmten Byzantiner Doppelsechs aus Ilkay VIII. und Nuri XVIII. Beide fielen in der Vergangenheit vor allem durch messerscharfe Argumente auf; Steilvorlagen speziell für die bekanntermaßen glaubensfesten polnischen Vertreter im **Konklave**».

Итак, проведенный анализ эмпирического материала показал, что в немецкой этнолингвокультуре в качестве базовой оформилась и закрепились когнитивная модель «Футбол – это Религия». Религиозный дискурс располагает своими особыми концептами, и эти концепты активно привлекаются для обозначения, интерпретации, оценки событий, явлений, фактов, прямо и опосредованно связанных с футболом. При этом задействован обширный диапазон религиозных понятий – начиная с концептов, ассоциативное поле которых неизбежно остается в рамках религиозных ассоциаций (*Gott, Sünde, Glaube* и др.), далее через подключение лексических единиц, первоначально возникших в рамках религиозного дискурса, а затем вышедших за указанные рамки (*Tempel, Paradies, Hoelle* и др.), заканчивая концептами, экспортированными в религиозное коммуникативное пространство из общечеловеческой коммуникации (*Wunder, Gebot, Liebe* и др.) среди прочих типов институционального общения.

Необходимо заметить, что границы между субдискурсами немецкого футбольного коммуникативного пространства иногда несколько размыты, взаимопроницаемы и условны, что не всегда возможно с точностью определить «поставщика» религиозных метафор: это могут быть спортивные

СМИ, у которых футбольные фанаты, сами футболисты, тренеры, функционеры заимствуют религиозные сравнения; возможен вариант, когда «творцами» подобных формулировок выступают футбольные фанаты, а другие участники футбольного дискурса, обращая внимание на популярность тех или иных образов, «копируют» их и начинают использовать для решения своих коммуникативных задач.

Перспективным представляется дальнейшее изучение «религиозной» составляющей футбольного, и шире – спортивного, дискурса в немецкой этнолингвокультуре. Началом для развития данного направления могло бы стать обращение к анализу контента на сайте Олимпийской спортивной конфедерации Германии (DOSB), на котором достаточно много подобных прецедентов:

«Dass der christliche Glaube in Bewegung bringt, unterstreichen Olympiapfarrer Thomas Weber und die drei Stadionpfarrer... mit Gebeten, Liedern und der Predigt» (О том, что христианская вера побуждает к занятиям физкультурой и спортом, через молитвы, церковные песнопения и проповедь поведают духовник Олимпийской конфедерации Т. Вебер и три священнослужителя при часовне на стадионе).

Интересным направлением станет рассмотрение данной проблематики в сопоставительном аспекте, через выявление зон совпадения и расхождения в концептуализации спорта через религиозные термины в разных этнолингвокультурах. Наши предварительные наблюдения показывают, что в русской языковой картине мира немало случаев встраивания религиозных понятий и мотивов в футбольную коммуникацию.

«... вот не удивлюсь, когда появится новая религия – бамжы голубого дня ... и это их Дзюба нас, спартачей назвал сектантами ...».

«Игра зрелищная, но “Тамбов” забил два гола, а мы могли забить три-четыре, но получилось только один. Сегодня футбольный бог был несправедлив к нам, – считает Сергей Передня».

ЛИТЕРАТУРА

Абдулкаримов С.А. Спорт в культурно-исторической перспективе: между сакральным и профанным // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 160–169. URL: file:///C:/Users/%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%8E%D0%BB%D1%8F/Downloads/eoarchive_abdulkarimov_2007_4.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.

Кильдюшов О.В. Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики // Логос. 2013. Т. 95, № 5. С. 43–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-delo-filosofii-ob-evristicheskoy-tsennosti-novoy-analiticheskoy-optiki> (дата обращения: 05.02.2025).

Корнеева В.А., Волков А.В. Спортивный дискурс soft power в религиозной политике современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnyy-diskurs-soft-power-v-religioznoy-politike-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 01.04.2025).

Gumbrecht H.-U. Crowds: Das Stadion als Ritual von Intensität. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 2020.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

<https://witze.wvpa.com/post/Herr-Pfarrer-fragt-Lothar-Matthaus-ist-es-eine-Sunde-wenn-ich-sonntags-Fussball-spiele>).
<https://www.sv-michelbach.de/sport/fussball-aktive/fussballwitze>).
<https://rundfunk.evangelisch.de/hoffen-und-bangen-14166>).
<https://www.anpfiff.info/sites/cms/artikel.aspx?SK=1&Btr=703>).
<https://www.berliner-kurier.de/union/bitter-dfb-bringt-fans-des-1-fc-union-ums-abenteuer-dortmund-li.2295756>).
<https://www.tz.de/sport/fc-bayern/allianz-arena-nfl-spiele-usa-american-football-stadion-fc-bayern-muenchen-zr-90798364.html>).
<https://www.dosb.de/aktuelles/news/detail/feuer-und-flamme>).
<https://www.dvnovosti.ru/sport/2018/08/13/86815>.

R.V. Belyutin

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of the German language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Football as a Religion: on the Overlap of Two Conceptual Areas in the German Ethnolinguistic Culture

The article considers the overlap of sports and religious discourses in the German ethnolinguistic culture. The sphere of concepts of 'Football' is taken as an example because this sport remains the most popular and prevailing in Germany when counting both – people playing it and supporting its players within football fans subculture. Using the instances presented in the German ethnolinguistic culture (fans' behavioural pattern, including its verbal component, religionizing sports specific elements in media discourse, club philosophy, etc.) the paper justifies the statement about football in Germany being in fact one of the variants of religion and about its performing one of the crucial functions of religion. The given examples show that in the German individual and collective identity there has been established a fundamental cognitive pattern «Football is Religion», which possesses a variable set of denotative and significative descriptors. Beyond that, conspicuous is the fact that there are sacred elements in diverse types of text organizing the order in the sports (football) discourse: sports casting, play-to-play broadcasts, fanzines, football jokes and others. In conclusion the paper specifies directions for further research into the subject matter – to explore other communicative areas, contrastive analysis implying parallel studying the topic in different languages in order to find universal and differential features of the conceptual spheres 'Sport' and 'Religion'.

Keywords: discourse; sports discourse; football; religion; metaphor; communication.

REFERENCES

Abdulkarimov S. A. Sports in the Cultural-Historical Perspective: Between the Sacred and the Profane. [Sport v kul'turno-istoricheskoy perspektive: mezhdu sakral'nym i profannym]. *Ethnographic Review*, 2007, No 4, pp. 160–169. Available at: file:///C:/Users/%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%8E%D0%BB%D1%8F/Downloads/eoarchive_abdulkarimov_2007_4.pdf (accessed on February 6, 2025) (in Russian).

Belyutin R. V. A Study on Pragmatic and Semantic, Linguistic and Mental Projections of the German Sports Discourse [Pragmasemanticheskie i lingvomental'nye proekcii nemeckogo sportivnogo diskursa: monografiya]. Smolensk, 2019 (in Russian).

Kil'djushov O. V. Sport as a question of philosophy: on the Heuristic Value of a New Analytical View [Sport kak delo filosofii: ob jevristscheskoj cennosti novoj analiticheskoy optiki]. *Logos*, 2013. Vol. 95. No 5, pp. 43–60 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-delo-filosofii-ob-evristicheskoy-tsennosti-novoy-analiticheskoy-optiki> (accessed on February 5, 2025) (in Russian).

Korneeva V., Volkov A. Sports discourse of soft power in the religious policy of modern Russia [Sportivnyj diskurs soft power v religioznoj politike sovremennoj Rossii]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnyy-diskurs-soft-power-v-religioznoy-politike-sovremennoy-rossii> (accessed on April 1, 2025) (in Russian).

Gumbrecht H.U. 2020. Crowds: Das Stadion als Ritual von Intensität. Frankfurt am Main (in German).

Е.Б. Коломейцева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 811.111-26

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-132-145

**ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
В РОМАНАХ ДЖО ХИЛЛА**

Ключевые слова: *Стивен Кинг; Джо Хилл; идиостиль; лингвистическая креативность; хоррор; метафора; преемственность.*

Предмет изучения статьи – проявление жанрово-стилистической преемственности в массовой литературе на примере произведений С. Кинга и Д. Хилла. Произведения этих авторов анализируются на предмет поиска идиостилистических особенностей. Общей целью проведенного исследования было выявление сходных черт в романах писателей, что послужило бы доказательством существования жанрово-стилистической преемственности, выражающей себя на трех уровнях: графическом, стилистически-языковом, культурно-специфическом. В исследовании мы опирались на концепции литературной преемственности, раскрытые в работах Д. Благого и А. Буиминой, а также понятие об идиостиле и лингвокреативности как проявлении авторского стиля, рассмотренное в работах А.В. Нагорной и А.Ш. Зубиновой. Методы исследования

включали анализ литературы по приведенным концептам и творчеству С. Кинга в русскоязычном и зарубежном научном пространстве, а также лингвостилистический и частично литературоведческий анализ произведений С. Кинга и Д. Хилла. Сама концепция преемственности не была подкреплена лингвистическим анализом, как не были до этого рассмотрены с точки зрения преемственности произведения специфического жанра хоррор. В результате анализа языка произведений С. Кинга и Д. Хилла был подтвержден вывод о наличии в жанре ужасов жанрово-стилистической преемственности как сознательного обращения писателя не только к предшествующему языковому канону жанра (или идиостилю отдельного писателя). Она проявляется на разных уровнях, соответствующих уровням языка. Выводы статьи дополняют исследование массовой литературы с точки зрения лингвостилистики.

Несмотря на то, что книги в жанре хоррора редко находятся в фокусе лингвистических исследований, один писатель данного жанра часто привлекает внимание ученых. Это автор бестселлеров массовой литературы Стивен Кинг. Не будет преувеличением сказать, что его произведения были темой множества статей, магистерских и кандидатских диссертаций (например, диссертация Г.А. Артамонова). Существуют монографии, посвященные анализу языка его книг (в частности, монография А.В. Нагорной о лингвокреативности в произведениях С. Кинга, книга R. Wood «Stephen King: A Literary Companion», Н. Morin «Stephen King: Trente Ans de Terreur» и др. Не так давно вышедшие произведения сына С. Кинга Джозефа Кинга (под псевдонимом Джо Хилл) уже на первый взгляд обладают сходными характеристиками и потенциалом в том же жанре, однако пока еще остаются вне поля зрения серьезных научных исследований. Новизну работы, таким образом, составит сам материал исследования, а также концепция проявления жанрово-стилевой преемственности в массовой литературе. Актуальность работы заключается в обращении к образцам литературы жанра ужасов, остающейся в основном своем массиве малоисследованной, ее стилистическому репертуару. Это позволит обогатить некоторые области функциональной стилистики, касающиеся массовой литературы. Актуальным будет проследить, в каких лингвистических средствах проявляет себя жанрово-стилевая преемственность.

Цель данной статьи – выявить сходные стилистические черты прозы Стивена Кинга и Джозефа Кинга, пишущего под псевдонимом Джо Хилл. По нашей гипотезе, у двух писателей наблюдается сильная схожесть идиостилей, таким образом, можно говорить и о жанрово-стилевой преемственности, которая проявляет себя в арсенале используемых лингвистических средств. Предметом исследования является жанрово-стилистическая преемственность в романах ужасов. Объектами исследования послужили романы С. Кинга и Д. Хилла (выборка хорроров). Задачами проведенного исследования мы считаем: а) определение феномена преемственности в литературоведении и лингвистике; б) выявление ключевых черт идиостиля С. Кинга;

в) анализ романов Д. Хилла и выявление в них сходных черт как жанра, так и стиля; г) обоснование на примерах концепции жанрово-стилевой преемственности в лингвистических исследованиях.

Далее обратимся к обзору литературы по теме. Обзор творчества С. Кинга с точки зрения проявлений лингвокреативности в его произведениях был дан в многочисленных статьях и монографии А.В. Нагорной «Грани и границы лингвокреативности». В работах английских и американских ученых [Burger, 2016; Magistrale, 2009; Strengell, 2006], так же как и в работах российских исследователей [Азеева, 2017; Глеупова, 2012], рассмотрены общие аспекты творчества писателя. Д.А. Самарин, А.Ш. Зубинова [Самарин, 2022; Зубинова, 2022] анализируют специфику перевода произведений С. Кинга на русский язык. У.Н. Шафиева подробно останавливается на фантастическом и реальном в творчестве С. Кинга [Шафиева, 2004], а Г.А. Артамонов описывает язык писателя с точки зрения влияния на всю массовую литературу [Артамонов, 2010]. Это неполный список многочисленных работ, посвященных литературоведческим, психологическим, социальным и языковым исследованиям идиостиля писателя.

Так как используется понятие «идиостиль», будет не лишним уточнить, что мы понимаем под «идиостилем С. Кинга». Это понятие считается сложным и комплексным. Определение В.В. Виноградова, в котором идиостиль представлен как «индивидуально-эстетическое использование свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» [Виноградов, 1959, 85], дополнено не только языковыми характеристиками, но и прагматическими и культурологическими. Обычно под идиостилем понимается «стиль личности во всем многообразии ее многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике и прагматике текста)» [Идиостиль и ритм текста, 2019, 11].

Ключевым для нас также является понятие «преемственность». Вопросы преемственности занимались в свое время литературоведы Д. Благой (писавший об «исторической преемственности» Пушкина и Державина) и А. Бушмин (в монографии о преемственности подробно описывающий формы литературных связей между писателями и произведениями) [Благой, 1959, 261; Бушмин, 1975]. По сути, «семиосфера», введенная Ю.М. Лотманом, также подразумевает некую диалогичность и преемственность культур и литературных произведений [Лотман, 1996, 163]. А.В. Подобрый определяет преемственность как «процесс сознательного обращения писателя к наследию своих предшественников, творческое осознание его, поглощение и, в конечном итоге, создание нового» [Подобрый, 2013, 140]. В данной статье, опираясь на вышеуказанные концепции, под «преемственностью» мы будем понимать сознательное обращение писателя к предшествующему литературному канону или предшествующим литературным произведениям,

подразумевающее не эпигонское копирование, но опору на диалог, интертекстуальность или продолжение и развертывание заложенных предшественником традиций, проявляющееся в стиле и языке писателя. Само это понятие в большей степени считается литературоведческим, нежели лингвистическим, и не было исследовано с точки зрения языка, однако черты преемственности видны не только и не столько в идеях, сколько в их языковом воплощении, следовательно, мы вправе говорить о преемственности не только исторической, но и стилистической. Писатель, опирающийся на работы своего предшественника, обычно работает в рамках того же стиля и жанра, а потому преемственность названа нами жанрово-стилистическим явлением. В качестве рабочей гипотезы назовем жанрово-стилистическую преемственность частью общелитературной исторической преемственности, фиксируемой в идиостиле писателя на разных языковых уровнях. Так, это могут быть похожие стилистические приемы, как будет показано ниже в связи со С. Кингом и Д. Хиллом.

Чтобы проверить гипотезу нашего исследования, обратимся к романам С. Кинга и Д. Хилла для определения в них авторских идиостилевых черт, находящихся выражение в языке. При этом мы пользовались как анализом уже имеющихся работ об идиостиле С. Кинга, так и методом лингвистического, тематического и концептуального, местами частотного анализа. Отдельно остановимся на анализе метафорических моделей, который является важной частью анализа идиостилей [Демидова, 2019, 14]. Оба писателя чаще всего обращаются в работах к одному жанру: хоррору либо триллеру. В других работах мы определяем триллер и хоррор как поджанры литературы ужасов, так что можно отметить, что большинство произведений С. Кинга и его сына относятся к жанру литературы ужасов. А.Ш. Зубинова рассматривает особое сравнение, метафору, широкое использование фразеологии, сниженной лексики и каламбуров как черты идиостиля С. Кинга [Зубинова, 2022, 54–62]. Г.А. Артамонов говорит о стереотипных образах (образа среднего американца, американской глубинки) и языковых клише в романах «короля ужасов», использовании художественных констант романа ужасов [Артамонов, 2010, 4]. А.В. Нагорная в статьях и в монографии выделяет языковые эксперименты писателя как важные черты его идиостиля. Это образные сравнения, различные метафоры, ирония и юмор, словообразовательные эксперименты и голофрастические конструкции [Нагорная, 2018, 106; 2019, 294–297]. Добавим к этому также часто встречающиеся на страницах книг Стивена Кинга ономастопеи и неймдроппинг (использование реально существующих имен собственных с целью более глубокого погружения в мир произведения или соотнесения его с реальностью).

Поднимаемые в романах С. Кинга темы касаются не только сверхъестественного, но и политики, роли женщины в обществе, темы насилия и власти и многих других. Будучи писателем романов ужаса, С. Кинг тем не

менее транслирует достаточно прозрачные и нужные моральные смыслы. Аксиологические нормы в романах Кинга – это общественные нормы, нарушение которых грозит героям бедствиями. Темами книг С. Кинга являются темы болезни, смерти, аддиктивных состояний и преодоления себя, а на роль героев, как уже было сказано, выбираются достаточно стандартные персонажи, средние американцы.

Таблица 1

Ключевые черты идиостиля Стивена Кинга

Темы произведений	Тема болезни, смерти, аддикции, тема преодоления препятствий
Образы из произведений	Клишированные образы сверхъестественного в массовой литературе (оборотни, вампиры и т.п.); герои – представители среднего класса американцев, обыватели; часто встречаются образы детей
Жанровые особенности	Широкий охват жанров, но чаще – триллер, ужасы
Языковые особенности	Креативные сравнения и метафоры, вербалика боли, голофрастические конструкции, неймдроппинг, ономотопейя, ирония

В романах Джо Хилла мы также находим типичные клишированные образы массовой литературы ужасов. Это вампиры (роман «Страна Рождества»), привидения («Коробка в форме сердца»), непостижимая эпидемия («Пожарный»), болезнь как наказание («Рога»). Те же темы есть и у Стивена Кинга, сравним: вампиры – «Удел Салема», привидения – «Страна радости», эпидемия – «Мобильник», болезнь как наказание – «Худеющий». Герои также относятся к типичному среднему классу американцев, исключение в этом плане представляет лишь главный герой «Коробки в форме сердца», известный рок-музыкант. Тем не менее и он к моменту развития сюжета живет жизнью обычного американца. В романах также обыгрываются темы болезни, смерти. Нарушение героем табу влечет к бедственным для него последствиям (например, «Коробка в форме сердца» – нарушение табу на моногамность; «Рога» – осквернение религиозной святыни), что также транслирует установку на передачу традиционных для американского христианского общества ценностей.

Далее обратимся к собственно языковым особенностям идиостиля писателя и сравним их с чертами идиостиля С. Кинга. Согласно А.В. Нагорной, ключевыми чертами прозы С. Кинга, показывающими его лингвокреативные возможности и составляющими идиостиль писателя, являются образное и ироническое сравнение, описание тела, телесных и душевных ощущений (кинетика, широкая палитра эмотивной лексики и описания эмоций, болевая вербалика, болезни), аддиктивных состояний, широкое использование прецедентных имен, словобразовательные эксперименты и голофрастические конструкции [Нагорная, 2019, 210–213]. С.С. Тахтарова и

А.Ш. Зубинова также говорят о метафорах и сравнениях как ключевых чертах произведений автора [Тахтарова, 2018, 7–8; Зубинова, 2022, 6]. Метафоры играют знаковую роль при исследовании идиостиля автора. В.А. Зеленина идет дальше и разграничивает черты идиостиля на три категории: собственно стилистические, графические и культурно значимые [Зеленина, 2020, 432]. Под графическими чертами в произведениях С. Кинга понимаются черты шрифтового и графического оформления в текстах произведений, а под культурно значимыми – некоторые прецедентные для американской культуры имена, топонимы и т.п.

Обратимся к каждой стилевой черте и проиллюстрируем ее примерами как из произведений С. Кинга, так и из произведений Джо Хилла, чтобы показать, что идиостили двух писателей достаточно схожи.

Ироническое и образное сравнение. У С. Кинга они достаточно многочисленны и касаются разных органов восприятия, так что А.В. Нагорная определяет их как полимодусные [Нагорная, 2019, 50]. Ограничимся двумя примерами:

«The air was warm, the city was blooming, and homesickness sobbed within him like a muscle with a fishhook caught deep within it» [The Wastelands, 1991, 76].

«He looked as merry as a funeral march» [The Dark Tower, 2012, 251].

Кинговские сравнения разнообразны как по модусу телесного восприятия, так и по их построению. В романах Джо Хилла не менее часто встречаются сравнения, построенные также по разным принципам.

«His skin was fish-belly pale in the tropical sunlight» [Heart-Shaped Box, 2010, 93].

«Georgia didn't try to move or look around, was as still as a person faced with a poisonous snake, afraid to do anything – even to breathe – for fear of being struck» [Heart-Shaped Box, 2010, 98].

Иногда в рамках одного предложения встречаются структуры из нескольких сравнений:

«She was naturally pale to begin with, but now her face was bloodless, like polished bone, so she resembled a vampire even more than usual» [Heart-Shaped Box, 2010, 44].

В проанализированных романах встретилось достаточно большое количество сравнений, синтаксически выраженных разнообразными моделями (например, X is Y, as X as Y, X is like Y и др.). Иронические сравнения тоже имели место:

«She wrote, she heard them hammering nails all day long and that it was like living next door to coffin maker after a plague» [Heart-Shaped Box, 2010, 57].

Отметим наличие сходным образом построенных сравнений в препозиции. У Кинга это, например: flu-like weakness, molelike progress, ladylike puffing, farmerish laughter, Ichabod Crane-ish. Написание их варьируется от

дефисного до слитного, используются разные словообразовательные суффиксы. У Джо Хилла наблюдается не меньшее разнообразие: *fish-belly pale*, *milk-fed look*, *chicken flesh folds*, *blackblossoming cells*, *expensive-looking furniture* и другие. Автор явно отдает предпочтение моделям словообразования с суффиксом *-ed*, которых у него суммарно больше.

Метафоры. В произведениях С. Кинга метафоры занимают важнейшее место и отмечаются всеми исследователями творчества. Он прибегает к метафорам и при описании болевых ощущений, например:

«The road to recovery led through the Land of Pain, that was all. ... The sixth richest man in the world should not have to visit the Land of Pain under any circumstances, only the Costa del Sol of Full Recovery» [A Book of Horrors, 2011, 369].

К метафорам автор прибегает и для выражения иронии:

«“Losser damn arm”, he told Collie in a furry, confiding voice. “Gaw hepper”. Collie thought thus over and translated it as Drunkish for either Got to help her or God help her» [The Regulators, 2021, 207]. В примере метафора креативно представлена в виде несуществующего нового языка любителей алкоголя, *Drunkish*, причем отметим и передачу фонетических особенностей данного «языка». При описании боли автор также прибегает к метафорам. А.В. Нагорная использует как название главы одну из них: «копья боли» – *rain lances*, неоднократно встречающиеся в прозе Кинга. Те же «копья боли» есть и у Джо Хилла:

«The blade sank into meat, and he felt a tearing pain lance through his hand and into the wrist» [20th Century Ghosts, 2008, 101].

Помимо «копий», у Джо Хилла неоднократно встречается и «вспышка боли» – *flare of pain*, *charge of pain*. Описания боли, телесных ощущений, болезни и реалистичные подробности близки и тому и другому автору, приведем лишь один пример натурализма в описании, который вполне украсил бы произведение Кинга-старшего:

«And then he looked over at Bon’s dead, empty body. The wound in her stomach was a horror show, a bloody maw, a blue knot of intestines spilling out of it» [Heart-Shaped Box, 2010, 503].

Отметим, однако, что такого рода натуралистичные описания боли и телесных состояний свойственны всему жанру хоррора в целом: это самый «физиологичный» из жанров [Badley, 1996, 132].

Встречаются у Джо Хилла и описания эмоций с градацией либо со специфически метафорическим пониманием их, как, например, сравнение физической ярости и огня:

«Jude was beginning to burn. The smoke was coming out both his sleeves now and from under his collar. ... He had always known he would go out this way: on fire. He had always known that rage was flammable, dangerous to store under pressure» [Heart-Shaped Box, 2010, 80].

Телесные метафоры – важная часть идиостиля С. Кинга, в своей монографии А.В. Нагорная отмечает, что писатель часто прибегает к концептуальной метафоре «человеческое тело = машина» [Нагорная, 2019, 99–101]. В перевернутой форме «машина = тело человека» мы видим ту же метафору у Джо Хилла, например в выражении «big muscle car». У Джо Хилла телесные метафоры в основном сосредоточены в среде природных явлений (например, «настроение = явление природы») либо ощущений из животной сферы (например, «as if it were crawling with fire ants» и т.п.). Последних немало и у С. Кинга («stinging pain», «like sharp weasel teeth» и др.).

Вполне по-кинговски Джо Хилл использует сравнения для вербализации боли. Так, сердце «начинено» булавками и иглами: «Jude's chest was an airless place, stuck full of icy-hot pins and needles» [Heart-Shaped Box, 2010, 61] (оксюморонное креативное сравнение), а желудок способен на «head-over-heels somersault» [The Fireman, 2016, 487], сравним:

«Her stomach did another forward roll but this time it didn't stop; it just went on somersaulting over and over...» [The Dead Zone, 1980, 35].

Таким образом, метафоры, сравнения, вербалика боли, телесные ощущения присутствуют у обоих писателей в достаточном объеме. То же можно сказать и о голофрастических конструкциях. Они широко представлены и у старшего Кинга, и у младшего. Так, у С. Кинга в пример можно привести why-are-men-so-stupid voice, a just-what-the-hell-did-you-expect tone, an all-time champ, a sweet-sugar preacher и множество других (более подробно о моделях таких конструкций см. у А.В. Нагорной [Нагорная, 2019, 271–280]). В романах Джо Хилла также немало голофрастических конструкций, были отмечены следующие: ice-cream-shop colors, silver-dollar-size buttons, screech of train-coming-off-the-tracks guitar, the sell-sell-sell grin, country-fried stupid, a fall-down-and-kill-you kind, Justin-the-boy-on-the-radio и др.

Стивен Кинг известен как писатель, широко пользующийся неймдропингом и прецедентными именами, не всегда знакомыми русскому читателю. Это и места, существующие в реальности (о них подробно писал G. Beam в исследовании «Stephen King Country: A Pictorial Guide to the Sites and Sights that Inspired the Modern Master of Horror» [Beam, 1999, 10–140]), и имена персоналий. То же встречаем и у Джо Хилла, использующего различные имена, знакомые и незнакомые читателям по всему миру:

«It was like a dollhouse version of the pendulum in that story by Edgar Allan Poe» [Heart-Shaped Box, 2010, 47].

«Jude collected them in almost exactly the same way the Pied Piper had collected rats, and children» [Heart-Shaped Box, 2010, 32].

Такого рода прецедентные имена заметны особенно в романе «Heart-Shaped Box», где выбор наименования героя и его собак не случаен: Judas Соуне – это явная отсылка к рок-группе Judas Priest, а собаки Von и Angus –

отсылки к именам двух рок-музыкантов, Ангусу Янгу и Бон Джови. Много в книге и названий групп, имен рок-музыкантов, например:

«What had Kurt Cobain Said? Verse chorus verse. Over and over» [Heart-Shaped Box, 2010, 114].

«My Chemical Romance was on Conan. They had rings in their lips and eyebrows, their hair done up spikes...» [Heart-Shaped Box, 2010, 115].

Второй пример сложен тем, что параллельно с названием рок-группы автор использует и кинематографический образ Конана-варвара, который, в свою очередь, отражается в имидже названной группы, происходит наложение дискурсов кино и рок-музыки.

У С. Кинга во множестве встречаются торговые марки. Джо Хилл также пользуется данным приемом для указания на вещественность и реальность происходящего, например: «He began to clumsily apply fresh Steri-Strips to the wound», «Jude's Doc Martens», «another can of Alpo» [Heart-Shaped Box, 2010, 154, 375]. Это и название пластырей, и известный производитель концептуальной рок-обуви, и марка собачьего корма.

Достаточно интересный пример иронического описания с использованием неймдроппинга находим в следующем примере:

«Ruger stood with a rotund family in promotional T-shirts, their ample bellies doing double duty as billboards. The father's gut was selling Coors Silver Bullet, the mother's breast made an unpersuasive pitch for Curves Fitness, the son, about ten, had on a Hooters shirt, and probably could've fit into C cup himself» [Heart-Shaped Box, 2010, 450].

Ирония прорывается как в описании полного семейства, так и в конкретном указании, что рекламируется на их футболках. Таким образом, можно заключить, что и для Джо Хилла использование прецедентных имен и иронии является важным маркером идиостиля. Отметим также использование интертекстуальности как приема, например, в виде пастиша в самом начале романа «The Horns»:

«Ignatius Martin Perrish spent the night drunk and doing terrible things. He woke the next morning with a headache, put his hands to his temples and felt something unfamiliar, a pair of knobby pointed protuberances» [The Horns, 2010, 4].

Такое начало вкупе с европеизированной формой имени героя явно отсылает к началу новеллы Ф. Кафки «Превращение», где одним утром герой (названный также полным именем) просыпается и обнаруживает сверхъестественные перемены облика. Стивен Кинг менее явно задействует интертекстуальные ссылки, однако в некоторых моментах его романов прочитываются параллели с мировой и американской классикой.

Еще одной чертой, обычно упускаемой в исследованиях стиля С. Кинга, является широкое использование им ономастопеии. Например, в романе «Оно» есть многочисленные примеры: мы «слышим», как капает вода («plink... pause, plink...»), звук опускающегося ножа («swiiiipppppp!»)

и др. У Джо Хилла «слышно», как работают дворники машины: «Whip-thud, whip-thud», шумят шины «monotonous thum-thum-thum» и т.п.

Графические маркеры, такие как написание заглавными буквами, курсив, выделение жирным шрифтом, встречаются у обоих писателей. Интересно, как оба они передают на письме фонетические искажения речи. Выше уже был представлен пример подобной передачи языка «Drunkish» у С. Кинга, у Джо Хилла это передача южного акцента героя: «dough-mestic abuse», «“I’ll get you the ambulance”, Arlene said. She has lived in the South her whole life and she pronounced the word amble-lance», «FRAH US LIKE AIGS» (подразумевалось Fry us like eggs, заглавные буквы в оригинале) [Heart-Shaped Box, 2010, 671, 571, 143]. Оба автора снабжают свои фонетико-графические примеры неправильной речи металингвистическими наблюдениями.

В одной из глав подробного исследования идиостиля С. Кинга А.В. Нагорная отмечает частое обращение писателя к психическим девиациям и описание безумия в креативном ключе. У Джо Хилла встретился единственный подобный пример: «Her too, – if they don’t put her in the nut farm» [Heart-Shaped Box, 2010, 534]. Тем не менее он коррелирует с приведенными в монографии А.В. Нагорной nut-barn или nuthatch [Нагорная, 2019, 178].

Стивен Кинг в своих романах активно пользуется авторскими неологизмами, словотворчеством. У Джо Хилла данный прием выражен чуть слабее, однако проявляет себя уже в примерах препозиционных сравнений (plastered-on grin, thin-lipped mouth), данных выше, словах типа nut-farm. Джо Хилл скорее склонен использовать синтаксические креативные способы, такие как абзац без знаков препинания, нарушение порядка слов, использование двойного отрицания («I don’t listen to nothing you say» [The Foreman, 2016, 128]). Кроме этого, замечена высокая интертекстуальность (пример пастиша выше, использование сюжетной линии рассказа Р.Л. Стивенсона «Сатанинская бутылка» в романе «Heart-Shaped Box») и интердискурсивность романов Джо Хилла (в плане дискурса это и музыкальный дискурс в романе «Heart-Shaped Box», и использование кусков религиозных проповедей в романах «Heart-Shaped Box» и «Horns: A Novel»).

Подведем итоги. Рассмотрев романы Стивена Кинга и Джо Хилла, мы с полной уверенностью можем утверждать, что в произведениях последнего имеет место феномен жанрово-стилистической преемственности. Утверждение это подкрепляется анализом ключевых черт в идиостилях обоих писателей на трех уровнях: графическом, стилистически-языковом и культурно-специфическом. Анализ выявил, что имеются совпадения в выборе арсенала стилистических лингвистических средств. Это и использование креативных сравнений и концептуальных метафор, и широко встречающееся описание телесных ощущений, боли, эмоций (некоторые из которых буквально совпадают у С. Кинга и Д. Хилла), также употребление голофрастических конструкций, ономато-

пейи, прецедентных имен и неймдроппинга, иронических описаний, метаязыковых комментариев (при использовании фоно-графической передачи особенностей речи героев). Оба писателя прибегают к графическому выделению слов курсивом, жирным шрифтом, заглавными буквами. И Стивен Кинг, и Джо Хилл имеют устоявшийся набор базовых образов и клише жанра, однако стремятся к расширению границ жанра хоррора за счет лингвокреативных стратегий (пусть несколько отличных у двух писателей). Таким образом, явление жанрово-стилистической преемственности состоит в выборе в пользу той или иной литературной традиции и того или иного литературного жанра, также в выборе арсенала похожих стилистических средств, как это было показано на примере Стивена Кинга и Джо Хилла. В заключение дадим определение жанрово-стилистической преемственности. Жанрово-стилистическая преемственность – это сознательное обращение писателя не только к предшествующему литературному канону, но и к языковому канону жанра (или идиостилю отдельного писателя), что подразумевает не эпигонство или плагиат, но диалог, интертекстуальность и интердискурсивность, развертывание заложенных предшественником стилистических традиций. Жанрово-стилистическая преемственность может проявлять себя на разных уровнях, соответствующих уровням языка. Мы несколько модифицировали и дополнили литературоведческое определение. Цель статьи, состоящая в выявлении сходных стилистических черт у двух писателей и доказательстве гипотезы о наличии жанрово-стилистической преемственности, выполнена. Дальнейшие исследования феномена преемственности могут быть направлены на практический анализ других произведений и жанров массовой литературы, на более подробное проследивание интертекстуальных связей между произведениями.

ЛИТЕРАТУРА

Азеева В.С. Художественное своеобразие произведений С. Кинга // Приоритетные направления развития образования и науки: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 июля 2017 г.). В 2 т. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. Т. 2, № 2. С. 111–113.

Артамонов Г.А. Творчество Стивена Кинга и массовая литература США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2010. 14 с.

Благой Д. Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. 517 с.

Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975. 157 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: ГИХЛ, 1959. 367 с.

Демидова Т.А., Гриценко Л.М. Методика комплексного описания идиостиля в аспекте теории образности // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 14–21.

Зеленина В. А. Особенности идиостиля Стивена Кинга // Молодой ученый. 2020. № 18(308). С. 431–434.

Зубинова А.Ш. Сравнение в идиостиле С. Кинга: лингвопрагматические и переводческие характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 242 с.

Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Е.И. Бойчук [и др.]. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.

Логман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

- Нагорная А.В. Грани и границы лингвокреативности: языковые эксперименты Стивена Кинга. М.: ЛЕНАНД, 2019. 312 с.
- Нагорная А.В. Креативные типы образного сравнения в прозе Стивена Кинга // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3(34). С. 103–117.
- Подобрий А.В. Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2(8). С. 139–143.
- Самарин Д.А. Стиль и специфика перевода произведений Стивена Кинга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 8. С. 2666–2671.
- Тахтарова С.С., Зубинова А.Ш. Основные характеристики идиостилия Стивена Кинга // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т. 1, № 1(1). С. 7–16.
- Тлеупова А.М. Роль творчества Стивена Кинга в мировой литературе Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Междунар. науч. конф. СПб., 2012. С. 75–78.
- Шафиева У.Н. Единство фантастики и реальности в творчестве Стивена Кинга: дис. ... канд. филол. наук. Баку, 2004. 134 с.
- Badley L. Writing Horror and the Body. The fiction of Stephen King, Clive Barker, and Ann Rice. Westport: Greenwood Press, 1996. 183 p.
- Beahm G. Stephen King Country: A Pictorial Guide to the Sites and Sights that Inspired the Modern Master of Horror. Philadelphia: Running Press, 1999. 144 p.
- Burger A. Teaching Stephen King: Horror, the Supernatural, and New Approaches to Literature. London: Palgrave Macmillan, 2016. 211 p.
- Magistrale T. Stephen King: America's Storyteller. Westport: Praeger, 2009. 181 p.
- Strengell H. Dissecting Stephen King: From the Gothic to Literary Naturalism. London: Popular Press 3, 2006. 320 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- A Book of Horrors. Edited by Stephen Jones. London: Jo Fletcher Books, 2011. 400 p.
- Hill Joe. Heart-Shaped Box. New York: Harper Paperbacks, 2010. 400 p.
- Hill Joe. Horns. A Novel. London: William Morrow, 2010. 446 p.
- Hill Joe. 20th Century Ghosts. London: Harper, 2008. 336 p.
- Hill Joe. The Fireman. London: William Morrow, 2016. 742 p.
- King Stephen. The Dark Tower. London: Hodder and Stoughton, 2012. 686 p.
- King Stephen. The Dead Zone. New York: Signet, 1980. 402 p.
- King Stephen. The Regulators. London: Hodder and Stoughton, 2012. 430 p.
- King Stephen. The Wastelands. New York: Signet, 1991. 590 p.

E.B. Kolomeytseva

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of intensive teaching of the Russian language,
Institute of Russian as a Foreign Language,
Herzen State Pedagogical University
Saint-Petersburg, Russia*

Genre and Style Heredity in Joe Hill's Novels

The subject of this article is the manifestation of genre-stylistic heredity in popular literature using the works of S. King and D. Hill as an example. The works of these authors are analyzed for idiosyncratic features. The overall goal of the study was to identify similarities in the writers' novels, which would serve as evidence of the existence of genre and style heredity that expresses itself at three

levels. These are the graphic level, the stylistic-linguistic level, and the cultural-specific level. In the study, we relied on the concepts of literary heredity revealed in the works of D. Blagoy and A. Bushmin, as well as the concept of idiostyle and *linguo-creativity* as a manifestation of the author's style in the works of A.V. Nagornaya and A.Sh. Zubinva. The research methods included analysis of works on the given concepts and also studies of S. King's work in the Russian-language and foreign scientific space, as well as *linguostylistic* and partially literary analysis of S. King's and Joe Hill's novels. The concept of continuity itself was not supported by linguistic analysis, as the works of a specific genre of horror had not been considered from the point of view of heredity before. As a result of the analysis of the language of the works of S. King and J. Hill, the conclusion about the presence of genre-stylistic heredity in the horror genre as a conscious appeal of the writer not only to the previous linguistic canon of the genre (or the idiostyle of an individual writer) was confirmed. It manifests itself at different levels corresponding to the levels of language. The conclusions of the article complement the studies of popular literature from the point of view of linguostylistics.

Keywords: Stephen King; Joe Hill; idiostyle; linguistic creativity; horror; metaphor; heredity.

REFERENCES

- Azeeva V.S. Artistic originality of S. King's works [Khudozhestvennoe svoebrazie proizvedenii S. Kinga]. *Priority areas for the development of education and science: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. Cheboksary, 2017. Vol. 2, pp. 111–113 (in Russian).
- Artamonov G.A. Stephen King's Works and Popular Literature in the USA [Tvorchestvo Stivena Kinga i massovaia literatura SShA]. *Thesis of Dissertation ... Candidate of Philology*. Minsk, 2010. 14 p. (in Russian).
- Blagoi D. Literature and Reality. Questions of Theory and History of Literature [Literatura i deistvitel'nost'. Voprosy teorii i istorii literatury]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959. 517 p. (in Russian).
- Bushmin A.S. Heredity in Literature Development [Preemstvennost' v razvitii literatury]. Leningrad: Nauka, 1975. 157 p. (in Russian).
- Vinogradov V.V. On the Language of Fiction [O iazyke khudozhestvennoi literatury]. Moscow: State Press of fiction, 1959. 367 p. (in Russian).
- Demidova T.A., Gritsenko L.M. Methodology of complex description of idiostyle in the aspect of the theory of imagery [Metodika kompleksnogo opisaniia idiostilia v aspekte teorii obraznosti]. *Issues of Tomsk Stat university*, 2019. No. 442, pp. 14–21 (in Russian).
- Zelenina V.A. Peculiarities of Stephen King's idiostyle [Osobennosti idiostilia Stivena Kinga]. *Young scientist*, 2020. No. 18 (308), pp. 431–434 (in Russian).
- Zubinova A.Sh. Comparison in the idiostyle of S. King: linguopragmatic and translation characteristics [Sravnenie v idiostile S. Kinga: lingvopragmaticheskie i perevodcheskie kharakteristiki]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Kazan', 2022. 242 p. (in Russian).
- Idiostyle and the Text Rhythm: Collective Monograph [Idiostil' i ritm teksta: kollektivnaia monografiia]. Compiled by Boichuk E. I. and others. Iaroslavl': RIO IaGPU, 2019. 184 p. (in Russian).
- Lotman Iu.M. Inside Thinking Worlds [Vnutri mysliazhchikh mirov]. Moscow: Languages of Russian culture, 1996. 464 p. (in Russian).
- Nagornaia A.V. The Boundaries and Limits of Linguocreativity: Stephen King's Language Experiments [Grani i granitsy lingvokreativnosti: iazykovye eksperimenty Stivena Kinga]. Moscow: LENAND, 2019. 312 p. (in Russian).

Nagornaia A.V. Creative Types of Figurative Comparison in Stephen King's Prose [Креативные типы образного сравнения в прозе Стивена Кинга]. *Human: image and essence. Humanitarian aspects*, 2018, No. 3(34), pp. 103–117 (in Russian).

Podobrii A.V. Continuity – tradition – dialogue – innovation (on the issue of literary evolution) [Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции)]. *World literature in the context of culture*, 2013, No. 2(8), pp. 139–143 (in Russian).

Samarin D.A. Style and specifics of translation of Stephen King's works [Stil' i spetsifika perevoda proizvedenii Stivena Kinga]. *Philological Sciences. Problems of theory and practice*, 2022, Vol. 15, Issue 8, pp. 2666–2671 (in Russian).

Takhtarova S.S., Zubinova A.Sh. The main characteristics of Stephen King's idiosyncrasy [Основные характеристики идиостиля Стивена Кинга]. *Kazan linguistic journal*, 2018, Vol. 1. No. 1(1), pp. 7–16 (in Russian).

Tleupova A.M. The Role of Stephen King's Work in World Literature [Rol' tvorchestva Stivena Kinga v mirovoi literature]. *Philological sciences in Russia and abroad: Proceedings of the International scientific conference*. Saint-Petersburg, 2012, pp. 75–78 (in Russian).

Shafieva U.N. The Unity of Fantasy and Reality in the Works of Stephen King [Edinstvo fantastiki i real'nosti v tvorchestve Stivena Kinga]. *Dissertation ... Candidate of Philology*, Baku, 2004. 134 p. (in Russian).

Badley L. *Writing Horror and the Body. The fiction of Stephen King, Clive Barker, and Ann Rice*. Westport: Greenwood Press, 1996. 183 p. (in English).

Beahm G. *Stephen King Country: A Pictorial Guide to the Sites and Sights that Inspired the Modern Master of Horror*. Philadelphia: Running Press, 1999. 144 p. (in English).

Burger A. *Teaching Stephen King: Horror, the Supernatural, and New Approaches to Literature*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 211 p. (in English).

Magistrale T. *Stephen King: America's Storyteller*. Westport: Praeger, 2009. 181 p. (in English).

Strengell H. *Dissecting Stephen King: From the Gothic to Literary Naturalism*. London: Popular Press 3, 2006. 320 p. (in English).

Т.Б. Пивоненкова

*Российская открытая академия транспорта
Москва, Россия*

УДК 81'37

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-145-157

**ОБРАЗНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ЛЕГЕНДАХ
ВАШИНГТОНА ИРВИНГА (на примере «Легенды комьюнипо»,
«Легенды о двух скрытных статуях», «Легенды о доне Муньо Санчо де
Инохоса»)**

Ключевые слова: *Вашингтон Ирвинг; стилистические средства; стилистика; легенда; образность; эпитет; метафора; образное сравнение.*

Цель работы – определить роль используемых Вашингтоном Ирвингом стилистических средств в создании художественных образов и прийти к выводам об их значимости в создании авторского стиля писателя. Предмет исследования – стилистические приемы в легендах В. Ирвинга. Материал исследования – новеллы-легенды: «Легенда о Комьюнипо», «Легенда о

доне Муньо Санчо де Инохоса», «Легенда о двух скрытных статуях». *Использованные методы: сплошной выборки, количественный метод. В ходе анализа обозначена представленная в трех легендах оппозиция «реальный мир – потусторонний мир», заслуживающая дальнейшего исследования на примере других легенд автора. Проведенный анализ позволил выявить 83 стилистических приема. Наиболее часто используемые стилистические средства – эпитеты и метафоры, характеризующие персонажей и атмосферу произведений; образные сравнения, характеризующие персонажей. Большое число выявленных стилистических приемов позволяет утверждать, что образные средства языка являются характерной чертой авторского стиля В. Ирвинга. Полученные результаты могут быть использованы при изучении стилистики произведений В. Ирвинга, а также на занятиях по стилистике и интерпретации текста.*

Вашингтон Ирвинг – один из наиболее известных американских авторов XIX века, писатель-романтик, по мнению некоторых критиков и литературоведов, «отец американской литературы». Без сомнения, в первую очередь он прославился благодаря своим новеллам «Легенда о Сонной лощине» и «Рип Ван Винкль». Несмотря на то что период литературного творчества Ирвинга пришелся на XIX век, его новеллы до сих пор вызывают интерес как у исследователей – лингвистов, литературоведов, историков, так и у простых читателей. Во многом эту популярность можно объяснить фильмом Тима Бертона «Сонная лощина», но в меньшей степени, как нам представляется, непревзойденным и легко узнаваемым авторским стилем.

Цель исследования – проанализировать стилистические средства, используемые В. Ирвингом в новеллах, и определить их роль в создании художественных образов и авторского стиля.

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить стилистические приемы, участвующие в создании художественных образов в новеллах В. Ирвинга, и определить их функции;
- 2) определить наиболее часто используемый стилистический прием.

Материалом для исследования послужили новеллы-легенды: «Легенда о Комьюнипо» («Гости с острова Гиббет») – сборник «Knickerbocker sketchbook»; «Легенда о доне Муньо Санчо де Инохоса», «Легенда о двух скрытных статуях» – сборник «Альгамбра».

С лингвистической точки зрения новеллы Ирвинга представляют широкое поле для исследований, что нашло отражение в большом количестве работ разной тематики: фольклорное начало [Степанова, Аутлева, 2019; Аутлева, 2014 и др.], интертекстуальность произведений В. Ирвинга и Н.В. Гоголя, В. Ирвинга и А.С. Пушкина [Дерюгина, 2023; Горячева, 2023; Рашидова, 2015; Сычева, 2014; Сироткина, 2012; Федулова, 2008 и др.], взаимодействие культур [Барабанова, 2022; Клос, 2021]; вопросы перевода [Николюкин, 2022; Кузьменко, 2021; Моргун, 2019; Колесникова, 2013 и др.],

особенности жанра [Благодерова, 2017; Ишмуратова, 2010 и др.], иронический модус [Юханова, 2023; Степанова, Аутлева, 2020; Ишмуратова, 2011; Павлова, 2003 и др.], художественные и исторические образы [Стурова, Мельниченко, 2023; Пикина, 2020; Алексеева, 2017; Журавлева, 2014 и др.]. Отметим, что среди разнообразия работ лишь небольшое число посвящено лингвостилистическим особенностям произведений В. Ирвинга [Михайлова, Кокодей, 2022; Степанова, Аутлева, 2019], хотя стилистический аспект, безусловно, является важной составляющей авторского стиля писателя. В большинстве работ материалом для исследования послужили наиболее известные новеллы «Легенда о Сонной лощине», «Рип Ван Винкль», «Жених-призрак», «Дьявол и Том Уокер», в то время как менее известные новеллы не рассматривались. В связи с вышеперечисленным считаем тему настоящего исследования актуальной.

С начала XIX века в европейской и американской литературе возникает новый жанр авторской, литературной легенды [Тулякова, 2010а]. Легенды В. Ирвинга относят к авторским, поскольку они сочетают в себе черты фольклорной, религиозной легенд и черты новеллы, при этом присутствует иронический элемент или пародийное переосмысление [Тулякова, 2010б, 80]. Как отмечает Н.А. Тулякова, американские писатели, с одной стороны, с готовностью и удовольствием работают с жанром легенды, вызывающим у них некоторую зависть, поскольку легенды с их волшебством, сказочностью свойственны европейскому обществу; с другой – американские авторы подвергают легенды насмешкам из-за ухода персонажей от реальной жизни [Тулякова, 2010а]. Таким образом, авторские американские легенды представляют собой работы, сочетающие в себе юмор и серьезность. Это отчетливо видно в анализируемых нами легендах В. Ирвинга.

Отметим, что во всех рассмотренных новеллах в той или иной степени присутствует образ потустороннего мира. В связи с чем считаем необходимым обозначить некоторые его характеристики. Потусторонний мир всегда вызывает зловещие ассоциации, поскольку представляет собой что-то мистическое, сверхъестественное, необъяснимое или малоизвестное. Тема потустороннего мира широко эксплуатируется художественной литературой и кинематографом. Она продолжает будоражить умы читателей и зрителей. Однако совсем неизвестным потустороннее для нас не может быть, поскольку мы так или иначе узнаем о его существовании. Значит, есть некие места, где потусторонний мир проникает в реальный. Это так называемые «пограничные» места, самые популярные из которых – кладбища, являющиеся связующим звеном между живыми и мертвыми, заброшенные дома, глухие места. Время действия обычно глухая ночь, полночь. Действующие лица потустороннего мира – нечисть и призраки [Сурикова, 2012, 179].

Изображение потустороннего мира в литературе и кино имеет религиозные, фольклорные, мифологические корни [Худенко, Глазинская, 2021, 293].

Фольклор – пласт культуры, часто не различающий божественное и демоническое. Фольклорное начало присутствует в новеллах В. Ирвинга, в том числе и в рассматриваемых легендах. В фольклоре представители потустороннего мира могут быть и добрыми, и злыми [Сурикова, 2012, 181]; в исследуемых новеллах персонажи потустороннего мира предстают скорее добрыми, хотя они приносят несчастье или тревоги представителям реального мира. Потустороннее пространство как жанрообразующий элемент можно встретить в балладах, легендах. Один из самых распространенных сюжетов – встреча двух миров (реального и потустороннего), которая показана в анализируемых легендах [Худенко, Глазинская, 2021, 293; Магомедова, 2008, 26].

Рассмотрим стилистические приемы в новелле «Легенда Комьюнипо» («Гости с острова Гиббет»). Атмосфера – это важная составляющая произведения, которая является его душой: «Дух в произведении искусства – это его идея. Душа – атмосфера. Все, что видимо и слышимо, – его тело» [Чехов, 1986, 88]. В рассматриваемой новелле В. Ирвинг, создавая атмосферу (описывая природу, архитектуру, жизнь общества), уделяет большое внимание пространственно-временной оппозиции, которую мы наблюдаем на стилистическом уровне.

В настоящем же читатель видит зловещее, темное, заброшенное место: «an old stone building, of most ruinous and sinister appearance» (эпитеты); дверные ставни, готовые сорваться с петель: «The doors and window-shutters are ready to drop from their hinges» (гипербола и олицетворение); полчища полуголодных собак: «legions of half-starved dogs» (гипербола, эпитет); некое сооружение, напоминающее виселицу и ожидающее «гостей»: «a tall frame in front, not a little resembling a gallows, and which looks as if waiting to accommodate some of the inhabitants with a well-merited airing» (образное сравнение, олицетворение). При создании отрицательного образа Комьюнипо Ирвинг активно использует стилистические приемы в описании погоды, которая нередко выступает предзнаменованием плохих событий: «still, sultry night» (эпитет), «a heavy mass of lurid clouds» (метафора), «the low muttering of distant thunder» (олицетворение). Эти примеры интересны тем, что надвигающаяся опасность уже чувствуется, но она пока еще далеко, о чем говорят эпитеты «тихий», «отдаленный». В воздухе ощущается тяжесть перед дождем, духота, влажность. Но самого дождя – беды, несчастья – пока нет. Образ дьявола, навлекшего беду, появляется позже, Ирвинг обращается к образному сравнению «The wind...sounded as if there were laughing and gibbering in the air» и эпитету «diabolical merriment». Злой смех влечет за собой несчастье, обретающее образное воплощение в природной стихии: «The rain fell in torrents, the thunder crashed and pealed, and the lightning kept up an incessant blaze» (градация, параллелизм, эпитет), «the howling of the tempest» (олицетворение).

При описании главного персонажа, Плуто, Ирвинг в основном использует образные сравнения, построенные на морской лексике: «cast like a sea-monster on the strand», «his light skiff dancing like a feather on the waves», «they concluded that he could live under water like that notable species of wild duck». Подчеркивая дьявольскую сущность, которую местные жители приписывали Плуто, Ирвинг прибегает также к образным сравнениям «old Pluto... looked more like a devil than ever», «looked more like an imp of darkness than a human being»; к метафоре, описывая темные дела, порученные ему его хозяином-дьяволом: «unless on an errand to invite more guests from the galls». Другие персонажи, тем или иным образом связанные с Плуто, предстают такими же загадочными, темными и неприятными, как если бы его темная аура распространилась и на них: «quiet, mysterious traders, full of nods, and winks» (метонимический эпитет), «The visitors, indeed, were by no means of the turbulent stamp of their predecessors» (метафора), «Vanderscamp's shrew of a widow» (инвертированный эпитет).

Всего в новелле выявлен 31 стилистический прием. Их количественное распределение представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Количественное распределение стилистических приемов в новелле
«Легенда Комьюнипо»**

Всего стилистических приемов выявлено	31
Эпитет	11
Образное сравнение	9
Олицетворение	6
Метафора	2
Гипербола	1
Градация	1
Параллелизм	1

Проведенный анализ «Легенды Комьюнипо» позволил выявить большое число стилистических приемов. Отметим, что наиболее часто используются эпитеты и образные сравнения. В. Ирвинг обращается к эпитетам в основном при создании атмосферы произведения (описании природы, строений), значительно меньше – при описании персонажей. В противоположность эпитетам, почти все образные сравнения использованы для описания и характеристики персонажей, остальные при создании атмосферы произведения.

Обратимся к новелле «Легенда о двух скрытных статуях». В этой новелле, как и в предыдущей, присутствует пространственно-временная оппозиция. Мы вновь имеем дело с оппозицией прошлого и настоящего, но, в отличие от рассмотренной нами ранее новеллы, где были отголоски потустороннего мира, здесь наблюдается явное противостояние двух миров – реального и потустороннего.

Героиня новеллы, Санчика, обнаруживает вход в другой мир, существующий в некоем параллельном измерении. Вход в потусторонний мир – так называемое пограничное пространство Среднего мира. «Границу между пространствами пересекают персонажи, наделенные особым даром, а попадание в Средний мир неокончательно и обратимо» [Худенко, Глазинская, 2021, 304]. Санчика, ребенок, полный жизни, находит вход в мир мертвых и возвращается назад.

Два мира пересекаются, а их «столкновение» находит отражение на стилистическом уровне. Место действия похоже на сказку: «The Vega was like a fairy tale» (образное сравнение). Место действия – красивое, спокойное, умиротворяющее, навеивает сонливость: «silvery mountains» (эпитет), «There was a deep tranquility as if all nature slept» (образное сравнение). Однако вокруг слишком тихо и красиво, тишина и умиротворение действуют усыпляюще. Это настораживает, как если бы кто-то хотел усыпить бдительность: «The breathing sweetness of the atmosphere was lulling her to sleep» (метафора). Также, если мы обратимся к другим произведениям, мы заметим, что на границе двух миров – живых и мертвых – «мертвая» тишина. Появляются и другие признаки потустороннего мира – могилы и призраки: «Haunted streams gleaming among its dusky groves» (эпитет). Столкновение двух миров ярче всего показано благодаря образу битвы, на которую как будто собираются воины-призраки: «There was the confusion of voices... as if some army were marshalling for battle» (образное сравнение). Когда испуг проходит, Санчикой овладевает желание узнать поближе этот сказочный мир, соблазняющий ее своими богатством и красотой: «Every leaf was a sparkling emerald!» (метафора).

В. Ирвинг обращается к стилистическим приемам, описывая главных героев – Лопе Санчеса и его дочь Санчику. Они оба полны жизни, что контрастирует с потусторонним миром, вход в который обнаруживает Санчика. Лопе Санчес – душа и отрада всей крепости: «He was the life and soul of the fortress» (метафора). В своей дочери Санчике он души не чает: «Sanchica... the delight of his heart» (метафора). Теплые отношения между отцом и дочерью, постоянное присутствие Санчики рядом с отцом Ирвинг демонстрирует благодаря использованию параллельных конструкций. Так, Санчика играет рядом с отцом, танцует под его гитару: «She played about him as he worked in the gardens, danced to his guitar as he sat in the shade». Автор прибегает к гиперболизации, говоря о жене Санчеса, которая была настолько крупной женщиной, что могла бы посадить его в карман: «Lope Sanchez had strapping buxom dame for a wife, who could almost have put him in her pocket» (гипербола). Как и в «Легенде Комьюнипо», Ирвинг использует образные сравнения при описании персонажей. Так, он сравнивает активного и веселого Лопе Санчеса с кузнечиком: «Lope Sanchez was as brisk and blithe as a grasshopper» (образное сравнение); подвижную Санчику – с олененком: «She ran as fast as a young fawn» (образное сравнение). Жадного, корыстолюбивого монаха, брата Симона, автор отождествляет с котом, подстерегающим свою добычу – мышью (в данном случае Санчеса): «Fray Simon... wriggling like a

cat watching a mouse, waited until his prey...» (образное сравнение, метафора). Отметим, что выявленные сравнения построены на зоонимах. Описывая монаха Симона, Ирвинг акцентирует внимание на его чопорности, уязвимости, непреклонности: «Fray Simon, a sturdy, broad-shouldered, blue-bearded, bullet-headed friar of the neighboring convent» (аллитерация, эпитет).

В числе других выявленных стилистических приемов – ассонанс, повторы, создающие ритм повествования легенды: «rumbling and tumbling», «He bounded from rock to rock and bush to bush»; образные сравнения, одно из них снова построено на зоониме: «A sound... like thunder, like the hum and buzz of a beehive»; многосоюзи; эпитеты; гипербола.

Анализ позволил вывить 32 стилистических приема. Их количественное распределение представлено в таблице 2.

Таблица 2

**Количественное распределение стилистических приемов
в новелле «Легенда о двух скрытных статуях»**

Всего стилистических приемов выявлено	32
Образное сравнение	9
Эпитет	7
Метафора	6
Гипербола	2
Аллитерация	2
Ритм	2
Повтор	2
Параллелизм	1
Многосоюзи	1

Как и в предыдущем анализе, наиболее часто используются образные сравнения и эпитеты. Половина образных сравнений построены на зоонимах, и почти все сравнения использованы для характеристики персонажей.

«Легенда о доне Муньо Санчо де Инохоса», как и «Легенда о двух скрытных статуях», входит в сборник «Альгамбра». Здесь мы видим оппозицию прошлого и настоящего, на которой, однако, автор не акцентирует наше внимание. Он лишь упоминает о том, что владения некогда влиятельной, уважаемой и богатой семьи находятся в запустении, хотя до сих пор ощущается былое величие: «the mouldering yet magnificent monuments of the once powerful and chivalrous family» (метафора).

Дон Муньо Санчо де Инохоса – благороднейший из рыцарей, слава о его подвигах и благородстве распространилась за много миль вокруг. Характеризуя главного героя новеллы, В. Ирвинг обращается к эпитетам и метафорам: «doughty cavalier, so hardy and adventurous a knight» (эпитет). Встретившийся дону Муньо по пути противник также выражает ему свое уважение: «The flower of knightly virtue» (метафора), «I have heard of your fame as a true and valiant knight, terrible in arms, but schooled in the noble virtues of chivalry» (эпитет,

метафора). Вняв просьбам противника и восхитившись красотой сопровождавшей его дамы («a damsel, whose veil, blown aside by the breeze, displayed a face of surpassing beauty, and eyes cast down in maiden modesty, yet beaming with tenderness and joy») (эпитеты, метафора), дон Муньо снова демонстрирует свое благородство, отпуская их. К дону Муньо испытывали уважение и любовь и его подданные. Так, после получения вести о скором возвращении хозяина с войны двор замка огласили крики радости, и все придворные вышли приветствовать господина: «Then the castle courts rang with shouts of joy; and the standard was displayed, and the trumpets were sounded, and the draw-bridge was lowered, and Donna Maria went forth with her ladies, and her knights, and her pages, and her minstrels, to welcome her lord from the wars» (метонимия, многосоюзие); узнав о гибели донна Муньо, служанки издают самые пронзительные крики: «her female attendants uttered the most piercing cries» (эпитет, гипербола).

Как и положено благородному рыцарю, дома, в его владениях, его ждала из походов любящая жена, полная смирения. Автор снова использует образные средства, подчеркивая кротость донны Марии и описывая ее тревогу за мужа: «gentle and timid nature» (эпитет), «Donna Maria Palacin remained in her castle, a prey to the keenest anxiety» (метафора), «and many a tear did the poor lady shed, when he sallied forth upon his daring enterprises, and many a prayer did she offer up for his safety» (инверсия, анафора, параллелизм).

В. Ирвинг, как и в ранее рассмотренной легенде, сталкивает два мира – реальный и потусторонний. Уже после гибели донна Муньо капеллан видит колонну христианских всадников, напоминающих паломников. А их лица бледны, как у мертвецов. Ирвинг обращается к образному сравнению и эпитету: «a chaplain of the Holy Temple at Jerusalem, while standing at the outer gate, beheld a train of Christian cavaliers advancing, as if in pilgrimage» (образное сравнение), «their faces were deadly pale» (эпитет).

Анализ позволил вывить 20 стилистических приемов. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Количественное распределение стилистических приемов в новелле «Легенда о доне Муньо Санчо де Инохоса»

Всего стилистических приемов выявлено	20
Эпитет	7
Метафора	6
Инверсия	1
Анафора	1
Параллелизм	1
Гипербола	1
Метонимия	1
Образное сравнение	1
Многосоюзие	1

Все выявленные стилистические приемы за исключением одного использованы для описания и характеристики персонажей.

Итак, наиболее часто в рассмотренных новеллах В. Ирвинга встречаются такие стилистические приемы, как эпитеты, метафоры, образные сравнения. Почти все образные сравнения использованы для характеристики персонажей, эпитеты и метафоры – для характеристики персонажей и создания атмосферы произведения. Выявленные стилистические приемы играют важную роль в создании художественных образов. Также хотелось бы отметить самобытность и яркость некоторых образных сравнений. Большое количество стилистических приемов позволяет высказать предположение, что использование образных средств является характерной чертой авторского стиля В. Ирвинга. Полагаем, что исследование других произведений В. Ирвинга также обнаружит большое число образных языковых средств.

Перспективу дальнейших исследований мы видим в исследовании авторского стиля В. Ирвинга и стилистики его произведений, а также в изучении оппозиции реального и потустороннего мира, представленной в его произведениях.

Результаты исследования могут быть использованы при проведении лекционных и практических занятий со студентами по стилистике, интерпретации текста, а также могут быть полезны изучающим творчество Вашингтона Ирвинга.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Д.Д. Образ испанского народа в произведении Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М.: Грамота, 2017. С. 10–12.

Ауллева Ф.А. Фольклорно-литературные взаимосвязи в прозе В. Ирвинга как элемент его литературно-эстетической концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 1. С. 128–133.

Барабанова Ю.М. Англо-американские трансатлантические связи и параллели в прозе Вальтера Скотта и Вашингтона Ирвинга // Тезисы докладов 50-й международной научной филологической конференции имени Л.А. Вербицкой. СПб.: СПбГУ, 2022. 29 с.

Благодерова Е.И. Становление жанра новеллы в американской литературе периода романтизма // Труды БГТУ. 2017. № 1. С. 58–63.

Горячева О.Н. Интертекстуальность произведений А.С. Пушкина «Сказка о золотом петушке» и В. Ирвинга «Легенды об арабском звездочете» // Казанская наука. 2023. № 7. С. 35–37.

Дерюгина К.С. Взаимосвязи в «Сказке о золотом петушке» А.С. Пушкина и «Легенде об арабском звездочете» В. Ирвинга // XVI ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых. 2023. С. 19–21.

Журавлева А.П. Индейская тема в творчестве Вашингтона Ирвинга и Джеймса Фенимора Купера // Вестник МГПУ. 2014. № 4(16). С. 113–118.

Ишмуратова Е.Ф. Английский готический роман в рецепции В. Ирвинга // Смысловое пространство текста: сборник научных статей. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2010. С. 87–96.

Ишмуратова Е.Ф. Способы формирования иронического модуса в рассказе В. Ирвинга «Рип Ван Винкль» // Смысловое пространство текста: сборник научных статей. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2011. С. 26–34.

Колесникова А.В. Основные типы арабской лексики в романе Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» и проблема их межъязыковой передачи // Вестник МГОУ. 2013. № 1. С. 59–65.

Кузьменко М.Е. Лингвостилистические и прагматические аспекты перевода произведений новеллистического жанра (на примере новеллы В. Ирвинга «Жених-призрак») // Языковая личность и перевод. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 312–315.

Магомедова Д.М. Баллада // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Intrada, 2008. С. 26–27.

Михайлова А.Г., Кокодей Т.А. Стилистические средства языка художественной литературы (на примере творчества В. Ирвинга) // Лингводидактика и лингвистика в вузе. Ярославль: ЯГТУ, 2022. С. 359–363.

Моргун Е.А. Рассказ В. Ирвинга «Рип ван Винкль» (сравнительный анализ переводов) // Профессионально-ориентированное обучение языкам. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 78–88.

Николокин А.Н. Вашингтон Ирвинг и ранние переводы американских писателей // Собрание сочинений в 4 т. М.: ИНИОН РАН, 2022. Т. 1. С. 166–206.

Павлова О.М. Некоторые особенности юмора В. Ирвинга // Мир романтизма. 2003. № 8(32). С. 193–196.

Пикина Е.В. Репрезентация лингвокультурного типажа «школьный учитель» в рассказе Вашингтона Ирвинга «The legend of sleepy hollow» // Научное сообщество студентов XXI столетия. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2020. С. 46–52.

Рашидова З.М. В. Ирвинг и А. Пушкин: технология межтекстового анализа при рассмотрении арабо-мавританских мотивов «Легенды об арабском звездочете» и «Сказки о золотом пестушке» // Литературное обозрение: история и современность. 2015. № 5. С. 201–211.

Сироткина Н.В. Вашингтон Ирвинг – Н.В. Гоголь. Мотив тишины и образ земного рая в «Легенде о Сонной лощине» В. Ирвинга и в творчестве Н.В. Гоголя // Америка: литературные и культурные отображения. Иваново: ИвГУ, 2012. С. 42–51.

Степанова Т.М., Аулева Ф.А. Особенности изобразительно-выразительной системы книги В. Ирвинга «Легенда о Сонной лощине» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. № 2. С. 126–132.

Степанова Т.М., Аулева Ф.А. Комиксовая интерпретация форм и архетипов народной культуры и массового сознания в прозе В. Ирвинга // Colloquium-journal. 2020. № 10(62). 41 с.

Стурова Е.А., Мельниченко Е.Е. Художественные образы в новелле Вашингтона Ирвинга «Сонная лощина» и одноименных экранизациях // Лингвистика. Лингводидактика. Межкультурная коммуникация. Липецк: ЛГПУ, 2023. С. 90–93.

Сычева Е.О. Сходство сюжетных мотивов и художественных принципов в творчестве В. Ирвинга и Н.В. Гоголя // Филология, журналистика и межкультурная коммуникация в диалоге цивилизаций. Ставрополь: Тэсэра, 2014. С. 99–101.

Сурикова А.С. Понятие потустороннего в западноевропейской культуре // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, вып. 2. С. 172–182.

Тулякова Н.А. Вариации жанра авторской легенды в русской литературе // От текста к контексту: межвузовский сборник научных работ. Ишим, 2010а. С. 29–32.

Тулякова Н.А. Жанр легенды в литературе США XIX века: особенности развития // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010б. № 134. С. 79–87.

Федулова О.В. Тема искусства и художника в произведениях Н.В. Гоголя и В. Ирвинга // Романтизм: грани и судьбы. 2008. № 8. С. 26–38.

Худенко Е.А., Глазinskая Е.Т. Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» // Научный диалог. 2021. № 3. С. 291–307.

Чехов М.А. Литературное наследие. М.: Искусство, 1986. 1069 с.

Юханова А.А. Пародийное воплощение зла в новеллах Вашингтона Ирвинга «The legend of sleepy hollow» и «The devil and Tom Walker» // Лига исследователей МГПУ. М.: ПАРАДИГМА, 2023. С. 388–392.

Irving, W. A legend of Comunipo. URL: A Legend of Communipaw (americanliterature.com) (дата обращения: 25.09.2024).

Irving, W. Legend of the two discreet statues. URL: 'Legend Of The Two Discreet Statues' by Washington Irving – Short Story Magic Tricks (дата обращения: 25.09.2024).

Irving, W. The Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa. URL: The Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa (americanliterature.com) (дата обращения: 25.09.2024).

T.B. Pivonenkova

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Professional Communications,
Russian Open Transport Academy
Moscow, Russia*

Figurative Stylistic Means in the Legends of Washington Irving (on the Example of «A Legend of Comunipo», «Legend of the Two Discreet Statues», «The Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa»)

The purpose of the work is to determine the role of stylistic devices used by Washington Irving in creating artistic images and to come to conclusions about their significance in creating the author's style. The subject of the study is stylistic devices in the legends by W. Irving. The material of the study is the short stories-legends: «A Legend of Comunipo», «The Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa», «Legend of the two discreet statues». The methods used: continuous sampling, quantitative method. In the course of the analysis, the opposition «real world – other world» presented in three legends was identified. The opposition deserves further research on other legends by the author. The conducted analysis revealed 83 stylistic devices. The most frequently used stylistic devices are epithets and metaphors characterizing the atmosphere of legends and its characters; figurative comparisons characterizing the heroes. A large number of identified stylistic devices allows us to assert that figurative means of language are a characteristic feature of the author's style of W. Irving. The obtained results can be used in studying the stylistics of W. Irving's works, as well as in classes on stylistics and text interpretation.

Keywords: *Washington Irving; stylistic devices; stylistics; legend; imagery; epithet; metaphor; figurative comparison.*

REFERENCES

Alekseeva D.D. The Image of the Spanish People in Washington Irving's «Alhambra» [Образ испанского народа в произведении Вашингтона Ирвинга «Al'gambra»]. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. Moscow: Gramota, 2017, pp. 10–12 (in Russian).

Autleva F.A. Folklore and literary connections in the prose of W. Irving as an element of his literary and aesthetic concept [Fol'klorno-literaturny'e vzaimosvyazi v proze V. Irvinga kak e'lement ego literaturno-e' stetcheskoj koncepcii]. *Bulletin of the Adyge State University*. 2014. No 1, pp. 128–133 (in Russian).

Barabanova Yu.M. Anglo-American Transatlantic Relations and Parallels in the Prose of Walter Scott and Washington Irving [Anglo-amerikanskije transatlanticheskie svyazi i paralleli v proze Val'tera

Skotta i Vashingtona Irvinga]. *Abstracts of the 50th International Scientific Philological Conference named after L.A. Verbitskaya*. Saint-Petersburg: SPbSU, 2022. 29 p. (in Russian).

Blagodyorova E.I. The Formation of the Novel Genre in American Literature during the Romantic Period [Stanovlenie zhanra novelly` v amerikanskoj literature perioda romantizma]. *Proceedings of BSTU*. 2017. No 1, pp. 58–63 (in Russian).

Goryacheva O.N. Intertextuality of the works of A.S. Pushkin «The Tale of the Golden Cockerel» and W. Irving «The Legend of the Arabian Astrologer» [Intertekstual`nost` proizvedenij A.S. Pushkina «Skazka o zolotom petushke» i V. Irvinga «Legendy` ob arabskom zvezdochete»]. *Kazan Science*. 2023. No 7, pp. 35–37 (in Russian).

Deryugina K.S. Relationships in A.S. Pushkin's «The Tale of the Golden Cockerel» and W. Irving's «The Legend of the Arabian Astrologer» [Vzaimosvyazi v «Skazke o zolotom petushke» A.S. Pushkina i «Legende ob arabskom zvezdochete» V. Irvinga]. *XVI annual scientific session of post-graduate students and young scientists*. 2023, pp. 19–21 (in Russian).

Zhuravlyova A.P. The Indian Theme in the Works of Washington Irving and James Fenimore Cooper [Indejskaya tema v tvorchestve Vashingtona Irvinga i Dzhejmsa Fenimora Kupera]. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University*. 2014. No 4(16), pp. 113–118 (in Russian).

Ishmuratova E.F. The English Gothic Novel in the Reception of W. Irving [Anglijskij goticheskij roman v recepcii V. Irvinga]. *Semantic space of the text. P-K.: Bulletin of KamSU*, 2010, pp. 87–96 (in Russian).

Ishmuratova E.F. Methods of Forming the Ironic Mode in W. Irving's Story «Rip Van Winkle» [Sposoby` formirovaniya ironicheskogo modusa v rasskaze V. Irvinga «Rip van Vinkl`»]. *Semantic space of the text. P-K.: Bulletin of KamSU*, 2011, pp. 26–34 (in Russian).

Kolesnikova A.V. The Main Types of Arabic Vocabulary in Washington Irving's Novel «The Alhambra» and the Problem of Their Interlingual Transfer [Osnovny`e tipy` arabskoj leksiki v romane Vashingtona Irvinga «Al`gambra» i problema ix mezh`yazy`kovoj peredachi]. *Bulletin of MRSU*. 2013, pp. 59–65 (in Russian).

Kuz`menko M.E. Linguistic and pragmatic aspects of translation of works of the novelistic genre (using the example of W. Irving's novella «The Ghost Bridegroom») [Lingvisticheskie i pragmaticheskie aspekty` perevoda proizvedenij novellisticheskogo zhanra (na primere novelly` V. Irvinga «Zhenix-prizrak»)]. *Linguistic personality and translation*. Minsk: Belorussian state university, 2021, pp. 312–315 (in Russian).

Magomedova D.M. Ballad [Ballada]. *Poetics: a dictionary of current terms and concepts*. Moscow: Intrada, 2008, pp. 26–27 (in Russian).

Mixajlova A.G., Kokodej T.A. Stylistic means of the language of fiction (based on the work of W. Irving) [Stilisticheskie sredstva yazy`ka xudozhestvennoj literatury` (na primere tvorchestva V. Irvinga)]. *Lingvodidactics and linguistics in higher education*. Yaroslavl': YaSTU, 2022, pp. 359–363 (in Russian).

Morgun E.A. The story «Rip Van Winkle» by W. Irving (comparative analysis of translations) [Rasskaz V. Irvinga «Rip van Vinkl`» (sravnitel`ny`j analiz perevodov)]. *Professionally oriented language teaching*. Saint-Petersburg: SPbSEU, 2019, pp. 78–88 (in Russian).

Nikolyukin A.N. Washington Irving and Early Translations of American Writers [Vashington Irving i rannie perevody` amerikanskix pisatelej]. *Collected Works in 4 vols*. Moscow: INION RAN, 2022, pp. 166–206 (in Russian).

Pavlova O.M. Some features of W. Irving's humor [Nekotory`e osobennosti yumora V. Irvinga]. *The World of Romanticism*. 2003, pp. 193–196 (in Russian).

Pikina E.V. Representation of the linguacultural type «school teacher» in Washington Irving's story «The legend of sleepy hollow» [Reprezentaciya lingvokul`turnogo tipazha «shkol`ny`j uchitel`» v rasskaze Vashingtona Irvinga «The legend of sleepy hollow»]. *The Scientific Community of Students of the 21st Century*. Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga, 2020, pp. 46–52 (in Russian).

Rashidova Z.M. V. Irving and A. Pushkin: the technology of intertextual analysis in examining the Arab-Moorish motifs of «The Legend of the Arabian Astrologer» and «The Tale of the Golden Cockerel» [V. Irving i A. Pushkin: texnologiya mezhtekstovogo analiza pri rassmotrenii arabo-mavritanskix

motivov «Legendy` ob arabskom zvezdochete» i «Skazki o zolotom petushke»]. *Literary Review: History and Modernity*. 2015, pp. 201–211 (in Russian).

Sirotkina N.V. Washington Irving – N.V. Gogol. The Motive of Silence and the Image of Earthly Paradise in the «Legend of Sleepy Hollow» by W. Irving and in the Works of N.V. Gogol [Vashington Irving – N.V. Gogol`. Motiv tishiny` i obraz zemnogo raya v «Legende o sonnoj loshhine» V. Irvinga i v tvorchestve N.V. Gogolya]. *America: Literary and Cultural Reflections*. Ivanovo: IvSU, 2012, pp. 42–51 (in Russian).

Stepanova T.M., Autleva F.A. Features of the pictorial and expressive system of the book by V. Irving «The Legend of Sleepy Hollow» [Osobnosti izobrazitel'no-vy`razitel'noj sistemy` knigi V. Irvinga «Legenda o sonnoj loshhine»]. *Bulletin of the Adyge State University*. 2019. No 2, pp. 126–132 (in Russian).

Stepanova T.M., Autleva F.A. Comic interpretation of forms and archetypes of folk culture and mass consciousness in the prose of W. Irving [Komiksovaya interpretaciya form i arxetipov narodnoj kul'tury`, i massovogo soznaniya v proze V. Irvinga]. *Colloquium-journal*. 2020. 41 p. (in Russian).

Sturova E.A., Mel'nichenko E.E. Artistic images in Washington Irving's novella «Sleepy Hollow» and the film adaptations of the same name [Xudozhestvenny'e obrazy` v novelle Vashingtona Irvinga «Sonnaya loshhina» i odnoimenny`x e`kranizacijax]. *Linguistics. Linguodidactics. Intercultural communication*. Lipeck: LSPU, 2023, pp. 90–93 (in Russian).

Sy`chuyova E.O. Similarities of plot motifs and artistic principles in the works of V. Irving and N.V. Gogol [Sxodstvo syuzhetny`x motivov i xudozhestvenny`x principov v tvorchestva V. Irvinga i N.V. Gogolya]. *Philology, journalism and intercultural communication in the dialogue of civilizations*. Stavropol: Tesera, 2014, pp. 99–101 (in Russian).

Surikova A.S. The concept of the otherworldly in Western European culture [Ponyatie potustoronnego v zapadnoevropejskoj kul'ture]. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2012, pp. 172–182 (in Russian).

Tulyakova N.A. Variations of the author's legend genre in Russian literature [Variacii zhanra avtorskoj legendy` v russkoj literature]. *From text to context*. 2010a, pp. 29–32 (in Russian).

Tulyakova N.A. The Legend Genre in the 19th Century American Literature: Development Features [Zhanr legendy` v literature SShA XIX veka: osobnosti razvitiya]. *News of the Herzen State Pedagogical University*. 2010b. No 134, pp. 79–87 (in Russian).

Fedulova O.V. The theme of art and the artist in the works of N.V. Gogol and V. Irving [Tema iskusstva i xudozhnika v proizvedeniyax N.V. Gogolya i V. Irvinga]. *Romanticism: Facets and Destinies*, 2008. No 8, pp. 26–38 (in Russian).

Xudenko E.A., Glazinskaya E.T. The Otherworldly Space in Lyudmila Ulitskaya's Novel «The Kukotsky Case» [Potustoronnee prostranstvo v romane Lyudmily` Uliczkoj «Kazus Kukoczko»]. *Scientific dialogue*. 2021. No 3, pp. 291–307 (in Russian).

Chexov M.A. Literary heritage [Literaturnoe nasledie]. Moscow: Art, 1986. 1069 p. (in Russian).

Yuxanova A.A. Parodic embodiment of evil in Washington Irving's short stories «The Legend of Sleepy Hollow» and «The Devil and Tom Walker» [Parodijnoe voploshhenie zla v novellax Vashingtona Irvinga «The legend of Sleepy Hollow» i «The devil and Tom Walker»]. *League of Researchers of Moscow State Pedagogical University*. Moscow: PARADIGMA, 2023, pp. 38–392 (in Russian).

Irving W. A legend of Comunipo. Available at: A Legend of Communipaw (americanliterature.com) (accessed on September 25, 2024) (in English).

Irving W. Legend of the two discreet statues. Available at: 'Legend Of The Two Discreet Statues' by Washington Irving – Short Story Magic Tricks (accessed on September 25, 2024) (in English).

Irving W. The Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa. Available at: The Legend of Don Munio Sancho de Hinojosa (americanliterature.com) (accessed on September 25, 2024) (in English).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Метельский

*Институт истории НАН Беларуси
Минск, Республика Беларусь*

УДК 94(476.4)«13/15»:271.1-9

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-158-175

ПОДДЕРЖКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МСТИСЛАВСКИМИ КНЯЗЬЯМИ

Ключевые слова: *Смоленск; Смоленское княжество; Мстиславль; Мстиславльское княжество; князь Ростислав Мстиславич; Лынгвеневичи; храмы; монастыри.*

Крещение Владимиром в 988 году Руси положило начало официальному распространению христианства на восточнославянских землях, чему активно способствовала княжеская власть. Смоленск и его волость были крещены в 1013 году, а Смоленская епархия организована князем Ростиславом Мстиславичем в 1136 году. Мстиславль, входящий в состав Смоленского княжества XII – середины XIV века, также находился под омофором Смоленской епархии, и смоленские князья тут строили церкви и Никольский монастырь.

После захвата Мстислава Великим княжеством Литовским в середине XIV века, формирования Мстиславского княжества и династии мстиславских князей именно они начали создавать сеть монастырей в Мстиславском княжестве – Св. Онуфриевский (1407 год, князь Лынгвений), Св. Успенский Пустынский (вторая половина XV века, князь Иван Юрьевич), монастырь на Даниловском погосте (начало XVI века, князь Михаил Иванович).

Письменные источники свидетельствуют о том, что князья Мстиславские из рода Лынгвеневичей и князь Михаил Иванович Мстиславский вместе со своими женами принимали активное участие в распространении и укреплении христианства. Они не только вошли в историю как ктиторы многочисленных церквей на территории Мстиславского княжества, но и принимали активное участие в распространении христианства на восточных землях Великого княжества Литовского конца XIV – начала XVI века.

Принятие христианства в качестве официальной религии Киевской Руси в 988 году положило начало его активному распространению в Восточной Европе. Смена идеологии, затронувшая основные моменты духовной жизни,

быта и экономической деятельности, не была одномоментным событием, а проходила на протяжении жизни нескольких поколений.

Сразу после крещения Киева встал вопрос об административно-территориальной организации новоокрещенной территории. Епархии были организованы в Чернигове, Белгороде, Новгороде, Переяславе, Юрьеве, Полоцке и Турове. Вместе с тем вопрос о времени основания Киевской митрополии Константинопольской патриархии остается дискуссионным. Большинство историков считает, что ее создание началось сразу после 988 года. Только отдельные исследователи ставят под сомнение эту дату. Так, А.В. Назаренко указывал, что митрополия в Киеве была основана между 1008 и 1115 годами [Назаренко, 2017, 130–175], а М. Приселков предполагал, что первоначально Киевская митрополия подчинялась Охридскому собору и лишь с 1037 года стала подчиняться Константинопольскому патриархату и что митрополит Феопемпт намеренно уничтожил всю информацию об этом. В пользу данной точки зрения, по его мнению, говорит тот факт, что древнейшая столичная летопись была создана только в 1039–1040 годах [Приселков, 2003, 46, 77–84].

И хотя крещение Смоленска датируется 1013 годом [Алексеев, 1980, 239], первоначально земли Верхнего Поднепровья и Посожья были подчинены Переяславской епархии. Организовать самостоятельную епархию в Смоленске планировал еще Владимир Мономах [Назаренко, 2009, 175], но реально к работе по ее организации приступил его сын Мстислав Владимирович, смоленский наместник. Завершить работу удалось в 1136 году Ростиславу Мстиславичу, когда Смоленское княжество было выведено из-под юрисдикции переяславского епископа. С этого года земли Верхнего Поднепровья и отчасти Среднего Посожья в церковном плане до середины XIV века находились под омофором Смоленской епархии.

В связи с организацией Смоленской епархии князь Ростислав Мстиславич передал ей владения и десятину от своих доходов, что было отражено в Уставной грамоте об организации Смоленской епархии. Устав Ростислава Мстиславича на Посожье и Поднепровье упоминает волости Кречют, Прупой, Мирятичи (по реке Меря), Басея (по реке Басе), Копысь, с которых Смоленской епархии князь дарил одну (Кречют, Мирятичи и Прупой) или полторы (Басея) гривны. Размер дани с Копыси в источнике не читается. Кроме того, с корчем, что существовали в Прупое и Копыси, в пользу епархии также шла десятинная [ДКУ, 1976, 142–143].

Безусловно, административные центры, упомянутые в Уставе Ростислава Мстиславича, были одновременно и центрами распространения христианства в подчиненной ему округе – центрами благочиний, и, следовательно, уже Уставная грамота Ростислава Мстиславича фиксирует административно-территориальную организацию Смоленской епархии. И в этом нет ничего удивительного, ведь в соответствии с 17-м правилом Халкидонского собора (451 год) административно-территориальное устройство

церкви должно было соответствовать административно-территориальному и политическому устройству государства – эту традицию сохраняют Католическая и Православная церкви до наших дней.

Административные центры Смоленской земли плотно покрывали все Верхнее и Среднее Посожье: Басея, Мирятичи, Мстиславль, Ростиславль, Кричев, Прупой, и если к ним в качестве центров христианизации присоединить крупные городища в Радомле, у д. Горы и расположенный на юге княжества Зарой [Метельский, 2016], то получается, что вся юго-западная часть Смоленского княжества XII–XIII веков делится на округа радиусом около 20–25 км, что в определенной ситуации соответствует размерам территории, которую окормляют и современные благочиния.

Внутри благочиний существовали приходы, которые необходимо искать в феодальных усадьбах – городищах и селищах, где прослеживаются следы наличия феодальной верхушки. Распространение христианства шло из городских центров, однако и в них население, как свидетельствуют археологические материалы, длительное время находилось под влиянием язычества.

Даже в крупных городах северного Посожья: Мстиславле, Ростиславле, Кричеве – находки христианских вещей в культурном слое XII–XIII веков немногочисленны, а их количество возрастает только в XIV–XV веках. О существовании пережитков язычества в XII–XIII веках свидетельствует сохранение в Кричеве предания о том, что церковь св. Николая на замке была построена на месте языческого капища [Живописная Россия, 1993, 422], и предания, что рядом с Преображенским храмом (на городище Городец) тоже было капище [Сведения, 1903, 62]. Замковую гору в Кричеве строили на рубеже XII–XIII веков и, безусловно, одновременно на ней строили христианский храм, то есть последние времена существования языческого капища еще были либо перед глазами строителей, либо в их памяти, поэтому предание и дошло до нас.

Населению Восточной Европы и в более позднее время был свойственен биритуализм, когда были еще живы языческие традиции. Более того, Николай Гусовский, который был выходцем из восточных районов ВКЛ, еще в начале XVI века отмечал, что для местного населения было характерно сохранение старых обычаев и что оно еще не было достаточно христианизировано [Гусоўскі, 2007, 26–27].

Поэтому и для династии мстиславских князей из рода Лынгвеневичей конца XIV – начала XVI века открывалось широкое поле деятельности в распространении христианства, строительстве и украшении храмов, организации монастырей и предоставлении им средств на развитие.

Основатель династии мстиславских князей князь Семен Лынгвень (около 1356 – 1431) основал в 1407 году монастырь Св. Онуфрия на месте современной д. Онуфриево Мстиславского района. Согласно документам, монастырь был основан в память о чудесном спасении сына князя Юрия. По

преданию, княжич Юрий заблудился в лесу во время охоты и бродил по нему семь дней. Наконец, когда он уже почти потерял силы, упал на колени и начал молиться о спасении, перед ним предстал старец с длинными волосами и обратился к мальчику со словами: «Не бойся, чадо, я Онуфрий и послан Богом указать тебе дорогу».

Благодаря Онуфрию князь Юрий нашел выход из леса и спасся. По легенде, в ознаменование чудесного спасения сына князь Семен Лынгвень на месте явления княжичу св. Онуфрия основал монастырь в честь этого святого и дал ему для обеспечения жизнедеятельности «Селцо» (совр. д. Селец Мстиславского района) и «Комаровичи» (совр. одноименная деревня Шумячского района Смоленской области), а также «людей съ пашнями и сеножатми, и данники зъ данею медовое и зъ серебряною, и зъ бобровыми гоны и зо всими приходы, што къ тымъ землямъ и пашнямъ прислухает» [АЗР, т. 1, 57–58]. В благодарность за эти пожалования князь Семен Лынгвень обязал монахов проводить 16 служб в месяц за души умерших ктиторов и их родных [Климов, 2011, 91].

Еще в конце XIX – начале XX века в Онуфриевском монастыре находилась икона, изображающая явление св. Онуфрия мальчику, который молится в лесу. Икона до наших дней не сохранилась, по мнению М. Кацера, ее следует датировать началом XV века. По преданию, которое существовало в монастыре, ее привез с Афона князь Юрий Лынгвеневиц [Краснянский, 1912, 48; Кацер, 1969, 36].

Однако в окрестностях современной д. Онуфриево довольно много памятников археологии XI–XIII веков (курганные могильники по обоим берегам Сожа и Черной Натопы – возле дд. Онуфриево, Стаборщина, Дубровка, Тихиль, Холмы, селища возле дд. Холмы, Дубровка, городище в Подлужье) [Колосов, 2009, 126–153; АКР, 1997, 188–203], а значит, земли были уже в это время довольно плотно заселены. Поэтому предание о семидневном блуждании княжича выглядит несколько натянуто. Интересной является мысль, высказанная С. Климовым, о том, что тут, вероятно, уже существовал монастырь в честь св. Онуфрия, в котором могли жить один-три монаха, и князь Семен Лынгвень за помощь в поисках сына просто дал толчок развитию монастыря в виде новых пожалований [Климов, 2008, 9]. И только потом эта история стала ассоциироваться с основанием монастыря князем Семеном Лынгвеном.

Кроме основания Онуфриевского монастыря, по сведениям источников XVIII века, князь Семен Лынгвень построил церковь в д. Колодези, которая ранее располагалась на территории Монастырщинского района Смоленской области [РГИА, ф. 823, оп. 3, д. 455, 83].

Гораздо больше сохранилось источников о ктиторовской деятельности детей князя Семена Лынгвена Ярослава и Юрия. Князь Ярослав (1410–1435)

также сделал пожалования на Онуфриевский монастырь, которые зафиксированы в «свитке Ярослава», но что конкретно он пожаловал, источник не говорит [АЗР, т. 1, 103].

Князь Юрий Семенович (1395/1399–1460) продолжил дело отца и брата по улучшению материального положения Онуфриевского монастыря. В 1443 году он вместе с женой Софией и сыном Иваном подтвердил пожалования отца и дополнительно дал монастырю села Головчин и Колесническое [АЗР, т. 1, 57–58], расположенные недалеко от монастыря.

Князь Юрий не только материально поддерживал Онуфриевский монастырь, но и уделял внимание храмам в Мстиславле и на периферии. Он пожаловал мстиславской церкви Пречистой Богородицы земли в городе и дал ей пашню в сельце Резанец (совр. д. Рязанцы Мстиславского района) [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 68, 183]. Также он пожаловал земли церкви св. Георгия в д. Селище (совр. одноименная деревня Мстиславского района) [ИЮМ, вып. 25, 326–328].

Кроме поддержки действующих храмов, князь Юрий возводил новые. Так, им была основана церковь Пречистой Богородицы в Радомле, которой он пожаловал двор Еремеевский [НИАБ, ф. 1729, оп. 1, д. 36, 360–360 об.; КМФ-18, оп. 1, д. 284, 177 об.–178]. Вероятно, при князе Юрии Семеновиче, а может еще при его отце князе Семене, был основан Никольский храм при Даниловском погосте (совр. д. Пацолтово Мстиславского района) [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 369, 841].

Вероятно, в первой половине XV века прорабатывался вопрос об организации в Мстиславле самостоятельной епархии, которая бы укладывалась в административно-территориальную структуру страны (занимала территорию Мстиславского княжества). Об этом свидетельствует фраза из документа за 1443 год про «...владыки, который коли будет епископию Мстиславскую держать...» [АЗР, т. 1, 58]. Поэтому нельзя исключить, что в церковном плане Мстиславль во второй половине XIV – первой половине XV века продолжал оставаться под омофором Смоленского епископа.

Однако после раскрытия в Смоленске в 1435 году заговора, направленного на передачу «русских» земель под власть Жигимонта Кейстуовича, начались репрессии против местных бояр и был казнен смоленский епископ Герасим [Полехов, 2014, 176–177]. Также с целью ослабления экономической мощи Смоленска начался процесс вывода волостей из-под его власти.

Об этом свидетельствует тот факт, что в 1511 году полоцкий епископ Евфимий говорил смоленскому, что Мстиславль принадлежит ему только несколько десятилетий [Зимин, 1991, 98; РИБ, 1914, 737–738], а первым полоцким архиепископом, который титуловался архиепископом Полоцким, Витебским и Мстиславским, был архиепископ Лука (1490–1509) [Шейкин, 1997, 20]. Возможно, окончательное закрытие вопроса об организации

Мстиславской епархии произошло после прекращения династии Лынгвеневичей в 1483 году. После этого волости Мстиславля, Кричева и Олучыц были присоединены к Полоцкой и Витебской епархии, которая с того времени стала называться архиепархия Полоцкая, Витебская и Мстиславская.

Кроме ктиторской деятельности на территории Мстиславского княжества, князья Лынгвеневичи давали пожалования на храмы и монастыри на других территориях ВКЛ. Юрий Семенович в 40-х годах XV века вел себя в окрестностях Полоцка как настоящий хозяин: титуловался великим полоцким князем, освободил от всех повинностей жителей д. Горспля, которая принадлежала протопопу Софийского собора Юрию. По мнению В. Воронина, такое поведение Юрия Семеновича объясняется тем, что он считал Полоцк своим наследственным владением на том основании, что там в 70–80-х годах XIV века княжил его отец Семен Лынгвень [Варонін, 2010, 23].

Кроме того, Юрий Семенович сделал вклад в новгородский Софийский собор в виде панагияра, надпись на котором гласит, что он изготовлен 13 сентября 1435 года при архиепископе Евфимии, при великом князе «всей Руси» Василии Васильевиче, а также «при князе Юрье Лоугвеньевич» [Николаева, 1971, 39–40, табл. 11; Орлов, 1952, 131, № 216].

Набожной была и его жена София. Об этом свидетельствует лист московского митрополита Ионы, написанный в августе 1459 – марте 1461 года, в котором он высказывает свои соболезнования князю Юрию в связи со смертью жены и отмечает, что она имела «добрый нрав и благое покорение к Богу и к церкви Божей». Митрополит Иона, успокаивая князя, хвалил его за то, что он похоронил супругу «оу себе во своемъ городке» [Русский, 2008, 219–222], под которым, вероятно, следует понимать Мстиславль. Если это так, то, скорее всего, она была похоронена в мстиславском соборном храме св. Троицы.

В отличие от своего отца князя Юрия, который принимал активное участие в политической жизни страны, его сын князь Иван Юрьевич (? – 1483/1490) известен исключительно благодаря своим пожалованиям на храмы и монастыри. Еще при жизни отца, в 1458–1459 годах, князь Иван Юрьевич пожаловал полоцкому Софийскому собору сельцо на р. Маринцы [АЗР, т. 1, 77].

Не отставала от князя и его жена княгиня Ульяна. В июне 1461 года она пожаловала Никольскому храму на Даниловском погосте село Грыдково, которым ранее владел какой-то Студеницкий, – мстиславскому протопопу, священнику Троицкого храма Фурсу и его сыну и всем тем, кто потом будет служить в даниловском храме св. Николы [АЗР, т. 1, 79].

В 1463 году князь Иван Юрьевич вместе с женой Ульяной и детьми построили на княжеском дворе в Мстиславле новый Троицкий храм, в котором было семь алтарей. Кроме главного алтаря, посвященного святой Троице, в храме были алтари Воскресенья Господня, Благовещенья Пресвятой Богородицы, Успенья Пресвятой Богородицы, Усекновенья главы святого Иоанна, святых Исповедников, алтарь Киприана и Устиньи.

Кроме того, что княжеская семья построила новый храм, она пожаловала храму ежегодно 14 кадей меду, подробно расписав, откуда он будет поставляться: пять кадей меда должны поставлять «Колотовины дети» (вероятно, платили дети основателя совр. д. Колотовина Мстиславского района) и их соседи «подлужанцы» (жители совр. д. Подлужье Мстиславского района). Кроме того, вместе они должны давать на храм две бочки хмеля и 15 грошей «накадных», но одновременно освобождались от других работ и выплаты податей на князя. Еще пять кадей меду, две бочки хмеля и 15 грошей «накадных» на Троицкий храм выбирались на Супрочанках. Но они, в отличие от жителей Подлужья и Колотовина, обязаны были нести службу у князя. Три кади меда, три бочки хмеля и 12 грошей «накадных» выбирали на храм в Параднине «на Шашкиничах». Они также не освобождались от службы у князя. Последнюю кадь меда, бочку хмеля и пять грошей «накадных» должны были выбирать на храм в Вехре (вероятно, совр. д. Ст. Вихраны Мстиславского района) «на Обушковых детях».

Кроме того, княжеская семья давала на церковь ежегодно 140 бочек ржи, при этом подчеркивали, что когда в Мстиславле ее не будет, то священники храма имеют право взять на ее покупку два рубля грошей со двора Княжичи. Также в пожаловании подчеркивалось, что дань должна была делиться между священниками клирошанами и дьяками, а пономари должны были иметь свой грош «накадны». За эти пожалования княжеская семья требовала, чтобы протопоп вместе со священниками служили в субботу и воскресенье за здоровье княжеской семьи. Кроме того, были расписаны и другие дни, когда в Троицком храме Мстиславля должны были служить за княжескую семью; в понедельник, во вторник и четверг за умерших членов семьи, в среду «за здоровье наше», в пятницу и в субботу за души родичей умерших «при всех престолах» [АЗР, т. 1, 79–80].

В 1474 году Иван Юрьевич построил храм Вознесения Господня в селе Красном под Мстиславлем и дал ему земельные и денежные пожалования [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 85, 274–274 об.].

Как и ранее, из поля зрения мстиславского княжеского дома не выпадал Онуфриевский монастырь. Князь Иван Юрьевич не только подтвердил все прежние пожалования деда и отца, но сделал и новые. Так, в октябре 1468 года князь Иван Юрьевич пожаловал монастырю озеро «Гостинь, подь Липкою, на Ветце» [АЗР, т. 1, 83–84].

В июне 1483 года Иван Юрьевич вместе с женой Ульяной и детьми вновь подтвердили пожалования князей Семена Лынгвеня, Юрия Лынгвенеича и свои Онуфриевскому монастырю: село Головчин, в котором было шесть служб, село Колесниково, в котором было 10 служб. Кроме деревень, которые непосредственно принадлежали монастырю, и другие села платили ему дань. Так, село Комаровичи давало две кади меду по шесть пудов весом каждая, две бочки хмелю, денежной дани 10 рублей без четырех грошей, а «вары» на 20

грошей; Тетеринская давала кадь меду и полкопы грошей; Медковичи – две кади меду по пять пудов, две бочки хмеля, 90 грошей, а «вары» 20 грошей; Селюхины – две кади меду по пять пудов, две бочки хмеля, 70 грошей, а «вары» 20 грошей; Данилка давал две кади меду, две бочки хмеля, «накадных» 10 грошей, а за бобра 16 грошей. Кроме того, были еще другие натуральные выплаты на монастырь и обязанность работать на него. При этом монастырские населенные пункты освобождались от подчинения княжеской администрации и обязанности работы на князя [АЗР, т. 1, 102–104].

В 14 км севернее Мстиславля располагается мужской Пустынский Свято-Успенский монастырь, дата основания которого неизвестна. С конца XIX века существует предание, что монастырь основал в 1380 году князь Семен Лынгвень. Первым эту дату назвал В. Зверинский в 1890 году [Зверинский, 1890, 216]. Правда, информация про князя Семена Лынгвеня как основателя монастыря именно в 1380 году отсутствует в документации Пустынской обители конца XVIII столетия. 1380 год как дату основания монастыря не знал и И. Грыгорович в начале XIX века [НИАБ, ф. 3421, оп. 1, д. 12; Грыгаровіч, 1992, 97].

Но в книге, посвященной истории Пустынского монастыря и изданной в начале XX века, уже более уверенно повторяются сведения В. Зверинского, несмотря на то что в монастырской летописи, которая еще хранилась в это время в обители, говорилось только: «Один из владетельных князей Мстиславских сильно заболел глазами...» Однажды во сне он увидел старца, который посоветовал ему найти «в пустыни» криницу и ее водой омыть глаза. Князь исполнил этот сон, нашел криницу, омыл глаза и сразу же прозрел. На ближайшем дереве он увидел икону с образом Богоматери. В благодарность за выздоровление князь приказал построить над криницей часовню, а потом и храм. Монастырская летопись не называет имя князя, у которого были больные глаза, но составитель очерка истории монастыря, опубликованного в 1901 году, вставляет в него свое объяснение – «в котором должно видеть князя Симеона» [Пустынский, 1901, 5]. Вот таким образом в историю Пустынского Свято-Успенского монастыря искусственно была вставлена личность князя Семена Лынгвеня, хотя в самой летописи он не упоминается.

Скорее всего, монастырь был основан князем Иваном Юрьевичем – внуком Лынгвеня [Мяцельскі, 2009; Метельский, 2016, 272–285]. Нельзя исключить, что, желая продолжить традицию деда, он основал под Мстиславлем еще один монастырь незадолго до своей смерти (1483 год), но не успел дать ему значительное пожалование. Известно только одно его недатированное пожалование на мстиславскую церковь Воскресенья Христова, где упоминается Пустынский монастырь: «...на бортную землю с пашьнями и зь селищами называемыми Макаровьскимъ, Ватовскимъ пры манастыри светое Пречистое Пустынское» [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 83, 1 об.–2; д. 84, 5 об.–6 об.]. Некоторые владения пожаловала Пустынскому монастырю его вдова княгиня Ульяна, что нашло отражение в источниках начала XVI века.

Ее пожалование – «...три пуды меду пресного железное ваги, а к тому 40 грошей у старца Засельского» – упоминается в жалобе 1529 года архимандрита Филарета [АЗР, т. 2, 203].

Новая династия мстиславских князей, которая началась с князя Михаила Ивановича Заславского (1498/1499–1527), за которого великий литовский князь Александр выдал замуж дочку Ивана Юрьевича Ульяну, продолжила дело по поддержке монастырей и храмов на территории Мстиславского княжества. Именно со времени княжения Михаила Ивановича сохранилось много источников, которые свидетельствуют о его активной помощи Пустынскому Свято-Успенскому монастырю. Возможно, это было связано с деятельностью его жены – княгини Ульяны, которая решила завершить дело отца и создать экономический фундамент для функционирования Пустынского монастыря.

Фактически сразу князь Михаил Иванович начал давать Пустынскому монастырю земельные владения. Однако, вероятно, не имея свободных от шляхты населенных пунктов и желая исправить ситуацию, он позволил пустынскому игумену призывать на монастырские земли и селить на них людей, освобождая их от выполнения повинностей и подсудности князя [АЗР, т. 2, 201]. Это первый документ, который датируется 14 сентября 1499 года, свидетельствует о начале формирования земельной собственности монастыря.

Да и все последующие пожалования князя Михаила Ивановича монастырю были земельными владениями без людей. В апреле 1505 года князь Михаил Иванович дал монастырю «на вечно» «бортную Измайловскую землю» на р. Ослине. А в августе этого же года дал на монастырь «паместнае мстиславское, 3 пуда меду, а 40 грошей зъ старца нашой Засельской волости, серебряное наших дани» [АЗР, т. 1, 364, 365]. Если учитывать, что это пожалование созвучно с пожалованием княгини Ульяны, вероятно, он просто подтвердил более ранний вклад вдовы Ивана Юрьевича.

И впоследствии князь Михаил Иванович щедро давал Пустынскому монастырю земли и помогал ему материально. В июле 1507 года князь Михаил Иванович дал монастырю «на вечно» село Овдейково, расположенное на р. Ослине [АЗР, т. 2, 24; АСДОИЗР, 1867, 7]. В мае 1511 года Михаил Иванович дал жалованную грамоту игумену Иосифу на сеножать возле моста через р. Вихру «отъ перетока, што от Селца идеть, около озерища и по слободскую дорогу» [АЗР, т. 2, 80]. В 1526 году князь Михаил дал монастырю пустошь Радионовскую, которую когда-то держал какой-то Федька с правом приглашать сюда людей, вызволивши их от княжеского суда и подчинения княжеским наместникам [АЗР, т. 2, 169; АСЗР, 1867, 9]. В июне 1527 года Михаил Иванович пожаловал монастырю село Ракуковское, которое находилось в волости двора Параднинского [АСДОИЗР, 1867, 10].

Князь Михаил Иванович не забывал и про Онуфриевский монастырь. В августе 1515 года по просьбе архимандрита Филарета он дал монастырю

«езь пустовский Халцюковский» на р. Сож, позволяя «язь держати и рыбы ловити» [АЗР, т. 2, 119]. А в январе 1525 года Михаил Иванович дал монастырю бобровые гоны от впадения в Сож реки Молотомки по Лобковский рубеж (совр. д. Лобковичи Кричевского района) [АЗР, т. 2, 158].

Князь Михаил Иванович продолжил дело своих предшественников по организации монастырей на территории Мстиславского княжества. Он не только дал землю церкви св. Николая, расположенной на Даниловском погосте, который со временем стал называться д. Пацолтово, но и основал при храме св. Николая на Даниловском погосте монастырь [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 369, 836–845 об.], который скупо упоминается в 1664 году и в котором в то время было два храма – св. Николая и Успенья Пресвятой Богородицы [ИЮМ, вып. 24, 466–477].

Поскольку в Пацолтовском монастыре в середине XVII века было два храма, это был значительный религиозный центр региона, но материалы про его деятельность почти не сохранились. Неизвестно даже, когда монастырь закрылся и по какой причине. Он не упоминается уже в привилее короля Августа II, выданном православным монастырям 8 ноября 1720 года [АЮЗР, 1871, 404], а в 1733 году священника Михаила Титовича хоронили в пацолтовской церкви Успенья Пресвятой Богородицы, и опять ничего не сказано про монастырь [НИАБ, ф. 1729, оп. 1, д. 38, 1009].

Значительное внимание князь Михаил Иванович уделял храмам и в самом Мстиславле. В начале XVI века Мстиславль неоднократно штурмовали русские войска, во время этих штурмов горели и церкви. Князь Михаил Иванович непосредственно принимал участие в возрождении городских святынь, свидетельством чего является не только возрождение Свято-Троицкого храма, но и строительство в нем новых приделов в честь св. Артемия и св. мученицы Василисы, которые являлись ангелами его семьи [Климов, 2011, 91]. Таким образом, в первой четверти XVI века Свято-Троицкий храм Мстиславля имел девять алтарей.

В 1524 году (7032) князь дал по «полтине» «установнику» и «простирнику» троицким на Медведевичах, «а пуд меду на кутью по родителям и рубль грошей русский» [НИАБ, ф. 2126, оп. 1, д. 3, 11 об.]. 23 ноября 13 индикта (1509/1524) князь Михаил Иванович дал Троицкому храму с земли Покровской «дани медовой три доли и всех даней три доли, что здавна шли с той земли» [НИАБ, ф. 2126, оп. 1, д. 3, 33 об.].

Пожалования Михаила Ивановича на Троицкий храм продолжила его жена княгиня Ульяна, которая 11 марта 1537 года дала на церковь чело века в Даниловском «накашы» (в окрестностях совр. д. Даниловск) со всеми его землями, с которых на храм должно было идти две кади меду и пуд «вары». Мед княгиня отписывала священникам и на собор, а «вару» указала использовать во время приготовления кануна на панихиды по субботам. Кроме того, со двора Пацково княгиня записала храму св. Троицы бочку

пшеницы, которая должна была использоваться для изготовления просфоры и кутьи по субботам. За это княгиня Ульяна обязала священников служить по субботам «за родителей нашихъ», а по воскресеньям «за насъ и за потомковъ нашихъ Бога просити» [АЗР, т. 2, 11–12].

Княжеская семья не обходила своим вниманием и другие храмы Мстиславля. В городе находился «на Горы», вероятно на Замковой горе, Никольский храм, который впервые упоминается в подтвердительной грамоте мстиславского князя Михаила Ивановича, княгини Ульяны и их детей Федора и Василя от 8 сентября 1507 года игумену Нифонту о пожаловании каким-то Алехном людей в Рясенском повете, которые сидели на земле Ярыковщине и должны были давать на монастырь кадь меду в пять пудов и 10 грошей. Одновременно князь освобождал пожалованных людей от княжеского суда и других обязанностей, кроме их выхода на толоку вместе с другими рясенскими путными слугами [АЗР, т. 2, 29].

Во время исследования мстиславского детинца Л.В. Алексеевым был найден могильник с безынвентарными погребениями, рядом с ними обнаружены остатки деревянной церкви 30–50-х годов XIII века. Над ней стояло более позднее здание (№ 4), которое, кроме того что выполняло роль наблюдательной башни, использовалось и как культовая постройка. Следовательно, нельзя исключить существование Никольского монастыря и в более раннее время и принадлежность погребений конца XII века монахам этой обители [Алексеев, 1993, 217–238; Метельский, 2016, 272–285].

В Мстиславле в годы правления князя Михаила Ивановича существовала церковь Пречистой Богородицы и церковь Кирилла и Афанасия. Первой из них князь дал пять пудов меду «железного весу, а на церковь св. Афанасия дал 3 пуда меду» [АЗР, т. 3, 97]. Относительно второй есть сведения, что она была построена при князе Михаиле Ивановиче в 1500 году. Также известно, что именно Михаил Иванович построил в Мстиславле храм св. Параскевы Пятницы на Подоле [БАЛ, ф. 16, оп. 1, д. 127, 171–171 об.].

В июне 1517 (1519) года князь Михаил Иванович дал священнику церкви св. Спаса в Мстиславле пустошину села Никоновского, расположенного недалеко от Пустынского монастыря, обозначившего границу этой земли: «почавши ручаем Еловцомъ къ Ослине речце, отъ Ослинки речки къ Дубровце, отъ Дубровки у Захаркинъ ручей, вверхъ того ручея холмомъ, су-межь зъ съ Зелявницкою землею рубежами къ речце Ослинце». А в марте 1526 года вместо какой-то деревни, которая по итогам войны 1512–1522 годов осталась на стороне Русского царства, князь Михаил Иванович дал мстиславской Спасской церкви «пустошину на имя Климовское, у Хославичехъ» [НИАБ, ф. 2126, оп. 1, д. 3, 65 об.; АЗР, т. 2, 127–128]. Одновременно князь Михаил Иванович дал на мстиславский храм св. Спаса землю бортную «у Лызах на Лукьяновичах, Гарлыковскую и Кузьминскую кадь

меду» в вечное пользование. Эту кадь меду позволялось рассытить на престольный праздник и использовать в течение недели, а свечи из использованного воска ставить в храме [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 85, 176 об.–177].

В городе был еще один храм св. Николая, который располагался на городском рынке. 9 февраля 1502 года князь Михаил Иванович дал священнику этой церкви Василю сельцо Бардзынинское с пашнями, сеножатьями и со всем тем, что давно принадлежало сельцу [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 38, 130–131 об.; д. 76, 208–209 об.].

Кроме пожалований на монастыри и храмы в Мстиславле, князь Михаил Иванович уделял внимание храмам и в других регионах. 19 февраля 1504 года он дал оршанскому храму св. Николая кадь меду, полкопы грошей с имения Белазор Мстиславского повета [АЗР, т. 1, 359]. Церкви Архангела Михаила в Радомле князь дал кадь меду «пресного» и десять коп с радомлянской пашни от всякого зерна [АЗР, т. 3, 97], а также подтвердил бывшее пожалование князем Юрием Лынгвеневицем двора Еремеевского радомлянской церкви Пречистой Богородицы [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 284, 177 об.–178].

12 августа 1524 года князь Михаил Иванович вместе со своей женой дали священнику церкви Вознесенья Христова в д. Красное Ивану третью часть пустошину службы Пятковской, «а в той третине службы земли Тишка Зиловичову, Грыневу Петрыкову, Андронцову и к тому придали землю пустошную Юшъковщизну, в тыхъ жо Пятъковичох тому ж попу Ивану и его потомком и к той церкви на вечность», и подтвердили бывшие пожалования князя Ивана Юрьевича [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 244, 197 об.–200; д. 85, 274–274 об.].

В селе Добром на церковь Покрова Пречистой Богородицы князь Михаил Иванович дал пашные и бортные земли над рекой Черною Натапою [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 84, 258–258 об.]. Он же дал церкви св. Иакима и Анны в в. Заселье сельцо Лукьяновское «у Полянех» в Мстиславском повете со всеми подданными [НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 84, 205–205 об.] и подтвердил привилей князя Юрия Лынгвеневича на грунты и селища на церковь св. Георгия в д. Селищи [ИЮМ, вып. 25, 326–328].

Таким образом, род князей Мстиславских из Лынгвеневичей и князь Михаил Иванович Заславский, а также их жены принимали активное участие в распространении и укреплении христианства. Они вошли в историю как ктиторы многочисленных церквей и основатели монастырей на территории Мстиславского княжества, некоторые из которых продолжают свою деятельность до сегодняшнего дня – Пустынский Свято-Успенский мужской монастырь, Троицкая церковь в Мстиславле. Мстиславские князья не только строили и украшали церкви, но и давали земельные владения и натуральные пожалования на храмы на территории Мстиславского княжества, а также на территории ВКЛ и в Великом Новгороде, где в первой половине XV века бывали служивыми князьями.

ЛИТЕРАТУРА

АЗР. Т. 1 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1846–1853. Т. 1: 1340–1506 гг. СПб.: Тип. 2-го отделения Е. И. В. Канцелярии, 1846. 375 с.

АЗР. Т. 2 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1846–1853. Т. 2: 1506–1544 гг. СПб.: Тип. 2-го отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848. 405 с.

АЗР. Т. 3 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1846–1853. Т. 3: 1544–1587 гг. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. 342 с.

АКР – Археологическая карта России: Смоленская область / под ред. Ю.А. Краснова. М., 1997. Ч. 2. 264 с.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 264 с.

Алексеев Л.В. Проблемы становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Беларусь) // Российская археология. 1993. № 4. С. 217–238.

АЮЗР – Архив Юго-Западной России изданный Временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Ч. 1. Т. 4: Акты об унии и состоянии православной церкви в половине XVII века (1648–1795). Киев: Универс. тип-я, 1871. 746 с.

АСДОИСЗР – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. Вильна, 1867–1904. Т. 2 / изд. Ф.Г. Елеонский. Вильна: Печатня губ. прав., 1867. 401 с.

БАЛ – Библиотека имени Врублевских АН Литвы, Отдел рукописей и редких книг. Ф. 16. Оп. 1. Д. 127.

Варонін В. Князь Юрай Лынквеневіч Мсціслаўскі: гістарычны партрэт. Мінск: Тэхналогія, 2010. 63 с.

Грыгаровіч І.І. Беларускія іерархі: Да тысячагоддзя хрысціянства на Беларусі. Мінск: БелЭн, 1992. 102 с.

Гусоўскі М. Песня пра зубра. Мінск: Польша, 2007. 92 с.

ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подгот. Я.Н. Щапов; отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1976. 240 с.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и Белорусское Полесье: Репринт. воспроиз. изд. 1882. Т. 3. Минск: БелЭн, 1993. 490 с.

Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1: Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 года. СПб., 1890. 294 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. / послесл. В.Б. Кобрин [и др.]. М.: Мысль, 1991. 286 с.

ИЮМ. Вып. 24 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Витебском центральном архиве изданные под редакцией и. д. архивариуса сего архива М. Веревкина. Витебск: Витебск. губ. стат. комитет, 1894. 516 с.

ИЮМ. Вып. 25 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Витебском центральном архиве изданные под редакцией архивариуса сего архива М. Веревкина. Витебск: Витебск. губ. стат. комитет, 1894. 508 с. + XLI.

Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода: очерки. Минск: Наука и техника, 1969. 99 с.

- Климов С. Пустынский хронограф. Могилев: Изд. совет Могилевской епархии, 2008. 80 с.
- Климов С.М. Базилиане: история ордена св. Василия Великого (базилиан). Могилев: Изд-во МоГУ, 2011. 147 с.
- Краснянский В.Г. Город Мстиславль. Вильня, 1912. 99 с.
- Колосов А.В. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002–2008 гг.). Могилев: Изд-во МоГУ, 2009. С. 126–153.
- Метельский А.А. К вопросу о локализации Заря Смоленской земли // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3(35). С. 262–269.
- Метельский А.А. Формирование монастырей на территории Мстиславского княжества и воеводства // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 272–285.
- Мяцельскі А.А. Заснаванне Пустынскага Свята-Успенскага манастыра: загадкі гісторыі // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 11. С. 47–49.
- Назаренко А.В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X–XII век) // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 172–206.
- Назаренко А.В. О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба (Москва, 14–16 октября 2015 г.). М. – Вологда, 2017. С. 130–175.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд Коллекция Микрофильмов – 18 (КМФ-18). Оп. 1. Д. 68.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 76.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 83.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 84.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 85.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 244.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 284.
- НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 369.
- НИАБ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 36.
- НИАБ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 38.
- НИАБ. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 3.
- НИАБ. Ф. 3421. Оп. 1. Д. 12.
- Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой половины XVI в. М.: Наука, 1971. 194 с. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-49).
- Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. Л.–М.: Изд-во АН СССР, 1952. 239 с.
- Полехов С.В. Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. Т. 7(154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 160–197.
- Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 244 с.
- Пустынский Успенский монастырь Могилевской епархии: краткий ист. очерк. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1901. 25 с.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 823. Оп. 3. Д. 455.
- РИБ – Русская историческая библиотека. Т. 30: Литовская метрика. Отделы первый и второй. Ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1 / под ред. И.И. Лаппо. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1914. 895 + 44 + V с.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в.: сборник грамот русских митрополитов, хранящийся в Синодальном собрании (№ 562) Государственного исторического музея / сост. А.И. Плигузов. М.: Языки славянских культур, 2008. 544, [1] с. (Studia historica.)

Сведения о городищах и курганах за 1873 год // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1903. Вып. 5. С. 29–64.

Шейкин Г.Н. Полоцкая епархия: Историко-статистическое обозрение. Минск: Свято Петро-Павловский собор. Белорусское православное братство трех виленских мучеников, 1997. 96 с.

A.A. Metelsky

*PhD in History, Doctor, Associate Professor,
Leading Researcher,
Department of History of Belarus
of the 9th–18th centuries and archeography,
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus*

Support for the Orthodox Church Mstislav Princes

The baptism of Rus by Vladimir in 988 marked the beginning of the official spread of Christianity in the east Slavic expanses, which was actively promoted by the princely authorities. Smolensk and its volost were baptized in 1013, and the Smolensk diocese was organized by prince Rostislav Mstislavich in 1136. Mstislavl is part of the Smolensk principality of the 12th – mid-14th centuries, was also under the omophorion of the Smolensk diocese, and the Smolensk princes built churches and the St. Nicholas monastery here.

After the capture of Mscislavl by the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the 14th century, the formation of the Mstislav principlsity and the dynasty of Mstislav princes, it was they who began to form a network of monasteries in the Mstislav principality – St. Onufrievsky (1407 – prince Lyngveny), St. Assumption Pustynsky (second half of the 15th century – prince Ivan Yuryevich), monastery on the Danilovsky churchyard (beginning of the 16th century – prince Mikhail Ivanovich).

Written sources indicate that the Mstislavsky princes from the Lyngveneich family and prince Mikhail Ivanovich Mstislavsky, together with their wives, took an active part in the spread and strengthening of Christianity. They went down in history not only as patrons of numerous churches on the territory of the Mstislav Principality, but also in the eastern lands of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the 14th – beginning of the 16th centuries.

Keywords: Smolensk; Smolensk principality; Mstislavl; principality of Mstislavl; prince Rostislavl Mstislavich; princes from the Lyngveneich family; church; monastery.

REFERENCES

AWR. Vol. 1 Acts relating to the history of Western Russia collected and published by the Archeographic Commission [Akty odnosjaszyesia k istorii Zapadnoj Rossii sobranjeje i opublikowanyje Archeograficzskoj Komisziej in 5 t.]. Saint-Petersburg. 1846–1853. Vol. 1: 1340–1506. Saint-Petersburg: Printing house of the secod department of the imperial majesty, 1846. 375 p. (in Russian).

AWR. Vol. 2. Acts relating to the history of Western Russia collected and published by the Archeographic Commission [Akty odnosjaszyesia k istorii Zapadnoj Rossii sobranije i opublikovanyje Archeograficeskoj Komissiej in 5 t.]. Saint-Petersburg, 1846–1853. Vol. 2: 1506–1544. Saint-Petersburg: Printing house of the second department of the imperial majesty, 1848. 405 p. (in Russian).

AWR. Vol. 3 – Acts relating to the history of Western Russia collected and published by the Archeographic Commission [Akty odnosjaszyesia k istorii Zapadnoj Rossii sobranije i opublikovanyje Archeograficeskoj Komissiej in 5 t.]. Sankt-Peterburg. 1846–1853. Vol. 3: 1544–1587. Saint-Petersburg: Printing house E. Praca, 1848. 342 p. (in Russian).

AMR – Archeological map of Russia. Smolensk region. [Arkheologicheskaya karta Rossii. Smolenskaya oblast]. RAN, Institut archeologii. Edited by J. A. Krasnow. Moscow, 1997. Vol. 2. 264 p. (in Russian).

Alekseew L.W. Smolensk land in the 9th – 13th centuries. Essays on the history of the Smolensk region and Eastern Belarus. [Smolenskaya zemlya v 9–13 vv. Oчерki istorii Smolenshchiny i Vostochnoy Belorussii]. Moscow: Nauka, 1980. 264 p. (in Russian).

Alekseew L.W. Problems of the formation of religious and defensive architecture of Rus in the light of excavations in Mstislavl (Belarus) [Problemy stanovleniya kul'tovo-oboronogo zodchestva Rusi v svete raskopok v Mstislavle (Belarus)]. *Russian archeology*, 1993. No 4, pp. 217–238 (in Russian).

ASWR – Archive of South-Western Russia published by the Temporary Commission for the analysis of ancient acts, the highest established under the Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General [Arkhiv Yugo-Zapadnoj Rossii izdannyy Vremennoyu komissiyeyu dlya razbora drevnikh aktov vysochayshe uchrezhdonnoy pri Kiyevskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore]. Cz. 1. Vol. 4: Acts on union and the state of the Orthodox Church in the half of the 17th century (1648–1795). Kiev: Kiev university printing house, 1871. 746 p. (in Russian).

ACDHNWR – Archaeographic collection of documents related to the history of North-Western Rus, published under the administration of the Vilna educational district [Arkheograficheskiy sbornik dokumentov, odnosyashchikhsya k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, izdavayemyy pri upravlenii Vilenskogo uchebnogo okruga]. V 14 vols. Vilna, 1867–1904. Vol. 2. F.G. Elenski. Vilna: Governor printing house, 1867. 401 p. (in Russian).

BAL – Vrublevsky Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Department of Manuscripts and Rare Books. F. 16. Inventory 1. Case 127 (in Russian).

Varonin V. Prince Yuri Lyngveneich Mstislavsky: historical portrait. [Kniaz Juraj Lynkhvienievich Mscislauski: histarychny partret]. Minsk: Technology, 2010. 63 p. (in Belarussian).

Grygarovich I.I. Belarusian hierarchs. To the 1000th anniversary of Christianity in Belarus. [Belorusskiye iyerarkhi Da 1000 letia khristianstva Belorussii]. Minsk: BelEnc, 1992. 102 p. (in Belarussian).

Husovski M. Song about bison [Pesnya pro zubra]. Minsk: Polymya, 2007. 92 p. (in Belarussian).

ORPC – Old Russian princely charters XI–XVst. [Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV v.]. Prepared for the publication by J.N. Szcapov; died by L.V. Czerepnin. Moscow: Nauka, 1976. 240 p. (in Russian).

Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance. Lithuanian and Belarussian Polesie. [Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v yego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. Litovskoye i Belorusskoye Poles'ye]. *Reprint reproduction of the publication 1882*. Vol. 3. Minsk: BelEn, 1993. 490 p. (in Russian).

Zverinski V.V. Material for historical and topographical research on Orthodox monasteries in the Russian Empire. Vol. 1. Transformations of old and establishment of new monasteries with 1764–95 to July 1, 1890. [Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiyskoy imperii. T. 1. Preobrazovaniya starykh i uchrezhdeniye novykh monastyrey s 1764–95 po 1 julia 1890 hoda]. Saint-Petersburg, 1890. 294 p. (in Russian).

Zimin A.A. Knight at a crossroads. Feudal War in Russia XV st. [Vityaz' na rasput'ye. Feodal'naya voyna v Rossii XV v.]. Afterworld by V.B. Kobrin. Moscow: Thought, 1991. 286 p. (in Russian).

HLM. Issue 24. Historical and legal materials extracted from the register books of the provinces of Vitebsk and Mogilev, stored in the Vitebsk Central Archives, published under the editorship of acting archivist of this archive M. Verevkin [Istoriko-yuridicheskiye materialy, izvlechennyye iz aktovykh knig guberniy Vitebskoy i Mogilevskoy, khranyashchikhsya v Vitebskom tsentral'nom arkhive izdannyye pod redaktsiyey i. d. arkhivariusa sego arkhiva M. Verebkina]. Issue 24. Vitebsk: Vitebsk Provincisl Statistical Committee, 1894. 516 p. (in Russian).

HLM. Issue 25. Historical and legal materials extracted from the register books of the provinces of Vitebsk and Mogilev, stored in the Vitebsk Central Archives, published under the editorship of acting archivist of this archive M. Verevkin [Istoriko-yuridicheskiye materialy, izvlechennyye iz aktovykh knig guberniy Vitebskoy i Mogilevskoy, khranyashchikhsya v Vitebskom tsentral'nom arkhive izdannyye pod redaktsiyey arkhivariusa sego arkhiva M. Verebkina]. Issue 25. Vitebsk: Vitebsk Provincisl Statistical Committee, 1894. 508 p. + XLI. (in Russian).

Kacer M.S. Fine art of Belarus in the pre-October period: essays. [Izobrazitel'noye iskusstvo Belorussii dooktyabr'skogo perioda: ocherki]. Minsk: Science and technology, 1969. 199 p. (in Russian).

Klimov S. Desert Chronograf. [Pustynskiy khronograf]. Mogilev: Publishing Council of the Modilev Diocese, 2008. 80 p. (in Russian).

Klimov S. Basilian: history of the order of St. Basil the Great (Bazilian) [Baziliane: istoriya ordena sv. Vasiliya Velikogo (bazilian)]. Mogilev: Publish house Mogilev State University, 2011. 147 p. (in Russian).

Krasnyanskiy V. G. The city of Mstislavl. [Gorod Mstislavl']. Vilnya, 1912. 99 p. (in Russian).

Kolosov A.S. Archaeological antiquities of Mogilev Posozhye (based on materials from expeditions 2002-2008). [Arkheologicheskiye drevnosti Mogilevskogo Posozh'ya (po materialam ekspeditsiy 2002–2008 gg.)]. Mogilev: Publish house Mogilev State University, 2009, pp. 126–153 (in Russian).

Metelsky A.A. On the issue of localizing Zaroya of Smolensk land [K voprosu o lokalizatsii Zaroya Smolenskoy zemli]. *News of Smolensk State University*. 2016. No 3, pp. 262–269 (in Russian).

Metelsky A.A. Formation of monasteries on the territory of the Mstislav principality and voivodship [Formirovaniye monastyrey na territorii Mstislavskogo knyazhestva i voyevodstva]. *News of Smolensk State University*. 2016. No 4, pp. 272–285 (in Russian).

Miacelski A.A. Inside the Pustynsky Holy Dormition monastery: mysteries of history [Zastavanie Pustynakaha Sviata Uspenskaha manastura: zagadki istorii]. *Byelorussian historical journal*. 2009. No 11, pp. 47–49 (in Belarussian).

Nazarenko A.V. Territorial-political organization of the state and the diocesan structure of the church in Ancient Rus (late 10th-12th centuries) [Territorial'no-politicheskaya organizatsiya gosudarstva i yeparkhial'naya struktura tserkvi v Drevney Rusi (konets X–XII vek)]. *Ancient Rus and the Slavs: The Ancient States of Eastern Europe*, 2007. Moscow: Nauka, 2009, pp. 172–206 (in Russian).

Nazarenko A.V. About the time of the establishment of the Kyiv Metropolis (the current state of the problem) [O vremeni uchrezhdeniya Kiyevskoy mitropolii (sovremennoye sostoyaniye problemy)]. *Rus in the era of Vladimir the Great: state, church, culture (Materials of the International scientific conference in commemoration of the Millennium of the death of the Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the martyrdom of the Holy princes Boris and Gleb*. Moscow, 14–16 October 2015). Moscow-Vologda 2017, pp. 130–175 (in Russian).

National Historical Archive of Belarus (NIAB) [Nacionalny istoriczeskiy archiv Belarusi]. Fond microfilm collection – 18 (KMF-18). Inventory 1. Case 68 (in Russian).

NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 76 (in Russian).

NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 83 (in Russian).

- NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 84 (in Russian).
NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 85 (in Russian).
NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 244 (in Russian).
NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 284 (in Russian).
NIAB. KMF-18. Inventory 1. Case 369 (in Russian, in Polish).
NIAB. F. 1729. Inventory 1. Case 36 (in Polish).
NIAB. F. 1729. Inventory 1. Case 38 (in Polish).
NIAB. F. 2126. Inventory 1. Case 3 (in Polish).
NIAB. F. 3421. Inventory 1. Case 12 (in Polish).
Nikolaeva T.V. Works of Russian applied art with inscriptions from the 15th – first half of the 16th centuries [Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV – pervoy poloviny XVI v.]. Moscow: Science, 1971. 194 p. (Archeology of the USSR. Collection of archaeological sources. Issue E1-49) (in Russian).
Orlov A.S. Bibliography of Russian inscriptions of the 11th-15th centuries [Bibliografiya russkikh nadpisey XI–XV vv.]. Leningrad – Moscow: Publ. house AS USSR, 1952. 239 p. (in Russian).
Polechov S.V. Smolensk uprising of 1440 [Smolenskoye vostaniye 1440 g.] // *Historical Bulletin*. [Istoricheskij vestnik]. Moscow, 2014. Vol. 7. (154): Lithuania, Rus and Poland XIII-XVI centuries, pp. 160–197 (in Russian).
Priselkov M.D. Essays on the church-political history of Kievan Rus in the 10th-12th centuries. [Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kiyevskoy Rusi X–XII vv.]. Saint-Petersburg: Science, 2003. 244 p. (in Russian).
Pustynsky Assumption monastery of the Mogilev diocese : Brief historical sketch. [Pustynskiy Uspenskiy monastyr' Mogilovskoy eparkhii: Kratkiy istoricheskij ocherk]. Saint-Petersburg: Publ. house P.P.Sojkina, 1901. 25 p. (in Russian).
Russian State Historical Archive [Rossijski gosudartwennyj istoriczski archiv] (РГИА). F. 823. Inventory 3. Case 455 (in Russian).
Russian Historical Library (RIB). [Russkaya istoricheskaya biblioteka] Vol. 40 : Lithuanian metric. Sections one and two. Part three: Books of public affairs. Volume 1. Edited by I.I. Lappo. Yuryev: Publ. house K. Matisona, 1914. 895 + 44 + V c. (in Russian).
Russian feudal archive of the 14th – first third of the 16th century (a collection of letters of Russian metropolitans, stored in the Synodal collection (№ 562) of the State Historical Museum) [Russkiy feodal'nyy arkhiv XIV – pervoy treti XVI v. Sbornik gramot russkikh mitropolitov, khranyashchiysya v Sinodal'nom sobranii (№ 562) Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya]. Compiled by A.I. Pliguzov. Moscow: Languages of Slavic cultures. A. Koszelev, 2008. 544 p. (in Russian).
Information about settlement and mounds for 1873. News of the Imperial Archaeological Commission [Svedeniya o gorodishchakh i kurganakh za 1873 god . Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii]. Saint-Petersburg, 1903. Issue 5, pp. 29–64 (in Russian).
Szejkin G.N. Polotsk diocese: Historical and statistical review. [Polotskaya eparkhiya: Istoriko-statisticheskoye obozreniye]. Minsk : St. Peter and Paul Cathedral. Belarusian Orthodox brotherhood of the three Vilna martyrs, 1997. 96 p. (in Russian).

Ф.А. Некрашевич

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь

УДК 94(470):355

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-176-189

РОЛЬ ЗАЧЕТНЫХ КВИТАНЦИЙ В ИСПОЛНЕНИИ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ (на примере Витебской губернии Российской империи (1794–1861))

Ключевые слова: *Российская империя; Витебская губерния; рекрутская повинность; рекрутские квитанции; органы исполнительной власти; законодательство.*

Статья посвящена использованию населением Витебской губернии Российской империи зачетных рекрутских квитанций в конце XVIII – середине XIX столетия в рамках исполнения повинности по поставке новобранцев в вооруженные силы. Целью работы является описание роли, которую играла система выдачи зачетных квитанций в несении рекрутской повинности населением Российского государства. Исследование основано на изучении делопроизводственной документации, содержащей прошения подданных Витебской губернии с просьбами о зачете квитанций за лиц, отданных на военную службу в зачет будущих рекрутских наборов, а также переписку органов государственной власти по данному вопросу. Рассмотренные материалы позволили выделить целый ряд правовых ловушек, часть из которых стала следствием несовершенства российского законодательства, другие же государство создавало специально, для ограничения возможности осуществления населением права реализации ранее полученной зачетной рекрутской квитанции.

В статье сделан вывод о том, что существовавший в исследуемый период механизм зачетных квитанций выполнял ряд важных задач в интересах общества и государства. Во-первых, он позволял сообществам избавляться от асоциальных элементов ради сохранения честных и добропорядочных работников. Во-вторых, данный механизм был необходим органам государственной власти для выкачивания людских ресурсов в целях пополнения вооруженных сил страны. В-третьих, приговоры сообществ об отдаче нерадивых членов общины в рекруты по сути означали перекалывание части ответственности со стороны судебных и полицейских учреждений Российской империи на органы местного самоуправления.

Основным способом пополнения вооруженных сил Российской империи на протяжении XVIII столетия – 70-х годов XIX столетия являлась рекрутская повинность. Данный способ комплектования содержал целый ряд легальных возможностей уклонения от военной службы. К основным из них относились замена рекрута другим лицом, внесение фиксированной денежной

суммы, а также найм и поставка постороннего рекрута – охотника. В целях легального уклонения от призыва на службу путем замены рекрута и выплаты денежного взноса в Российской империи сложился институт зачетных рекрутских квитанций, позволявший путем предоставления документа государственного образца получить освобождение от военной повинности.

Следует отметить, что в законодательных документах, регламентировавших несение военной службы (в первую очередь речь идет о Рекрутском уставе 1831 года и его позднейших редакциях), под термином «квитанция» понимались три разных по содержанию документа, которые давали подтверждение исполнения рекрутской повинности. Во-первых, это *приемная рекрутская квитанция*, которая подтверждала исполнение рекрутской повинности путем поставки новобранца *в период* рекрутского набора [Свод законов, 1842, 71]. Во-вторых, *квитанция за охотников, поступивших в рекруты по казенному найму*, которая представляла собой официально приобретенный за деньги у государства документ, дававший право на получение зачета путем откупа [Свод законов, 1842, 83]. В-третьих, это *зачетная квитанция*, которая подтверждала исполнение рекрутской повинности путем поставки новобранца *в период до проведения* рекрутского набора [Свод законов, 1842, 112].

Каждый из этих документов, несмотря на схожее название, играл свою определенную роль в вопросах, связанных с комплектованием вооруженных сил. Если приемные рекрутские квитанции являлись чисто формальным документом, то зачетные квитанции и квитанции за охотников, поступивших в рекруты по найму, были важным механизмом выкачивания государством дополнительных людских и финансовых ресурсов из населения.

В историографии проблема изучения роли квитанций в несении рекрутской повинности рассмотрена лишь частично. Внимание исследователей привлекало в первую очередь механизм работы квитанций за охотников, поступивших в рекруты по казенному найму. Здесь стоит отметить исследования Л.Е. Вакуловой и Ф.Н. Иванова. Так, Ф.Н. Иванову на примере богатого эмпирического материала удалось детально проиллюстрировать механизм работы указанной системы откупа от военной службы. Автор доказал, что продажа подобных документов являлась важным источником пополнения государственной казны [Иванов, 2006, 119; 2016].

При этом роль зачетных квитанций изучена лишь поверхностно. Такие исследователи, как А.В. Ляпанов, Е.Р. Алексеев, В.А. Александров, Ф.Н. Иванов, в своих работах лишь вкратце упоминали о том, что общины податного населения и помещики могли заранее отдавать в рекруты определенные категории лиц для сбережения добросовестных работников [Алексеев, 2019; Александров, 1976; Иванов, 2006; Ляпанов, 2020]. В общих исследованиях по истории вооруженных сил Российского государства тема зачетных квитанций также практически не затронута [Столетие, 1907, т. IV, ч. 2, кн. 1; Столетие, 1902, т. IV, ч. 1, кн. 1; Столетие, 1902, т. IV, ч. 1, кн. 2]. Целью работы стало

выявление роли зачетных квитанций в системе рекрутской повинности на примере Витебской губернии Российской империи.

В статье под термином «зачетная квитанция» понимается документ государственного образца, который выдавался органами власти Российской империи в случае досрочного исполнения лицом или обществом рекрутской повинности посредством предоставления новобранца на военную службу и позволял его владельцу получить соответствующий зачет при проведении очередного набора. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена введением в 1794 году рекрутской повинности в белорусских губерниях Российской империи. Верхняя граница связана с отменой крепостного права в 1861 году и постепенным изменением системы реализации и зачета рекрутских квитанций.

История зачетных квитанций в Российской империи берет свое начало со времени введения самой рекрутской повинности. Еще в 1700 году беглых помещичьих крестьян, которые записывались на службу в солдаты, предписывалось засчитывать помещикам при будущих наборах. На протяжении XVIII столетия происходит постепенное становление системы зачетов, последовательно формируется ряд категорий внепланово принятых на военную службу новобранцев, за которых при последующих наборах можно получить освобождение от поставки рекрутов [Столетие, 1902, т. IV, ч. 1, кн. 1, 62, 87, 100, 140]. Обладатель рекрутской квитанции определялся в зависимости от того, с какого рекрутского участка новобранец досрочно поступал на военную службу. Так, если это был участок помещичьих крестьян, то квитанция доставалась помещику, если же это был участок государственных крестьян или мещан, то собственником квитанции являлась сама община.

В Российской империи отдача в рекруты в зачет будущих наборов могла осуществляться как в судебном, так и в несудебном порядке. Согласно сложившейся практике, окончательно закрепленной и детально прописанной в «Высочайше утвержденном уставе рекрутском» 1831 г.» (далее – Устав 1831 года), помещики, общества крестьян (государственных, удельных, вольных хлебопашцев), а также мещан имели право отдавать в зачет будущих рекрутских наборов членов общины за совершенные проступки в несудебном порядке. Устав 1831 года определял категории лиц, за которые предоставлялись квитанции.

Во-первых, члены обществ, характеризовавшиеся «дурным поведением». Данная формулировка носила крайне расплывчатый характер, в целом подразумевалось грубое нарушение лицом предписанных правил поведения: неуплата податей, воровство, пьянство, бродяжничество. Часто нарушителей отдавали в рекруты за совершение целого ряда подобных проступков. Приговор о направлении нарушителя на военную службу выносился собранием членов общины, не состоявших на рекрутской очереди. Затем он передавался на утверждение гражданскому губернатору [Полное

собрание 2, т. 6, № 4677]. Например, в апреле 1839 года по приговору Динабургского мещанского христианского общества были отданы в рекруты в зачет будущих наборов Андрей и Локтион Тимофеевы. Первый – за бродяжничество, распутную жизнь, склонность к буйству, а также неплатеж казенных податей, второй – за трехкратное уклонение от исполнения рекрутской повинности [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 7815, 1].

Во-вторых, беглые члены обществ, которые поступили на военную службу под видом бродяг или добровольцев. Например, в 1849 году помещик Суражского уезда Лаврентий Тринтрох получил рекрутскую квитанцию за Федора Иванова. В 1845 году Ф. Иванов бежал от своего помещика и под видом не помнящего родства бродяги поступил на военную службу в Калужском рекрутском присутствии. Он был зачислен в исправительное отделение Витебского внутреннего гарнизонного батальона, откуда поступил на службу в действующую армию. Впоследствии Ф. Иванов дезертировал и вернулся к родным в Суражский уезд, где был пойман и предан суду [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 18670, 27].

В-третьих, крестьяне и мещане, взятые в армию в качестве погонщиков и не возвратившиеся домой в установленный срок. Так, в 1849 году проживавший в Витебском уезде помещик Подольского уезда Волынской губернии Апполинарий Гриколаевский пытался получить деньги за своего крепостного крестьянина Павла Зася, отданного в погонщики в российскую армию в 1840 году в Волынской губернии [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 18713, 1–2].

В-четвертых, членовредители, то есть лица, причинившие себе умышленное увечье с целью уклонения от рекрутской повинности. Например, в 1837 году помещичий крестьянин Велижского уезда Иван Епифанов умышленно отрубил себе два сустава на указательном пальце правой руки с целью уклонения от военной службы. После освидетельствования в витебском рекрутском присутствии И. Епифанов был признан годным к несению нестроевой службы и распределен в 11-ю пехотную дивизию, а его помещик Петр Энгельгардт получил зачетную квитанцию [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 6997, 12–12 об.].

Наконец, убежавшие за границу члены обществ (к ним не относились ссыльные и военные дезертиры), которые получили право возвратиться на Родину по всемилостивейшим манифестам российских императоров.

Кроме того, квитанции могли быть получены подданными в судебном порядке. При совершении целого ряда преступлений виновный мог быть направлен на военную службу в качестве меры наказания за противозаконные действия. Как правило, подобные преступления включали в себя бродяжничество и похищение чужой собственности. Бывали и случаи, когда на военную службу могли быть направлены участники массовых беспорядков. Например, в 1847 году в Витебской губернии произошли массовые волнения крестьян. В результате 31 участник волнений по решению генерал-аудиториата был

направлен на военную службу. Помещики данных крестьян получили зачетные квитанции [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 23 964, 6–7].

Важной особенностью Устава 1831 года было то, что зачетные квитанции выдавались не только за лиц, реально попавших на службу в вооруженные силы, но и за тех, кто был годен к военной службе, но из-за особенностей совершенного преступления не мог быть направлен в армию, а попадал в арестантские роты или в Сибирь на поселение. К подобным преступлениям относились: членовредительство, убийство при попытке сдачи в рекруты и т.д. [Полное собрание 2, т. 6, № 4677]. Основанием для сдачи в рекруты в подобных ситуациях являлись два важных обстоятельства. Во-первых, лицо, совершившее преступление, должно было состоять на рекрутской очереди. Во-вторых, рекрутское присутствие должно было установить, что виновный до совершения преступления был годен к несению военной службы. В таком случае общество или помещик имели возможность получить зачет за подобного преступника. Например, в мае 1839 года помещичий крестьянин Режицкого уезда Витебской губернии графа Карла Борха Матис Индричев умышленно отрубил у себя на левой руке два сустава указательного пальца. По решению Витебской уголовной палаты он был наказан 25 ударами плетьюми и отослан в Витебское рекрутское присутствие для отдачи в военную службу. В присутствии он был признан годным к несению военной службы до нанесения себе травмы. При этом полученное ранение делало его негодным к поступлению в вооруженные силы. М. Индричев был сослан в Сибирь на поселение, а К. Борх получил квитанцию в зачет будущих наборов [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 8984, 7].

Городские и сельские общества, как правило, предьявляли квитанции уже в течение следующего набора. Это было связано с тем, что данные общества, составляя отдельные рекрутские участки, насчитывали значительное число лиц и должны были поставлять новобранцев в каждый набор. Наличие определенного общинного контроля за проведением наборов в городских, удельных и казенных рекрутских участках обуславливало естественное желание членов общины воспользоваться квитанциями как можно скорее ради сохранения трудолюбивых и добропорядочных работников.

Иная ситуация наблюдалась в помещичьих имениях. В рекрутских участках помещичьих крестьян владельцы имений сами решали, что делать с зачетной квитанцией. Желание помещика воспользоваться зачетной квитанцией определялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, его материальным положением. В случае наличия долговых обязательств зачетная квитанция была отличным способом рассчитаться с кредиторами. Дело в том, что обладатель зачетной квитанции мог обратиться в казенную палату и обменять ее на установленную государством денежную сумму [Полное собрание 1, т. 28, № 21 526; Полное собрание 2, т. 27, № 26 096]. Так, в 1835 году помещица Витебской губернии Витебского уезда Елизавета Прокофьева получила деньги за ранее отданных в рекруты крепостных крестьян Ивана Васильева и Матвея

Петрова по 1000 руб. за каждого [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 6932, 3]. В подобной ситуации помещики были заинтересованы отдать в рекруты как можно больше своих крестьян в зачет будущих наборов. Например, в 1833 году помещик Витебского уезда Феликс Цехановский получил деньги сразу за пять зачетных квитанций [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 3721, 19]. Порой такая жажда наживы приобретала большие масштабы, требовавшие вмешательства государственной власти. В 1820–1822 годах из-за неурожая в Витебской и Могилевской губерниях свирепствовал голод. В связи с этим многие крестьяне вынуждены были покинуть свои деревни и искать пропитания в Волынской и Киевской губерниях. Некоторые помещики пытались воспользоваться отчаянным положением крестьян и отдать их в рекруты за бродяжничество, чтобы затем обменять зачетные квитанции на деньги. Подобные действия привели бы к еще большему ухудшению ситуации в крестьянских хозяйствах края, поэтому отдельным сенатским указом от 25 декабря 1822 года запрещалось отдавать в рекруты крестьян, которые вынуждены были из-за голода покинуть свои жилища [Полное собрание 1, т. 38, № 29 232]. Если же помещики не испытывали острых финансовых затруднений, то они далеко не всегда были заинтересованы в срочной реализации своих квитанций. В связи с этим рекрутские квитанции нередко берегли «на черный день».

Полученные данные о зачетных квитанциях, выданных в Витебской губернии в 1841, 1843, 1844 и 1847 годах, помогают получить представление о масштабах данного явления. Из 204 выданных за указанные годы зачетных квитанций 61,8% (126 квитанций) принадлежали помещикам, 17,6% (36 квитанций) – казенным крестьянам, 12,7% (26 квитанций) – мещанам-христианам, 7,4% (15 квитанций) – евреям, 0,5% (1 квитанция) – крестьянам имений государственных имуществ [НИАБ, ф. 2641, оп. 1, д. 12, 1–28; д. 17, 1–24; д. 30, 1–27; д. 43, 1–51].

Рекруты, поставленные обществами в зачет будущих наборов, составляли несколько процентов от общей численности новобранцев. Например, в 1847 году в рамках проведения 7-го частного набора в Западных губерниях Российской империи предполагалось собрать семь рекрутов с каждой 1000 душ податного населения. Витебская губерния должна была поставить в вооруженные силы 2370 человек [РГВИА, оп. 318, д. 52, 5]. В этом же году помещики и общества получили 68 квитанций за лиц, отданных в зачет будущих наборов (2,87% от общего числа рекрут по губернии). Данный показатель варьировался в зависимости от плановых показателей набора.

На первый взгляд, система зачета рекрутских квитанций являлась важной уступкой для податных слоев населения со стороны государства. Помещик или общество получали возможность избавиться от асоциальных элементов путем отдачи их на военную службу. Кроме того, полученная квитанция при следующем рекрутском наборе помогала сохранить хотя бы одного добросо-

вестного работника в составе общества. Тем не менее при детальном рассмотрении мы можем увидеть, что государство получало от системы зачетных квитанций гораздо больше выгоды, чем население империи. Многие подданные, получившие рекрутскую квитанцию, рассчитывали воспользоваться ею во время ближайшего рекрутского набора и получить за нее либо освобождение от поставки новобранца, либо денежную компенсацию. На практике государство, согласно Уставу 1831 года, выдвигало целый ряд условий, которые ограничивали возможности обладателей зачетных квитанций.

Во-первых, для получения зачета необходимо было предоставить в губернскую казенную палату пакет подтверждающих документов. Их содержание определялось тем, за кого получатель хочет получить зачет (членовредитель, преступник, беглец и т.д.). Это могли быть сведения о медицинском освидетельствовании, копия судебного приговора, выписка из ревизских сказок и т.д. Кроме того, казенная палата обязана была получить санкцию на зачет квитанции от Инспекторского департамента Военного министерства. Практика показывала, что проверка подобных документов была гораздо строже при предъявлении квитанции, чем при поставке новобранца в зачет будущих наборов. Так, в 1846 году помещик Режицкого уезда Витебской губернии Михаил Реут представил к зачету квитанцию, полученную за крестьянина Никиту Фирса, отправленного на поселение в Сибирь за членовредительство. Тем не менее в Инспекторском департаменте усомнились в возрасте Н. Фирса и потребовали предоставить выписку из метрической книги. Выяснилось, что крестьянин родом из общины раскольников, которая была впоследствии разогнана властями, а метрические книги утеряны. В связи с отсутствием сведений о дате рождения Н. Фирса Инспекторский департамент отказал М. Реуту в зачете квитанции [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 2719, 15–16].

Во-вторых, нередко халатная работа членов рекрутских присутствий приводила к сдаче в рекруты лиц с вопиющими нарушениями, из-за которых впоследствии было невозможно предъявить квитанцию. Например, в 1853 году помещик Дрисненского уезда Витебской губернии Константин Смолинский сдал в рекруты в зачет будущих наборов крестьянина Григория Пашугу за членовредительство. Рекрутское присутствие признало, что К. Смолинский имеет право на получение рекрутской квитанции, и выдало ему соответствующие документы. Тем не менее К. Смолинский не смог воспользоваться полученной квитанцией. В процессе переписки с Инспекторским департаментом выяснилось, что при медицинском освидетельствовании у Г. Пашуги было выявлено заболевание, несовместимое с требованиями Устава 1831 года. При этом медицинский чиновник рекрутского присутствия дал добро на принятие указанного лица в рекруты [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 25608, 2, 14].

В-третьих, требования к предъявителю квитанции зависели от характера предстоящего рекрутского набора. Наборы делились на обычные, усилен-

ные и чрезвычайные. Отличием проведения чрезвычайных и усиленных рекрутских наборов от обычных являлось увеличение численности рекрутов. Так как населению в период чрезвычайных наборов было трудно поставить в армию сразу много людей, государство снижало требования, предъявляемые к новобранцам [Полное собрание 2, т. 29, № 28 149]. В частности, они касались роста и здоровья будущих военнослужащих. В связи с этим предъявители квитанций порой сталкивались с казусами, вызванными снижением требований к рекрутам при проведении усиленных и чрезвычайных наборов. Например, при проведении 13-го частного чрезвычайного рекрутского набора 1855 года помещица Суражского уезда Витебской губернии Екатерина Лапицкая поставила в зачет будущих наборов крестьянина Осипа Трофимова, у которого был рост 156 см, так как условия проведения чрезвычайного набора позволяли это сделать. В 1853–1856 годах Российская империя вела крайне изнурительную Крымскую войну. В связи с военной необходимостью в 1855 году в Российской империи был объявлен общий чрезвычайный рекрутский набор. Е. Лапицкая решила воспользоваться предоставленным законом правом и предъявила Витебской казенной палате рекрутскую квитанцию. Однако казенная палата Витебской губернии отказалась принимать у Лапицкой квитанцию. Отказ был аргументирован тем, что по закону требования к росту рекрутов, представляемых в зачет будущих наборов, составляли минимум 156,6 см [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 27886, 1 об.]. Просительнице пришлось обращаться в Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел с жалобой на это решение. Прошение было удовлетворено на том основании, что просительница сдала в зачет рекрута на особых условиях, соответствующих проведению чрезвычайных наборов, и предъявляет квитанцию также в зачет чрезвычайного набора [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 27 886, 7]. Если бы рекрутский набор 1855 года был обычным, то прошение Е. Лапицкой не было бы удовлетворено и ей пришлось бы ждать очередного чрезвычайного набора.

В-четвертых, существовали установленные законом временные рамки, в пределах которых подданные могли заявить свое право на получение рекрутских квитанций. Бывали ситуации, когда помещик и общины по разным причинам не знали, что лицо, состоявшее на рекрутской очереди и приписанное к их участку, поступило на военную службу. Например, молодой человек мог покинуть место жительства и затем добровольно либо по приговору суда поступить на военную службу в другой губернии. Уставом 1831 года был установлен 10-летний термин предоставления исков о выдаче квитанций.

Несмотря на, казалось бы, столь большой срок, нередкими бывали ситуации, когда заявители узнавали о возможности получить зачетную квитанцию уже после истечения установленных законом временных рамок. Так, в январе 1840 года помещик Полоцкого уезда Витебской губернии Константин Снарский обратился с просьбой о выдаче рекрутской квитанции за крепостного крестьянина Василия Михайлова. В 1822 году В. Михайлов

убежал от своего помещика и занялся попрошайничеством в столице Российской империи. В том же году он был принят на военную службу Санкт-Петербургским рекрутским присутствием за бродяжничество по распоряжению местного губернского правления. В 1838 году В. Михайлов возвратился в родную деревню в статусе отставного солдата. Тем не менее прошение К. Снарского не было удовлетворено. Несмотря на то, что помещику удалось доказать факт принадлежности В. Михайлова к его имению, к этому времени уже истекли 10 лет с момента поступления крепостного на военную службу [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 8898, 4–5].

Кроме того, существовали и субъективные факторы, которые мешали зачету. Например, в случае утери квитанции получение зачета не представлялось возможным. Так, в 1855 году помещик Витебского уезда Федор Коссов обратился в местную казенную палату с просьбой о выдаче ему контрквитанции за квитанцию на отданного в 1835 году в рекруты крестьянина Василия Антонова имения Латыгова д. Горы. Контрквитанция выдавалась в случаях, когда проситель подавал квитанцию, но выяснялось, что в текущий набор он не должен поставлять рекрута. В таком случае квитанция оставалась в казенной палате, а просителю выдавался документ, который назывался контрквитанцией [Полное собрание 2, т. 27, № 26 096]. В 1835 году указанное выше имение принадлежало помещице Стемпковской, которая в следующем, 1836 году продала его отцу Ф. Коссова. Вместе с имением к семейству Коссовых перешло право на использование квитанции. Тем не менее сама квитанция находилась в момент продажи имения у помещика Самуйлы, зятя Стемпковской. По непонятным причинам Ф. Коссов не смог получить у Самуйлы квитанцию, поэтому обратился в казенную палату с просьбой о получении «контрквитанции». Несмотря на то что слова просителя полностью подтверждались документами рекрутского присутствия, казенная палата отказала в просьбе Ф. Коссову, сославшись на необходимость предъявления самой квитанции [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 27 890, 3].

Нередкими были ситуации, когда не только подданные, но и государственные учреждения теряли документы. Например, в 1840 году помещик Невельского уезда Витебской губернии Демьян Степанов, выступавший поверенным своего крепостного Егора Дементьева, обратился в витебскую казенную палату с просьбой о выдаче квитанции за крепостного Кондратия Никифорова. К. Никифоров в 1829 году бежал от своего помещика и в 1830 году был пойман в Тихвинском уезде Новгородской губернии, а затем отдан в рекруты как не помнящий своего родства бродяга. Несмотря на то что Д. Степанову удалось установить место службы своего крепостного, получить квитанцию не представлялось возможным, так как в новгородской казенной палате были утеряны подтверждающие документы [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 8982, 2–3, 12].

Наконец, еще одним примером несовершенства системы зачета квитанций являлось отсутствие постоянного обмена информацией между рекрутскими присутствиями и местными судебными органами, с одной стороны, и Инспекторским департаментом – с другой. В случае поступления рекрута на военную службу в зачет будущих наборов Инспекторский департамент давал разрешение на зачет квитанции по факту поступления новобранца в воинскую часть. Если же по различным причинам рекрут не попадал на военную службу (болезнь, побег, изменение приговора суда), военное ведомство не всегда уведомляло об этом обладателя зачетной квитанции. Соответственно, могла сложиться ситуация, когда выданная на руки квитанция по факту являлась фиктивной. Например, в ноябре 1857 года помещик Велижского уезда Витебской губернии статский советник Федор Потемкин пытался предъявить зачетную квитанцию, полученную за крепостного крестьянина Терентия Степанова. По приговору Витебской палаты уголовного суда за членовредительство он был приговорен к отдаче в солдаты. На основании судебного приговора Ф. Потемкин получил зачетную квитанцию, а Т. Степанов был направлен на военную службу. Тем не менее по не указанным в деле причинам вместо армейского подразделения осужденный в итоге был доставлен в Сибирь на поселение. Ф. Потемкин не был об этом проинформирован, а узнал о фиктивности своей зачетной квитанции только после обращения Витебской казенной палаты в Инспекторский департамент [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 29 721, 3–4].

Делопроизводственные материалы дают косвенные основания полагать, что центральное правительство оказывало определенное давление на местную администрацию с тем, чтобы прием зачетных квитанций не превышал негласный лимит. Сводная информация о предоставлении квитанции в зачет по всем регионам докладывалась лично императору Российской империи. Так как у населения постоянно на руках находились тысячи квитанций, их одновременное представление к зачету могло составить проблемы в комплектовании вооруженных сил. В связи с этим существовало негласное понимание того, сколько квитанций может быть представлено к зачету без ущерба для военного ведомства. Так, при проведении 10-го частного рекрутского набора в 1852 году подданные Витебской губернии представили к зачету 164 квитанции. Из них 13 было представлено христианскими мещанскими обществами, 25 – евреями, 9 – казенными крестьянами и 117 – помещичьими [НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 24 008, 8–8 об.]. Император Николай I обратил на это внимание при просмотре отчетов о проведении рекрутского набора и через Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел потребовал объяснений от местного начальства, почему помещики представили к зачету так много квитанций. Из ответа витебского губернатора следовало, что ввиду распространявшегося в губернии бродяжничества среди крестьян помещики сдавали своих нерадивых крепостных досрочно в рекруты в счет будущих наборов

[НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 24 008, 16–16 об.]. В документе не содержатся сведения о рекомендациях центральных властей по отказу в приеме слишком большого числа квитанций у населения. Тем не менее столь пристальное внимание к данному вопросу указывает на то, что российские власти могли принимать некие дополнительные мероприятия по уменьшению приема квитанций в отдельно взятых ситуациях.

Действие всех вышеперечисленных ограничений приводило к постепенному накоплению у населения тысяч зачетных квитанций. К октябрю 1860 года на руках у помещиков и обществ всей Российской империи была 51 861 квитанция [Корнилов, 2001, 29]. Иными словами, к октябрю 1861 года в военное ведомство за предшествующие годы поступило дополнительно несколько десятков тысяч новобранцев, за которых к тому моменту не был получен зачет.

Таким образом, механизм зачетных квитанций играл важную роль в оптимизации процесса проведения рекрутских наборов в Российской империи. Он позволял обществам податных сословий сохранять часть добросовестных работников путем отдачи на военную службу асоциальных членов общины в зачет будущих наборов. Кроме того, помещики использовали механизм зачетных квитанций в целях личного обогащения путем получения крупной денежной суммы в обмен на досрочно отданного на военную службу рекрута. С другой стороны, существование законодательных проволочек влекло за собой появление целого ряда ограничений, которые мешали обладателям зачетных квитанций воспользоваться законными правами. Постоянное нахождение у населения на руках тысяч зачетных квитанций означало, что власти, в дополнение к уже поставленным по плану набора рекрутам, получали значительное число дополнительных новобранцев. Тем самым система зачетных квитанций отражала интересы в первую очередь органов государственной власти, позволяя выкачивать из податного населения дополнительные людские ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.

Алексеев Е.Р. Функции рекрутской квитанции в повседневной жизни русского общества в XVIII–XIX вв. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2019. Т. 1. С. 113–117.

Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2007. 219 с.

Иванов Ф.Н. Рекрутские зачетные квитанции в практике рекрутских наборов на Европейском Севере России в 1831–1874 гт. // История и культура российского севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях: материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. Ч. 1. С. 94–95.

Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 220 с.

Корнилов В.А. Воинская повинность в условиях реформ 60-х годов XIX века в России // Вестник Москов. гор-го пед. ун-та. Серия: Исторические науки. 2001. № 2(8). С. 25–40.

Ляпанов А.В. Отбывание рекрутской повинности государственными крестьянами Владимирской губернии // Война и мир в отечественной и мировой истории: материалы междунар. науч. конф. СПб.: СПб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2020. С. 337–343.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 2719.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3721.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 6932.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 6997.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 7815.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8898.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8982.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8984.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 18 670.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 18 713.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 23 964.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 24 008.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25 608.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 27 886.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 27 890.

НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 29 721.

НИАБ. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 12.

НИАБ. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 17.

НИАБ. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 30.

НИАБ. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 43.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1884. Собр. 2. Т. 6. 846 с; Т. 27. 802 с.; Т. 29. 914 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1851. Собр. 1. Т. 28. 1352 с.; Т. 38. 1354 с.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 318. Д. 52.

Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842–1855. Т. 4: Устав рекрутский. 1842. 242 с.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV, ч. 1, кн. 1. Отд. 2. СПб., 1902. 211 с.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV, ч. 1, кн. 1. Отд. 1. СПб., 1902. 495 с.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV, ч. 2, кн. 1. Отд. 2. СПб., 1907. 330 с.

P.A. Nekrashevich

*PhD in History, Associate Professor,
Chair of Philosophy and Ideological Work,
Academy of the MIA of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus*

The Role of Credit Receipt in the Execution of Recruitment Service (Based on the Example of Vitebsk Governorate of the Russian Empire 1794–1861)

The article is devoted to the use of recruitment receipts by the population of the Vitebsk governorate of the Russian Empire at the end of the 18th - mid-19th centuries. The existence of these receipts was closely related to the responsibility of the population to send recruits to the armed forces. The purpose of the work is to identify the role of

credible recruitment receipts in the implementation of conscription service in the Russian Empire. The work is based mainly on the study of government documentation. These documents contain petitions from citizens of the Vitebsk governorate asking for the credit of recruitment receipts. In addition, they contain correspondence from government authorities on this issue. These materials made it possible to identify a number of legal traps, some of which were a consequence of the imperfections of Russian legislation, while others were created by the state specifically to limit the rights of holders of military recruitment receipts. The article concludes that the credit receipt mechanism performed a number of important tasks in the interests of society and the state. First, it allowed communities to get rid of antisocial elements in order to retain honest and respectable workers. Secondly, this mechanism was necessary for government authorities to find human resources in order to replenish the country's armed forces. Thirdly, community orders to recruit negligent community members helped the judicial and police authorities shift their responsibilities to local governments.

Keywords: *Russian Empire; Vitebsk governorate; recruitment; recruitment receipts; executive authorities.*

REFERENCES

- Aleksandrov V.A. Rural community in Russia (17th – early 19th century) [Sel'skaja obshhina v Rossii (XVII – nachalo XIX v.)]. Moscow: Nauka, 1976. 323 p. (in Russian).
- Alekseev E.R. The functions of the recruitment receipt in the everyday life of Russian society in the 18th–19th centuries [Funkcii rekrutskoj kvitancii v povsednevnoj zhizni russkogo obshhestva v XVIII–XIX vv.]. *Natural and geographical factors in the everyday life of the population of Russia: history and modernity: Proceedings of an International Scientific Conference*. Saint-Petersburg, 2019, pp. 113–117 (in Russian).
- Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas Pavlovich in 1842 [Svod zakonov Rossijskoj Imperii, povelieniem gosudarja imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennij v 1842 g.] Saint-Petersburg, 1842–1855. Vol. 4: Recruitment regulations. 1842. 242 p. (in Russian).
- Ivanov O.G. Recruitment receipts in the practice of recruitment in the European North of Russia in 1831–1874 [Rekrutskie zachetnye kvitancii v praktike rekrutskih naborov na Evropejskom Severe Rossii v 1831–1874 gg.]. *History and Culture of the Russian North in Research, Educational and Enlightenment Dimensions. Proceedings of the 1st Congress of Historians of the Komi Republic (March 31 – April 4, 2015)*. Syktyvkar: IJaLI Komi NC UrORAN, 2016. Vol. 1, pp. 94–95 (in Russian).
- Ivanov O.G. Rekrutskaya povinnost' naseleniya Rossii v 1831–1874 godakh: na materialakh Evropejskogo Severa [Recruitment of the Russian population in 1831–1874: based on materials from the European North]. *Dissertation ... candidate of History*, Syktyvkar, 2006. 220 p. (in Russian).
- Kornilov V.A. (2001), Military conscription in the conditions of reforms of the 1860s of the 19th century in Russia. [Voinskaja povinnost' v uslovijah reform 60-h godov XIX veka v Rossii]. *The Academic Journal of Moscow City University*, 2018. No 2, pp. 25–40 (In Russian).
- Lyapanov A.B. Serving conscription duty by state peasants of the Vladimir governorate [Otbyvanie rekrutskoj povinnosti gosudarstvennymi krest'janami Vladimirskoj gubernii]. *War and Peace in Russian and World History: Proceedings of an International Scientific Conference*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg state University of Industry technology and design, pp. 337–343 (in Russian).
- National Historical Archives of Belarus (NHAB). File 1430. Inventory 1. Case 2719. 15–16 (in Russian).

- NHAB. File 2641. Inventory 1. Case 12 (in Russian).
NHAB. File 2641. Inventory 1. Case 17 (in Russian).
NHAB. File 2641. Inventory 1. Case 30 (in Russian).
NHAB. File 2641. Inventory 1. Case 43 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 18670 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 18713 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 24008 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 25608 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 27886 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 27890 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case. 3721 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 6932 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 6997 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 7815 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 8982 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 8984 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 23964 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 29721 (in Russian).
NHAB. File 1430. Inventory 1. Case 8898 (in Russian).
Russian State Military Historical Archive. File 395. Inventory 318. Case 52.
Century of the Ministry of War of 1802–1902 [Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902]. Saint-Petersburg, 1902, vol. 4, ch. 1, book 1, dep. 1. 495 p. (in Russian).
Century of the Ministry of War of 1802–1902 [Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902]. Saint-Petersburg, 1902, vol. 4, ch. 1, book 1, dep. 2, 211 p. (in Russian).
Century of the Ministry of War of 1802–1902 [Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902]. Saint Petersburg, 1902, vol. 4, ch. 2, book 1, dep. 2. 330 p. (in Russian).
The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoi imperii]. Saint-Petersburg, 1830. Collection 1. Vol. 28. 1352 p.; Vol. 38. 1354 p. (in Russian).
The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoi imperii]. Saint-Petersburg, 1830. Collection 2. Vol. 6. 846 p. Vol. 27. 802 p.; Vol. 29. 914 p. (in Russian).
Vakulova L.E. Rekrutskie nabory v Tambovskoi gubernii v XIX v. [Rekrutskie nabory v Tambovskoi gubernii v XIX v.]. *Dissertation ... candidate of History*, Tambov, 2007, 219 p. (in Russian).

Н.В. Карушкина

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

В.В. Кожин

*Дом-музей А.П. Чехова в Ялте
Ялта, Россия*

УДК 94(47).084.3 + 929.2Романовы

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-190-204

ЦЕННОСТИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ НИКОЛАЕВИЧЕЙ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: Романовы; Российский императорский дом; Дюльбер; крымские имения Романовых; собственность Романовых; великий князь Николай Николаевич; великий князь Петр Николаевич.

На примере двух семей – великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича – показывается, каким образом представители Российского императорского дома пытались спасти свое имущество и капиталы после революции. Впервые детально рассмотрены и систематизированы разрозненные сведения о недвижимости, принадлежащей братьям Николаевичам – сыновьям великого князя Николая Николаевича Старшего и внукам Николая I. На основе архивных документов, иноязычных эго-источников и других материалов исследуются способы, которыми великие князья стремились сохранить финансовые активы и личное имущество. Раскрывается содержание запросов к Временному правительству, показываются детали сделок по продаже земли, имений Катемеиз и Чаир. Особое внимание уделяется вопросам спасения фамильных ценностей, включая драгоценности и наградное оружие. Вводится в научный оборот эссе-воспоминание Марины Петровны (дочери Петра Николаевича), сохранившееся в частном архиве Хильдегард Робинс (Тулон). Публикуемый документ посвящен отъезду Романовых в эмиграцию в апреле 1919 года из Крыма и содержит новые факты и детали, связанные с этим событием. Текст выявлен В.В. Кожиным в рамках подготовки открытой во дворце великого князя Петра Николаевича Дюльбер музейной экспозиции.

Великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931) были сыновьями третьего сына Николая I, великого князя Николая Николаевича Старшего (1831–1891). Николаша и Петюша, как называли братьев в семейном кругу Романовых, после драматического разрыва отца с обожаемой ими матерью, великой княгиней Александрой Петровной (1838–

1900)¹, очень сблизилась, несмотря на разницу в возрасте и противоположность характеров. С этого момента они всегда поддерживали друг друга. Прочной дружбе Николаевичей способствовала и женитьба на родных сестрах, черноморских принцессах Анастасии (1868–1935) и Милице (1866–1951), дочерях черноморского князя, а с 1910 года короля Черногории Николы.

Венцом карьеры великого князя Николая Николаевича стало назначение в начале Первой мировой войны Верховным главнокомандующим. Однако в августе 1915 года император Николай II сместил двоюродного дядю² и сам занял этот пост. Причинами называли, с одной стороны, отступление русской армии в 1915 году, а с другой – растущее политическое влияние Николая Николаевича, которого страшились придворные круги и, не в последнюю очередь, императрица Александра Федоровна.

Петр Николаевич, в силу врожденной болезненности (в молодые годы ему диагностировали туберкулез), мягкости характера и личной скромности, всю жизнь удовлетворялся второстепенными ролями и находился в тени старшего брата. Если с 1904 по 1909 год он служил генералом-инспектором инженерных войск, то позднее никаких значимых должностей уже не занимал. С первых дней войны с Германией Петр находился при штабе брата. Состоя формально при гвардейской кавалерии в чине генерал-лейтенанта, на самом деле он исполнял роль советника. Педантичный и уравновешенный Петюша благотворно влиял на громогласного, резкого и вспыльчивого Николашу, в темпераменте которого так угадывались черты деда – Николая I.

Своим последним приказом перед отречением 2 марта 1917 года³ Николай II вновь назначил великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим. Однако Временное правительство настойчиво рекомендовало не принимать этот пост, так как общественное мнение было против того, чтобы Романовы занимали хоть какие-нибудь государственные должности. После добровольно-принудительной отставки брата Николаевичи получили разрешение поселиться в Крыму как частные лица [Romanov, 1997, 400]. 18 марта [РГАВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 921, 331–331 об.] они прибыли в Крым вместе со своими семьями⁴. Изначально братья поселились в разных имениях: Николай Николаевич в Чаире, принадлежавшем его супруге, а Петр Николаевич – в собственном дворце Дюльбер.

¹ С конца 1860-х годов у Николая Николаевича Старшего был роман с балериной Е.Г. Числовой. В 1881 году Александра Петровна уехала в Киев и основала Покровский монастырь, где тайно приняла монашеский постриг под именем Анастасия.

² Великого князя Николая Николаевича назначили наместником царя на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией.

³ Даты до 1 февраля 1918 года даются по старому стилю, далее – по новому.

⁴ С Николаем Николаевичем приехала супруга Анастасия Николаевна и ее дети от первого брака с Георгием Максимилиановичем, 6-м герцогом Лейхтенбергским – Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1971). Петра Николаевича сопровождала Милица Николаевна и трое их детей – Марина (1892–1981), Роман (1896–1978) и Надежда (1898–1988).

Российская революция 1917 года привела к масштабной национализации собственности у имущих классов. И начался этот процесс с самого верха – с Романовых. В годы монархического правления все члены Российского императорского дома на постоянной основе получали денежное содержание от Главного управления уделов Министерства императорского двора, ведавшего их финансами и казенным имуществом. Финансовые поступления от Уделов составляли значительную часть бюджетов Романовых, позволяли им поддерживать полагающийся уровень жизни и содержать имения. Особенно важны были «удельные» выплаты во время войны, когда доходы от частной собственности и инвестиций сократились или были заморожены в силу военных действий и политической конъюнктуры.

Необходимо отметить, что архивные фонды Николаевичей, сохранившиеся в России, крайне скудны. Но некоторые документы двора Петра Николаевича представлены в Российском государственном историческом архиве.

Сохранился, например, расчет сумм, которые семья великого князя должна была получить от Удельного ведомства в 1917 году (сюда были включены фиксированные суммы на содержание и проценты на капитал):

- Петр Николаевич: 225 тыс. руб.;
- Милица Николаевна: 36,3 тыс. руб.;
- Роман Петрович: 145 тыс. руб.;
- Марина Петровна: 22,5 тыс. руб.;
- Надежда Петровна: 15 тыс. руб.

Итого: 443,8 тыс. руб.

При этом по предыдущим долгам и ссудам удерживалось 88,6 тыс. руб. [РГИА, ф. 553, оп. 1, д. 82, 5].

Но выплаты «удельных» средств прекратились почти сразу после Февральской революции. Даже удивительно, что, по свидетельству Романа Петровича (сына Петра Николаевича), ему и отцу все же выдали денежное содержание за I квартал 1917 года. В своих мемуарах Роман Петрович так описывает финансовые затруднения семьи на момент приезда в Крым: «Судя по балансовым отчетам, которые барон Сталь⁵ привез из петроградской конторы моего отца, остаток наличности был близок к исчерпанию. Управляющий канцелярией Плещеев⁶ попросил барона Сталя сообщить отцу, что финансовое положение еще более ухудшается, поскольку на самый главный источник дохода моего отца – имение Борисово, которым он владел вместе с дядей Николашей, – рассчитывать больше не приходится с начала военных действий на Северо-Западном фронте. В Борисово в Мин-

⁵ Сталь-фон-Гольштейн Алексей Иванович (1858–1941) – барон, генерал-лейтенант, заведующий двором великого князя Петра Николаевича.

⁶ Плещеев Николай Алексеевич (1863–1932) – действительный статский советник, управляющий Канторой великого князя Петра Николаевича.

ской губернии было 120 000 гектаров леса, и, конечно, в военное время лесное хозяйство больше не могло вестись на этой территории по обе стороны реки Березины. Поскольку мой отец потерял огромный доход от Борисово, оставшийся доход от имеющегося у него основного капитала покрывал только текущие расходы на Знаменку⁷, конный завод “Чесменка” и оплату труда многочисленного персонала, а также содержания тех, кто вышел на пенсию»⁸ [Romanov, 1997, 407].

Нехватку денег могла компенсировать только продажа наличного имущества. О совершенных сделках нам также помогает узнать книга воспоминаний Романа Петровича «При дворе последнего царя»: «Чтобы иметь достаточно средств в Крыму, барон Сталь посоветовал нам продать имение Катемеиз, которое находилось недалеко от Ялты; этот участок земли с фруктовым садом был приобретен 20 лет назад. Я помню, что Катемеиз снабжал нас отличными персиками и абрикосами, но очень плохими яблоками. Барон Сталь нашел заинтересованное лицо, и Катемеиз был продан» [Romanov, 1997, 407].

Итак, первым из имущественных активов был продан Катемеиз. Это имение близ Ялты отошло Петру Николаевичу после смерти отца. Существенных построек в Катемеизе не было, земельные наделы сдавались в аренду ялтинским жителям. Предположительно, имение купил барон Е.С. фон Нолькен [Сироткина, 2021, 79].

Если продажа Катемеиза не была чувствительной для семьи, то решение о продаже Чаира, принятое в мае 1918 года, свидетельствует уже о том, что великие князья или были стеснены в средствах, или пессимистично оценивали перспективы исторических событий. Во дворце Чаир великокняжеская чета провела свой медовый месяц в 1907 году. Имение отличалось великолепной коллекцией роз Анастасии Николаевны, воспетой позже в советском романсе «В парке Чаир». Князь Роман Петрович писал: «Нашлось заинтересованное лицо, им оказался богатый уральский фабрикант Иванов⁹, член совета министров. Перед продажей Надя переехала в Дюльбер в дом барона Сталя, который находился в верхней части имения, над дорогой, а семья Тышкевичей¹⁰ поселилась в квартире управляющего неподалеку» [Romanov, 1997, 437]. Николай Николаевич с супругой еще зимой 1917–1918 годов перебрались в Дюльбер.

Стоит отметить, что имущественные дела Николаевичей изначально складывались непросто. Отец после смерти оставил сыновьям массу долгов. Семейный дом в Петербурге – Николаевский дворец на Благовещенской площади (ныне

⁷ Знаменка – имение в Петергофе.

⁸ Пер. с нем. – Н.В. Карушкина, А.В. Мерззликина.

⁹ Иванов Филипп Антонович (1871–1957) – предприниматель-горнопромышленник. С 1912 года – член Госсовета. В Первую мировую – член Особого совещания по обороне.

¹⁰ Елена Лейхтенбергская 18 июля 1917 года вышла замуж за польского графа и инженера-изобретателя Стефана Тышкевича, который служил ранее адъютантом у великого князя Николая Николаевича.

площадь Труда) – отошел из-за этого Департаменту уделов. Позже казна приспособила здание под женское учебное заведение – Ксениинский институт. В распоряжении Петра Николаевича остался только участок земли рядом с дворцом.

Другие объекты недвижимости, значащиеся ранее в «удельном заведении», император Александр III 12 декабря 1891 года повелел передать в непосредственное распоряжение наследников. Об этом граф И.И. Воронцов-Дашков, министр императорского двора и уделов, 31 августа того же года написал Петру Николаевичу [РГИА, ф. 550, оп. 1, д. 124, 4]. В списке значились: Чесменское имение с конным заводом в Воронежской губернии (бывший конный завод графа А.Г. Орлова-Чесменского), крымское имение Катемеиз, Николаевский зимовник в области войска Донского, аренда рудных залежей в Олонецкой губернии.

1 сентября 1894 года братья составляют окончательный договор о разделе имущества. Причем неженатый (в то время) и бездетный Николай за символическую сумму в 600 тыс. руб. в долговую рассрочку уступает брату Петру половины своих долей в Знаменке, Чесменке, Катемеизе, олонецких рудниках [РГИА, ф. 550, оп. 1, д. 124, 1–1 об.]. Но, как заядлый охотник, оставляет себе фазанник в 50 десятин в Знаменке. Земельные участки были у братьев также на Петроградской стороне в Петербурге.

Еще до смерти отца, в 1887 году, Николай Николаевич приобрел имение Першино в Тульской губернии [Кузнецова, 2013, 72], где держал знаменитую Першинскую охоту и разводил борзых. В 1909 году он же купил имение Беззаботное близ Стрельны [Romanov, 1997, 91], где часто проживал во время военных маневров в Красном Селе. Петру Николаевичу принадлежало, кроме того, имение Благодатное в Ряжском уезде Рязанской губернии, размером 4300 десятин. Главным же совместным активом братьев являлось Борисово в Минской губернии площадью 165 тыс. га. Это имение они выкупили обратно из казны в 1899 году [Федорук, 2000, 346], в дальнейшем зарабатывали на нем, продавая древесину и сдавая в аренду сельскохозяйственные земли.

Сразу после Февральской революции братья Николаевичи делали попытки продать не только крымскую, но и остальную недвижимость. 4 марта 1917 года Контора Петра Николаевича пишет в канцелярию бывшего Министерства двора письмо с предложением продать участок земли близ Ксениинского института площадью 3920 кв. саж. за 2 350 000 руб. [РГИА, ф. 553, оп. 1, д. 79, 94]. При этом упоминается, что долг Петра Николаевича перед Главным управлением уделов составляет 1 475 000 руб. Ответ Министерства двора остался неизвестным.

Участок земли с двумя доходными домами на Петроградской стороне на 33 квартиры в совокупности (адреса домов – Б. Вульфова ул., 9/4, Б. Посадская ул., 9/5) Петр Николаевич 5 августа 1917 года продал некоему Якову Владимировичу Роде [РГИА, ф. 553, оп. 1, д. 79, 95–109]. На покупа-

теля переводились долги великого князя Петроградскому городскому кредитному обществу. Остальные платежи Роде обязался произвести в рассрочку. Первые выплаты – 590 тыс. руб. – управляющий Конторой Петра Николаевича Н.А. Плещеев, видимо, получил сполна, еще 100 тыс. ушло посреднику. 14 февраля 1918 года Плещеев явился к петроградскому нотариусу В.Э. Гревсу за окончательным расчетом и прождал пять часов, что следует из его заявления. Покупатель в назначенный день просто не явился.

12 октября 1917 года Контора великого князя Петра Николаевича возбудила ходатайство в адрес Временного правительства «о выдаче хранящихся в Главном управлении уделов капиталов великой княгини Милицы Николаевны, полученных ей в дар при выходе замуж за великого князя Петра Николаевича» [РГИА, ф. 553, оп. 1, д. 78, 5]. В 1889 году, в соответствии с брачным договором, император Александр III подарил Милице 100 тыс. руб., а Петр Николаевич – 50 тыс. руб. [РГИА, ф. 553, оп. 1, д. 78, 3–4]. Деньги были положены на ее счет в Департамент уделов. Эти деньги с учетом процентов Контора Петра Николаевича и желала вернуть Милице как ее личный капитал. Власть тогда еще разделяла «удельную» и «частную» собственность представителей царской семьи и на вторую категорию не претендовала. Но, судя по времени, когда был сделан запрос, вряд ли он был одобрен.

Перед Первой мировой войной Николай Николаевич успел выстроить последний в столице романовский особняк. На Петровской набережной, между Петропавловской крепостью и домиком Петра I, по проекту архитектора А.С. Хренова в 1910–1913 годах было возведено трехэтажное угловое здание в неоклассическом стиле [Ефимов, Любезников, 2020]. С виду не очень роскошный, внутри дворец был отделан мрамором, лепниной и позолотой. Пожить во дворце с паркетами из карельской березы великий князь не успел – началась война. А после Октябрьской революции здание занял Революционный трибунал Петрограда. Первой подсудимой тут, по иронии судьбы, стала крымская соседка великих князей (владелица дворца в Гаспре) – графиня С.В. Панина, член ЦК партии кадетов и товарищ министра народного просвещения при Временном правительстве. В 1918 году в здании разместился институт по изучению мозга под руководством В.М. Бехтерева. А дворцовые ценности конфисковали для пролетарских музеев. Коллекция Николая Николаевича из этого дворца до сих пор является основой собрания старинного фарфора в Русском музее.

Отъезд в Крым был для великих князей незапланированным. Многие драгоценности и памятные вещи забрать из Петрограда и других мест они не успели. Но даже то, что было у Николаевичей с собой, могло быть изъято новыми властями. Зимой 1917–1918 годов в Крыму закончилась денежная наличность. Местные советы решали проблему с помощью изъятия денег и золота у имущих слоев населения. Князь Роман Петрович писал: «Предвидя возможность того, что большевики придут под предлогом необходимости

реквизиции золота, мы решили спрятать хотя бы что-то. Драгоценности царицы-матери и тети Ксении уже были укрыты Ольгой Александровной¹¹. Она спрятала их в коробке в расщелине одной из скал на пляже Ай-Тодора. <...> Задорожный¹² как-то сохранил собранное нами золото. Позже мы получили его обратно в полном объеме» [Romanov, 1997, 428].

Если вдовствующая императрица Мария Федоровна привезла фамильные драгоценности с собой, то большая часть украшений Милицы Николаевны осталась в банковском сейфе в столице. Роман Петрович вспоминал, как семья собирала дань для большевиков: «Чтобы собрать немного золота, мой отец, вооружившись пилкой, начал снимать золотые оправы с некоторых булавок и брошей. Эта утомительная работа заняла весь день. Я дал ему свое золотое кольцо с сапфиром, подаренное мне матерью по достижению совершеннолетия, и попросил его распилить кольцо, чтобы я мог сохранить сапфир. Мой отец перепробовал все, но ему удалось лишь пропилить зазубрину в кольцо. Отец вернул мне кольцо, и я ношу его до сих пор с насечкой, сделанной так давно» [Romanov, 1997, 428].

Роман Петрович упоминает, что его матери принадлежало «ожерелье с пятью рядами жемчуга» [Romanov, 1997, 32] – подарок Александра III на свадьбу. Специалист по Фаберже В.В. Скурлов сообщает более точные сведения: «В 1889 г. великой княжне Милице Николаевне пожаловано жемчужное ожерелье из трех рядов (211 зерен, вес 500 кар.) с фермуаром из изумрудов и бриллиантов в 33 305 руб.» [Скурлов, 2011; РГИА, ф. 468, оп. 8, д. 409]. По множеству свидетельств, именно это ожерелье позволило семье Петра Николаевича комфортно устроиться в эмиграции. «На средства, вырученные от удачной продажи жемчужного в пять рядов ожерелья Милицы Николаевны... удалось купить небольшой особняк...» [Белякова, 2002, 306], – писала З.И. Белякова. В книге И.Ю. Матвеева о сыне князя Романа Петровича Николае история продажи жемчуга описывается подробнее: «В Италии великий князь Петр Николаевич и его супруга решили не задерживаться и на нить жемчуга из ожерелья Милицы Николаевны приобрели во Франции, на живописном мысе в Антибе, виллу Донателло площадью четыре гектара. В начале XX века в моде были длинные, практически до пола, жемчуга, а у великой княгини Милицы Николаевны таких имелось четыре-пять штук. Этот жемчуг был единственной ценностью, которую удалось вывезти из России, на него Романовы и смогли купить себе временно, как тогда казалось, пристанище на чужбине. Трехэтажный дом с красной крышей и огромным садом до сих пор можно увидеть на Лазурном берегу. Он как бы спрятался в гуще строений, чтобы быть незаметным для чужого глаза. К тому же вилла не просматривалась с моря, а это

¹¹ Речь идет о вдовствующей императрице Марии Федоровне и ее дочерях Ксении и Ольге.

¹² Комиссар Филипп Задорожный, прапорщик Черноморского флота, был начальником охраны крымских Романовых с декабря 1917 по апрель 1918 года.

было самым главным требованием во время покупки, поскольку новая хозяйка, Милица Николаевна, боялась, что советская подводная лодка обстреляет дом или даже похитит хозяев» [Матвеев, 2023, 10–11].

В эмиграцию братья Николаевичи отправились из Крыма в апреле 1919 года, когда к Ялте подступала Красная армия. Все их непроданные дома и имения, кроме крымского Дюльбера, были уже реквизированы представителями новой власти. Англичане по инициативе вдовствующей британской королевы Александры, родной сестры российской императрицы Марии Федоровны, прислали за последней военный крейсер «Мальборо». Мария Федоровна ультимативно сообщила английскому командованию, что с ней поедут ее родственники и приближенные. Всех «дюльберских» она пригласила отправиться с собой. Собрав наскоро багаж, семьи великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича 11 апреля 1919 года покинули крымский берег. Их общим решением было отправиться сначала к младшей сестре Милицы и Анастасии – итальянской королеве Елене.

Через пять дней, 16 апреля, близ Константинополя обе семьи и сопровождающие их лица были переведены на борт другого английского военного корабля, «Лорд Нельсон», направляющегося в Геную. Фрэнсис Придхэм, первый лейтенант крейсера «Мальборо», вспоминал много лет спустя: «Все то утро, как я помню, мы трудились над тем, чтобы погрузить багаж великого князя в грузовой автомобиль. Там было более двухсот ящиков, большинство из которых были очень тяжелыми, поскольку ему удалось увезти много серебряной и, возможно, золотой посуды. Непосредственно перед тем как покинуть “Мальборо”, великий князь Николай поблагодарил некоторых офицеров, собравшихся на палубе, и в качестве особой милости показал нам наградное оружие, которое он получил от императора после кампании в Галиции. Эта сабля вместе с ножнами была искуснейшим изделием. Сама сабля представляла собой старинный дамасский клинок, укрепленный на золотой рукояти, усыпанной драгоценными бриллиантами. Ножны были также украшены рядами бриллиантов, хотя и несколько меньшего размера. Это великолепное оружие было ненавязчиво завернуто в довольно грязный кусок выделанной кожи»¹³ [Pridham, 1956, 91].

Георгиевское оружие император пожаловал Николаю Николаевичу 12 апреля 1915 года за действия русских войск в Карпатской операции и взятие Перемышля. Для изготовления оружия был приобретен старинный русский клинок за 200 руб., сообщают архивные документы [РГИА, ф. 468, оп. 44, д. 1386, 9], а полная стоимость наградного оружия, изготовленного для великого князя, по итогу составила 10 415 руб. [Зимин, 2011, 178]. Но эта сабля была дорога великому князю не бриллиантами.

Рескрипт Николая II по случаю награждения дяди гласил: «Ваше Императорское Высочество. Неуклонно следуя предначертаниям Моим, ведущим к

¹³ Пер. с англ. – Н.В. Карушкина.

осуществлению славных заветов наших доблестных предков – освобождения славянства от ига вражеского, Вы, благодаря непоколебимой твердости и настойчивости Вашей воли, при самых серьезных обстоятельствах тяжелой брани, завоевали вверенными Мною мудрому Вашему предводительству геройскими войсками родственную России Червонную Русь и ныне успешно продолжаете отторжение подъяремной Руси¹⁴» [Отклики войны, 1915].

За время Первой мировой войны Георгиевское оружие с бриллиантами получили всего восемь человек [Исмаилов, 2007, 8–9]. Кроме великого князя такой награды удостоились А.И. Деникин («За двукратное освобождение Луцка»), А.А. Брусилов («За поражение австро-венгерских армий на Волыни, в Буковине и Галиции 22–25 мая 1916 г.»), П.А. Лечицкий (за первые бои на Западном фронте), П.П. Калитин (за штурм Эрзерумского укрепрайона), С.Ф. Добротин (за первые бои 1914 года), Самет-бек Садык-бек Мехмандров (за бои в октябре 1914 года), В.А. Ирманов (за осенние бои 1914 года).

Журнал «Нива» так комментировал высокую награду: «Пожалованная Высочайшим рескриптом Верховному Главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу Георгиевская сабля, бриллиантами украшенная, с надписью “За освобождение Червонной Руси”, относится к числу исключительных наград, которые когда-либо жаловались нашим военачальникам.

Награду эту выделяет, главным образом, надпись: “За освобождение Червонной Руси”. Как известно, надпись на обыкновенном Георгиевском оружии, а также на оружии, украшенном бриллиантами, – “За храбрость”. Эта надпись установлена статутом, и, следовательно, надпись “За освобождение Червонной Руси”, присвоенная Георгиевской бриллиантовой сабле Великого князя, выделяет ее из ряда обычных наград и отмечает исключительность великого подвига.

Такие награды встречались иногда и раньше, а некоторым военачальникам за выдающиеся подвиги жаловалось особенное золотое оружие. Кутузов имел золотую шпагу с алмазами и лавровым изумрудным венком. Барклай де Толли – золотую шпагу, украшенную лаврами и алмазами и с надписью “За 20-е января 1814 года” – день сражения при Бриенне. Витгенштейн имел золотую шпагу, украшенную лаврами и алмазами, с надписью “За храбрость”. Исключительную награду получил фельдмаршал Паскевич в 1826 году. Тогда императором Николаем I ему была пожалована золотая с бриллиантами шпага с надписью “За поражение персиян при Елизавет-поле”» [Отклики войны, 1915].

Добавим, что наградной саблей с бриллиантами и уникальной надписью «В память покорения Кавказа» был награжден Александром II также

¹⁴ Червонной Русью называлась Галичина, территория, населенная славянами, но принадлежавшая перед Первой мировой войной Австро-Венгрии. Взятие Перемышля открывало путь к Буковине и другим районам «подъяремной Руси» (то есть занятой врагом). Эти исторические аллюзии широко использовались в русской военной доктрине.

главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский, усмиритель Шамиля, в 1864 году. Эта сабля хранится сейчас в Государственном историческом музее.

Более скромное, но не менее ценное памятное оружие вывез из России князь Роман Петрович. Оно было подарено ему накануне 20-летия осенью 1916 года. Князь вспоминал: «Отец подарил мне кавказскую саблю, принадлежавшую моему деду. Клинок был очень старым, а ножны посеребрены и украшены черным эмалированным восточным орнаментом. Сейчас эта сабля находится в коллекции моего сына Дмитрия» [Romanov, 1997, 363].

Новые подробности отъезда братьев Николаевичей и других Романовых в эмиграцию из Крыма содержатся в неизвестном ранее мемуарном эссе княжны императорской крови Марины Петровны, дочери Петра Николаевича, написанном ею в 1932 году. Документ хранится в частном собрании г-жи Хильдегард Робинс, проживающей в г. Тулоне, где был выявлен специалистами открытой в мае 2024 года музейной экспозиции дворца Дюльбер. Х. Робинс – племянница нидерландской писательницы Агнес ван Блокланд, лично знавшей Марину Петровну. Большинство документов, собранных в разоренном после смерти владельцев имении Бастид Голицыных¹⁵, Агнес передала исследователю Мартине Артц, использовавшей их для написания книги о Марине Петровне [Артц, 2019]. Часть архива и некоторые мемориальные вещи сохранились в Тулоне.

Выявленное эссе представляет собой машинопись на кальке синей краской и содержит узнаваемый рукописный автограф княжны черными чернилами в конце в качестве утвердительной визы. Документ был составлен на французском языке в ответ на запрос редакции журнала, приводим его целиком в переводе.

«Господину редактору журнала *Revue des Deux Mondes*¹⁶.

Разъясняя Ваш запрос, готова сказать, что в то время, когда мы поняли, что эвакуация из Крыма становится все более близкой, наша большая семья начала всерьез задумываться, можно ли дальше оставаться в Дюльбере. Большевики уже захватили южные русские земли и угрожали Крыму. В гавани Севастополя еще оставались английские, французские и греческие военные корабли, но кроме них Крым защищала лишь небольшая дивизия Белой армии. С каждым днем ситуация становилась все опаснее.

Получив очередное письмо от королевы Александры, своей сестры, с уговорами покинуть Россию, императрица Мария Федоровна, вокруг которой

¹⁵ В 1927 году Марина Петровна вышла замуж за князя А.Н. Голицына (1885–1974). Они поселились во Франции, недалеко от Тулона, в старинном коттедже, подаренном им дядей Марины, королем Италии Виктором Эммануилом. Имение было названо на итальянский манер – Bastide.

¹⁶ *Revue des Deux Mondes* («Обозрение Старого и Нового света») – самый тиражный французский литературный журнал того времени.

мы все собрались, наконец, решилась: как помню, 24 марта¹⁷ 1919 года к нам в Дюльбер прибыл английский капитан¹⁸ с сообщением, что Мария Федоровна только что объявила о своей готовности покинуть страну. На следующий день он должен был взять ее с собой на борт военного корабля “Мальборо”, который отправится в Константинополь, а оттуда в Англию. Каждый, кто хотел отплыть вместе с ней, должен был готовиться к отъезду, но при этом капитан предупредил, что мог взять лишь ограниченное количество пассажиров и багажа.

Наша семья с прислугой и штатом насчитывала более 80 человек, поэтому с собой можно было взять только самое необходимое и дорогое. Для меня выбор не был слишком трудным. Я не могла расстаться со своей любимой нянюшкой Нюсси¹⁹, а она, со своей стороны, не представляла своей жизни без дорогой своей “княжечки”. Как глубоко верующий человек, она была убеждена, что выполняет Божью волю, помогая мне и следуя за мной повсюду.

Что касается багажа, то я настаивала только на том, чтобы вместе со мной отправилась моя коллекция татарских тканей и костюмов, книг, рисунков, икон. Все остальное для меня уже не было столь важным. Я взяла краски, книжки, дорогие сердцу вещицы. Мои родные тоже начали поспешные сборы. По сделанному каждым выбору можно было судить о том, к чему лежало его сердце. Дядя Николаша, великий князь Николай Николаевич, велел упаковать самое дорогое для него оружие и полученные им высшие награды от царя. Он также взял с собой несколько сундуков с серебром. Мама и тетя, великие княгини Милица и Анастасия, и другие дамы велели спешно упаковать находившиеся в Дюльбере фамильные бриллианты и другие драгоценности.

Прекрасную диадему мамы с пшеничными колосьями, которую я так любила и видела по торжественным случаям в Петергофе и Царском Селе, пришлось оставить и спрятать под лестницей – мы верили, что вернемся. Феликс Юсупов, которого я так и не смогла простить и понять из-за убийства безоружного человека²⁰, привез под мышкой две свернутые в рулон картины Рембрандта²¹ из родового дворца в Петрограде и старую скрипку своего деда в футляре из палисандра²². В спешке он собственноручно вырезал картины из рам.

¹⁷ Марина Петровна пользуется старым стилем летоисчисления. По новому стилю это было 6 апреля.

¹⁸ Командир линкора «Мальборо» капитан Чарльз Дункан Джонсон (1869–1930).

¹⁹ Нюсси прожила с Мариной Петровной в эмиграции до своей кончины.

²⁰ Имеется в виду убийство Григория Распутина.

²¹ «Портрет джентльмена с перчатками» и «Портрет дамы с веером из страусиных перьев» – парные портреты кисти Рембрандта – были в дальнейшем проданы Ф. Юсуповым. В настоящий момент находятся в Национальной галерее искусств в Вашингтоне.

²² Это первое в историографии упоминание о вывозе Ф. Юсуповым в эмиграцию ценной скрипки. Подробнее о юсуповской коллекции музыкальных инструментов см.: Кошелев В.В. Музыкальные инструменты князей Юсуповых: к истории бытования // Вопросы музееологии. 2020. Т. 11, вып. 1. С. 71–82.

Через несколько дней, 29 марта²³, корабль «Мальборо» вышел из порта Ялты и взял курс на Константинополь. Это был прекрасный солнечный день. Я помню, как горы были окутаны легкой дымкой, как раз в том самом месте, откуда теперь большевики угрожали городу. Мы не осознавали тогда, смеясь и шутя, как вовремя нам удалось бежать, ведь буквально за день до этого захватили Симферополь, а через несколько дней пал и Севастополь.

На борту творилась страшная неразбериха. Никто не понимал, где чьи вещи. Отец взял с собой, помимо одежды, рисунков и чертежей, большого императорского орла, которого привез из столицы. Офицер британского королевского флота²⁴, служивший в то время на борту корабля, был вынужден спрашивать у меня, где что размещать, где вещи императрицы, а где остальных. Как размещать и принимать путников, которых великое множество.

Среди этих забот я услышала, как с кораблем поравнялось маленькое военное судно с несколькими сотнями гвардейских офицеров на борту, готовых защищать Севастополь. Началось пение будто хора. Сначала я не поняла, что произошло, но потом вслушалась и обомлела: когда эти офицеры увидели стоящего на борту бывшего Верховного главнокомандующего армией и вдовствующую императрицу, они во всю силу запели старый гимн «Боже, царя храни!». Я встала как пораженная и вытянулась – и поняла, что это конец. Это Россия прощается с нами, русские воины идут на смерть со страшной стихией революции. Мы никогда не вернемся!

Матушка спряталась в каюте после и не выходила. Николай Николаевич, прекрасный в своей несломленности, отдавал войскам честь, а Мария Федоровна в простеньком костюмчике из твида в черных оборках, по великолепной русской традиции, благословила этих [людей], поющих прощальную песню: она осенила их крестным знаменем. Очень скоро мы в последний раз увидели маяк Ай-Тодора и прекрасные белые стены нашего Дюльбера. Теперь в закате солнца они сияли алым цветом. Мы долго-долго стояли на палубе и молчали, пока линия берега не исчезла из вида. Это был закат нашей настоящей жизни.

Подтверждено: Марина Романова-Голицына, 13 мая 1932 года, Париж»²⁵

Эссе в опубликованном виде в журнале *Revue des Deux Mondes* нами не обнаружено. Этот мемориальный документ ценен как деталями, так и точностью, с которой они переданы. Более всего он пересекается с воспоминаниями князя Романа Петровича и Фрэнсиса Придхэма, источниками, не изданными до сих пор на русском языке. Обращение историков к другим опосредованным публикациям приводит зачастую к ошибкам. Так, например, нередко пишут о

²³ 11 апреля по новому стилю.

²⁴ Артур Фрэнсис Придхэм – в то время первый лейтенант линкора «Мальборо» – написал позднее книгу воспоминаний «Конец династии» о походе «Мальборо» в Крым.

²⁵ Перевод с фр. – В.В. Кожин.

том, что в апреле 1918 года в Ай-Тодор и Дюльбер приезжал не капитан Джонсон, а адмирал С. Гоф-Калторп [Владимирский, 2016, 32]. Нигде ранее не упоминалось об оставленной в Дюльбере диадеме. Для женщин из династии Романовых диадемы с пшеничными колосьями были фирменными украшениями. Очевидно, именно о ней писал князь Роман Петрович: «Некоторые диадемы моей матери были очень старыми и тяжелыми, поэтому отец, который был равнодушен к украшениям, подарил ей новую диадему, сделанную по его проекту. Эта диадема была изготовлена Фаберже. Она представляла собой венок из колосьев, зерна в которых представляли собой удлиненные бриллианты. После революции моя мама случайно обнаружила фотографию этой диадемы в английском иллюстрированном журнале, где на нескольких страницах были представлены ювелирные изделия, которые большевики продавали в Лондоне» [Romanov, 1997, 192].

Реконструкция действий двух великих князей в отношении своей собственности, имущества и капиталов после Февральской революции, основанная на систематизации источников и на неизвестных ранее архивных материалах, позволяет воссоздать картину безуспешных попыток адаптации представителей императорского дома Романовых к новой политической реальности. Введение же в исторический оборот кратких воспоминаний Марины Петровны предоставляет возможность уточнить детали отъезда «крымских Романовых» в эмиграцию и, может быть, поможет в дальнейшем прояснить судьбу фамильной драгоценности, оставленной в Дюльбере.

ЛИТЕРАТУРА

- Артц М. Марина Петровна Романова: княжна императорской крови, 1892–1981 / пер. с нидерландского Е. Бронниковой. Amsterdam: Pegasus, 2019. 232 с.
- Белякова З.И. Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. СПб.: Logos, 2002. 330 с.
- Владимирский М.В. Красный Крым 1919 года. М.: Изд-во Олега Пахмутова, 2016. 304 с.
- Ефимов А.А., Любезников О.А. К истории строительства дворца великого князя Николая Николаевича Младшего на Петровской набережной // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 8–20.
- Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского дома. М.: Центрполиграф, 2011. 686 с.
- Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров. 1788–1913. М.: Старая Басманная, 2007. 544 с.
- Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма: История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб.: Изд-во Крига, 2020. 1112 с.
- Крымский вестник. 1917. № 64 (12 марта).
- Кузнецова Е.И. Имение Першино – опыт исторической реконструкции // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 71–77.
- Матвеев И.Ю. Хранитель истории династии. Жизнь и время князя Николая Романова. СПб.: Алетейя, 2023. 264 с.
- Отклики войны // Нива. 1915. № 19. С. 3.
- Российский государственно-исторический архив (РГИА).

- Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ).
Сироткина А. Дорога на Ай-Петри. Путешествие в прошлое. Симферополь: Н. Орианда, 2021. 256 с.
Скурлов В.В. Ювелирные изделия с жемчугом во времена Карла Фаберже. 11.10.2011. URL: https://skurlov.blogspot.com/2011/10/blog-post_2611.html (дата обращения: 17.11.2024).
Федорук А.Т. Старинные усадьбы Минского края. Минск: Полифакт, 2000. 416 с.
Pridham F. Close of a dynasty. London: Allan Winfate, 1956. 176 p.
Romanow R., Prinz. Am Hof des letzten Zaren: 1896–1919. München, Piper Verlag GmbH, 1997. 473 p.

N.V. Karushkina
*Applicant for PhD in History (Associate Professor),
Saint-Petersburg University
Saint-Petersburg, Russia*

V.V. Kozhin
*Chief Curator,
A.P. Chekhov house-museum
Yalta, Russia*

The Values of the Grand Dukes Nikolaevichs after the Revolution

The example of two families – the Grand Dukes Nikolai Nikolaevich and Peter Nikolaevich – shows how representatives of the Russian Imperial House tried to save their property and capital after the revolution. For the first time, disparate information about the real estate belonging to the Nikolaevich brothers – the grandsons of Nicholas I and the children of his third son Nikolai Nikolaevich the Elder – is examined in detail and systematized. Based on documents stored in the Russian State Historical Archive, little-known foreign-language sources of personal origin in Russian historiography, and other materials, the methods by which the Grand Dukes sought to preserve financial assets and personal property are studied. The content of requests to the Provisional Government is revealed, and details of transactions for the sale of land and the estates of Katemeiz and Chair are shown. Particular attention is paid to the issues of saving family valuables, including jewelry and award weapons. An essay-memoir by Princess Marina Petrovna (daughter of Pyotr Nikolaevich), preserved in the private archive of Hildegard Robins in the city of Toulon, is introduced into scientific circulation. The published document is dedicated to the departure of Romanovs into emigration in April 1919 from Crimea and contains new facts and details related to this event. The text was discovered by V.V. Kozhin as part of the work on the museum exhibition opened in the palace of Grand Duke Pyotr Nikolaevich Dulber.

Keywords: Romanovs; Russian Imperial House; Dulber; Romanov's Crimean estates; property of the Romanovs; Grand Duke Nikolai Nikolaevich; Grand Duke Peter Nikolaevich.

REFERENCES

- Artz M. Marina Petrovna Romanova: Princess of the Imperial Blood, 1892–1981 [Marina Petrovna Romanova: knjazna imperatorskoj krovi, 1892–1981]. Translated from Dutch by E. Bronnikova. Amsterdam: Pegasus, 2019. 232 p. (in Russian)
- Belyakova Z. I. Grand Dukes Nikolaevich in high society and at war [Velikie knjaz'ja Nikolaeviči v vyššem svete i na vojne]. Saint-Petersburg: Logos, 2002. 330 p. (in Russian).
- Vladimirsky M.V. Red Crimea 1919 [Krasnyj krym 1919 goda]. Moscow: Press of Oleg Paxmutov, 2016. 304 p. (in Russian).
- Efimov A. A., Lyubeznikov O.A. On the history of the construction of the palace of Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Younger on Petrovskaya Embankment [K istorii stroitel'stva dvorca velikogo knjazja Nikolaja Nikolaeviča Mladšego na Petrovskoj naberežnoj]. *Peterburg historical journal*, 2020. No. 3, pp. 8–20 (in Russian).
- Zimin I. V. Tsar's money. Income and expenses of the House of Romanov. Everyday life of the Russian imperial house [Carskie den'gi. Doxody i rasxody Doma Romanovyx. Povsednevnaja žizn' Rossijskogo imperatorskogo doma]. Moscow: Centrpoligraf, 2011. 686 p. (in Russian).
- Ismailov E.E. Golden weapon with the inscription "For bravery". Lists of knights. 1788–1913 [Zolotoe oružie s nadpis'ju «Za xrabrost'». Spiski kavalerov. 1788–1913]. Moscow: Staraja Basmannaja, 2007. 544 p. (in Russian).
- Krasnolutskiy A. Yu. Southern Coast of Crimea: History of Estates and Dachas from 1783 to 1920 [Južnyj bereg Kryma: Istorija imenij i dač s 1783 po 1920 god]. Saint-Petersburg: Press Kriga, 2020. 1112 p. (in Russian).
- Krymskij Bellutin [Cerkovnaya istoriya]. 1917. March 12. No. 64 (in Russian).
- Kuznetsova E. I. Pershino Estate – an Experience of Historical Reconstruction [Imenie Peršino – opyt istoričeskoj rekonstrukcii]. *Issues of Tula State University. Humaniaian sciences*. 2013. No. 1, pp. 71–77 (in Russian).
- Matveev I.Yu. Keeper of the Dynasty's History. Life and Times of Prince Nikolai Romanov [Xranitel' istorii dinastii. Žizn' i vremja knjazja Nikolaja Romanova]. Saint-Petersburg: Aletejja, 2023. 264 p. (in Russian).
- Niva. 1915, No. 19, p. 3 (in Russian).
- Russian State Historical Archive [Rossijskij gosudarstvenno-istoričeskij arxiv (RGIA)]
- Russian State Archive of the Navy [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (RGAVMF)] (in Russian).
- Sirotkina A. Road to Ai-Petri. Journey into the Past [Doroga na Aj-Petri. Putešestvie v prošloe]. Simferopol: N. Orianda, 2021. 256 p. (in Russian).
- Skurlov V. V. Pearl jewelry in the time of Carl Faberge [Juvelimnye izdelija s žemčugom vo vremena Karla Faberže]. Available at: https://skurlov.blogspot.com/2011/10/blog-post_2611.html (accessed on November 7, 2024) (in Russian).
- Fedoryuk A.T. Ancient estates of the Minsk region [Starinnye usad'by Minskogo kraja]. Minsk: Polifakt, 2000. 416 p. (in Russian).
- Pridham F. Close of a dynasty. London: Allan Winfate, 1956. 176 p. (in English).
- Romanow R., Prinz. Am Hof des letzten Zaren: 1896–1919. München, Piper Verlag GmbH, 1997. 473 p. (in German).

М.М. Казаков

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(37)

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-205-220

НОВЫЙ РИМ: У ИСТОКОВ ИДЕИ

Ключевые слова: Рим; Константинополь; Византий; Константин Великий; Констанций II; Юлиан; христианизация.

Цель статьи – выяснить, как формировалась идея Нового Рима и каковы были ее истоки, которые можно обнаружить еще в эпоху Республики и Ранней Империи. На основании источников IV века представляется возможным сделать вывод о том, что Константин Великий при основании на месте древнего Византия Константинополя в 324 году и его освящении в 330 году не ставил своей целью сделать этот город новой столицей. Благоприятное географическое и стратегическое положение города способствовало его быстрому росту, поэтому наследник Константина Констанций II принял меры для повышения статуса города. В это же время известные ораторы Фемистий и Либаний, историк Евтропий озвучили идеи сопоставления Константинополя с Римом. Однако отдельные высказывания некоторых авторов 330–370-х годов не представляли осмысленного и сколько-нибудь систематизированного суждения о возможности представления Константинополя как полноценной столицы Римской империи и закрепления этого представления в общественном сознании. В условиях христианизации окончательное оформление идеи нового Рима и ее воплощение было возможным только в христианской среде и через христианскую Церковь.

Идея Нового Рима имеет свою историю, причем порой противоречивую, порой запутанную, но в наибольшей степени легендарную. С одной стороны, это обусловлено источниками, которые содержат довольно широкий пласт мифотворчества (особенно это касается византийской историографии), а с другой – разделением историков, начиная с Нового времени, на античников и медиевистов, в состав которых входили и византинисты, нередко отделяющие себя от тех и от других. Историки Античности завершали свою часть изучения всемирно-исторического процесса либо основанием Константинополя, либо разделением Римской империи на Западную и Восточную, когда этот город уже стал восприниматься многими как столица восточной части некогда единого римского мира, либо падением политических институтов Западной Римской империи в 476 году вместе со «старым» Римом. Византинисты же обычно начинали свою часть истории с основания или освящения Константинополя, но также использовали и указанные выше

другие даты. В силу такого разнобоя в подходах разорванными оказывались не только отдельные исторические периоды и события, но даже идеи, которые их наполняли и определяли их развитие.

Цель статьи – еще раз обратиться к теме Нового Рима, которой посвящены сотни публикаций в мировой историографии¹. Из недавних исследований следует отметить сборник из 17 статей известных ученых, которые исследуют меняющиеся роли и восприятие Рима и Константинополя в Поздней Античности с точки зрения различных дисциплин и научных перспектив [Two Romes, 2012]. В последние годы некоторые зарубежные авторы стараются найти новые подходы к теме основания Константинополя и его первоначального развития. Например, Цанизар Паласиос попытался сопоставить реальность, возникающую из литературных произведений IV века, с императорскими конституциями и выявить новую иерархию городов, а в ней, соответственно, место Константинополя [Cañizar Palacios, 2014, 280–310]. Калделлис предпринял попытку ответить на недвусмысленный вопрос: можно ли было вообще помыслить о «Новом Риме»? [Kaldellis, 2020, 221–247]. Анализируя соотношение Рима и Константинополя, Ван Дам даже задался целью переписать историю Поздней Античности и утверждал, что Рим и Константинополь как мегаполисы были в значительной степени идеологическими конструкциями [Van Dam, 2010]. В отечественной историографии особо нужно отметить статью В.В. Серова, в которой автор попытался проанализировать эпитеты из императорских конституций и определить функциональность их применения по мере становления Константинополя как новой столицы [Серов, 2006, 37–59].

В отличие от едва ли не всех прошлых и большинства современных исследований, в статье предпринята попытка обнаружить истоки идеи Нового Рима и проследить ее эволюцию на основании источников IV века, то есть того времени, когда столичный статус Константинополя еще окончательно не оформился и, соответственно, многие легенды, принимаемые впоследствии за действительность, находились в процессе формирования. Нарративные источники этого времени, как будет показано ниже, содержат некоторые данные об идее Нового Рима, хотя в большей степени они позволяют не столько проследить эволюцию самой идеи, сколько выявить ее почти полное отсутствие в общественном сознании по крайней мере до начала 380-х годов. Законодательство этого времени также практически не содержит сведений о том, какое место отводилось Константинополю среди других значимых городов Римской империи, потому что императорские конституции в большей степени соответствовали реальному положению города в государстве [Серов, 2006, 38]. Еще меньше информации содержится в материальных

¹ Обзор некоторых значимых исследований по этой проблематике см.: [Melville-Jones, 2014, 247–248].

источниках, которые, как известно, мало способствуют исследованию истории идей и, кроме того, подвергаются очень разнообразной и противоречивой интерпретации со стороны исследователей.

Прежде чем говорить о Риме новом, необходимо отметить, что, собственно, сама идея Рима как некоей абстракции, а не конкретного места стала проникать в общественное сознание римлян еще с республиканских времен параллельно с формированием Римской Средиземноморской державы. Основные контуры этой идеи довольно ясно обозначились в эпоху Октавиана Августа и приобретали всё большую четкость при последующих императорах. Отчасти идея Вечного Рима была продуктом имперской пропаганды, но в большей мере её можно представлять как следствие постепенно складывавшегося римского могущества на огромных пространствах от Атлантики на западе до Персидского залива на востоке и от Британии на севере до Сахары на юге. Суть этой идеи коротко можно выразить формулой: где римская власть, там и Рим, который мыслился как вершина всего мира – космополис. Существенную роль играла ассимиляция провинциалов в политическое и социальное пространство Римской державы и их романизация, которая наряду со всем остальным предполагала и принятие ими Рима не столько как столицы, сколько как символа нормативного политического порядка [Kaldellis, 2020, 230–231].

Слухи о возможном переносе столицы из Рима в новое место тоже распространялись с республиканских времен, начиная еще со времен Юлия Цезаря, например в связи с Клеопатрой [Isaac, 2021, 19–20]. Однако истоки идеи Нового Рима или второго Рима более явно обозначились в I веке н. э., когда стало ясно, что императором можно сделаться не только в Риме [Тацит, 1993, 386], но и в провинциях. Впрочем, главную роль здесь сыграло появление еще в I веке и развитие во II–III веках института соправительства в Римской империи. Данный институт предполагал, что вместе с неоспоримой идеей Вечного Рима и безраздельной власти римлян над миром власть эта может сосредотачиваться и концентрироваться географически не только в Старом Риме, но и в тех местах, где находятся носители власти вместе с аппаратом, который ее обеспечивает. Идея была оформлена многозначительной фразой историка Геродиана: «Рим там, где находится государь» [Геродиан, 1996, 10]. Таким образом, Римская империя, по сути, не имела столицы в современном понимании, а таковыми уже во II веке считались императорские резиденции [Vanderspoel, 1995, 53].

Одновременно и некоторые крупные города империи, например Карфаген или Александрия, в силу их политического и экономического значения пытались соперничать за второе место после Рима. Так, рассказывая о пребывании императора Гордиана в Карфагене, тот же Геродиан писал, что «этот город и по обилию денег, и по числу жителей, и по величине уступает лишь одному Риму, оспаривая второе место у города Александра в Египте». И далее, описывая императорскую церемонию, историк замечает:

«город карфагенян на короткое время получил облик и положение Рима, словно являясь его отображением» [Геродиан, 1996, 117].

Самым очевидным моментом римской истории для формирования идеи Нового Рима можно считать создание тетрархии, которая «открыла тайну идеального дублирования Рима» [Kaldellis, 2020, 240]. Каждый из тетрархов имел свой центр с сосредоточенными в нем властными институтами – политическими, административными и военными, находившимися в Медиолане, Трире, Сирмиуме и Никомедии. Старый Рим оставался культурным центром, хранителем традиций, символом и носителем идеи римского мира – *Pax Romana*. И хотя ни один из новых центров еще не назывался каким бы то ни было по счету Римом, не вызывает сомнений, что ко времени утверждения во власти в качестве единственного правителя Римской империи Константина сама идея Нового Рима уже стала проникать в политическое сознание римской элиты, хотя еще недостаточно глубоко. Вряд ли можно утверждать, что эта идея получила хоть какое-то ясное оформление к середине 320-х годов и что она была воспринята общественным сознанием. Тем не менее она не была чем-то совершенно новым и экстраординарным для Константина и его окружения.

Также нельзя усмотреть ничего необычного в том, что Константин решил основать новый город и назвать его своим именем, что нередко делали прежде многие правители древнего мира. Впоследствии, когда Константинополь уже стал столицей, возникли различные легенды, целью которых было связать основание Нового Рима с Троей, выходцы из которой, согласно популярной истории, основали Старый Рим. Историк Зосим пишет о том, что неподалеку от Илиона в Троаде Константин заложил фундамент и построил часть стены, но потом передумал и отправился в Византий [Зосим, 2010, 115–116]. Подобные версии встречаются и у других византийских авторов, например у Созомена [Созомен, 1851, 2.3]. В поздних источниках упоминается о том, что Константин думал и о других местах: Сердике, Халкедоне, Фессалонике, а также в этот список возможных столиц входили Антиохия и Александрия [Isaac, 2021, 24].

Возможно, из всех вариантов Византий был самым привлекательным местом, обладавшим несомненными преимуществами, прежде всего ввиду стратегического значения [Dagron, 1984, 68–69], а также в силу того факта, что именно этот город был последним опорным пунктом Лициния на европейском континенте накануне окончательной победы Константина и установления его единоличной власти над всей Римской империей. Причиной основания города под собственным именем было не только свойственное каждому правителю тщеславие, но и стремление дистанцироваться от своих предшественников и подчеркнуть разрыв с их политикой [Константинополь, 2015, 139]. Очевидно, новый город должен был представлять собой альтернативу Никомедии, которая была резиденцией и Диоклетиана, и Галерия, и Лициния, а также Риму, который ассоциировался с побежденным Максенцием [Hekster, 1999, 744].

В источниках начиная с середины V века и в последующей исторической литературе является распространенной точка зрения, что целью Константина при закладке Константинополя было создание «Нового Рима» [Серов, 2006, 39]², идея которого, по мнению многих исследователей, была не только озвучена и внедрена в общественное сознание, но и воплотилась в определенных шагах императора во время освящения Константинополя и потом еще до конца его правления. Основанием для такого утверждения служит глава в Церковной истории Созомена, где он, в частности, говорит о том, что Константин сравнивал Византию с Римом «в правах и во власти», построил «равночестный Риму город», «назвал свой Константинополь новым Римом и сделал его столицей всех живущих на земле, подвластной Римлянам», причем «старание его – соименный себе город сделать во всем равным Риму италийскому, не осталось без успеха» [Созомен, 1851, 2.3]. Сходные характеристики содержатся и в Церковной истории Сократа Схоластика [Сократ, 1996, 1.16].

Однако обращение к синхронным и близким по времени источникам отнюдь не дает оснований поверить тому, что писали об этом церковные историки более века спустя. Да и вообще, почти все нарративные сведения об основании Константинополя относятся к значительно более позднему времени и содержат много легендарного материала, являвшегося по большей части плодом творчества, а иной раз и фантазии византийских историков и хронистов. В источниках, синхронных времени основания нового города или близких по времени, данные либо вообще отсутствуют, либо являются фрагментарными и во всяком случае не дают никаких оснований утверждать, что Константин на месте Византии намеревался устроить Новый Рим или хотя бы вторую столицу Римской империи. В середине 320-х годов после победы над Лицинием для этого не было достаточных оснований хотя бы потому, что Константин оставался единственным и неоспоримым правителем огромной державы. Идея Нового Рима должна была пройти долгий и сложный путь формирования.

Самым первым упоминанием другого Рима, имеющим отношение к Константину и заслуживающим, как кажется, мало доверия, является панегирик малоизвестного поэта Публия Оптациана Порфирия, которого отождествляют с префектом города в 329 и 333 годах и который сумел добиться помилования и возвращения из ссылки в 325 году [Constantinus, PL19, 393]. В панегирике, адресованном сыновьям Константина незадолго до убийства Криспа, есть такие слова: «...и пусть увидит здесь знать Понта, другого Рима, вождей»³. На этом

² Например, А. Калделлис, отбрасывая всякие сомнения, утверждает, что уравнивание Рима и Константинополя через общее имя и судьбу (Тихе) было задумано самим основателем [Kaldellis, 2020, 229].

³ ...videatque coruscus / Ponti nobilitas, altera Roma, duces [Dagron, 1984, 46]. Автор ссылается на издание Мюллера; в Латинской Патрологии этот текст отсутствует. Мелвилл-Джоунс обращает внимание на то, что в другом стихотворении, написанном немного позднее, Порфирий называет Константинополь «украшением Понта» (Ponti decus), а словосочетание

основании Ж. Дагрон делает, как кажется, скоропалительный вывод о том, что название нового Рима существовало в официальной риторике до 330 года [Dagron, 1984, 46]. Однако, во-первых, речь здесь идет не о Новом Риме, а о другом Риме, что могло означать всего лишь создание еще одной резиденции императора; во-вторых, это единственное употребление такого словосочетания во всем потоке панегириков, адресованных Константину, поэтому нет оснований говорить о том, что оно закрепилось в официальной риторике, а в-третьих, контекст употребления словосочетания не дает других намеков на особый статус нового города, кроме присутствия там знати, что характерно для любой императорской резиденции. Впрочем, нельзя исключать того, что словосочетание «другой Рим» могло войти в сознание Константина и привести его впоследствии к идее нового Рима. Однако данное предположение источники не подтверждают: ни сам Константин, ни его окружение публично ни одно, ни второе словосочетание не использовали [Серов, 2006, 46].

Стоит отметить, что в этих словосочетаниях при восприятии их носителями латинского языка существовали определенные смысловые нюансы. Константинополь можно было назвать *altera Roma* или *Roma secunda*. *Alter* означает либо «другой» вообще, либо «другой» из двух вещей. *Secundus* означает буквально «следующий», а также «второй», поэтому оно менее комплементарно. Соответственно, *altera Roma* можно было бы использовать как хвалебное выражение, не умаляя положения Старого Рима, тогда как «*Nova Roma*» могло бы подразумевать, что новый город был в некотором роде лучше [Melville-Jones, 2014, 255].

Еще менее убедительным, чем предыдущее, представляется упоминание нового Рима как титула епископа Александра в документе, относящемся к арианскому кризису до 325 года. Это послание епископов из Антиохии известно только по сирийской версии, и подлинность его сомнительна [Dagron, 1984, 46]. И уж тем более такой титул следует признать невероятным применительно к Византию, который тогда еще даже не стал Константинополем в полном смысле. Мелвилл-Джоунс справедливо усматривает в этом титуле попытку пояснительного дополнения переводчика, который работал в то время или в той среде, где концепция Константинополя как «Нового Рима» была важна и уже устоялась в церковном контексте [Melville-Jones, 2014, 251].

В сохранившихся произведениях самого Константина, включая вошедшие в Кодекс Феодосия законы, идею Нового Рима обнаружить не удалось. Некоторые исследователи усматривают намек на это в законе от 1 декабря 334 года, где говорится о городе, посвященном Богу под вечным именем⁴ [CTh 13.5.7], однако словосочетание «*aeternitas mea*» было довольно обычной формой обращения к себе императоров в эпоху домината

Ponti nobilitas как раз и означает «другой Рим», то есть не город как таковой, а его население [Melville-Jones, 2014, 250].

⁴ ...urbis, quam aeterno nomine iubente deo donavimus...

[Paradopoulos 2018, 35–36], как свидетельствует Аммиан Марцеллин, упоминая о том, что Констанций II подписывал императорские документы этой фразой [Ammianus, 1978, *XV.1.3*]. Да и самому Константину, видимо, было лестно считать свое имя вечным. Можно упомянуть о том, что еще в 317 году Константин назвал Сердику «своим Римом»⁵ в том смысле, о котором упоминалось выше: где император, там и Рим. Впрочем, некоторые считают это свидетельство ненадежным, так как оно содержится в анонимном продолжении истории Диона Кассия и не встречается в других источниках [Melville-Jones, 2014, 249].

В произведениях Евсевия Памфила, историка и биографа Константина, идея Нового Рима также не получила какого бы то ни было внятного оформления. В панегирической биографии «Жизнь Константина», которая так и не была завершена до смерти автора в 339/40 году, встречается несколько упоминаний о Константинополе. Причем из текста очевидно, что Евсевий однозначно считал царственным городом Рим [Евсевий, 1998, 49, 173, 175], а часто встречающееся в литературе утверждение, что Новый Рим задумывался с самого начала как христианская столица, вряд ли имеет под собой достаточные основания в источнике. Хотя Евсевий говорит о строительстве храмов и зданий в честь мучеников и о том, что Константин «посвятил Богу их и самый свой город», одновременно отмечая меры по истреблению идолопоклонничества [Евсевий, 1998, 125], в то же время историк отмечает, что «весь одноименный василевсу город наполнен был искуснейшими медными изваяниями, которые почитались священными у всех народов», также были изображения, вылитые из золота и серебра [Евсевий, 1998, 128–129]. Вряд ли можно полагать, что эти статуи и изображения могли в большом количестве сохраниться в пришедшем в упадок в III веке Византии. Вероятнее, при строительстве нового города для придания ему соответствующего блеска они были привезены туда из различных городов Римской империи, включая и старый Рим. Впрочем, Евсевий говорит о том, что Константин приказал статуи переплавить [Евсевий, 1998, 129], но из контекста трудно понять, когда именно это было сделано и каковы были масштабы акции. Во всяком случае, убедительным выглядит мнение о том, что под христианской столицей Константин понимал не Константинополь, а Иерусалим [Dagron, 1984, 389], и это представляется вполне логичным в свете внимания самого императора и его матери Елены к местам, связанным с Иисусом Христом.

Можно допустить, что идея сделать Константинополь исключительно христианским городом – Новым Римом в противовес старому языческому Риму [Курбатов, 1984, 8] – сформировалась у императора уже в 330-х годах, когда, как считают некоторые исследователи [Серов, 2006, 44], происходила интенсивная христианизация личности Константина, завершившаяся его крещением накануне смерти. В пользу этого может свидетельствовать сообщение

⁵ Anonymus post Dionem (Dio Continuatus), frag. 15.1.

того же Евсевия о строительстве храма Апостолов и обустройстве в нем гробницы [Евсевий, 1998, 170–171], в которой Константин и упокоился в 337 году [Евсевий, 1998, 176]. В связи с этим у современных исследователей можно встретить еще одно предположение относительно Константинополя – основание одноименного города как династической столицы [Константинополь, 2015, 140; Dagron, 1984, 27–29; Vanderspoel, 1995, 52]. Как и у других подобного рода предположений, в этом есть свои *pro et contra*. В его пользу свидетельствует особое внимание к городу не только самого Константина, но и его ближайших последователей, а также обустройство там фамильной усыпальницы, хотя после захоронения Константина здесь был погребен только император Констанций II в 361 году и, вероятно, несколько других родственников династии Флавиев. Сам Константин похоронил свою мать Елену в Риме [Евсевий, 1998, 124; Barnes, 1981, 221], а Юлиан, родившийся в Константинополе [In Praise, 1994, 395], упокоился в Тарсе. Полноценной императорской усыпальницей храм св. Апостолов можно считать лишь со времени императора Феодосия. Кроме того, идея династической столицы, даже если она имелась у Константина, отнюдь не совпадает с идеей нового Рима.

В своей «Хронике», которая заканчивается 329 годом, Евсевий вообще не упоминает факт основания Константином нового города, и лишь продолжатель его хронологии бл. Иероним говорит об освящении Константинополя [Иероним, 1880, 396], но это произведение было написано полвека спустя, и идея нового Рима там никак не обозначена.

Таким образом, ни намерение Константина основать новую столицу Римской империи, ни желание провозгласить ее Новым Римом, ни решение сделать Константинополь христианской столицей в источниках, близких к нему по времени, не обнаруживается. И хотя можно согласиться с мнением о том, что после 330 года Константин пересматривал свое отношение к Константинополю, он не изменял принципиально его статуса. Во всяком случае, он не стремился ни создавать второй Рим, копируя оригинал, ни менять статус старого Рима в пользу нового города [Серов, 2006, 42, 46].

Самый первый и довольно ясный намек на то, что Константинополь мог претендовать на особый статус, содержится у Евтропия, труд которого датируют 369 или 370 годом. В нем он пишет о Константине, что тот «первым начал настолько возвышать город имени своего, что сделал его соперником Рима»⁶. Если учесть, что ко времени написания этого труда в Константинополе уже более десятилетия действовал свой сенат, то такое утверждение можно воспринять как довольно обоснованное в смысле претензии на Новый Рим или хотя бы такой идеи.

⁶ Eutropius X.8.1: *primusque urbem nominis sui ad tantum fastigium evehere molitus est, ut Romae aemulam faceret.*

Если обратиться к последователям Константина, то идея формирования новой столицы Римской империи вполне могла появиться у Констанция II, который получил в управление её восточную часть. На первых порах Констанций редко посещал Константинополь, хотя и продолжил программу строительства, начатую его отцом, возможно, отдавая дань его памяти. Непосредственно о зарождении идеи Нового Рима у Констанция II источники, затрагивающие этот период, ничего не говорят. Стоит только заметить, что в своих указах император упомянул название Рима не менее десятка раз, тогда как Константинополь был назван им лишь единожды, да и то в качестве определения [CTh 11.16.6; Серов, 2006, 48].

Можно лишь предположить, что в условиях разделения империи в соперничестве с Константином, который мог похвастать тем, что центром его части является Рим, Констанций мог задумать придание столичного статуса, сопоставимого с Римом, Константинополю. Однако идея новой столицы не только стала доминировать в сознании императора, но и выразилась в конкретных мерах лишь к концу его правления, когда, казалось бы, в условиях его единоличного правления необходимость в учреждении новой столицы и тем более нового Рима отпала. Тем не менее в 357 году происходит учреждение восточного сената и в 359 году – должности городского префекта [Vanderspoel, 1995, 55]. Возможно, этому способствовали некоторые знатные представители Константинополя, которые стремились напоминать императору о том, что город его отца заслуживает если не равного Риму статуса, то близкого к нему, но вряд ли только это было главным фактором.

В литературе можно встретить точку зрения, что 357 год представляет собой ключевой переходный момент в административной истории Римской империи, так как сенат Константинополя обрел независимость. На смену единой административной единице пришли два сената, равные по численности и статусу, а новый сенат сделал Константинополь вторым имперским городом в полном смысле этого слова. В одном важном смысле Византийская империя возникла в 357 году, как отмечает Дж. Вандерспоел [Vanderspoel, 1995, 65–66].

Заслуживает внимания еще один факт, который относится к этому времени. По приказу Констанция II в собор св. Апостолов были перенесены части мощей св. апостолов: Андрея из Патр (Ахайя), Луки из Фив и Тимофея из Эфеса [Иероним, 1880, 402; Филосторгий, 1854, III 2]. Этим мероприятием одновременно возвышался статус императорского некрополя, где покоился сам Константин и несколько его родственников, а также демонстрировалась связь чина апостолов и Константина как императора, фактически «проповедовавшего» христианство всей римской ойкумене [Константинополь, 2015, 153].

Стоит отметить еще и то, что Констанций впервые назвал Константинополь «нашим городом», а его сенат «нашим сенатом» лишь в самом

конце своего правления – в 361 году, что было не просто риторическим оборотом, но и сопровождалось налоговыми льготами [CTh 6.4.13.3,4; 12.1.48; Серов, 2006, 50].

Вместе с тем, как и многие другие ключевые события того периода, которые мы считаем таковыми лишь по прошествии времени, все это не было воспринято должным образом современниками, которые пока еще были далеки от идеи Нового Рима – в пользу этой идеи раздавались лишь отдельные голоса. Старая римская аристократия была сосредоточена в Риме и не мыслила ни себя, ни Римскую империю без старой столицы. Некоторые семьи под нажимом Константина и под обещания земель и льгот переехали в Константинополь, но и они оставались приверженными традиционному взгляду на Рим как центр Вселенной – *capite mundi* [Ammianus, 1978, XIV.6.23]. Формирование новой константинопольской знати происходило медленно, и на первых порах она практически ничем не отличалась от местной знати других крупных городов империи. Идея Нового Рима в этой среде сама по себе вряд ли могла оформиться, пока для нее не созрела политическая и религиозная почва. И тем более для идеи Нового Рима не могла быть питательной языческая среда, так как именно со старым Римом были связаны взгляды на традиционный римский патриотизм, о чем убедительно свидетельствует речь Симмаха в споре об Алтаре Победы [Prefect, 1973, Relatio III], причем она была озвучена в 384 году, когда идея второго Рима уже была внедрена в христианскую среду.

Важным источником по истории Константинополя середины и второй половины IV века являются произведения Фемистия. К концу 340-х годов, когда Фемистий прибыл в город, чтобы занять должность учителя, Константинополь еще вряд ли мог серьезно соперничать за статус нового Рима, даже частично. Культурные и социальные институты находились еще на ранних стадиях развития, и город вообще не был столицей чего-либо, и уж тем более империи или значительной ее части [Vanderspoel, 1995, 54]. Из произведений Фемистия этого времени сложно понять изменение статуса Константинополя, а также то, как указанные изменения отражались на общественном сознании. Однако следует особо отметить, что именно этот оратор внес существенный вклад в формирование идеи нового Рима. Так, в 357 году он делает намек на сходство статуса Рима и Константинополя, но его вывод состоял в том, что Константинополь счастлив находиться в слегка подчиненном положении [Themistius, 1832, Oratio 3.41c-d, 42 a-d; Heather and Moncur, 2001, 121; Vanderspoel, 1995, 55–56].

Стоит отметить, что Фемистий имеет в виду под метрополией Византия не Мегару, а Рим – владыку других городов [Themistius, 1832, Oratio 23.298a-b]. В этом можно усмотреть намерение показать, что Константинополь не нуждается в собственном прошлом, поскольку его метрополия была метрополией мира, и становится новым основанием старого Рима

[Paradopoulos, 2018, 41]. Позже Фемистий упоминает о беседах с Констанцием в качестве представителя своих коллег-сенаторов. Если в ходе частных бесед с императором была затронута тема создания восточного сената, то это предложение было услышано императором с готовностью. В равной степени возможно предположение, что Константин сам объявил о своем намерении Фемистию и другим сенаторам, сопровождавшим оратора. Как только решение было принято, именно Фемистию было поручено найти необходимое количество (1700!) новых сенаторов [Vanderspoel, 1995, 65]. Примерно к 360 году оба сената – римский и константинопольский – уже имели одинаковый статус [Heather and Moncur, 2001, 121].

Два десятилетия спустя, ко времени правления Феодосия, отношение Фемистия к Константинополю, по-видимому, изменилось: он вполне был готов считать два города равными по статусу. Так, в речи в 379 году он недвусмысленно связывает столицы и говорит о двух метрополисах мира – городах Ромула и Константина [Themistius. 1832, Oratio 14.182a]. Стоит отметить, что после собора 381 года Фемистий к теме Нового Рима в своих речах не возвращается, возможно, посчитав, что роль Церкви в этом отношении может оказаться более эффективной, а возможно, в стремлении, напротив, преуменьшить значение Церкви в этом вопросе через поддержку безусловного приоритета старого Рима.

Другой выдающийся ритор этого времени Либаний в своих произведениях довольно часто применял словосочетание «великий город» в отношении Константинополя с явным намеком на его второе место после Рима и использовал такие выражения: «город, после Рима величайший» [Либаний, 2014, Oratio 18.11]; «каждый из Римов» [Либаний, 2014, Oratio 15.36]; «величайший из здешних городов и второй после величайшего из всех» [Либаний, 2014, Oratio, 59.94].

Юлиан, еще не будучи императором, в своем первом панегирике Констанцию, датированном 357 годом, говорит о том, что Константинополь настолько же превосходит другие города, насколько его превосходит Рим. В этом совершенно ясно можно усмотреть намек на статус Нового Рима. Однако будущий император рассматривает Константинополь именно как второй город после Рима, а не как первый среди остальных [Julianus, 1874, Oratio 1.8c; Vanderspoel, 1995, 58]. Насколько можно судить из произведений самого Юлиана, а также других источников второй половины IV – начала V века, в течение своего краткого правления Юлиан не предпринял значимых шагов ни для развития тенденции в сторону столичного статуса Константинополя, ни для дальнейшего развития и продвижения идеи Нового Рима.

Император Валент после восстания Прокопия испытывал определенную неприязнь к Константинополю, где, собственно, и начался мятеж. В последующем Валент был слишком занят конфликтами и войнами с внешними

врагами, что вряд ли позволяло уделять внимание таким вопросам, как внедрение в общественное сознание идеи нового Рима. Развитие столичного статуса Константинополя, очевидно, тоже не входило в планы Валента, хотя он возобновил проведение игр [Иероним, 1880, 405] и способствовал благоустройству: в частности, при нем был построен внушительный по размерам акведук, который и сегодня впечатляет посещающих Стамбул туристов. Тем не менее Валент словно бы демонстрировал нежелание вспоминать о Константинополе без надобности и даже тон конституций императора в лучшем случае допускал термин «город» [Серов, 2006, 53]. В любом случае источники не дают оснований говорить, что Валент задумывался об изменении официального статуса Константинополя и уж тем более представлял его в качестве Нового Рима.

В исследованиях недостаток сведений нарративных источников нередко компенсируется обращением к изображениям, надписям, нумизматике и археологическим источникам, что позволяет пролить свет на некоторые детали. Однако данные материальных источников в исследованиях Нового и Новейшего времени обычно интерпретировались с точки зрения традиционных взглядов на это событие, формировавшихся в виде различных легенд с середины V века. В частности, в литературе довольно широко обсуждаются различные интерпретации изображений, например в Календаре 354 года и в *Tabula Peutingeriana* (365/366), а также на монетах. Обзор этих интерпретаций заслуживает определенного внимания, вместе с тем они очень неоднозначны и не дают оснований уверенно говорить о том, что эти изображения воспринимались именно с точки зрения статуса Константинополя как второго Рима [Vanderspoel, 1995, 58–61]. В конце правления Константина были отчеканены монеты, на которых изображены богиня Рома и Константинополь. Мелвилл-Джоунс отмечает, что в их легендах упоминаются просто Рим и Константинополь – *VRBS ROMA* и *CONSTANTINOPOLIS* (присутствие «*urbs*» в легенде, возможно, было призвано подчеркнуть, что сравнение проводилось между городами, а не между богиней Ромой и олицетворением нового города императора). Ни на одной римской монете, даже выпущенной восточными монетными дворами в IV веке, никогда не упоминались Новый Рим или другой Рим [Melville-Jones, 2014, 251–252].

Как бы то ни было, за полвека со времени освящения в Константинополе, разумеется, произошли определенные изменения. В частности, заметно увеличилось население города, что играло свою роль наряду с другими факторами. Возможно, в 370-х или 380-х годах оно достигло 100 000 человек [Dagron, 1984, 524–525]. Тем не менее само по себе увеличение количества населения не могло свидетельствовать о превращении Константинополя в столицу и тем более в Новый Рим. Оформление некоторых «столичных» признаков к концу 370-х годов обозначало определенную тенденцию, но она еще

была слишком слабо выражена, чтобы говорить о втором Риме. Сенат Константинополя пока не приобрел должного политического значения, учреждение некоторых новых магистратур мало отличало этот город от других крупных центров Римской империи, игры и хлебные раздачи не имели больших масштабов в силу пока еще малой численности населения. К тому же почти до конца IV века императоры отнюдь не привязывали свою деятельность лишь к Константинополю и неоднократно меняли резиденции. Можно утверждать, что Константинополь стал неизменной императорской резиденцией лишь со времени правления императора Аркадия (395–408).

В связи с этим нет оснований говорить, что идея нового-второго-другого Рима получила более или менее четкое оформление. Отдельные высказывания некоторых авторов 330–370-х годов не представляли осмысленного и скольконибудь систематизированного суждения о возможности представления Константинополя как полноценной столицы Римской империи и закрепления этого представления в общественном сознании. Для завершения оформления и воплощения идеи Нового Рима требовались соответствующие исторические и политические условия, реальное и полноценное превращение города в столицу, а также политическая воля правителя государства. В условиях интенсивно проходившей в этот период христианизации Римской империи такое представление должно было оформиться и осуществиться в рамках христианской Церкви.

К началу 380-х годов все эти факторы сошлись в благоприятное сочетание: император Феодосий, не связанный родством с предшествующими династиями и нуждавшийся в укреплении власти в восточной части империи, вступил в союз с христианской Церковью и сделал Константинополь не только своей столицей, но и центром православного христианства. Результатом этого сочетания факторов стал третий канон Второго вселенского собора 381 года, провозгласивший на весь христианский мир, который по масштабам уже превосходил сам римский мир, что Константинополь является вторым Римом. Таким образом, идея из отдельных разрозненных высказываний обрела реальное воплощение в документе, который благодаря возможностям христианской Церкви и ее укрепляющемуся союзу с государством стал восприниматься в качестве официальной позиции императорской власти практически всем населением Римской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПЭ – Православная энциклопедия.
СTh – Codex Theodosianus: Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges Novellae ad Theodosianum pertinentes. Berlin, Weidemann, 1905.
PL – Patrologia Latina.

ЛИТЕРАТУРА

- Геродиан. История императорской власти после Марка. М., 1996. 272 с.
Евсевий Памфил. Жизнь блаженного Василевса Константина. М., 1998. 351 с.
Зосим. Новая история / пер., коммент., указ. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. 344 с.

- Иероним Стридонский. Хроника Бл. Иеронима // Иероним Стридонский. Творения блаженного Иеронима Стридонского. В 17 ч. Ч. 5. Киев, 1880. С. 395–408.
- Константинополь // ПЭ. Т. 37. М., 2015. С. 134–193.
- Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. 207 с.
- Либаний. Речи / пер. С.П. Шестакова; под ред. М.Ф. Высокого. СПб.: Квадриум, 2014. 761 с.
- Серов В.В. К проблеме формирования столичного статуса Константинополя // Византийский временник. 2006. Т. 65(90). С. 37–59.
- Созомен. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851. 636 с.
- Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996. 368 с.
- Тацит Публий Корнелий. Сочинения. СПб., 1993. 736 с.
- Филосторгий. Сокращение церковной истории Филосторгия, сделанное патриархом Фотием. СПб., 1854.
- Ammianus Marcellinus. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Hrsg. Von Wolfgang Seyfarth. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Leipzig, 1978.
- Barnes T. Constantine and Eusebius. Cambridge, London, 1981. 458 p.
- Cañizar Palacios J.L. From vetus Byzantium (Amm. 22.8.8) to urbs regia. Representation of Constantinople in Late Roman Empire Laws // New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire. Newcastle, 2014. P. 280–310.
- Constantinus. Epistola Constantini Ad Porphyrium. PL 19.
- Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1984.
- Eutropius Flavius. Abridgement of Roman History / Lamberto Bozzi (translator). CRT, 2019. URL: <https://www.crtpesaro.it/Materiali/Latino/Summary%20of%20Roman%20History,%20Book%201.php>.
- Heather P., Moncur D. Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius. Liverpool, 2001. 361 p.
- Hekster O. The City of Rome in Late Imperial Ideology: The Tetrarchs, Maxentius, and Constantine // Mediterraneo Antico. 1999. Vol. 2.2. P. 717–748.
- In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini. Introduction, Translation, and Historical Commentary with the Latin Text of R.A.B. Mynors / C.E.V. Nixon and Barbara Saytor Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1994. 735 p.
- Isaac B. From Rome to Constantinople // Rome: An Empire of Many Nations. New Perspectives on Ethnic Diversity and Cultural Identity / ed. by Jonathan J. Price, Margalit Finkelberg and Yuval Shahar. Cambridge, 2021. P. 17–28.
- Iulianus. Iuliani imperatoris quae supersunt. Rec. F. C. Hertlein. T. 1–2. Lipsiae, 1875–1876.
- Kaldellis A. How Was a 'New Rome' Even Thinkable? Premonitions of Constantinople and the portability of Rome // Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam. Turnhout, 2020. P. 221–247.
- Melville-Jones J. Constantinople as «New Rome» // Byzantina Symmeikta. 2014. Vol. 24(1). P. 247–262.
- Papadopoulos I. The Idea of Rome in Late Antiquity. Leeds, 2018. 550 p.
- Prefect and emperor. The Relations of Symmachus A.D.384 / ed. by R.H. Barrow. Oxford, 1973. 246 p.
- Themistius. Themistii Orationes ex codice mediolanensi. Lipsiae, 1832.
- Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity / ed. by Lucy Grig, Gavin Kelly. Oxford, 2012.
- Van Dam R. Rome and Constantinople: Rewriting History During Late Antiquity. Waco, 2010.
- Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995. 280 p.

М.М. Kazakov
PhD in History, Doctor, Professor,
Department of State and Legal Disciplines,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

New Rome: At the Origins of the Idea

The purpose of the article is to find out how the idea of a new Rome was formed and what were its sources, which can be found back in the era of the Republic and the Early Empire. Based on sources from the 4th century, it seems possible to conclude that Constantine the Great, when he founded Constantinople on the site of ancient Byzantium in 324 and consecrated it in 330, did not aim to make this city the new capital. The favorable geographical and strategic position of the city contributed to its rapid growth, so Constantine's successor Constantius II took measures to raise the status of this city. At the same time, the famous orators Themistius and Libanius, the historian Eutropius voiced ideas about comparing Constantinople with Rome. However, individual statements by some authors of the 330s–370s did not represent a meaningful and somewhat systematized judgment on the possibility of presenting Constantinople as a full-fledged capital of the Roman Empire and consolidating this idea in the public consciousness. Under the conditions of Christianization, the final formulation of the idea of a new Rome and its embodiment was possible only in a Christian environment and through the Christian Church.

Keywords: Rome; Constantinople; Byzantium; Constantine the Great; Constantius II; Julian; Christianization.

REFERENCES

- Ammianus Marcellinus. *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt*. Hrsg. Von Wolfgang Seyfarth. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Leipzig, 1978 (in English).
- Barnes T. *Constantine and Eusebius*. Cambridge, London, 1981. 458 p. (in English).
- Cañizar Palacios J.L. From vetus Byzantium (Amm. 22.8.8) to urbs regia. Representation of Constantinople in Late Roman Empire Laws. *New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Newcastle, 2014, pp. 280–310 (in English).
- Constantinople [Konstantinopol']. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 37. Moscow, 2015, pp. 134–193 (in Russian).
- Constantinus. *Epistola Constantini Ad Porphyrium*. PL 19 (in English).
- Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, 1984 (in French).
- Eutropius Flavius. *Abridgement of Roman History*. CRT, 2019. Available at: <https://www.crtpesaro.it/Materiali/Latino/Summary%20of%20Roman%20History,%20Book%201.php> (in English).
- Evsevij Pamfil. *The Life of the Blessed Basileus Constantine [Zhizn' blazhennogo Vasilevsia Konstantina]*. Moscow, 1998. 351 p. (in Russian).
- Filostorgij. *Abridgement of the Church History of Philostorgius by Patriarch Photius [Sokrashchenie cerkovnoj istorii Filostorgiya, sdelannoe patriarhom Fotiem]*. Saint-Petersburg, 1854 (in Russian).

- Heather P. and Moncur D. Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius. Liverpool, 2001. 361 p. (in English).
- Hekster O. The City of Rome in Late Imperial Ideology: The Tetrarchs, Maxentius, and Constantine. *Mediterraneo Antico*. 1999. V.2.2, pp. 717–748 (in English).
- Herodian. History of Imperial Power after Mark [Istoriya imperatorskoj vlasti posle Marka]. Moscow, 1996. 272 p. (in Russian).
- Ieronim Stridonskij. Chronicle of Blessed Jerome [Hronika Bl. Ieronima]. *Works of Blessed Jerome of Stridon in 17 parts*. Part 5. Kiev, 1880, pp. 395–408 (in Russian).
- In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini. Introduction, Translation, and Historical Commentary with the Latin Text of R.A.B. Mynors. C.E.V. Nixon and Barbara Saytor Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1994. 735 p. (in English).
- Isaac B. From Rome to Constantinople. *Rome: An Empire of Many Nations. New Perspectives on Ethnic Diversity and Cultural Identity*. Cambridge, 2021, pp. 17–28 (in English).
- Iulianus. Iuliani imperatoris quae supersunt. Rec. F. C. Hertlein. Vol.1-2. Lipsiae, 1875–1876 (in English).
- Kaldellis A. How Was a ‘New Rome’ Even Thinkable? Premonitions of Constantinople and the portability of Rome. *Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam*. Turnhout, 2020, pp. 221–247 (in English).
- Kurbatov G.L. History of Byzantium (From Antiquity to Feudalism) [Istoriya Vizantii (Ot antichnosti k feodalizmu)]. Moscow, 1984. 207 p. (in Russian).
- Libanij. Speeches [Rechi]. Saint-Petersburg, 2014. (in Russian).
- Melville-Jones J. Constantinople as «New Rome». *Byzantina Symmeikta*. 2014. Vol. 24 (1), pp. 247–262 (in English).
- Papadopoulos I. The Idea of Rome in Late Antiquity. Leeds, 2018. 550 p. (in English).
- Prefect and emperor. The Relations of Symmachus A.D.384. Oxford, 1973. 246 p. (in English).
- Serov V.V. On the problem of the formation of the capital status of Constantinople [K probleme formirovaniya stolichnogo statusa Konstantinopolya]. *Byzantine Timetable*. 2006. V. 65 (90), p.37-59 (in Russian).
- Sokrat Skholastik. The Church History [Cerkovnaya istoriya]. Moscow, 1996. 368 p. (in Russian).
- Sozomen. The Church History of Hermias Sozomen of Salamis [Cerkovnaya istoriya Ermiya Sozomena Salaminskogo]. Saint Petersburg, 1851. 636 p. (in Russian).
- Tacit Publij Kornelij. Works [Sochineniya]. Saint-Petersburg, 1993. 736 p. (in Russian).
- Themistius. Themistii Orationes ex codice mediolanensi. Lipsiae, 1832 (in French).
- Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. Oxford, 2012. 465 p. (in English).
- Van Dam R. Rome and Constantinople: Rewriting History During Late Antiquity. Waco, 2010. 110 p. (in English).
- Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995. 280 p. (in English).
- Zosim. New history [Novaya istoriya]. Belgorod, 2010. 344 p. (in Russian).

А.А. Ходин

Гейдельбергский университет
Гейдельберг, Германия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-221-235

ДАТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И ЕГО ЖИТЕЛИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Ключевые слова: Дания; датчане; датчанки; восприятие; чужое; мода; одежда; приветствия; язык; пьянство; дворяне; француз; климат; погода.

Основным источником статьи является дневник Шарля Ожье – секретаря французского посланника в Дании графа д'Аво. На основе данного источника рассматривается восприятие французом датского общества 30-х годов XVII века. В качестве методологической основы очерка используется метод имагологии, применимый в рамках дипломатии к восприятию «чужого». Большую часть своего времени Ожье проводил в обществе датских дворян или придворных. В связи с этим его описания затрагивали в основном датскую аристократию.

В результате исследования становится очевидным, что французский дипломат приобрел достаточно много нового для себя опыта. Он воспринимал Данию и датчан, опираясь на менталитет своей родины. Наиболее положительных оценок удостоивались те, кто стремился следовать французским традициям. В первую очередь это касалось знания французского языка и культуры. Со многими придворными Ожье мог общаться на своем родном языке и находить общие темы для разговора. Дания не стала для француза «чужой» страной в полном смысле этого слова. Исключением являлись лишь несколько непривычные для него формы общения с женщинами, чрезмерное употребление алкоголя, а также специфический морской климат датской столицы.

2 августа 1634 года в порту небольшого датского городка Хельсингер прозвучал пушечный залп. Причиной было прибытие корабля, на борту которого находилось французское посольство во главе с Клодом де Мемом графом д'Аво (1595–1650) – известным дипломатом, а впоследствии политическим деятелем Франции. Незадолго до этого при французском дворе было получено приглашение на свадьбу датского избранного принца Кристиана (1603–1647) с саксонской принцессой Магдаленой Сибиллой (1617–1668). Французская делегация была одной из приглашенных сторон. Приезд графа д'Аво в Данию имел особое значение. Во-первых, Франция была одной из могущественнейших монархий в Европе [Schilling, 2007, 273]. Во-вторых, среди приглашенных особ д'Аво был наиболее известен в высших кругах датского общества. В изданной

по случаю свадьбы брошюре его посольство заняло почетную первую строчку среди других иностранных делегаций [Eine kurtze Beschreibung, 1634, 1]. В этой поездке д'Аво сопровождали многочисленные помощники и секретари. При въезде в датскую столицу – Копенгаген французское посольство насчитывало 52 дворянина [Eine kurtze Beschreibung, 1634, 1]. Среди них был и личный секретарь французского посла – Шарль Ожье (1595–1654). Заметим, что у Шарля был еще младший брат Франсуа (1597–1670), который будет сопровождать того же графа д'Аво на конгрессе в Вестфалии. Но это произойдет почти через десять лет после того августовского дня 1634 года, когда Шарль Ожье ступил на датскую землю и оставил свои первые записи о замечательном королевстве, люди и традиции которого стали одной из центральных тем его дневника.

Записи Ожье рисуют множество аспектов жизни в Дании. Порой автор сам путается в датских именах и названиях. Тем не менее его дневник представляет собой замечательный источник по истории дипломатии. В рамках данной статьи предполагается проанализировать, каким датское общество середины 30-х годов XVII века увидел француз. В качестве методологической основы в статье использован метод имагологии, то есть восприятия «чужого». Стоит заметить, что немецкий историк М. Роршнайдер в одной из своих работ убедительно показал, что изучение истории международных отношений напрямую связано с вопросом восприятия индивидов, групп и государств [Rohrschneider, 2007, 278]. Под восприятием подразумевается определенная система целей и установок индивида. Проходя через эту систему, получаемая информация интерпретируется индивидом в ту или иную сторону. Нередко понятие «восприятие» соотносится с общепринятым термином «опыт» [Strohmeier, 2007, 9]. В рамках данной концепции будут затронуты вопросы о том, как Ожье воспринимал датских мужчин, женщин, их манеру поведения, некоторые особенности местного менталитета и климат.

Многие европейцы в 30-е годы XVII века знали Данию как северное государство, на троне которого находился представитель Ольденбургской династии король Кристиан IV (1588–1648). Всем было известно, что за пять лет до описываемых событий Дания вышла из Тридцатилетней войны (1618–1648), в которой она потерпела поражение от австрийских Габсбургов. Несмотря на это, королевство «не было ослаблено в долгосрочной перспективе» [Lind, 2002, 425]. Дания по-прежнему сохраняла сильные позиции в Балтийском регионе, а ее территория не ограничивалась Ютландским полуостровом и близлежащими островами. Под контролем датского короля находились обширные территории южной части Скандинавского полуострова, Норвегии, Гренландии, Исландии и некоторых северогерманских земель [Schnettger, 2024, 89]. В связи с этим отметим, что датское общество, описываемое Ожье в 1634 году, было довольно условным понятием. Жители вышеупомянутых обширных территорий значительно различались в социокультурном плане. Естественно, Ожье не мог дать исчерпывающую характеристику всего населения, ограничившись лишь двумя

датскими городами – Хельсингером и столицей королевства – Копенгагеном. К тому же датское общество носило сугубо сословный характер. Большую часть времени в Дании Ожье проводил в среде подобных ему дворян и придворных. Тем не менее в некоторых случаях ему удалось отметить ментальные особенности, присущие датскому обществу в целом.

Первое знакомство с Данией началось для французов с небольшой гостиницы, где их делегация была временно размещена. Сразу по прибытии гостям было предложено выпить и пиво, и вино [Ogier, 1634, 5]. Такой выбор был необычным для привыкших в основном к вину французов. Удивило также то, что ужин подавался несколько раньше, чем во Франции. Бросилась в глаза и непривычная обстановка в спальне. Здесь было три кровати, расположенные в ряд и встроенные в большой шкаф. Это показалось французам неудобным. На кровати были положены белоснежные простыни и толстые пуховые одеяла. Ожье задавался вопросом, зачем такое теплое постельное белье использовалось летом. Ведь уснуть в такую жару было и без того тяжело. Ожье испытывал постоянный дискомфорт, а порой даже «боялся задохнуться» (здесь и далее перевод наш. – А. Х.) [Ogier, 1634, 7]. Еще одной особенностью датских кроватей было то, что они были слишком короткие, «так что лучше на них было сидеть, нежели лежать» [Ogier, 1634, 7]. Все эти первые впечатления о новой стране строились на сравнении с Францией. Ожье и его спутники чувствовали различия на бытовом уровне. Эти незначительные особенности датского гостиничного интерьера были чуждыми и непривычными для всей делегации. При этом Ожье старался воздерживаться от прямой критики, как и подобает опытному дипломату своего времени. Он особо подчеркивал, что не относится к тем людям, которые критикуют чужие обычаи, и не желает, чтобы в чужой стране все было адаптировано только под традиции Франции. В его намерения входило лишь сообщить о том, что он сам видел, и не давать каких-либо отрицательных оценок местных обычаев [Ogier, 1634, 5].

Проведя некоторое время в гостинице, Ожье и другие члены посольства совершали прогулки по городу. Хельсингер произвел хорошее впечатление. Все воспринималось довольно удобным и не вызвало никаких нареканий. Улицы были прямые и широкие. Дома большие и построены в основном из красного камня. Окна застеклены чистейшим стеклом, которое полировалось каждую неделю [Ogier, 1634, 5]. Французы нанесли несколько частных визитов и обратили внимание на то, что внутри все дома были красиво обставлены. На стенах висело много картин. Обстановку удачно дополняли многочисленные сундуки и шкафы, что свидетельствовало о материальном благополучии и хорошем вкусе датчан [Ogier, 1634, 15]. Ожье не обошел своим вниманием и местные лавки, где отметил особое качество датского белья. «Ни в одной другой стране я не видел такого большого и

красивого постельного белья, как здесь» [Ogier, 1634, 15], – напишет он позднее в своем дневнике. Единственным, что его огорчало, были непомерно завышенные цены. Пробыв в Дании еще несколько месяцев, он делает вывод, что «в этой стране все дорого» [Ogier, 1634, 79]. Если дороговизна и подпортила первое впечатление француза о Дании, то особых неудобств не причиняла. Уже в первые дни знакомства с новой страной Ожье больше интересовали не покупки и достопримечательности, а люди. Точнее говоря, местные жители, их внешность и некоторые особенности поведения, отличные от французских.

Давая общую характеристику датчанам, Ожье говорит об их сходстве с голландцами, подчеркивая, что и те и другие «живут посреди воды и никогда, однако, не пьют эту воду» [Ogier, 1634, 20]. Такое восприятие было вполне естественно для француза, который провел значительную часть жизни в Париже, Бурже или Валансе – городах, расположенных относительно далеко от моря. В дальнейшем он характеризует датских мужчин и женщин по отдельности. Мужчинам уделено не так много внимания. Они воспринимались французом как довольно «высокие и зрелые» [Ogier, 1634, 5] по сравнению с французскими мужчинами, отличавшимися несколько меньшим средним ростом. К датским женщинам Ожье проявил гораздо больший интерес. В первую очередь его привлекла внешность датчанок, непохожих на француженок. Согласно его впечатлению, датчанки «красивые и имеют изящное телосложение, с голубыми глазами и светлыми волосами, с белой и румяной кожей, какая бывает только у детей... Они высокие и стройные» [Ogier, 1634, 5–6]. Без сомнения, датские женщины представлялись Ожье довольно привлекательными. Однако более ценными для него являлись скорее их манеры, чем внешность. В отличие от привычного поведения француженок, датчанки «не обнажают грудь и не завивают волосы... не бросают взгляды на прохожих, и в них нет ни малейшего кокетства, ни в их походке, ни в манере поведения» [Ogier, 1634, 16]. «Не стремясь привлечь мужское внимание, они напоминают наших монахинь» [Ogier, 1634, 6]. Ожье по праву оценил скромность и хозяйственность датских женщин, которые, в отличие от французских, стараются показать себя «не в спальне, а на кухне» [Ogier, 1634, 16].

Тем не менее природная красота датчанок была не единственным, на что француз обратил внимание. В своих записях он неоднократно подчеркивает определенный уровень эмансипации датских женщин. Для Ожье и других французов было несколько странным, что датчанки не были столь зависимы от мужчин, как француженки. В данном случае речь не идет об участии женщин в общественной и политической жизни. Имеется в виду лишь то, что в Дании женщины проявляли большую инициативу, нежели представительницы прекрасного пола во Франции. Однажды Ожье стал случайным свидетелем похоронной процессии на улицах Копенгагена. Его поразило, что многие женщины шли без надлежащего сопровождения мужчин. В восприятии француза это

было настолько необычно, что он записал в дневнике: «Здесь не принято, чтобы женщины – даже княжеские дамы – позволяли мужчинам руководить собой, что мне показалось очень странным» [Ogier, 1634, 57]. В ходе одного из приемов в кулуарах королевского замка француза ожидало еще одно любопытное открытие. Ни для кого не было секретом, что при дворе сложился порядок, когда чиновники и дипломаты занимали определенное место согласно их служебному положению. Это было типично как для Дании, так и для других государств XVII века. Участвуя в какой-либо церемонии, мужчины стремились подчеркнуть значимость своей должности, а иностранные дипломаты – влияние своего монарха. Тот, кто занимал более высокое положение в системе рангов, имел право располагаться ближе к королю или первым участвовать в том или ином официальном мероприятии. Как в Дании, так и во Франции статус женщины в основном определялся по рангу ее супруга. Однако на одной из придворных церемоний в Копенгагене служебное положение мужчины не определяло статус и ранг его супруги. Здесь имело значение, была ли дама замужем и в каком возрасте она вступила в брак. Любопытный случай произошел на свадьбе наследника датского престола. Все приглашенные должны были преподнести свадебные подарки молодоженам. После того как канцлер и другие высшие сановники положили свои подарки, настала очередь женщин. Ожье с удивлением описывает ситуацию, когда «они выходили вперед не по рангу мужей, а в зависимости от возраста вступления в брак. Таким образом, супруга канцлера последовала за той, которая раньше вышла замуж» [Ogier, 1634, 98]. Впоследствии француз добавляет, что схожая ситуация иногда наблюдалась и в отношении мужчин [Ogier, 1634, 98].

Несколько странными показались Ожье и датские формы приветствия между мужчинами и женщинами. Для него было привычным, если мужчина целовал руку женщины при встрече, а она, слегка приседая, выражала тем самым свое почтение. В основном это было типично для дворянского сословия. В Дании традиции были несколько иными. Ожье удивляло, что, когда женщины «приветствуют прохожего, что случается редко, они не кланяются... но лишь иногда отвечают поцелуем в руку при этом немного пошевелив губами» [Ogier, 1634, 6]. В других случаях распространенной формой приветствия для женского пола было обычное рукопожатие. Ожье вскоре сам позаимствовал этот способ и часто использовал его на официальных приемах. Однажды он завязал непринужденный разговор с Иоахимом Бекком – датским чиновником и одним из богатейших людей королевства. Во время беседы явилась его жена Эльзе Фриис – дочь королевского канцлера. Перед тем как заговорить с ней, француз «поприветствовал ее по обычаю страны (Дании. – А. Х.) рукопожатием» [Ogier, 1634, 28]. Точно таким же образом, протягивая руку, Ожье оказывал знаки почтения и Марии Ульфельд [Ogier, 1634, 48].

Проводя достаточно много времени в дамском обществе, француз не мог оставить незамеченной местную манеру одеваться. Это было естественно.

Франция была одной из ведущих стран не только в области культуры, но и в вопросах моды. В восприятии Ожье именно французская мода была неким эталоном вкуса. Поэтому неудивительно, что с самых первых дней в Дании он неустанно давал характеристики одежде местных жительниц. Еще в гостинице служанки привлекли его внимание нетипичными длинными платьями, сотканными из льна. Такая манера одеваться ассоциировалась у француза со скромностью и аскетизмом. Недаром она напоминала ему одежду «картезианских сестер-монахинь» [Ogier, 1634, 7] – известного в то время своей строгостью и благочестием католического ордена. Прогуливаясь по улицам города, Ожье нередко сравнивал одежду датчанок с одеждой француженок: «Шляпки у них бархатные и имеют форму полумесяца, как у наших женщин в Мо (пригород Парижа. – А. Х.). Одежда у них шелковая... и когда они выходят среди людей, надевают поверх плащ, очень напоминающий мужской» [Ogier, 1634, 6]. Заметим, что и в вопросах одежды простолюдинок его реплики лишены критики. Он стремился лишь подчеркнуть различия с Францией. Несколько иной представлялась ситуация в отношении женщин из высшего общества. Подчеркивалось, что одежда знатных датчанок стоит целого состояния. Дамы высшего света не довольствовались малым. Француз неоднократно упоминал, что они расширяют свои головные уборы драгоценными камнями и носят пояса, украшенные золотом и серебром [Ogier, 1634, 16]. Характеризуя одежду дворянок и придворных дам, Ожье обращал большее внимание не на стоимость платьев и украшений, а на то, отличалась ли обладательница дорогой одежды хорошим вкусом в выборе своего гардероба. Второе, что он примечал, – насколько красива была та или иная особа, чтобы носить столь роскошную и дорогую одежду. Об этом свидетельствуют многочисленные пассажи, где Ожье напрямую восхищался женщиной, если в ее гардеробе присутствовали элементы чего-нибудь близкого его пониманию прекрасного. В данном случае прекрасное почти всегда ассоциировалось с французским. Французская манера одеваться, особенно для женщин, считалась для него неким образцом. Присутствуя на церковной службе в королевской часовне, Ожье одобритительно отмечал, что супруга герцога Филиппа Гольштейн-Сеннерборг-Гликсборгского (1584–1663) была одета по французской моде [Ogier, 1634, 36]. Это приводило Ожье в восторг.

Необходимость соответствовать французскому стилю касалась не только одежды, но и других повседневных вещей. На одном из застолий в королевском замке Ожье с неудовольствием заметил, что блюда, поданные на стол, «были приготовлены больше по датскому вкусу, но совсем не по-нашему» [Ogier, 1634, 86]. А во время одного из танцев он пристально следил за тем, насколько этот танец соответствовал французскому стилю [Ogier, 1634, 93]. Примечателен и случай во время въезда саксонской принцессы Магдалены Сибиллы в Копенгаген. Принцесса была окружена многочисленными фрейлинами из Саксонии, но вокруг нее было много женщин, принадлежавших к датскому двору. Здесь Ожье

с умилением отметил, что саксонские «дамы укладывали волосы по французской моде, но не носили вуали, как датские женщины» [Ogier, 1634, 75]. Однако вуаль ничуть не вредила датчанкам, потому что, по мнению Ожье, «датские женщины гораздо красивее» [Ogier, 1634, 75]. В ходе дальнейших официальных приемов критика Ожье в адрес саксонок становилась еще более жесткой. На одну из аудиенций был приглашен французский посол д'Аво вместе со свитой. Пока д'Аво ожидал приема, перед ним выстроились фрейлины саксонской принцессы. Ожье заострил особое внимание на том, что все они хоть и были «одеты по французской моде, но не имели ни капли французской элегантности и живости» [Ogier, 1634, 77]. Примечательно, что Ожье не давал таких уничижительных характеристик датчанкам, даже если оказывался не в восторге от какой-либо дамы. Пренебрежительные отзывы о саксонских женщинах не были связаны с их внешним видом. Дело состояло совершенно в другом. Виной всему – политика и семейные воспоминания. Такое предположение можно сделать на основе некоторых записей, оставленных секретарем французского посольства. Едва увидев саксонскую делегацию, въезжающую в Копенгаген, Ожье с горечью начал делиться своими воспоминаниями и неприятными ассоциациями. Уже в этом эпизоде можно уловить его открытую неприязнь ко всему саксонскому [Ogier, 1634, 74–75]. Дело заключалось в том, что в свиту саксонской принцессы входили вооруженные всадники, а Ожье хорошо помнил рассказы своего отца и деда о том, как наемные немецкие солдаты принимали участие в религиозных войнах во Франции. Речь идет о событиях 1587 года, когда войска предводителя немецких наемников Фабьена фон Дона (1550–1621) поддерживали армию Генриха Наваррского и основательно разграбили предместья Луары во Франции. Заметим, что в число наемников из германских земель входили не обязательно саксонцы, но также выходцы из других многочисленных княжеств Священной Римской империи. Маловероятно, что Ожье мог видеть существенную разницу между саксонцем и другим жителем Германии. Поэтому вполне возможно, что все говорящие на немецком языке военные вызывали в его памяти ужасающие рассказы предков. Испытывая неприязнь к немецким солдатам, Ожье инстинктивно переносил ее на немецких женщин. Поэтому в данном случае он просто поддался минутному эмоциональному порыву и высказал негативное мнение о саксонских фрейлинах. К слову сказать, они вряд ли чем-то существенным отличались от датчанок. Однако было бы несправедливо утверждать, что следование французским традициям оценивалось Ожье только по отношению к женщинам. Бесспорно, женщины вызывали у него гораздо больший интерес, но он также внимательно следил, как одевались мужчины его круга. Один раз ему удалось присутствовать на приеме шведской делегации при датском дворе. Здесь Ожье заострил внимание на том, что все шведы были облачены в темные одежды, что объяснялось затянувшимся трауром после гибели их короля Густава II Адольфа два года назад. Однако «все они были одеты по

французской моде», что воспринималось им в высшей степени положительно [Ogier, 1634, 59].

Что касается мужчин-датчан, то Ожье было не так интересно, насколько они следовали французской моде. Гораздо важнее было, кто из датчан каким-либо образом был связан с его родиной. Во-первых, Дания и Франция имели дипломатические отношения. Во-вторых, Франция, в отличие от Дании, имела гораздо больший политический вес, а французская культура повсеместно была гораздо популярнее датской. В конце XVI – начале XVII века много датских дворян подолгу жило во Франции. Цели их пребывания в стране были различными: от учебы до дипломатических миссий или службы. Впоследствии многие из них хорошо овладевали французским языком и впитывали местный менталитет и культуру. Для Ожье это было очень весомым аргументом, чтобы воспринимать того или иного человека равным себе. При датском дворе ему удалось встретиться с Гансом Билле (1601–1672), который служил в свите французского герцога Генриха де Рогана (1579–1638), ученым Отте Гье (1604–1642), служившим у герцога Неверского [Ogier, 1634, 21], дипломатом Педером Вибе (1596–1658), получившим от французского короля дворянство. Ожье особо отмечал доброту и дружелюбие последнего и даже называл его одним из «замечательнейших людей» [Ogier, 1634, 10]. Не был обойден вниманием и Кнуд Ульфельт (1600–1646) – старший брат уже упомянутого нами известного датского чиновника Корфица Ульфельта. С явным одобрением подчеркивается, что Кнуд Ульфельт был сильно поглощен всем французским [Ogier, 1634, 113]. В одной из заметок описывается случай, когда Ожье гулял и обедал с Корфицем Ульфельтом, в то время как прочие члены французского посольства развлекались в компании другого придворного – Кристиана Ранцау (1614–1663), который также долгое время жил во Франции и был знатоком этой страны [Ogier, 1634, 32]. По всей видимости, французы чувствовали себя весьма комфортно в кругу подобных людей. Во-первых, таких людей Ожье воспринимал в качестве образованных. Во-вторых, все они владели его родным языком. А для Ожье было принципиально важно, насколько хорошо тот или иной придворный мог поддерживать непринужденную беседу. От этого во многом зависело, насколько положительно воспринимался этот человек со стороны француза. Ожье признавался, что он сам очень плохо понимал по-датски и не чувствовал потребности овладеть этим языком. Один раз посетив церковь в Копенгагене, он изъявил желание поговорить с «благородными молодыми барышнями», которым он «ничего не мог сказать, так как не понимал датский язык» [Ogier, 1634, 57]. В другой раз он встречался с женой градоначальника Копенгагена Биргиттой Дихманн. Она не владела французским, поэтому разговор не получился. Впоследствии Ожье с досадой выразился об этом случае лишь одним предложением: «Мы могли разговаривать с ней только жестами и по-детски» [Ogier, 1634, 31].

Но настроение француза мгновенно улучшалось, когда кто-либо из придворных демонстрировал хорошее знание французского. С восхищением он отзывался о братьях знаменитого датского семейства Ульфельт – Кнуде, Лаурице и Корфице, которые «говорили на шести-семи языках каждый, и многие понимали» [Ogier, 1634, 22]. Совершенно по-иному воспринимались те, чьи знания французского были достаточно скромными. Как-то один из датских дворян был приставлен прислуживать графу д'Аво. При попытке заговорить с ним по-французски этот дворянин не смог должным образом поддержать светскую беседу и, по выражению Ожье, «когда он принес еду, он ушел пристыженный от невозможности с нами поговорить» [Ogier, 1634, 21]. Популярность французского языка среди датского высшего общества наглядно подтверждает и другой случай, произошедший после турнира в Копенгагене. По окончании состязаний приветственное слово перешло к Дитлеву Ревентлову (1660–1664), ведавшему Немецкой канцелярией (дат. *Tyske kancelli*) – одним из внешнеполитических органов управления королевства. Персонал этого ведомства включал многих выходцев из северогерманских территорий Дании. В своей речи Ревентлов обратился к Кнуду Ульфельту по-немецки. Кнуд Ульфельт ответил по-французски, извиняясь при этом, что не отвечает Ревентлову по-датски. В восприятии Ожье такое превозношение его родного языка было очень хорошим знаком. Однако француз и сам гадал, сделал ли Кнуд Ульфельд так «из любви к французам или только из презрения к немцам» [Ogier, 1634, 106]. Со стороны Ульфельта это было очень смелое и вызывающее заявление, потому что на приеме было «всего несколько французов, но присутствовало подавляющее число немцев» [Ogier, 1634, 106]. Интересным представляется еще один из дипломатических приемов при датском дворе. Два сына короля Кристиан и Фредерик должны были принять шведского посла Пера Эрикссона Спарре (1592–1648). Во время разговора принц Кристиан использовал переводчика, а его брат Фредерик – нет. Тут Ожье делает акцент на том, что общение обоих принцев с французским послом графом д'Аво было совсем иным, чем со шведским. Д'Аво мог разговаривать с обоими принцами непринужденно и без переводчика, что воспринималось всеми французами «за честь» [Ogier, 1634, 58].

Обратим, однако, внимание, что в первой половине XVII века основным языком дипломатии оставалась латынь, на которой, собственно, и был первоначально издан дневник самого Ожье. Согласно исследованию немецкого историка Г. Брауна, латынь не теряла своего значения в дипломатии вплоть до середины XVIII века, даже для Франции [Braun, 2010, 796]. Поэтому восприятие Ожье роли родного ему языка в Дании было достаточно субъективно и в некоторой степени являлось попыткой выдать желаемое за действительное. Глава французской делегации д'Аво и его подчиненные прекрасно видели, что почти все члены королевской семьи и другие придворные довольно сносно говорили на нескольких иностранных языках, а не только на французском. Это была обычная практика при дворах той эпохи. Некоторые нарекания

у Ожье вызывали только придворные дамы. Он жаловался, что фрейлины дочери короля не могут с ним поговорить, потому что не владеют французским. То же самое относилось, например, и к жене герцога Филиппа Гольштейн-Сеннерборг-Гликсборга, которая подходила к Ожье с расспросами о том, насколько хорошо ее одежда и прическа соответствуют французской моде. Так как она не могла прилично изъясняться, она была вынуждена прибегнуть к помощи переводчика, что воспринималось Ожье как недостаток должного образования [Ogier, 1634, 101]. Вскоре француза приятно удивила встреча с женой и сестрой упомянутого ранее Отте Гье. Благодаря знанию французского они произвели потрясающее впечатление на Ожье [Ogier, 1634, 53]. В конце своего пребывания в Копенгагене он с горечью констатировал, что женщины, владеющие французским языком, «в этой стране редкость, если не считать дочерей короля. Они были единственными женщинами, которые могли освоить это» [Ogier, 1634, 53]. И действительно, во время свадебных празднеств граф д'Аво сделал комплимент двум дочерям короля – Софии (1619–1657) и Леоноре (1621–1698), поскольку они понимали по-французски [Ogier, 1634, 93]. Поначалу девушки вели себя застенчиво, отвечали мало и смущались. Наконец подошел их брат – избранный принц Кристиан. Обняв сестер, он сказал: «Смелее, Софи! Смелее, Леонора! Откройте рот и покажите, что вы тоже знаете французский язык!» [Ogier, 1634, 93–94]. Подобный поступок датского принца Ожье воспринял с одобрением. Для него имело значение, что именно члены королевской семьи Дании владеют его родным языком и считают должным это показать. В данном случае был важнее социальный статус того, кто говорит по-французски, чем сам факт владения языком кем-либо из более низкого сословия. В дальнейшем становится очевидно, что для француза имело значение, какое место в социуме занимал тот или иной человек. Ожье был дворянином, поэтому неудивительно, что он воспринимал датское общество через призму своего сословия. В Копенгагене он описал несколько случаев, где превозносил присущие дворянам качества. Однажды Ожье оказался свидетелем спортивных состязаний на лошадях среди придворных. Он сделал акцент на том, что это был не общедоступный, а «в высшей степени дворянский спорт» [Ogier, 1634, 48]. Однажды граф д'Аво прогуливался с одним из придворных, Нильсом Краббе (1603–1633), который был хорошо образован и прославился многочисленными путешествиями, в том числе по Франции. Давая характеристику Краббе, Ожье подчеркивает его заслуги не только в качестве выдающегося человека, но и в первую очередь как «выдающегося дворянина» [Ogier, 1634, 33].

Он также проводит сравнительный анализ датских и французских дворян. Перед свадьбой избранного принца многие датские дворяне прибыли в Копенгаген, чтобы воздать почести королю. Несмотря на развитие абсолютизма, во Франции первой половины XVII века все еще применялась средневековая практика, когда непрямым вассалом короля подчинялся ему несколько

условно. В Дании ситуация была иной, что удивляло француза: «Датские дворяне должны, в соответствии со своими доходами, выставлять для короля и государства определенное количество вооруженных всадников, которые всегда должны быть готовы к защите королевства. В число этих всадников входят не только сами дворяне, но и их слуги. Здесь один дворянин не находится на службе у другого, как у нас (во Франции. – А. Х.) и в Польше» [Ogier, 1634, 28]. Рассуждая о датских дворянах, Ожье воспринимал принадлежность к благородному сословию не только с юридической точки зрения. Было важно, насколько дворянин был образован и насколько достойно он вел себя в обществе себе подобных. «Вряд ли можно считать истинным дворянином того, кто не учился» [Ogier, 1634, 113], – такие строки оставил француз в своем дневнике. Иногда Ожье сравнивал с дворянами людей из других сословий. Он подчеркивал, насколько то или иное качество описываемого персонажа приличествует дворянину. Один раз француз оказался свидетелем поединка двух матросов на ножах. Они нанесли друг другу ужасные раны и увечья. Это произвело такое впечатление, что он сравнил поединок с дуэлями французских дворян, как бы укоряя последних за недостаток такого мужества. Наблюдая за жизнью датчан, Ожье сделал следующее умозаключение: некоторые люди имеют низкое происхождение. Среди них – моряки, трактирщики или конюшие. Тем не менее этим людям присуще большое мужество [Ogier, 1634, 11], потому что, поссорившись, они могут найти удобное место и выяснить отношения с оружием в руках. Это воспринималось Ожье в качестве подобия доблести [Ogier, 1634, 12]. В другом случае, восхищаясь красотой датчанок, Ожье подчеркнул, что, даже несмотря на их буржуазное происхождение, они все равно были «хорошо одеты, так что мы потом почти не видели красивее» [Ogier, 1634, 15]. Эти высказывания дают понять, что француз с уважением воспринимал не только близких ему дворян – он мог объективно оценить качества человека вне зависимости от его социальной среды. В своих записях Ожье стремился найти какие-то общие черты, присущие всем датчанам, а не только дворянам. Это ему частично удалось. С большим интересом, не упуская ни единой мелочи, Ожье описывал особенности употребления алкогольных напитков в Дании. За время пребывания в Копенгагене бесконечные попойки наложили отпечаток на восприятие им всех датчан. Много пили не только дворяне, но и их слуги, и даже телохранители [Ogier, 1634, 79]. Было бы ошибочно утверждать, что француз воспринимал пьянство негативно. Скорее, наоборот: особым авторитетом пользовался тот, кто мог выпить больше остальных и как можно дольше продержаться на ногах. Это расценивалось как сила и превосходство над остальными [Ogier, 1634, 33]. Постепенно Ожье признал, что по сравнению с датчанами французы не всегда выдерживали такой напряженный ритм в употреблении алкоголя. После очередного застолья французский посол и его свита вернулись в замок и наткнулись на избранного принца Кристиана и Корфица Ульфельта. И тот и другой обратили внимание на то, что французы

были почти не в состоянии стоять на ногах после выпитого [Ogier, 1634, 54]. Однако избранный принц Кристиан и сам был известным любителем скандалов и отличался пристрастием к алкоголю [Findeisen, 2014, 90].

В некоторой степени употребление большого количества алкоголя было связано с особенностями датского климата. Дания включала в себя полуостров и несколько островов разного размера, окруженные водами Северного и Балтийского морей. Следовательно, умеренный морской климат Дании несколько отличался от более мягкого умеренно-морского и континентального климата Северной Франции. Сам Ожье родился и проходил обучение в относительно отдалении от моря – в Париже и Бурже, а граф д'Аво вообще происходил из старинного дворянского дома в Гиени на юго-западе Франции. Естественно, для них приезд в Данию означал соприкосновение с иной климатической средой, нетипичной для большинства французов, привыкших к более мягкому и сухому климату. В начале путешествия в Данию дневник Ожье не передает нам никаких значимых сведений о непривычном климате. Вероятно, это объясняется тем, что французы прибыли в Данию в конце лета, когда датский климат мало отличается, к примеру, от климата северо-западной Франции. По этой причине датская погода не доставляла французам больших хлопот. Ситуация осложнилась тогда, когда наступила поздняя осень и температура резко понизилась. Сюда стоит добавить повышенную для морского климата влажность и начало сезона штормов у датских берегов. Все это сразу оказало воздействие на изнеженных французов, у которых такая погода вызывала неудовольствие.

Особое впечатление на Ожье и его спутников произвела сильная буря, поднявшаяся в Копенгагене. Ветер был такой силы, что у нескольких домов отлетела черепица. Мачты на многих кораблях были поломаны, а сами корабли либо сели на мель, либо разбились о скалы. Ожье опасался, что сильные ветра могут помешать их дальнейшему путешествию по морю, которое французы запланировали в ноябре 1634 года, ибо ноябрь считался в Дании опасным периодом разгула стихии [Ogier, 1634, 98]. Впоследствии беспокойство французов из-за погоды стали только сильнее, ибо было опасно «выходить в море в это суровое время года» [Ogier, 1634, 109]. В итоге опасения Ожье оправдались. После отплытия их корабль три дня лавировал при встречном ветре и был вынужден вернуться обратно. Если в самом начале пребывания в Дании Ожье воспринимал ее в положительных тонах, то к концу поездки впечатление было подпорчено. Виной всему стал специфический и чуждый французам влажный климат. Все мысли французской делегации занимали уже не светские приемы и стремление показать себя в чужой стране, а самые банальные вещи. Нужно было как можно скорее покинуть Копенгаген, который ассоциировался теперь с сыростью и пронизывающим ветром. Ситуацию усугубило то, что после возвращения в датскую столицу французское посольство не было снова размещено в комфортных условиях королевского замка – французы вынуждены

были остаться в тесных каютах корабля. Некоторые из кают располагались ниже ватерлинии. Непогода и теснота привели к тому, что д'Аво страдал от головных болей, а сам Ожье – от морской болезни [Ogier, 1634, 116–117]. Всем были неприятны грязь и зловоние от корабельной кухни, находившейся неподалеку [Ogier, 1634, 116]. Наконец с большим трудом французскому посольству удалось покинуть датские берега и сквозь шторма [Ogier, 1634, 117] благополучно прибыть в Швецию.

Если подводить итог путешествию Ожье в Данию, становится очевидным, что француз приобрел много нового для себя опыта. Датское королевство произвело на него в основном благоприятное впечатление. Это проявилось в его оценках атмосферы города Хельсингера и домов местных жителей. Но особую радость ему доставило общение с местными представительницами прекрасного пола. Среди главных добродетелей датских женщин Ожье выделял красоту и скромность, которые были удостоены его высокой оценки.

Француз воспринимал Данию и датчан, опираясь исключительно на менталитет своей родины. Именно Франция была образцом, с которым он сравнивал местные датские обычаи. В его восприятии датского общества наиболее положительных оценок удостоивались те, кто стремился следовать французским традициям. В первую очередь это касалось знания французского языка и моды.

Большую часть времени Ожье проводил в обществе датских дворян или придворных. В связи с этим его описания затрагивали в основном датскую аристократию. Многие ее представители любили и чтили французскую культуру. Со многими придворными Ожье мог общаться на родном языке и находить общие темы для разговора. Это оказало некоторое влияние на то, что Дания не стала для француза чужой страной в полном смысле этого слова. Исключением являлись лишь несколько непривычные для него формы приветствия в общении с женщинами, чрезмерное употребление алкоголя, а также специфический морской климат датской столицы. Во время своего пребывания в Дании Ожье стремился найти что-то новое, отличия от Франции. Это ему вполне удалось. Закончив свои записи по Дании поздней осенью 1634 года, Ожье начал новый дневник, ставший письменным свидетельством уже о другом путешествии.

ЛИТЕРАТУРА

- Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières 1643–1756. Herausgegeben vom Deutschen Historischen Institut Paris. Band 91. München Oldenbourg, 2010. 911 s.
Eine kurtze Beschreibung / So sich bey des Durchleuchtigsten / Großmechtigsten Fürsten und Herren / Herrn Christiani V. Erwehlten Printzen zu Dennemarck und Norwegen... Kopenhagen, 1634.
Findeisen J-P. Christian IV. Zwischen Mythos und Wahrheit. Ludwig: Kiel, 2014. 341 s.
Ogier Charles. Det store Bilager i Kjøbenhavn 1634, oversat efter Caroli Ogerii Ephemerides sive Iter Danicum Svecicum Polonicum. Memoirer og breve. Utgivne af Julius Clausen og P.Fr. Rist. Gyldendalske boghandel. København: Nordisk forlag, 1914. 184 s.

Lind G. Konger og krige 700-1648. Bind 1. Dansk udenrigspolitikshistorie. (Albrechtsen E., Frandsen K.-E., Lind G.). København: Danmarks Nationalleksikon, 2002. 519 s.

Rohrschneider M. Der gescheiterte Frieden von Münster. Spaniens Ringen mit Frankreich auf dem Westfälischen Friedenskongress (1643–1649). Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte e.V. 30. Münster: Aschendorff, 2007. 560 s.

Schnettger M. Das 17. Jahrhundert. Krisen, Kriege, Konsolidierungen. De Gruyter Berlin, Boston: Oldenbourg, 2024. 336 s.

Schilling H. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. Band 2. Herausgegeben von Heinz Duchhardt und Franz Knipping. Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh, 2007. 673 s.

Strohmeyer A. Wahrnehmung des Fremden, Differenzenerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert: Forschungsstand – Erträge – Perspektiven. // Wahrnehmung des Fremden. Differenzenerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert. Herausgegeben von Michael Rohrschneider, Arno Strohmeyer. Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte e.V. 31. Münster: Aschendorff, 2007. S. 1–50.

A.A. Khodin

*PhD in History, Associate Professor,
Head of Digital Learning Department,
University of Heidelberg
Heidelberg, Germany*

The Danish Kingdom and its Inhabitants through the Eyes of a mid-17th Century French Diplomat

The main source of the article is the diary of Charles Ogier, secretary of the French ambassador to Denmark, Count d'Avaux. Based on this source, the Frenchman's perception of Danish society in the 1630s is examined. The concept of perception in diplomacy and, in particular, the perception of the «foreign» is used as a methodological basis for the essay. As a result of the study, it becomes obvious that the Frenchman received a lot of new experience for himself. He perceived Denmark and the Danes based on the mentality of his homeland. In his perception of Danish society, those who sought to follow French traditions were awarded the most positive assessments. First of all, this concerned knowledge of the French language and culture. Ogier could communicate with many courtiers in his native language and find common topics for conversation. This had some influence on the fact that Denmark did not become a «foreign» country in the full sense of the word for the Frenchman. The only exceptions were his somewhat unusual forms of greeting women, an excessive consumption of alcohol, and the specific maritime climate of the Danish capital.

Keywords: *Denmark; Danes; Danish women; perception; foreign; fashion; clothing; greetings; language; drunkenness; nobles; Frenchman; climate; weather.*

REFERENCES

Braun G. Knowledge of the Holy Empire in France from the Baroque to the Enlightenment 1643–1756. [La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières 1643–1756]. *Herausgegeben vom Deutschen Historischen Institut Paris*. Band 91. Oldenbourg: München, 2010. 911 s. (in French).

A short description/ at the Most Serene/ Most Powerful Prince and Lord/ Lord Christian V, Elected Prince of Denmark and Norway... [Eine kurtze Beschreibung/ So sich bey des Durchleuchtigsten/ Großmechtigsten Fürsten und Herren/ Herrn Christiani V. Erwählten Printzen zu Dennemarck und Norwegen...]. Kopenhagen, 1634 (in German).

Findeisen J-P. Christian IV. Between Myth and Truth [Christian IV. Zwischen Mythos und Wahrheit]. Ludwig: Kiel, 2014. 341 s. (in German).

Ogier Charles. The Great Annex in Copenhagen 1634 [Det store Bilager i Kjøbenhavn 1634]. *Oversat efter Caroli Ogerii Ephemerides sive Iter Danicum Svecicum Polonicum*. Memoirer og breve. Udgivne af Julius Clausen og P.Fr. Rist. Gyldendalske boghandel. Nordisk forlag: København, 1914. 184 s. (in Danish).

Lind G. Kings and Wars 700–1648. Volume 1. History of Danish Foreign Policy. [Konger og krige 700–1648. Bind 1. Dansk udenrigspolitik historie]. (Albrechtsen E., Frandsen K.-E., Lind G.). Danmarks Nationalleksikon: København, 2002. 519 s. (in Danish).

Rohrschneider M. The failed Peace of Münster. Spain's struggle with France at the Peace Congress of Westphalia (1643–1649). [Der gescheiterte Frieden von Münster. Spaniens Ringen mit Frankreich auf dem Westfälischen Friedenskongress (1643–1649)]. *Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte e.V.* 30. Aschendorff: Münster, 2007. 560 s. (in German).

Schnettger M. The 17th Century. Crises, Wars, Consolidations. [Das 17. Jahrhundert. Krisen, Kriege, Konsolidierungen]. De Gruyter Oldenbourg: Berlin, Boston, 2024. 336 s. (in German).

Schilling H. Confessionalization and State Interests. International Relations 1559–1660. Volume 2. [Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. Band 2]. *Herausgegeben von Heinz Duchhardt und Franz Knipping*. Ferdinand Schöningh: Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. 673 s. (in German).

Strohmeyer A. Perception of the foreign, experiences of difference among diplomats in the 16th and 17th centuries: current state of research – results – perspectives. Perception of the foreign. Experiences of difference among diplomats in the 16th and 17th centuries. [Wahrnehmung des Fremden, Differenzerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert: Forschungsstand – Erträge – Perspektiven. Wahrnehmung des Fremden. Differenzerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert]. *Herausgegeben von Michael Rohrschneider, Arno Strohmeyer*. *Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte e.V.* 31. Aschendorff: Münster, 2007. S. 1–50 (in German).

А.В. Калашников

Брянский государственный университет
Брянск, Россия

УДК 94(73)

DOI 10.35785/2072-9464-2025-70-2-236-252

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ «БЕЛЫХ ЛИГ», «КРАСНЫХ РУБАШЕК» И
«ЧЕРНЫХ МИЛИЦИЙ» НА ЮГЕ США В ПЕРИОД РАДИКАЛЬНОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ**

Ключевые слова: *Реконструкция; «Белые лиги»; «Красные рубашки»; ополчение; милиция; погромы; бунт.*

В статье рассматриваются случаи вооруженных столкновений между военизированными формированиями чернокожего и белого населения Юга Соединенных Штатов во втором периоде эпохи Реконструкции. Данное противостояние в реальности являлось частью более глобального – между республиканской и демократической партиями за контроль над регионом. Исследование охватывает хронологические рамки периода Радикальной Реконструкции. Ключевым методом работы был выбран системный подход, позволяющий раскрыть заявленную тему наиболее полно. Методологической основой стали принципы историзма, объективности и научности. Также широко использовались специальные исторические методы: историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический и другие. Отражены различия рассматриваемых военизированных объединений и других расистских группировок. Исследование основано на изучении источников указанного периода – отчетов «по горячим следам». Делается вывод, что насилие, порожденное белыми военизированными формированиями, привело к победе сил, выступавших за возвращение неравенства и былого превосходства над чернокожими жителями южных штатов. В конечном итоге данные обстоятельства активно способствовали поражению политики Реконструкции Юга.

На протяжении большей части эпохи Реконструкции демократы, называвшие себя «Партией белого человека», стремились насильственно лишить афроамериканцев избирательных прав во имя превосходства белой расы. Для этого нередко партия привлекала спонсируемые ей военизированные формирования и террористические организации. Используя партийный лозунг «Это страна белых людей!», демократы выступали против «Актов реконструкции», принятых республиканцами, которые требовали, чтобы бывшие штаты Конфедерации приняли Четырнадцатую поправку и уважали право афроамериканцев голосовать, если они хотят полностью присоединиться к Соединенным Штатам.

Не приходится отрицать и известное влияние республиканской партии на афроамериканцев. Уничтожение рабства и предоставление хотя бы минимальных прав было в интересах буржуазных кругов Севера. Исходя из этого, республиканцы пошли на освобождение рабов. В ряде послевоенных случаев они, руководствуясь теми же интересами, шли навстречу их требованиям [Иванов, 1958, 3].

На сегодняшний день завершающий период Реконструкции рассматривается в первую очередь как необъявленное вооруженное противостояние в штатах Юга между двумя партиями, использовавшими в собственных интересах вооруженные организации.

Гражданская война в США была не чем иным, как революционной перестройкой американского общества и экономики. Она унесла почти столько же жизней, сколько все остальные конфликты в США, вместе взятые, и, по кровавой логике войны, сформировала нацию, которую отцы-основатели не смогли создать, раз и навсегда решив затянувшиеся проблемы, касающиеся суверенитета штатов и института рабства. Однако послевоенный период, возможно, был еще более беспокойным, чем сама война. Это связано с тем, что многие мужчины на Юге фактически не сложили оружие в конце войны. Более того, вольноотпущенникам, бывшим рабам, ставшим американскими гражданами, пришлось принимать меры защиты от партизан демократической партии, самыми известными из которых были члены ку-клукс-клана.

Несмотря на компромиссную позицию республиканской партии в вопросе межрасовых отношений на территории бывшей Конфедерации, сама попытка федеральных властей предоставить равные гражданские права обеим расам вызывала сильнейшее неприятие белыми южанами всей политики Реконструкции. Причиной тому была ломка традиционной иерархической системы довоенного Юга, основанной на превосходстве белой расы. Как следствие, белое население южных штатов придавало восстановлению полного контроля демократов над регионом в 1877 году поистине библейское значение «победы света над тьмой» [Воробьев, 2020, 34].

Как отмечают современные исследователи, еще ранее, в 1868–1870 годах, часть сельских районов Флориды, Джорджии, Луизианы, Алабамы, Северной и Южной Каролины была охвачена партизанской войной, которую развернули сторонники превосходства белой расы. Несмотря на террор белых расистов, на президентских выборах 1868 года кандидат демократов Горацио Сеймур (1810–1886) сумел победить республиканца Улисса Гранта (1822–1885) только в двух штатах Нижнего (Глубокого) Юга (Джорджия, Луизиана) и в трех «пограничных» штатах (Делавэр, Мэриленд и Кентукки) [Прилуцкий, 2024, 96].

Одной из военизированных организаций Юга периода радикальной Реконструкции являлись «Красные рубашки». Зачастую их ряды пополняли молодые люди, поскольку на момент Гражданской войны они были слишком

юными, чтобы в ней участвовать [Ball, 1932, 158]. Свое название организация получила от отличительной черты одежды ее сторонников – красной, как правило, фланелевой рубашки, а также красных лент в волосах или на талии. Поскольку в риторике политиков-республиканцев на Юге часто превалировали эмоциональные рассказы о допущенной несправедливости к солдатам Севера и об их убийствах, «размахивание окровавленной рубашкой» стало идиомой. Таким образом, ношение подобной одежды служило показателем сопротивления республиканскому правлению и, соответственно, испытываемой гордости. Молодые люди стали носить красные рубашки с целью выразить свою ответственность. Согласно историку Э. Мертону Коултеру, впервые красная рубашка была введена в Миссисипи в 1875 году «южными бригадами» демократической партии [Rable, 1984, 132]. Основной целью объединения ставило превосходство белых в своем штате через восстановление правления демократов. Для этого использовался целый комплекс силовых мер – в основном запугивание как белых, так и чернокожих избирателей, чтобы те голосовали за демократов или не голосовали вовсе. Нередко это запугивание перерастало в насилие и террор (рис. 1).

Рис. 1. Политическая карикатура Томаса Наста 1877 года: чернокожий избиратель держит бюллетень для голосования от демократической партии. Надписи на стенах символизируют контроль партии над Югом

Один из наиболее известных и резонансных случаев насилия со стороны «Красных рубашек» произошел в июле 1876 года в городе Гамбурге, Южная Каролина (рис. 2). Начавшись со спора о праве на свободный проезд

по дороге общего пользования, резня была вызвана расовой ненавистью и политическими мотивами. Согласно одной из версий, 4 июля 1876 года рота черных ополченцев Национальной гвардии штата под командованием капитана Д.Л. «Дока» Адамса намеренно перекрыла улицу и не пропускала людей. Согласно другой, повозка с двумя белыми фермерами намеренно подъехала к голове колонны, проводившей учения (или строевой смотр). В любом случае, после обмена репликами фермеры прошли сквозь ряды парада [Haworth, 1906, 131; Allen, 1888, 314]. После жалобы в местный суд дело рассматривалось до второй половины дня 8 июля. Адвокат из Эджфилда Мэтью Кэлбрейт Батлер выступил в качестве защитника фермеров. Из множества людей с такой фамилией, впоследствии участвовавших в этом инциденте, его называли «генералом» Батлером. Поводом была его служба в армии Конфедерации. Несмотря на отсутствие официальных полномочий, М.К. Батлер потребовал, чтобы Гамбургская компания расформировалась и передала ему свое оружие [Allen, 1888, 314–315].

На судебное заседание пришли «Красные рубашки» – более 100 человек из округов Эджфилд и Эйкен, вооруженных «дробовиками, револьверами, мотыгами, топорами и вилами» [Toole, 1958]. Когда поблизости собрались вооруженные люди, рота ополчения отказалась разоружиться и укрылась в оружейном складе в Сибли-билдинг, недалеко от железнодорожного моста Шарлотт. Белое ополчение окружило здание. Вероятно, 25 чернокожих ополченцев и 15 других находились в здании, когда началась стрельба. В перестрелке был убит Маккай Мериуэзер, местный белый фермер. Оказавшись в меньшинстве, израсходовав боеприпасы, а также узнав, что белые привезли из Огаstry небольшую пушку, ополченцы из оружейного склада ускользнули в ночь. Городской маршал Гамбурга Джеймс Кук был застрелен на улице [Budiansky, 2008, 233–234]. Расисты собрали около 20 чернокожих граждан, в том числе из ополчения, и около 2 часов ночи отвели их к месту возле железной дороги Южной Каролины и моста. Там было сформировано «мертвое кольцо». После обсуждения судьбы пленных белые выбрали четырех и, обходя кольцо, убивали их по одному. Еще несколько человек были ранены либо во время побега, либо в общей перестрелке, когда кольцо распалось. После утверждения, что нападение на ополченцев не имело законных оснований и оправданий, официальный отчет генерального прокурора Южной Каролины заканчивается таким заявлением: «...Далее выясняется, что, не удовлетворившись таким образом своей местью, многие из толпы добавили к своим преступлениям грабеж беззащитных людей и только благодаря усилиям своих лидеров не совершили поджог» [Allen, 1888, 317]. Позже той ночью краснорубашечники пытали и убили еще четверых ополченцев, удерживая их в плену, а также ранили еще нескольких человек. В общей сложности события в Гамбурге привели к гибели одного белого и шестерых чернокожих, еще несколько из них были

ранены. Несмотря на то, что коронерское жюри предъявило обвинения в убийстве 94 белым мужчинам, ни один из них не был привлечен к ответственности. Эти события послужили катализатором повсеместного насилия во время нестабильной избирательной кампании 1876 года.

Рис. 2. Карикатура, осуждающая Гамбургскую резню. Источник: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015012056464&view=1up&seq=561>

Значительное влияние на ситуацию с обеих сторон оказывало развитие стрелковых клубов. Было подсчитано, что к концу 1876 года в Южной Каролине в них числилось 14 935 человек [Smith, 1994]. Белые военизированные группировки, связанные с тысячами состоящих в таких клубах, активно пользовались представившейся возможностью при формировании отделений «Красных рубашек». В дальнейшем это позволяло быстро получить численное превосходство в столкновениях. Так ранее в Гамбурге члены клуба «Sweetwater Sabre» под руководством Бена Тиллмана оказались причастны к казни чернокожего законодателя Саймона Кокера из Барнуэлла [Bass, 2009, 58–59]. Как выясняется, они придерживались проработанной стратегии действий, известной как «План Эджфилда», или «Прямой план». Его разработали и внедрили в 1873 году два адвоката из Эджфилда, бывшие генералы Конфедерации Мартин Гэри и упомянутый выше Мэтью С. Батлер. Они считали, что предыдущие пять лет показали невозможность переиграть афроамериканцев и компромиссы с их лидерами ошибочны [Simkins, 1967, 58; Kantrowitz, 2000, 53–57].

В сентябре 1876 года во время выборов в округе Эйкен и близлежащих районах Южной Каролины произошло несколько вооруженных конфликтов, переросших в Эллентонский бунт. Примечательно, что в округе преобладало чернокожее население: на 1875 год численность взрослого белого мужского населения составляла 2494 человека, взрослое черное мужское население превышало эту цифру почти на 1000 человек [Smith, 1994]. Первый эпизод произошел недалеко от деревушки Сильвертон. 15 сентября миссис Алонзо Харли

заявила о попытке нападения двоих чернокожих, пока ее муж работал в поле. Но она схватила ружье и прогнала их. Белые жители выследили некоего Питера Уильямса и привели для опознания. При попытке сбежать он был тяжело ранен и умер примерно через неделю [The New York Times, 1877, 2]. Однако миссис Хартли не узнала в нем нападавшего. Был выдан ордер на арест Фреда Поупа, предположительного сообщника Уильямса. На следующий день сформирован отряд из 14 белых, но, столкнувшись у моста Роуз с защищавшими Поупа вооруженными чернокожими, он отступил. К 18 сентября появились сообщения, что 500–600 человек из округа Колумбия, соседнего штата Джорджия, пересекли реку Саванну и разбили лагерь недалеко от Гамбурга. Узнав, что они разрушают железнодорожные пути Порт-Ройала, губернатор направил войска с целью предотвратить повреждение других участков. Толпы белых рассредоточились и убивали вольноотпущенников, работавших на полях, или выслеживали их на улицах. Через пару дней насилие переместилось в Мидуэй, округ Барнуэлл. Политическая природа беспорядков была раскрыта свидетелями, сообщившими помощникам губернатора: «Цветным людям сказали, что их единственная защита от смерти или порки заключается в том, чтобы они подписали соглашение, в котором обязуются голосовать за демократов на предстоящих выборах» [Smith, 1994]. Согласно официальным отчетам помощников маршалов США, было убито от 25 до 30 чернокожих. Репортер *New York Times* в своей статье заявил, что в ходе продолжавшихся до 21 сентября конфликтов было убито около 100 чернокожих и несколько белых получили ранения. У. Роберт Уильямс был единственным убитым белым [Ibid.]. Среди погибших был представитель штата Саймон П. Кокер, которому выстрелили в голову, когда он молил о пощаде. При сравнении различных отчетов выяснилось, что беспорядки продолжались с 15 по 21 сентября и охватили территорию от моста Роуз до путей железной дороги Порт-Ройала. В общей сложности убит 1 белый и до 100 чернокожих, при этом несколько белых были ранены. Более чем в одном отчете отмечалось, что белые пытались скрыть реальное число убитых чернокожих. Были задействованы стрелковые клубы из многочисленных городов Джорджии и Южной Каролины. Военизированные группировки использовали такие нападения как часть стратегии широкого запугивания, чтобы подавить голосование чернокожих в ноябре. Итогом стал октябрьский приказ губернатора Дэниела Генри Чемберлена о роспуске стрелковых клубов. Он попросил президента прислать войска, чтобы помочь в этом [Smith, 1994]. Позднее, во время суда над несколькими чернокожими в мае 1877 года, многочисленные свидетели показали: белые неоднократно заявляли, что «они намерены победить на выборах [в 1876 году], даже если им придется идти по колено в крови» [The New York Times, 1877, 2].

Во второй половине дня 8 ноября лидер республиканцев г. Чарльстона Эдмунд У.М. Макки зачитал результаты выборов из республиканских газет толпе чернокожих на углу Митинг-стрит и Брод-стрит. Когда он шел

по Брод-стрит к редакции *News and Courier*, пьяный белый ударил Макки шляпой по лицу. В завязавшейся драке прозвучал выстрел. Чернокожие на краю улицы закричали, сочтя Макки убитым, и бросились к нему. Белые открыли по ним огонь, и обе группы рассеялись после прибытия полиции. Вместо наведения порядка несколько чернокожих полицейских присоединились к восстанию и без разбора стреляли в любого белого, кого видели. Так был избит дубинками мужчина, обратившийся за помощью к одному из них. Во все стрелковые клубы и «Красные рубашки» в Чарльстоне поступил призыв к действию; к 5 часам вечера собралось более 500 белых. Две роты федеральных войск подошли к стрелковым клубам, чтобы заставить их отступить и восстановить порядок. У белых был 1 убитый и 12 раненых, у чернокожих – 1 убитый и 10 раненых [Reynolds, 1969, 380].

17 октября 1876 года примерно в 3 милях от Эджфилда шесть возвращавшихся с собрания местного представительства демократической партии краснорубашечников попали в засаду. Ее устроили два чернокожих брата с хлопкового поля. Один из белых был застрелен, а другой отправился за коронером и подкреплением. Несколько чернокожих присоединились к братьям и открыли огонь из винтовок, ранив коронера в ногу. «Красные рубашки» пригрозили отомстить, но были остановлены генералом Мартином Гэри и губернатором Уэйдом Хэмптоном, поскольку чернокожие находились на государственной земле. В общей сложности за нападение были арестованы пять чернокожих.

Рис. 3. Группа «красных рубашек» позирует на избирательном участке в Олд-Хандред, округ Скотленд, Северная Каролина, в день выборов, 8 ноября 1898 года. Источник: <https://www.flickr.com/photos/north-carolina-state-archives/5908630058/>

Стоит отметить, что с завершением эпохи Реконструкции «Красные рубашки» не распустились, а продолжали существовать и активизировались во время выборов 1896 и 1898 годов (рис. 3), снова объединившись с демократами, призывавшими избирателей поддержать превосходство белых.

Отделениями «Красных рубашек» служили «Белые лиги». Несмотря на попытки их методологического связывания с тайными группами линчевателей, они действовали иными способами. Если ку-клукс-клан и Рыцари белой камелии стремились к тайной деятельности, то «Белые лиги», наоборот, действовали открыто, добивались освещения своих акций в газетах, и личности участников «лиг» были широко известны. Отряды в основном состояли из хорошо вооруженных ветеранов Конфедерации. Различные сторонники финансировали покупку современного оружия, включая револьверы «Кольт» и игольчатые ружья [Lemann, 2007, 70–76].

Рис. 4. Карикатура Томаса Наста «Хуже рабства». Белые группировки ку-клукс-клан и «Белая лига» использовали все формы террора, насилия и запугивания, чтобы восстановить «правительство белых» и спасти благородное «пропавшее дело». Иллюстрация из газеты «Харперс Уикли», 24 октября 1874 года

Политические цели «лиг» были более радикальны – свержение правительств Реконструкции. «Лиги» работали над планами отстранения республиканцев от власти, разрушения их политических организаций и даже устранения северных и чернокожих республиканских кандидатов и должностных лиц, стремясь защитить «наследственную цивилизацию и христианство, которым угрожает глупая африканизация» [Reed]. В отдаленных районах они демонстрировали силу и открыто убивали, чтобы подавить любое сопротивление (рис. 4, 5). Некоторые американские исследователи называют организацию «военизированным крылом демократической партии», что весьма близко к истине [Rable, 1984, 132].

Рис. 5. Карикатура Томаса Наста 1874 года. Колумбия, вооруженная мечом, защищает раненого чернокожего мужчину от избиения толпой сторонников «Белой лиги». Источник: Библиотека Конгресса США, <https://www.loc.gov/pictures/item/2004678774/>

Первое подразделение «Белой лиги» основано в 1874 году в приходе Грант штата Луизианы. Основную часть отряда Кристофера Колумба Нэша составляли ветераны Конфедерации, причастные к резне в Колфаксе (рис. 6) – самому кровопролитному из многочисленных насильственных событий, произошедших после спорных губернаторских выборов 1872 года [Houge, 2006, 21]. Голосование привело к созданию двух правительств, поскольку правящая коллегия, в которой доминировали фузионисты (либеральные республиканцы и демократы), объявила демократа Джона МакЭнери победителем, в то время как другая часть коллегии провозгласила таковым республиканца Уильяма Питта Келлога. Обе администрации провели церемонии инаугурации и утвердили свои списки местных кандидатов. Не сумев выиграть дело в суде штата, сторонники Келлога обратились к федеральному судье Эдварду Дуреллу в Новом Орлеане с просьбой вмешаться и постановить, что Келлог и законодательное собрание штата, в котором большинство составляли республиканцы, должны быть допущены к работе, а президент Грант должен разрешить войскам армии США защищать правительство Келлога. Опасаясь, что демократы могут попытаться взять под контроль местное приходское управление, чернокожие начали рыть траншеи вокруг здания суда и тренироваться, чтобы быть начеку. Республиканские чиновники остались там на ночь. Они удерживали город в течение трех недель [Keith, 2008, 100].

28 марта Нэш и другие сторонники «Белой лиги» призвали вооруженных белых вернуть здание суда к 1 апреля. К их усилиям присоединились люди

из близлежащего Уинна и окрестных приходов. Республиканцы Шоу, Регистр, Флауэрс и другие начали набирать вооруженных чернокожих для защиты здания суда [Lane, 2008, 70–71]. Чернокожие республиканцы Льюис Микинс и капитан ополчения штата Уильям Уорд, ветеран Союза чернокожих, совершили налет на дома лидеров оппозиции: судьи Уильяма Р. Ратленда, Билла Круикшенка и Джима Хэднота. 2 апреля и 5 апреля между белыми и чернокожими ополченцами вспыхивали перестрелки, но ружья были слишком неточными, чтобы причинить какой-либо вред. Обе стороны договорились о мирных переговорах. Мир закончился, когда белый застрелил чернокожего прохожего по имени Джесси МакКинни. Перестрелка 6 апреля привела к бегству белых [Ibid, 154]. Из-за угрозы насилия в общине чернокожие женщины и дети присоединились к мужчинам в здании суда, чтобы получить защиту.

Нэш собрал группу из более чем 300 вооруженных винтовками белых, большинство из которых были верхом, из округов Рапидс, Уинн и Катахола. «Войска» подошли к зданию суда примерно в полдень пасхального воскресенья, 13 апреля. Сообщается, что Нэш приказал защитникам здания суда уйти. Когда это не помогло, он дал расположившимся рядом лагерем женщинам и детям полчаса на то, чтобы уйти. После их ухода началась стрельба, продолжавшаяся несколько часов. Потери были незначительными. Когда напавшие развернули позади здания пушку, некоторые из защитников (около 60 человек) запаниковали и покинули его, убежав в ближайший лес или прыгнув в реку. Но посланная кавалькада Нэша догнала и убила большинство из них. Вскоре осаждавшие приказали пленному чернокожему поджечь крышу суда. Защитники вывесили белые флаги в знак капитуляции: один был сделан из рубашки, другой – из страницы книги. Стрельба прекратилась. Затем последовало требование сдавшимся бросить оружие и выйти на улицу. Произошедшее далее оспаривалось сторонами. По словам некоторых белых, группировщик Джеймс Хэднот был ранен выстрелом из суда. В негритянской версии, когда подошли белые, в здании уже складывали оружие, – Хэднот застрелен сзади своим, «слишком разволновавшимся» [Lemann, 2007, 18]. На расстрел расисты отреагировали массовыми убийствами безоружных чернокожих, пытавшихся спрятаться. Они скакали верхом, убивали тех, кто пытался сбежать, и сбросили несколько тел в Ред-Ривер. Около 50 чернокожих были пленены и казнены во время ночной пьянки. Выжить удалось только Леви Нельсону. Притворившись уже убитым, он смог незаметно уползти. Позже Невильсон стал одним из главных свидетелей федерального правительства против обвиненных в нападениях [Lane, 2008, 124].

Рис. 6. Сбор тел погибших после резни в Колфаксе.
Опубликовано в «Харперс Уикли» 10 мая 1873 года

14 апреля из Нового Орлеана прибыли несколько полицейских из нового подразделения губернатора Келлога. Через несколько дней – две роты федеральных войск. Они искали белых членов военизированных формирований, но многие из них уже бежали в Техас или в горы. Офицерами был составлен военный отчет, в котором поименно перечислены погибшие – трое белых и 105 чернокожих. В отчете также отмечено, что из реки были извлечены 15–20 неопознанных трупов чернокожих. Жестокий характер многих убийств указывал на полностью вышедшую из-под контроля ситуацию. Точное число погибших так и не было установлено. Два маршала США, посетившие это место 15 апреля и похоронившие погибших, сообщили о 62 убитых. В военном отчете для Конгресса 1875 года назван поименно 81 убитый, а также подсчитано, что от 15 до 20 тел были сброшены в Ред-Ривер, еще 18 были тайно захоронены, в общей сложности «не менее 105» [Lane, 2008, 265–266]. Американский специалист по Гражданской войне и Реконструкции Э. Фонер писал об этом событии: «Резня в Колфаксе, самый кровавый единичный случай расовой резни в эпоху Реконструкции, преподала много уроков, в том числе о том, на что были готовы пойти некоторые противники Реконструкции, чтобы вернуть себе привычную власть. Среди чернокожих в Луизиане этот инцидент долгое время считался доказательством того, что в любом крупном противостоянии они оказывались в невыгодном положении» [Foner, 1988, 437].

Резня также произошла в г. Кушатте соседнего округа Ред-Ривер. В ночь на 25 августа 1874 года в Браунсвилле был убит чернокожий фермер Томас Флорд. Впоследствии члены местной «Белой лиги» арестовали шестерых белых республиканцев и 20 вольноотпущенников, обвинив их в подготовке «восстания негров» [Tunnel, 2011]. Среди арестованных республиканцев были

шериф Эдгертон, присяжный поверенный Уильям Хауэлл, сборщики налогов Роберт Дьюис и Гомер Твичелл (брат Маршалла Твичелла), Монро Уиллис и Кларк Холланд. В течение двух дней к городу прибыли сотни вооруженных белых. Продержав заложников несколько дней, похитители заставили должностных лиц подписать заявление, что они немедленно покинут Луизиану. Однако во время отъезда из региона все шестеро белых заложников были убиты группой под предводительством Дика Коулмана. В окрестностях также происходили нападения на многочисленных чернокожих, в результате по меньшей мере четверо из них погибли [Ibid.]. Левину Аллену сломали руки и ноги, прежде чем сжечь заживо [Coushatta Massacre]. Арестованных ранее вольноотпущенников Луиса Джонсона и Пола Уильямса также повесили «лигивцы» Дика Коулмана. Несмотря на то, что за учиненную резню были арестованы 25 человек, из-за отсутствия доказательств ни один из них не предстал перед судом [Foner, 2002, 551].

14 сентября 1874 года произошел мятеж в Новом Орлеане. Полиция, созданная губернатором-республиканцем в качестве ополчения штата, попыталась перехватить партию оружия, предназначенную для «Белой лиги». В результате последовавшей за этим битвы на Либерти-Плейс 5000 членов вошедшей в город «лиги» разгромили 3500 полицейских и ополченцев штата. Они потребовали отставки губернатора У.П. Келлога в пользу Дж. МакЭнери, кандидата от демократов. Келлог отказался, и «Белая лига» вступила в непродолжительное сражение, в результате которого погибло 100 человек. В течение трех дней они захватили под свой контроль Дом правительства, мэрию и арсенал, а затем отступили, опередив федеральные войска и корабли, прибывшие для поддержки правительства. Келлог запросил помощь у президента США Улисса С. Гранта. Как только войска прибыли, он был восстановлен в должности [Lemann, 2006, 77].

В день выборов, 3 ноября 1874 года, недалеко от Юфаулы, в округе Барбур штата Алабама произошел Избирательный бунт. Особенностью здешнего положения являлось преобладание свободных чернокожих, составлявших большинство населения. Как правило, в выборах кандидатов на государственные должности они отдавали свои голоса за республиканцев. В тот день отделение «Белой лиги» в Алабаме повторило действия, принятые ранее в Виксберге, штат Миссисипи. После начала выборов в переулке был пойман и зарезан несовершеннолетний чернокожий сторонник республиканцев, пытавшийся проголосовать. «Белая лига» вторглась в Юфаулу и устроила засаду на чернокожих избирателей, когда те шли по Брод-стрит, убив от 15 до 40 чернокожих республиканцев, ранив по меньшей мере еще 70 и прогнав от избирательных участков более 1000 безоружных сторонников партии. Напав на избирательный участок в Спринг-Хилл, «Белая лига» фактически сорвала выборы. Участники уничтожили урну для

голосования и убили 16-летнего сына белого судьи-республиканца. «Лиговцы» отказались засчитывать голоса, отданные за республиканцев. Но избиратели-республиканцы отражали мнение чернокожего большинства в округе, а также белых сторонников. Они превосходили избирателей-демократов более чем в два раза. «Белая лига» объявила кандидатов-демократов победителями, отстранила от должности республиканских политиков и захватила все окружные учреждения в ходе своего рода государственного переворота. В результате кандидаты от демократической партии заняли большинство должностей, выставленных на выборы [Curtin, 2000, 55–56].

Предысторией столкновения в Виксберге стали события декабря 1874 года. Сторонники «Белой лиги» угрожали чернокожему шерифу округа Уоррен и сборщику налогов Питеру Кросби, а затем под дулом пистолета заставили отречься от должности и выгнали из города. Тот обратился за помощью к губернатору-республиканцу А. Эймсу. Губернатор приказал взять с собой других чернокожих и применить силу, чтобы сохранить свое законное положение. Однако, когда Эймса спросили об этом, он отрицал, что приказывал Кросби использовать чернокожее ополчение. Уточняется, что на момент событий в Виксберге проживало 12 443 человека, более половины из которых были чернокожими [Rhobes, 1906, 167–168]. В письмах белого плантатора Бэтчелора подробно описывается подготовка к «расовой войне», включая приобретение новейших винтовок «Винчестер» [Hahn, 2003, 297].

7 декабря 1874 года ополченцы Кросби подошли к Виксбергу. В произнесенной речи он заявил, что белые были «хулиганами, варварами и политическими бандитами» [Там же]. Затем он и сочувствующие прошли маршем к зданию суда округа. Там их встретила вооруженная белая толпа, которая велела расходиться по домам [Wright, 2023]. Шериф посоветовал сельским чернокожим вернуться домой. Некоторые граждане расходились, когда вторая группа (в некоторых источниках именуемая «Белой лигой») открыла огонь по чернокожим, в основном безоружным. Однако сообщения о том, кто именно первым применил оружие, разнятся [The New York Times, 1874, 4]. Расходится и число погибших. В течение следующих нескольких дней вооруженные белые толпы пронесли по районам, населенным чернокожими, убивая мужчин дома или в полях. Произошло несколько столкновений, в результате которых погибли 25–29 чернокожих и 1–2 белых. Белому ополчению удалось сохранить контроль над зданием окружного суда и тюрьмой [Rhobes, 1906, 167–168]. В ситуацию пришлось вмешаться президенту США. 21 декабря У. Грант издал прокламацию, призывающую жителей города прекратить боевые действия. Базировавшийся в Луизиане генерал Ф. Шеридан направил федеральные войска, которые восстановили мир, а Кросби – в должности шерифа.

Представляет интерес и служит любопытным источником информации по исследуемой теме речь «Заговор Белой лиги против свободного правитель-

ства» генерала Дж. Кэмпбелла, произнесенная 11 января 1875 года перед массовым митингом. Она отражает позицию республиканца – участника той «войны» с демократами на Юге. В речи упоминаются вышеописанные случаи, в том числе резня в Кушатте и беспорядки в приходе Грант: «...члены Белой лиги открыто заявляли, что правительство Келлога будет полностью свергнуто в тот же день» [Campbell, 1875, 9], а также мятеж в Новом Орлеане: «В чем причина того, что 14 сентября прошлого года 3 тысячи человек с оружием в руках за 30 минут свергли правительство вашего штата и все его вооруженные силы и загнали чиновников вашего штата в здание таможни?» [Ibid., 1]. Указывается, что из-за жестокого террора расистских организаций 38 000 республиканских избирателей, которые хотели проголосовать за Гранта, не допустили к участию в выборах [Ibid., 7]. Избирательная кампания Демократической партии на Юге была названа вторым этапом кампании «Белая камелия» 1868 года, начатой по организованному, системному плану, с целью насильственного отстранения от занимаемых должностей законно назначенных или избранных приходских чиновников и их замены. Кэмпбел критикует местную консервативно настроенную прессу за молчание, сравнивая ее поведение по поводу совершенных убийств «белыми лигами» с осмыслением Варфоломеевской ночи: «...Франция пережила одну великую Варфоломеевскую резню, и с тех пор на сотни лет память о ней окутало черное облако. Это омрачило славу нации. И ее ученые, ее духовенство, ее бизнесмены, ее государственные деятели решительно осудили ужасное преступление перед всем миром...» [Ibid., 5].

Таким образом, вооруженное противостояние между негритянскими ополчениями и нелегальными белыми расистскими организациями в период радикальной Реконструкции носило острый характер, став частью повседневной жизни южных штатов.

Конец эпохи Реконструкции Юга ознаменовался отказом федеральных властей от активной защиты чернокожего населения на территории данного региона страны. Если ку-клукс-клан войскам удалось разгромить к 1876 году, то «Красные рубашки» успешно пережили эпоху и заявили о себе снова в конце века. Необъявлянное противостояние между консервативными силами и афроамериканцами завершилось в пользу сторонников демократической партии, установив на долгие годы ее господство в регионе. В течение оставшейся части столетия они принимали законы, устанавливающие однопартийное правление белых, вводящие правовую сегрегацию, лишавшую чернокожих многих, в том числе избирательных, прав. Не последнюю роль в этом сыграла деятельность нелегальных расистских организаций.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев Д.Н. Создание и закрепление системы расовой сегрегации на Юге США (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник БГУ. 2020. № 4(46). С. 31–39.

Иванов Р.Ф. Негритянские организации в борьбе с плантаторской реакцией в период реконструкции юга США // Новая и новейшая история. 1958. № 1. С. 3–20.

Прилуцкий В.В. Вооруженное политическое насилие на Юге США во время Президентской и Конгрессовской Реконструкции (1865–1870 гг.) // Американистика на Дальнем Востоке:

ежегодный бюллетень. Вып. 3(10) / гл. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. С. 91–99.

Allen W. Governor Chamberlain's Administration in South Carolina: A Chapter of Reconstruction in the Southern States G.P. Putnam's sons, 1888. 544 p.

Ball W. The State That Forgot: South Carolina's Surrender to Democracy. Indianapolis, IN: The Bobbs-Merrill Company, 1932.

Bass J. The Palmetto State: the making of modern South Carolina. Poole, W. Scott. Columbia: University of South Carolina Press, 2009. 231 p.

Campbell Hugh J. The White league conspiracy against free government. 1875. 11 p.

Curtin M. Black Prisoners and Their World, Alabama, 1865–1900. University Press of Virginia, 2000. 261 p.

Foner E. Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863–1877. 1988. 690 p.

Hahn S. A Nation Under Our Feet: Black Political Struggles in the Rural South from Slavery to the Great Migration. Harvard University Press, 2003. 610 p.

Haworth P.L. The Hayes-Tilden disputed presidential election of 1876. Whitefish, Mont.: Kessinger, 1906. 365 p.

Hogue J.K. The Battle of Colfax: Paramilitarism and Counterrevolution in Louisiana. 2006. URL: <https://ww16.libertychapelcemetery.org/files/hogue-colfax.pdf?sub1=20250413-0203-51d0-9649-922369250eaf> (дата обращения: 15.02.2025).

Kantrowitz S. Ben Tillman and the Reconstruction of White Supremacy. University of North Carolina Press, 2000. 422 p.

Keith L. The Colfax Massacre: The Untold Story of Black Power, White Terror, & The Death of Reconstruction. New York: Oxford University Press, 2008. 219 p.

Lane C. The Day Freedom Died. 2008. 352 p.

Lemann N. Redemption: The Last Battle of the Civil War, New York: Farrar, Strauss & Giroux, Pbk., 2007. 272 p.

Prather H.L. The Red Shirt Movement in North Carolina 1898–1900 // The Journal of Negro History. 1977. 62(2). P. 174–184.

Rable G. But There Was No Peace: The Role of Violence in the Politics of Reconstruction. Athens: University of Georgia Press, 1984. 257 p.

Reed A. The battle of Liberty Monument – New Orleans, Louisiana white supremacist statue. The Progressive. 1993. URL: <https://archive.fo/20170831045052/https://www.thefreelibrary.com/The+battle+of+Liberty+Monument.-a013773324> (дата обращения: 19.02.2025).

Reynolds J. Rable G. But There Was No Peace: The Role of Violence in the Politics of Reconstruction. Athens: University of Georgia Press, 1969. 522 p.

Rhodes J.F. History of the United States from the Compromise of 1850 to the Final Restoration of Home Rule at the South in 1877. Vol. 7: 1872–1877. New York: Macmillan, 1906. 440 p.

Simkins F. Pitchfork Ben Tillman, South Carolinian (first paperback ed.). Louisiana State University Press, 1967. 577 p.

Smith M. All Is Not Quiet in Our Hellish County: Facts, Fiction, Politics, and Race – The Ellenton Riot of 1876 // South Carolina Historical Magazine. 1994. 95(2). P. 142–155.

The Southern Massacres: Trial of the Ellenton Rioters // The New York Times. 1877. May 25.

The Vicksburg Troubles // The New York Times. 1874. December 11.

Toole G. Ninety Years of Aiken County Memoirs of Aiken County and Its People / transcribed by W. Dena. Chapter IV: The Red Shirts and Reconstruction. URL: https://genealogytrails.com/scar/aiken/aiken_hx2.htm (дата обращения: 19.02.2025).

Tunnell T. Coushatta Massacre // KnowLA Encyclopedia of Louisiana / ed. by David Johnson. Louisiana Endowment for the Humanities. 2011. URL: <http://www.knowla.org/entry/759/> (дата обращения: 20.02.2025).

Wright T. Peter Crosby (1844–1884). URL: <https://web.archive.org/web/20231213050357/https://www.blackpast.org/african-american-history/peter-crosby-1844-1884/> (дата обращения: 20.02.2025).

A.V. Kalashnikov
Postgraduate Student,
Chair of General History,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky
Bryansk, Russia

The Confrontation of the «White Leagues», «Red Shirts» and «Black Militias» in the Southern United States during the Period of Radical Reconstruction

The article examines cases of armed clashes between paramilitary groups of the black and white populations of the Southern United States in the second period of the Reconstruction era. In reality, this confrontation was part of a more global one – between the Republican and Democratic parties for control of the region. The study covers the chronological framework of the period of Radical Reconstruction. A systematic approach was chosen as the key method of work, which makes it possible to reveal the stated topic most fully. The principles of historicism, objectivity and scientific approach have become the methodological basis. Special historical methods such as historical-systemic, historical-comparative, historical-genetic and others were also widely used. All this combined made it possible to conduct a comprehensive study of the stated topic. The differences between the militarized associations under consideration and other racist groups are reflected. The study is based on the study of sources of the specified period – reports on «hot trails». Based on the reviewed material, it is concluded that the violence generated by white paramilitary groups led to the victory of forces that advocated the return of former superiority and inequality over black residents of the southern states. Thus, in the end, these circumstances actively contributed to the defeat of the ongoing policy of Reconstruction of the South.

Keywords: Reconstruction; White leagues; Red shirts; militia; pogroms; riot.

REFERENCES

Vorob'ev D. N. Creation and consolidation of the system of racial segregation in the South of the USA (late 19th – early 20th centuries) [Sozdanie i zakreplenie sistemy rasovoj segregacii na Yuge SShA (konec XIX – nachalo XX vv.)]. *Issues of BGU*, 2020. No 4 (46), pp. 31–39 (in Russian).

Ivanov R.F. Black organizations in the fight against the plantation reaction during the reconstruction of the Southern United States [Negrityanskije organizacii v bor'be s plantatorskoj reakciej v period rekonstrukcii yuga SShA]. *New and contemporary history*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. No 1, pp. 3–20 (in Russian).

Priluckij V.V. Armed political violence in the Southern United States during the Presidential and Congressional Reconstruction (1865-1870) [Vooruzhennoe politicheskoe nasilie na Yuge SShA vo vremena Prezidentskoj i Kongressovskoj Rekonstrukcii (1865-1870 gg.)]. *American Studies in the Far East: Annual Bulletin*. Issue 3 (10). Blagoveshchensk: University Press of BGPU, 2024, pp. 91–9 (in Russian).

Allen W. Governor Chamberlain's Administration in South Carolina: A Chapter of Reconstruction in the Southern States G.P. *Putnam's sons*, 1888. 544 p. (in English).

- Bass J. *The Palmetto State: the making of modern South Carolina*. Poole, W. Scott. Columbia: University of South Carolina Press. 2009. 231 p. (in English).
- Campbell, Hugh J. *The White league conspiracy against free government, 1875*. 11 p. (in English).
- Curtin M. E. *Black Prisoners and Their World, Alabama, 1865–1900*. University Press of Virginia, 2000. 261 p. (in English).
- Foner E. *Reconstruction: America's Unfinished Revolution, 1863–1877*. 1988. 690 p. (in English).
- Hahn S.A *Nation Under Our Feet: Black Political Struggles in the Rural South from Slavery to the Great Migration*. Harvard University Press. 2003. 610 p. (in English).
- Haworth P.L. *The Hayes-Tilden disputed presidential election of 1876*. Whitefish, Mont.: Kessinger, 1906. 365 p. (in English).
- Hogue J.K. *The Battle of Colfax: Paramilitarism and Counterrevolution in Louisiana*. 2006. Available at: ww16.libertychapelcemetery.org/files/hogue-colfax.pdf?sub1=20250413-0203-51d0-9649-922369250eaf (accessed on February 15, 2025).
- Kantrowitz S. *Ben Tillman and the Reconstruction of White Supremacy*. University of North Carolina Press. 2000. 422 p. (in English).
- Keith L. *The Colfax Massacre: The Untold Story of Black Power, White Terror & The Death of Reconstruction*. New York: Oxford University Press. 2008. 219 p. (in English).
- Lane C. *The Day Freedom Died*. 2008. 352 p. (in English).
- Lemann N. *Redemption: The Last Battle of the Civil War*, New York: Farrar, Strauss & Giroux, Pbk. 2007. 272 p. (in English).
- Prather H.L. *The Red Shirt Movement in North Carolina 1898–1900*. *The Journal of Negro History*. 1977. 62(2), pp. 174–184 (in English).
- Rable G. *But There Was No Peace: The Role of Violence in the Politics of Reconstruction*, Athens: University of Georgia Press. 1984. 257 p. (in English).
- Reed A. *The battle of Liberty Monument – New Orleans, Louisiana white supremacist statue*. *The Progressive*. 1993. Available at: archive.fo/20170831045052/https://www.thefreelibrary.com/The+bat-tle+of+Liberty+Monument.-a013773324 (accessed on February 19, 2025) (in English).
- Reynolds J. Rable G. *But There Was No Peace: The Role of Violence in the Politics of Reconstruction*, Athens: University of Georgia Press. 1969. 522 p. (in English).
- Rhodes J.F. *History of the United States from the Compromise of 1850 to the Final Restoration of Home Rule at the South in 1877: Vol. 7. 1872–1877*. New York: Macmillan. 1906. 440 p. (in English).
- Simkins F. *Pitchfork Ben Tillman, South Carolinian (first paperbacked)*. Louisiana State University Press. 1967. 577 p. (in English).
- Smith M. *All Is Not Quiet in Our Hellish County: Facts, Fiction, Politics, and Race – The Ellenton Riot of 1876*. *South Carolina Historical Magazine*. 1994. 95(2), pp. 142–155 (in English).
- The Southern Massacres: Trial of the Ellenton Rioters*. *The New York Times*. May 25, 1877 (in English).
- The Vicksburg Troubles*. *The New York Times*. December 11, 1874 (in English).
- Toole G. *Ninety Years of Aiken County Memoirs of Aiken County and Its People By Transcribed by Dena W. Chapter IV The Red Shirts and Reconstruction*. Available at: https://genealogytrails.com/scar/aiken/aiken_hx2.htm (accessed on February 19, 2025) (in English).
- Tunnell T. *Coushatta Massacre*. In *KnowLA Encyclopedia of Louisiana*, edited by David Johnson Louisiana Endowment for the Humanities. 2011. Available at: www.knowla.org/entry/759/ (accessed on February 20, 2025) (in English).
- Wright T. *Peter Crosby (1844–1884)*. Available at: web.archive.org/web/20231213050357/https://www.blackpast.org/african-american-history/peter-crosby-1844-1884/ (accessed on February 20, 2025) (in English).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

Ю.Л. Цветков

*Ивановский государственный университет
Иваново, Россия*

УДК 82.02

**НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ XXI в.:**
сборник статей / отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева [и др.].
М.: ИМЛИ РАН, 2024. 212 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
DOI: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0771-7>

Рецензируемый сборник научных статей является результатом исследования, инициированного кафедрой немецкой филологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самарский университет) и Центром германистики Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Концепция книги и ее состав определились в ходе работы с участниками проведенной в ИМЛИ РАН Первой всероссийской конференции «Немецкая проза: художественные и исследовательские практики первых десятилетий XXI века», состоявшейся 7 октября 2023 года.

Основные исполнители проекта (около 15 человек) стали авторами включенных в книгу статей. Интерес к изданию получил поддержку отечественных ученых, которые отмечали актуальность и новаторский дух проекта. По сути дела, авторы сборника впервые системно осмыслиют пути развития немецкой прозы за последние двадцать лет. Задача подобного рода демонстрирует назревшую необходимость увидеть в многообразии самых разных, порой сложных, а порой и неожиданных поворотов литературного процесса в ФРГ и Австрии новые путеводные линии развития начавшегося двадцать первого столетия, столь стремительно и непредсказуемо ворвавшегося в нашу жизнь. Идея поиска нового научного взгляда характеризует единый подход к предмету исследования. Все статьи сборника обеспечивают безусловную новизну исследования современного немецкоязычного литературного процесса.

Композиция коллективного труда обусловлена новаторским материалом, который представили авторы. Так складывается общая картина акцентов,

которые доминируют в исследовании. Открывает коллективный труд раздел, посвященный темам, которые выдвигаются на первый план и становятся приоритетными. Второй раздел исследует художественные особенности современной немецкоязычной прозы. Заключительная часть сборника – библиографическая: немецкоязычная проза XXI века в исследованиях российских ученых.

Итак, книга начинается с характеристики приоритетных тем современных немецкоязычных писателей. Первые две статьи принадлежат перу исследователей современной немецкоязычной литературы *Д.А. Чузунову* («Три романа о ГДР (У. Телькамп, О. Руге, Л. Зайлер)») и *А.А. Стрельниковой* («Пространство памяти в романах Ойгена Руге»). Обе статьи устанавливают важные исторические связи современной литературы со знаковыми фигурами прошлого как в литературе Германии XX века (Т. Манн), так и с литературами ГДР и ФРГ. Авторы подчеркивают преемственную связь с гуманистической литературой XX века и ставят новые акценты в оценке событий разделенной Германии авторами XXI века. В романах О. Руге «Дни убывающего света» и «Метрополь» персонажи серьезно анализируют события разных лет в ГДР и СССР, как бы заново проживая и оценивая прошедшие годы.

Следующие две статьи посвящены творчеству лауреатов Нобелевской премии австрийского писателя П. Хандке (2019) и писательницы из ФРГ Герты Мюллер (2009). Исследовательница *Ю.В. Бесклубова* в статье «Бегство к порогу нравственного обновления: Дон Жуан Петера Хандке» приводит интересную трансформацию общественных взглядов австрийского писателя и подчеркивает ущербность ценностей Запада. На примере известной повести П. Хандке «Дон Жуан. Рассказано им самим» автор исследования доказывает несостоятельность современного общества потребления начала XXI века, которое деформирует личность. В статье *О.А. Костровой* «Репрезентация идентичности протагониста в романе Герты Мюллер “Качели дыхания”» подробно анализируется важная в современном мире тема поисков этнической идентичности. В центре романа находится судьба немца, живущего в Румынии, попавшего в советский плен и пытающегося разобраться в самоидентификации.

Статья *Т.В. Кудрявцевой* «В поисках культурной идентичности: Феридун Займоглу» впервые вводит в литературоведческий обиход творчество немецкого писателя турецкого происхождения и подробно анализирует его произведения как мигранта второго и третьего поколения. Ф. Займоглу делает закономерное признание в том, что он является писателем немецкой культурной идентичности.

Исследование *Н.З. Гаевской* и *Т.В. Кудрявцевой* «Проблемы постмиграции в современной немецкоязычной литературе» продолжает тему, намеченную в предыдущей статье. Авторы подробно представляют известные издания европейских ученых по проблеме постмиграции в немецкоязычных странах. Множественность точек зрения на проблемные вопросы

современности не имеет общего знаменателя. Статья интересна своей дискуссионностью и формулирует новые выводы.

Заключительная статья первой части труда «Книги, чтение и читатели в произведениях К. Функе и В. Мерса» принадлежит *Е.А. Ивановой*. Автор обращается к творчеству современных детских писателей в жанре фэнтези и исследует вопросы взаимоотношений автора и произведения, юного читателя и текста.

Вторая группа статей рассматривает художественные особенности современной немецкоязычной прозы. Раздел открывается статьей *Ю.А. Блиновой* «Прецедентные имена как средство актуализации ключевых концептов немецкой культуры XX века в романе Бернхарда Шлинка “Ольга”». Автор исследования обращается к феномену прецедентности как одной из форм проявления интертекстуальности при исследовании дискурса художественной литературы на примере творчества одного из самых переводимых в современной России немецкого прозаика Бернхарда Шлинка.

Статья известной исследовательницы современной немецкоязычной прозы *М.С. Потеминой* «Перформативный нарратив трилогии Райнхарда Йиргля “Генеалогия убийства”» изучает специфику нарратива немецкого писателя. В его трилогии «Генеалогия убийства» авторская система «инновационного письма» выявляет особенности поэтики и позволяет участвовать в оценке современных общественных событий.

Исследование *О.А. Дроновой* «Феномен постпамяти и поэтика автобиографической прозы М. Марон, У. Тимма и К. Петровской» объединяет авторов, рожденных после Второй мировой войны или переживших ее в раннем детстве. Они изучают историю своей семьи в так называемом «семейном исследовании», возникающем на стыке семейного романа, автобиографии и травелога.

Статья *Е.В. Беспаловой* «Бранденбургский ландшафт в историографической прозе Гюнтера де Бройна» изучает языковую объективацию ландшафта Бранденбурга в тексте заметок, а также варьирование средств в зависимости от ракурса рассмотрения и субъекта. Итогом статьи можно считать новое представление о земле Бранденбург, которое не согласуется с общепринятым мнением об унылой и скудной местности.

Исследование *Г.В. Кучумовой* «Феномен измерения пространства и времени в романах Д. Кельмана “Измеряя мир” и К. Рансмайра “Кокс, или Бег времени”» определяет особенности художественного осмысления идеи измеримости экзистенциального пространства и времени человеческой жизни, начиная с эпохи Просвещения и до наших дней.

Статья *Т.Н. Андреевской* «Воспоминания о России в романе “Большая смута” Х.М. Энценсбергера» представляет неизвестные отечественному читателю страницы творчества видного немецкого поэта, создавшего

документальный роман, повествующий о событиях в Германии 1960-х годов. Дневниковые записи и лирические тексты позволяют расширить горизонты эпического повествования и определяют роль лирических текстов в романе-коллаже Энценсбергера, которые вносят субъективно-лирическую ноту в описываемые в романе исторические события.

Завершает книгу статья *Г.Г. Ишимбаевой* «Роман “Видео Иисус” А. Эшбах в контексте художественной литературы о Христе», которая осмысляет судьбу Богочеловека в мировой литературе XIX–XX веков, его метафоризацию в литературе последних десятилетий и полижанровую природу романа. А. Эшбах строит свое произведение на канонах литературы, рассчитанной как на массового, так и на интеллектуального читателя. Роман с жанровой точки зрения совмещает в себе признаки научно-фантастического, авантюрно-приключенческого и детективного произведения с элементами альтернативной истории.

В заключительном разделе коллективного труда «Немецкоязычная проза XXI века: исследования российских ученых» приводится обширная библиография трудов отечественных ученых, в том числе авторов статей, по теме, заявленной в названии сборника. Однако далеко не все исследователи новейшей немецкоязычной прозы представлены в предлагаемой читателю книге. Тем не менее в новаторском по своей сути издании намечаются указанные исследовательские приоритеты отечественных литературоведов.

Авторский коллектив успешно справился с поставленной задачей – представить в мировом научном сообществе сложившийся взгляд отечественных ученых на самые важные закономерности современного немецкоязычного литературного процесса. Авторы статей доказывают, что пионерский по своей сути подход к изучению современной немецкой прозы позволяет оценить сборник научных статей как факт своевременного и вдумчивого прочтения литературных документов XXI века. Электронный вариант книги, несомненно, востребован отечественным читателем. Литературоведы, лингвисты, культурологи, философы, специалисты по переводоведению и культурной коммуникации, а также переводчики, студенты, аспиранты, изучающие германистику, регионоведение и историю зарубежной литературы, найдут в книге много истинно нового и полезного. Сборник научных статей не только побуждает к размышлениям, но и дает импульсы для новых исследований в прозе, поэзии и драматургии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белютин Роман Вячеславович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Казак Михаил Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета. E-mail: mmkaz@yandex.ru.

Калашников Алексей Валерьевич – аспирант кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com.

Карушкина Наталья Викторовна – соискатель ученой степени кандидата наук (направление «История») Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: natakarushkina@yandex.ru.

Кожин Владислав Владимирович – главный хранитель ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», Дом-музей А.П. Чехова в Ялте; консультант по науке проекта Музей во дворце «Дюльбер». E-mail: kozjin@bk.ru.

Козлова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: ek.aleks@mail.ru.

Коломейцева Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения русскому языку Института русского языка как иностранного Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: tillyriddle@yandex.ru.

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: innakor@mail.ru.

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Беларуси IX–XVIII веков и археографии Института истории НАН Беларуси (г. Минск). E-mail: andreika.miacelski60@mail.ru.

Молчанова Диана Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературно-художественной критики Белорусского государственного университета (г. Минск). E-mail: anafielas@yandex.ru.

Нагорная Екатерина Валерьевна – аспирант, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета. E-mail: nowikowalkatja@mail.ru.

Некрашевич Филипп Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь. E-mail: davou@mail.ru.

Отургашева Наталья Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: Oturgasheva-nv@ranepa.ru, vialuna@list.ru.

Пивоненкова Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Профессиональные коммуникации» Российского университета транспорта (г. Москва). E-mail: tpivonenkova@mail.ru.

Радионова Алла Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: allarad1@rambler.ru.

Русакова Юлия Евгеньевна – аспирант, преподаватель кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: jrusakova02@yandex.ru.

Семина Анна Андреевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: seminaaaa@yandex.ru.

Супрякова Анна Олеговна – аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ao.supriakova@yandex.ru.

Ходин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, руководитель отдела цифрового обучения Гейдельбергского университета (Германия). E-mail: alexkhodin@gmail.com.

Цветков Юрий Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета. E-mail: jzvetkow@mail.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Т.Г. Попова

Татьяна Георгиевна Попова – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

T.G. Popova

Tatiana Georgijevna Popova – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of RF, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Department as the Second Language at the Faculty of Foreign Languages, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Russian MoD

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Выходит 4 раза в год
2025, № 2(70)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 27. 08. 2025. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 18,25 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная